МОСКОВСКІЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ имени А. Л. ШАНЯВСКАГО.

Проф. А. А. Мануиловъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ.

Выпускъ I.

2-е изданіе, значительно дополненное.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1918.

ИЗДАНІЯ ГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА имени А. Л. Шанявскаго.

1. Курсы по кооперації. Т. I. Изд. 3, переработ. 1918 г. Цѣна 6 р.

2. Курсы по кооперації. Т. II. Изд. I. Ц. 3 р. Распродано. Готовится къ печати 2 изд.

3. Курсы по кооперації. Т. III. Печатается.

4. Чупровъ, А. И. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Изд. 1913 г. Цѣна 75 к. Распродано. Печатается 4 изданіе.

5. Отчетъ Университета за 1915—16 акад. годъ. Цѣна 25 к.

6. Сперанскій, Н. Возникновеніе Моск. Гор. Народ. Университета им. А. Л. Шанявскаго. Ц. 20 к.

7. Ученыя записки Московскаго Городского Народнаго Университета им. А. Л. Шанявскаго. Т. I., вып. I, ц. 2 р. 25 к.; вып. II, ц. 1 р. 50 к.; вып. III, ц. 1 р. 25 к.

8. Проф. Туганъ-Барановскій, М. И. Соціальныя основы кооперації. 1918 г. 2 изд. Ц. 8 р.

9. Труды слушателей. Юридическій семинарій. Изданіе 1913 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Книжнымъ складамъ и магазинамъ г. Москвы скидка 20%.

Выписывающимъ книги изъ провинціи къ стоимости книги прибавляются почтовые расходы по пересылкѣ.

МОСКОВСКІЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ имени А. Л. ШАНЯВСКАГО.

Проф. А. А. Мануиловъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ.

Выпускъ I.

II-е изданіе, значительно дополненное.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1918.

БА
25
М2
ПОЛ
2изд

„Проф 38"

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ВСѢХЪ ИЗДАНІЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ УНИВЕРСИТЕТУ:

Москва, Ул. 19-го февр., **Университетъ имени А. Л. ШАНЯВСКАГО.**

Складъ открытъ отъ 12 до 3 час. дня.

Указанная книга имѣется также на складахъ:

1) Совѣта Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ, Москва, Воздвиженка, 4.
2) Книжнаго магазина **„Наука"**, Москва, Б. Никитская.

Всякій, кто занимается преподаваніемъ политической экономіи въ высшей школѣ, знаетъ, какія трудности представляетъ въ настоящее время изложеніе началъ экономической науки въ систематическомъ видѣ. Эти трудности вызываются прежде всего тѣмъ, что экономическая теорія находится въ періодѣ коренной переработки. То, что представлялось столь яснымъ и законченнымъ въ ученіяхъ классической школы и, казалось, получило еще бо́льшую ясность и точность у крупныхъ теоретиковъ научнаго соціализма, подвергается теперь критической провѣркѣ. Первую брешь въ старыхъ построеніяхъ экономической теоріи пробила австрійская школа, а впослѣдствіи эта брешь была расширена новѣйшими теченіями философской мысли, широкимъ потокомъ ворвавшимися въ замкнутую до того область экономической науки.

Въ настоящее время пересматриваются и методы экономики, и содержаніе ея ученій, и, наконецъ, самая система изложенія. Держаться старыхъ шаблоновъ нельзя; новое только намѣчается. При такихъ условіяхъ составленіе руководства по политической экономіи—задача крайне трудная. Однако, необходимо браться за нее уже потому, что преподаватель встрѣчается съ потребностью своихъ слушателей имѣть руководство, соотвѣтствующее взглядамъ, излагаемымъ въ лекціяхъ. Эти соображенія и служили для автора главнымъ мотивомъ, побудившимъ его приняться за составленіе печатнаго изданія его чтеній по политической экономіи въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ Москвы. Пусть эти же соображенія послужатъ и оправданіемъ его дерзанія.

Второе изданіе I-го выпуска «Политической Экономіи» выходитъ въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ. Отдѣлъ о междухозяйственномъ оборотѣ печатается впервые, если не считать «Пособія», выпущеннаго для слушателей автора въ 1907 г. Система изложенія предмета, принятая авторомъ, значительно отличается отъ обычной. Послѣ историческаго введенія и предварительныхъ свѣдѣній слѣдуетъ отдѣлъ о народномъ хозяйствѣ, въ которомъ сдѣлана попытка дать очеркъ строенія, или структуры народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа. Умѣстность такого очерка, въ достаточно подробномъ изложеніи, казалось бы, находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что никакіе хозяйственные процессы не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и объяснены внѣ связи съ соціальной структурой, въ условіяхъ которой они совершаются. Сама же эта структура опредѣляется историческими факторами, такъ что этимъ путемъ экономическая теорія ставится на историческую почву, не становясь, однако, исторической дисциплиной, ибо структура народнаго хозяйства представляетъ нѣчто не связанное съ конкретными историческими фактами. Она—результатъ отвлеченія отъ эмпирической дѣйствительности наиболѣе выпуклыхъ ея чертъ и является такимъ образомъ продуктомъ переработки послѣдней.

То, что мы называемъ строеніемъ, или структурой народнаго хозяйства, не относится къ конкретной дѣйствительности опредѣленнаго историческаго момента. Это абстрактное построеніе, основанное на историческихъ данныхъ, но могущее относиться къ различнымъ историческимъ эпохамъ и народамъ и поэтому способное служить основой для теоріи. Структура народнаго хозяйства предопредѣляетъ механизмъ и функціи междухозяйственнаго оборота, существованіе котораго обусловливается общественнымъ раздѣленіемъ труда. Поэтому ученіе о междухозяйственномъ оборотѣ непосредственно слѣдуетъ за ученіемъ о строеніи народнаго хозяйства.

На этомъ и заканчивается I-ый выпускъ въ настоящемъ изданіи. Второй выпускъ будетъ начинаться съ ученія объ оцѣнкѣ

хозяйственныхъ благъ, совершающейся съ помощью и на почвѣ междухозяйственнаго оборота. Здѣсь будутъ изложены теоріи цѣны и цѣнности, сначала въ связи съ закономъ спроса и предложенія, а затѣмъ — издержекъ производства. Въ этомъ отдѣлѣ, а именно въ связи съ закономъ издержекъ производства, и будутъ разсмотрѣны всѣ тѣ вопросы, которые обычно входятъ въ отдѣлъ производства, гдѣ они получаютъ освѣщеніе больше съ точки зрѣнія технической, чѣмъ экономической.

Таковъ планъ ближайшаго выпуска.

А. Мануиловъ.

Москва,
24 (11) февраля 1918 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Стр.

Возникновеніе экономической науки 1

II.

Важнѣйшія теченія экономической мысли въ новое время 11

III.

Экономическая наука въ Россіи 36

ОТДѢЛЪ I.

Предварительныя свѣдѣнія.

Глава I. Предметъ экономики 49
Глава II. Вопросъ о предметѣ экономики въ научной литературѣ. 57
Глава III. Отдѣлы экономики 70
Глава IV. Методы политической экономіи 80
Глава V. Вспомогательныя науки 104
Глава VI. Экономика въ ряду другихъ наукъ 115

ОТДѢЛЪ II.

Народное хозяйство.

Глава I. Понятіе хозяйства 127
Глава II. Народное хозяйство 129
Глава III. Строеніе народнаго хозяйства 141

Стр.
Глава IV. Единичное хозяйство 165
Глава V. Предпріятіе. 199
Глава VI. Капитализмъ 222

ОТДѢЛЪ III.

Междухозяйственный оборотъ.

Глава I. Деньги 226
Глава II. Кредитъ. 262
Глава III. Рынокъ 306

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Возникновеніе экономической науки.

Исторія не знаетъ человѣчества свободнымъ отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Люди представляли себѣ такое состояніе въ видѣ рая, который рисовался ихъ воображенію блаженствомъ, потеряннымъ ихъ прародителями или ожидающимъ ихъ въ будущемъ. Но историческія свѣдѣнія о жизни людей, къ какимъ бы отдаленнымъ временамъ эти свѣдѣнія ни относились, изображаютъ человѣка добывающимъ себѣ пропитаніе. Жизнь первобытныхъ народовъ посвящена исканію пищи, и если на низшихъ ступеняхъ развитія людямъ не свойственна забота о завтрашнемъ днѣ, то забота о текущемъ моментѣ поглощаетъ ихъ мысли и чувства.

Все же человѣкъ гораздо раньше началъ углубляться въ размышленія о потустороннемъ мірѣ, чѣмъ о повседневныхъ потребностяхъ своей земной жизни. То, что приходилось дѣлать ежедневно для удовлетворенія текущихъ нуждъ, меньше возбуждало воображеніе и умъ, чѣмъ великая тайна смерти и связанные съ нею вопросы бытія и небытія.

Наука вообще моложе молитвы, а экономическая наука, какъ совокупность свѣдѣній, относящихся къ матеріальной сторонѣ жизни людей, значительно моложе остальныхъ отраслей знанія. Въ качествѣ самостоятельной научной дисциплины, съ опредѣленнымъ предметомъ и выяснившимися методами изслѣдованія, она не насчитываетъ и полутораста лѣтъ. Но если искать ея корней, то придется дойти до древнихъ грековъ. Прародительницей со-

временной экономической науки является древне-греческая «экономика».

§ 1. Древне-греческая экономика. Греки называли экономикой (οἰκονομική) ученіе о дѣятельности по управленію домомъ—ойкосомъ (οἶκος), а самую эту дѣятельность обозначали словомъ «экономія» (οἰκονομία) [1].

Содержаніе этихъ понятій было очень широко, потому что понятіе «дома», къ которому они пріурочивались, обнимало различныя стороны человѣческаго существованія и человѣческихъ отношеній. Греческій «ойкосъ» представлялъ собою семейный союзъ, включавшій въ себя въ одномъ единствѣ нѣсколько разнородныхъ элементовъ. По опредѣленію Аристотеля, «цѣльный домъ» состоитъ изъ единенія свободныхъ людей между собою и единенія господъ и рабовъ, при чемъ единеніе свободныхъ людей, въ свою очередь, распадается на единеніе мужа и жены и родителей и дѣтей. Понятіе дома обнимало и матеріальную основу семейнаго союза, или имущество, которымъ послѣдній располагалъ.

Экономіей называлась дѣятельность, направленная на урегулированіе отношеній между личными элементами «ойкоса» и на пріобрѣтеніе имущества и управленіе имъ. Соотвѣтственно съ этимъ и экономика являлась ученіемъ о домоуправленіи въ широкомъ смыслѣ слова. Сюда входили не только свѣдѣнія по домашнему хозяйству, но и вообще совокупность знаній, относящихся къ частной жизни и дѣятельности человѣка.

Греческая экономика объединяла отрасли знанія, ставшія впослѣдствіи самостоятельными науками или искусствами. Въ составъ ея входили, въ довольно обширномъ размѣрѣ, свѣдѣнія чисто практическаго, или прикладного характера, обозначавшіяся греками словомъ τέχνη. Таковы, напр., въ «Экономикѣ» Ксенофонта свѣдѣнія и совѣты по архитектурному дѣлу, коневодству, полеводству и т. п., сообщаемые имъ въ качествѣ «хозяйственныхъ дѣлъ». На ряду съ этимъ экономика была также ученіемъ о разныхъ способахъ пріобрѣтенія имущества и управле-

---

[1]) Такимъ образомъ названіе „Экономика“ для обозначенія экономической науки вполнѣ оправдывается исторической традиціей, и мы будемъ употреблять его въ дальнѣйшемъ въ этомъ смыслѣ.

нія имъ. Наконецъ, экономика была греческимъ «домостроемъ», учившимъ домоправителя обращенію съ домочадцами.

Греческая экономика стояла въ тѣсной связи съ этикой. До появленія первыхъ трактатовъ по экономикѣ греческая мысль уже связывала сужденія по вопросамъ матеріальнаго быта съ оцѣнками этическаго характера. Демокритъ, а за нимъ Сократъ и киники стремились опредѣлить этическую цѣнность богатства. Ксенофонтъ, признавая непосредственной цѣлью экономіи приращеніе имущества, ставилъ, однако, условіемъ, чтобы богатство пріобрѣталось справедливыми путями и употреблялось на цѣли, достойныя въ нравственномъ отношеніи. Аристотель, различая два вида пріобрѣтенія, барышническое и экономическое, оцѣнивалъ ихъ съ этической точки зрѣнія, осуждая первое и одобряя второе.

Съ политикой экономику сближали историческая преемственность и органическая связь ойкоса съ государствомъ и въ конечномъ итогѣ—единство этическихъ задачъ того и другого. Ойкосъ, по ученію грековъ, составлялъ ячейку, изъ которой, какъ изъ зерна, возникло государство, при чемъ зерно не распалось, а сохранило свое существованіе въ качествѣ простѣйшаго соціальнаго единства и вмѣстѣ съ тѣмъ составного элемента болѣе сложнаго цѣлаго. Ойкосъ, какъ органъ государства, участвуетъ вмѣстѣ съ нимъ въ осуществленіи высшей этической цѣли, составляющей смыслъ государственной жизни. «Государство,—говоритъ Аристотель,—не есть только совмѣстное жительство на одной территоріи и еще менѣе является оно только правовымъ союзомъ для взаимной защиты личности и собственности: все это необходимо, чтобы государство могло возникнуть, но все это можетъ существовать и безъ того, чтобы отсюда возникло государство. Государство есть состоящее изъ семействъ и родовъ единство для доброй жизни (εὖ ζῆν), т.-е. для земнаго блага». В. Онкенъ, характеризуя ученіе Аристотеля, опредѣляетъ его основное положеніе въ слѣдующихъ словахъ: «государство существуетъ не только для того, чтобы защищать меня въ моемъ правѣ и карать за нарушеніе права, но и для того, чтобы сдѣлать меня добродѣтельнымъ и черезъ это счастливымъ» [1]).

Внутренній смыслъ существованія ойкоса заключается въ со-

---

[1]) W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. 1870—1875.

дѣйствіи достиженію высшаго этическаго блага, ради котораго существуетъ и само государство. Сообразно съ этимъ должно быть устроено и домоуправленіе. Разумно поставленная «экономія», въ греческомъ смыслѣ, должна обезпечить гражданину свободу и возможность исполнять обязанности «хорошаго и добраго мужа».

Мысль о внутреннемъ единствѣ искусства государственнаго управленія и домоводства, говорятъ, составляла главное содержаніе недошедшаго до насъ сочиненія Антистена, бывшаго будто бы авторомъ перваго трактата по экономикѣ. Ту же мысль выражаетъ и Сократъ, которому Ксенофонтъ влагаетъ въ уста заявленіе, что хорошее веденіе домашнихъ дѣлъ находится въ тѣсной связи съ соотвѣтствующей дѣятельностью человѣка въ соціальной и политической жизни и вмѣстѣ съ нею образуетъ существенное содержаніе «калокагатіи», т.-е. дѣла воспитанія хорошихъ и добрыхъ мужей. Ксенофонтъ, признававшій пріобрѣтеніе богатства одной изъ главныхъ задачъ «экономіи», видѣлъ, однако, въ пріобрѣтательской дѣятельности только средство для достиженія болѣе высокой цѣли, именно, употребленія имущества «во славу боговъ, на пользу государства и къ выгодѣ друзей».

Первенство этики надъ экономикой лежитъ также въ основѣ реформаторскихъ плановъ Платона. Нравственное совершенствованіе составляетъ ихъ конечную, самодовлѣющую цѣль, которой подчинены всѣ остальныя, въ томъ числѣ и касающіяся матеріальной стороны жизни.

Римъ не внесъ ничего оригинальнаго въ развитіе экономической мысли. Римляне интересовались преимущественно технической стороной хозяйства, и притомъ въ особенности земледѣльческаго. Рядъ писателей, извѣстныхъ подъ именемъ scriptores de re rustica, посвятили свои силы вопросамъ агрикультуры. На ряду съ ними выступаютъ scriptores de re agraria. Это землемѣры и статистики. Но ни агрикультуръ-техники, ни «агриментзоры» не интересовались общими проблемами экономики.

§ 2. Христіанство. Нить экономической мысли протянулась отъ грековъ къ христіанскому средневѣковью, воскресившему идеи Аристотеля и другихъ греческихъ мыслителей и переработавшему ихъ примѣнительно къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Христіанство не привело, однако, къ выдѣленію вопросовъ матеріальнаго

благосостоянія въ самостоятельную отрасль знанія, хотя христіанскіе мыслители и проповѣдники и удѣляли этимъ вопросамъ большое вниманіе. Критеріи этическихъ оцѣнокъ измѣнились, но постановка экономическихъ проблемъ осталась прежняя. Отцы церкви ранняго христіанства и канонисты среднихъ вѣковъ, подобно древнимъ грекамъ, стремились направить дѣятельность людей по устройству матеріальной стороны ихъ жизни на путь, согласный съ правилами морали, но не языческой, а христіанской. «Многочисленныя ученія отцовъ, затрогивающія экономическіе вопросы, по словамъ Зейпеля, должны были пріучить христіанъ разсматривать и экономическую сторону ихъ повседневной жизни съ точки зрѣнія нравственныхъ началъ и даже передъ заманчивыми перспективами наживы не забывать, что для вѣрующаго существуютъ другія, высшія блага, которыя ни въ коемъ случаѣ нельзя ставить на карту» [1]).

Такъ же какъ древніе греки, отцы церкви оцѣнивали съ этической точки зрѣнія разные способы пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ и пользованія ими; рекомендовали одни занятія и промыслы, какъ угодные Богу, допускали другіе и осуждали третьи. Передъ ними попрежнему стояла проблема частной дѣятельности людей, которую они разрѣшали съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ человѣка, раскрытыхъ ученіемъ Христа.

Тѣмъ не менѣе христіанство, хотя и не создало особой экономической науки, содѣйствовало ея возникновенію тѣмъ, что удѣляло много вниманія вопросамъ матеріальнаго существованія человѣка и сняло съ труда, являющагося основнымъ факторомъ матеріальнаго благосостоянія человѣчества, клеймо презрѣнія, которое было наложено на него древне-классическимъ міровоззрѣніемъ. Для христіанства трудъ не являлся удѣломъ однихъ рабовъ, а составлялъ нравственный долгъ вѣрныхъ сыновъ Христовой церкви [2]). Поэтому и ученіе о трудѣ, какъ факторѣ матеріальныхъ благъ, стало предметомъ, достойнымъ вниманія.

Для возникновенія экономической науки все же не доставало еще самаго главнаго: такой постановки проблемы матеріальнаго благосостоянія, которая открывала бы просторъ для изслѣдова-

---

[1]) Н. Зейпель. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. 1913, стр. 201.
[2]) С. Булгаковъ. Очерки по исторіи эконом. ученій. 1913, стр. 115.

тельской работы и научной мысли. Сущность науки состоитъ въ познаніи, а древне-греческая и христіанская экономики только мимоходомъ и случайно касались проблемъ познанія; главной же ихъ цѣлью было воздѣйствіе на человѣческую дѣятельность въ опредѣленномъ направленіи. Онѣ не столько изучали, сколько поучали. Общаго характера экономики древнихъ грековъ и христіанскихъ писателей не измѣняли и тѣ научныя положенія, которыя заключались въ трудахъ отдѣльныхъ мыслителей: Аристотеля, Ѳомы Аквинскаго, Орезмія и др.

§ 3. Меркантилизмъ. Съ этой стороны положеніе не измѣнилось и въ послѣдующее время, хотя постановка экономическихъ вопросовъ уже существенно отличалась отъ прежней. Перемѣна, наступившая съ переходомъ Европы въ эпоху новаго времени, состояла въ томъ, что проблемы матеріальнаго благосостоянія начали ставиться не какъ вопросы этики, а какъ задачи государственнаго управленія. Абсолютизмъ, замѣнившій собою феодальный строй, не могъ не взять въ свое вѣдѣніе и вопросовъ, занимавшихъ старую экономику. Величайшая важность ихъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ была очевидна, а характеръ государственной власти того времени былъ таковъ, что все важное должно было регламентироваться свыше, въ согласіи съ выгодами государя и государства. Вопросы матеріальнаго благосостоянія сдѣлались предметомъ государственной политики, сложившейся въ систему правилъ и мѣропріятій, извѣстную подъ именемъ *меркантилизма*.

По выраженію историка экономическихъ ученій Онкена, это была система государственной полиціи благосостоянія. Вмѣшательство государства въ частную дѣятельность людей по устройству матеріальной стороны ихъ жизни было руководящимъ принципомъ меркантилизма. Увеличеніе богатства страны было его цѣлью. Государство опекало, регулировало, насаждало и упраздняло, исходя изъ присущаго полицейскому государству преувеличеннаго представленія о мудрости и могуществѣ правителей, заслонявшаго значеніе внутреннихъ силъ соціальной жизни.

Меркантилизмъ былъ системой дѣйствія, а не моральнаго или религіознаго поученія, но его сближало съ послѣднимъ то, что составляетъ общую черту проповѣди и управленія: постановка на первый планъ цѣли—телеологическое («цѣлевое») начало. Оно

проникаетъ собою и литературу меркантилизма. Экономика того времени разработываетъ вопросы, которые, по нашей современной терминологіи, принадлежатъ къ области экономической политики. Меркантилисты-изслѣдователи были поглощены задачей обогащенія страны, и если они и останавливались на вопросахъ чистаго знанія, то исключительно, въ связи съ главной и основной задачей: изысканія средствъ къ увеличенію богатства страны и государя. У меркантилистовъ рѣчь идетъ не о томъ, какъ слѣдуетъ поступать человѣку, чтобы, заботясь о матеріальныхъ благахъ, не нарушать правилъ морали и не погубить своей души, а о томъ, какое направленіе надлежитъ дать частной хозяйственной дѣятельности, въ какія рамки поставить ее и какимъ правиламъ подчинить, чтобы въ наивысшей мѣрѣ содѣйствовать увеличенію народнаго богатства.

Для возникновенія науки, относящейся къ области соціальнаго знанія, было чрезвычайно важно то, что вопросы, которые должны будутъ составить ея область, были поставлены меркантилизмомъ на почву государственныхъ и народныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ раньше они не выходили изъ области частнаго домоуправленія, или домашняго хозяйства, только косвеннымъ путемъ связывавшихся съ общими интересами. Тѣмъ не менѣе познаніе ради знанія, объясненіе ради пониманія—то, что составляетъ духъ научнаго изслѣдованія,—было чуждо меркантилизму въ цѣломъ. Какъ идейное теченіе, онъ былъ дисциплиной знаній по преимуществу практическаго, прикладного характера.

Научный интересъ могъ получить надлежащее значеніе въ экономикѣ только тогда, когда созрѣла мысль о существованіи внутреннихъ законовъ, которымъ подчиняются явленія матеріальнаго благосостоянія и съ которыми вынуждена считаться самая сильная и рѣшительная власть. Идея соціальной закономѣрности должна была расчистить почву для научной экономики. Эта идея не была чужда человѣчеству и раньше, но въ примѣненіи къ экономикѣ она получила широкое значеніе только въ XVIII вѣкѣ. Она выдвинулась въ связи съ чисто-практическими вопросами времени, приведшими къ реакціи противъ меркантилистическаго направленія и подготовившими умы къ идеѣ свободы личности, какъ вѣрнѣйшій гарантіи общаго блага. Но для того, чтобы увѣровать въ безполезность, а иногда и вредъ правительственной опеки и въ

преимущества хозяйственной свободы, надо было проникнуться убѣжденіемъ, что «міръ движется самъ собою», какъ гласило итальянское изреченіе (il mondo va da se), пущенное въ широкій оборотъ Мирабо-старшимъ. И тогда естественно возникалъ вопросъ: какъ онъ движется, по какимъ законамъ? Это уже проблема чистаго знанія.

§ 4. Физіократія. Съ вопросомъ соціальной закономѣрности и выступила группа французскихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стоялъ врачъ при дворѣ Людовика XV Франсуа Кенэ (1694—1774). Эта группа извѣстна въ исторіи подъ именемъ физіократической школы. Самое названіе ея, придуманное однимъ изъ популяризаторовъ физіократическихъ идей, Дюпонъ-де-Немуромъ, показываетъ, что сущность ученія физіократовъ, господство природы (по-гречески φύσις—природа, κρατή—власть), связывалась съ идеей естественныхъ законовъ въ противоположность законамъ, выражающимъ волю правителей. «Существуетъ,—писалъ Дюпонъ-де-Немуръ,—естественный, основной и всеобщій порядокъ, заключающій въ себѣ органическіе и коренные законы всѣхъ обществъ: отъ него общества не могутъ отступать, не переставая быть самими собою». Физіократическое ученіе стояло на почвѣ естественнаго права и черезъ него преемственно связывалось съ философіей древнихъ стоиковъ [1]). Съ другой стороны, стремленіе физіократовъ построить теорію соціальной закономѣрности по типу точныхъ наукъ даетъ основаніе для сближенія физіократіи съ соціальнымъ натурализмомъ XVII ст. [2]).

Естественный порядокъ человѣческихъ обществъ, по ученію физіократовъ, основывается въ конечномъ итогѣ на естественныхъ правахъ индивидуума, принадлежащихъ ему въ силу физическихъ законовъ. Законы природы, по которымъ происходитъ функціонированіе человѣческаго организма, опредѣляютъ рядъ потребностей человѣка, изъ самаго существованія которыхъ вытекаютъ и соотвѣтствующія права. Совокупность законовъ природы, на которыхъ основываются эти права, физіократы называли «физи-

---

[1]) На историческую связь физіократическаго ученія съ стоической философіей указывали многіе изслѣдователи; см., напр., въ новѣйшее время въ русской литературѣ: Струве, Хозяйство и цѣна. 1913.

[2]) Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимодѣйствіи ихъ методовъ.

ческимъ порядкомъ» (ordre physique). По опредѣленію Ле-Трона, онъ сводится къ «закону существованія».

Естественныя права индивидуума, вытекающія изъ физическаго порядка, предшествуютъ гражданскому правопорядку и не зависятъ отъ него. Индивидуумъ вступаетъ съ ними въ общество, не утрачивая ихъ въ силу соціальнаго договора, а только укрѣпляя и расширяя. На основѣ физическаго порядка возникаетъ «естественный порядокъ» (ordre naturel) человѣческаго общежитія, получающій свое выраженіе въ естественныхъ законахъ. По опредѣленію Кенэ, это «вѣчные, неизмѣнные и безусловно лучшіе изъ всѣхъ возможныхъ законовъ», а по мнѣнію Ле-Трона, «они заключаютъ въ себѣ справедливость по существу».

Естественное право, по Кенэ,—«право, съ очевидностью познаваемое свѣтомъ разума и обязательное исключительно въ силу этой очевидности, независимо отъ какого-либо принужденія». На ряду съ естественнымъ правомъ существуетъ еще право *положительное*, признакомъ котораго служитъ его принудительность въ силу связанной съ его нарушеніемъ кары. Порядокъ, основанный на положительномъ правѣ, школа Кенэ называетъ «положительнымъ» (positif) или «подзаконнымъ» (légal).

Положительное право получаетъ свое выраженіе въ положительныхъ законахъ, которыми опредѣляется положительный порядокъ человѣческихъ обществъ. По существу же положительное законодательство должно состоять въ *объявленіи* естественныхъ законовъ. Если оно таковымъ и является, то между естественнымъ и положительнымъ порядкомъ устанавливается гармонія, составляющая необходимое условіе благоденствія народовъ. Но этой гармоніи можетъ и не быть. Человѣкъ обладаетъ свободой воли, состоящей «въ возможности размышлять, съ тѣмъ чтобы рѣшать: дѣйствовать или не дѣйствовать»; и поэтому въ его власти издавать и законы, противорѣчащіе естественному порядку,—законы, продиктованные, по выраженію Кенэ, мотивами, справедливости которыхъ не признаетъ просвѣщенный разумъ. Нарушенія естественныхъ законовъ признаются физіократами наиболѣе распространенными и обычными причинами физическихъ и моральныхъ бѣдствій человѣчества. Человѣческое общество при естественномъ порядкѣ мыслилось физіократами какъ совокупность индивидуумовъ, осуществляющихъ подъ защитой государствен-

ной власти присущее имъ естественное право. Обезпечить эту возможность каждому должна сильная государственная власть, которую, по мнѣнію физіократовъ, могъ установить и поддерживать только абсолютизмъ.

Чѣмъ же, однако, при естественномъ порядкѣ обезпечивалось бы достиженіе общаго блага? Меркантилисты видѣли гарантію послѣдняго въ регулирующей и опекающей дѣятельности государства; физіократы же сводили покровительство «попечительной власти» къ обезпеченію людямъ, соединеннымъ въ общество, права собственности на ихъ богатство и безопасности ихъ личности. Если они и говорили о покровительствѣ болѣе активномъ, то исключительно имѣя въ виду земледѣліе, которое считали единственнымъ источникомъ богатства. Сводя къ минимуму функціи государства въ экономической области, физіократическое ученіе не могло не встрѣтиться съ вопросомъ о факторахъ, которые будутъ направлять дѣятельность индивидуумовъ, освобожденныхъ отъ государственной опеки, къ осуществленію естественнаго порядка, являющагося наиболѣе выгоднымъ для человѣчества. Этотъ вопросъ и привелъ физіократовъ къ анализу мотивовъ человѣческой дѣятельности. Въ результатѣ размышленій по этому предмету они остановились на личномъ интересѣ, какъ главномъ стимулѣ дѣйствій человѣка, и пытались связать его съ интересами общества, какъ цѣлаго. «Теперь,—писалъ Мирабо въ своемъ сочиненіи «О долгѣ»,—нужно сдѣлать, такъ, чтобы личный и физическій интересъ каждаго человѣка сталъ связью людей между собою и стимуломъ всѣхъ ихъ отношеній». Аббатъ Бодо, излагая ученіе физіократовъ о морали, проводилъ мысль, что человѣкъ въ силу своей природы стремится къ самосохраненію и собственному благосостоянію, и что этотъ законный эгоизмъ можетъ быть регулированъ только правильнымъ разсчетомъ. Въ органѣ же физіократовъ «Ephémérides» (1767 г.) доказывалось, что нравственная философія, вмѣсто того, чтобы теряться въ метафизическихъ абстракціяхъ, должна была бы взять единственнымъ базисомъ своихъ изысканій слѣдующую проблему: «какъ можетъ каждый членъ общества устроить себѣ наилучшую участь, безошибочно и необходимо содѣйствуя въ то же время общему благу».

Физіократическая школа поставила экономику на научную почву, выдвинувъ въ качествѣ ея задачи познаніе опредѣленной

отрасли соціальныхъ явленій. Тѣмъ не менѣе она не создала научной системы. Существованіе естественнаго порядка человѣческихъ обществъ, къ познанію котораго призывали физіократы, основывалось въ ихъ ученіи больше на вѣрѣ въ общую планомѣрность міроздания и мудрость Провидѣнія, чѣмъ на научныхъ доказательствахъ. Они не столько обосновывали свое ученіе о соціальной закономѣрности, сколько исповѣдывали его. Не напрасно физіократическую школу современники ея называли сектой.

При всемъ томъ физіократы должны считаться основателями экономической науки; и не потому, чтобы до нихъ никто не мыслилъ научно проблемъ матеріальнаго благосостоянія человѣчества, а потому, что научная постановка этихъ проблемъ впервые была выдвинута ими какъ основная задача экономики. Попытки построить научную систему экономики были сдѣланы во второй половинѣ XVIII ст. Джемсомъ Стюартомъ въ Англіи и Тюрго во Франціи. Но исторія единодушно признаетъ творцомъ первой научной системы экономическихъ знаній Адама Смита (1723—1790).

II.

Важнѣйшія теченія экономической мысли въ новое время.

§ 5. Адамъ Смитъ и классическая школа. Въ 1776 г. вышелъ трактатъ Смита «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народа». Это сочиненіе наложило глубокую печать на все послѣдующее развитіе экономической науки и оказало могущественное вліяніе на характеръ и направленіе государственной дѣятельности по экономическимъ вопросамъ (экономической политики) на протяженіи всего XIX вѣка. Трактатъ Смита разсматриваетъ богатство народовъ, какъ научную и практическую проблему. Хотя вопросы практической политики въ смитовской системѣ формально еще и не отдѣлены отъ вопросовъ чистаго знанія, тѣмъ не менѣе послѣднее не занимало столь виднаго положенія ни у одного автора до Смита. Научный интересъ къ явленіямъ экономической дѣйствительности достигаетъ въ «Богатствѣ народовъ» небывалой дотолѣ высоты.

Смитъ, какъ и Кенэ съ его школой, исходилъ отъ идеи законо-

мѣрности соціальной жизни; но для Смита естественные законы человѣческаго общества—не столько проявленіе предустановленнаго гармоническаго порядка, сколько дѣйствіе сложнаго механизма, основаннаго на психической природѣ человѣка. Физіократы настаивали на существованіи естественнаго порядка, но не выяснили ни его строенія, ни дѣйствія. Свободу торговли, въ качествѣ одного изъ проявленій естественныхъ законовъ, они провозгласили какъ общій принципъ, но разрабатывали его исключительно въ примѣненіи къ земледѣлію. Смитъ расширилъ самую постановку вопроса и попытался доказать то, что физіократы только утверждали. Послѣдователи Смита, къ числу которыхъ принадлежатъ знаменитѣйшіе экономисты XIX вѣка: Давидъ Рикардо, Мальтусъ, Джонъ Стюартъ Милль и многіе другіе, извѣстны въ исторіи экономической науки подъ названіемъ классической школы политической экономіи.

Трудами представителей этого направленія и создалась экономическая наука, съ опредѣленнымъ и особымъ предметомъ, своей системой и своими методами изслѣдованія. Классическая школа, воспринявъ многое отъ физіократовъ, широко разработала систему научныхъ положеній, составившихъ остовъ современной экономики. Эти положенія были развиты и сведены въ одно цѣлое Дж. Ст. Миллемъ въ его «Основаніяхъ политической экономіи» (1848 г.). Самый же методъ, примѣненный классической школой, былъ изслѣдованъ и получилъ систематическое изложеніе въ сочиненіи Кэрнса «Характеръ и логическій методъ политической экономіи» (1857 г.).

Общія начала ученій классической школы отличаются отъ началъ физіократической системы не только иной постановкой вопроса о естественномъ порядкѣ, но и болѣе глубокой разработкой проблемы гармоническаго сочетанія частнаго интереса и общественнаго блага въ экономической области.

Физіократія была по преимуществу ученіемъ экономическаго оптимизма. Предустановленный Промысломъ порядокъ соціальныхъ отношеній, получающій свое выраженіе въ естественныхъ законахъ, мыслится физіократами какъ наилучшій и самый выгодный для человѣчества. Людямъ слѣдуетъ только познать его и согласовать съ нимъ свои дѣйствія. Иначе смотритъ на дѣло классическая школа. Она далека отъ оптимизма физіократовъ.

Ученія классиковъ проникнуты взглядами Мальтуса (1766—1834), который не только не усматривалъ естественнаго порядка, основаннаго на предустановленной гармоніи, но, напротивъ, признавалъ основнымъ факторомъ соціальнаго развитія начало дисгармоніи [1]). Онъ видѣлъ его въ «законѣ народонаселенія», изложенномъ имъ въ сочиненіи, появившемся подъ такимъ же названіемъ въ 1798 г.

Согласно названному закону, населеніе, въ силу присущаго всѣмъ живымъ существамъ инстинкта размноженія, стремится возрастать быстрѣе средствъ существованія. Поэтому, если инстинктъ не вводится въ границы благоразуміемъ и соотвѣтствующими нравами или законами, природа безпощадно поддерживаетъ равновѣсіе между населеніемъ и средствами существованія при помощи смерти, уносящей избытокъ населенія. «Естественный порядокъ», согласно ученію Мальтуса, отнюдь не является наиболѣе выгоднымъ для человѣчества, какъ полагали физіократы. Напротивъ, онъ явно враждебенъ человѣку. Въ борьбѣ за свое благополучіе человѣку приходится противодѣйствовать гибельной для него тенденціи «естественнаго» закона народонаселенія.

Мальтусовская теорія, воспринятая всѣми представителями классической школы, вноситъ опредѣленно звучащую пессимистическую ноту въ ея ученія. Но одновременно съ ней звучитъ и нота оптимизма, берущая свое начало въ идеѣ гармоническаго соотвѣтствія между личнымъ расчетомъ и общественнымъ интересомъ. Экономисты классической школы полагали, что при свободѣ экономической дѣятельности общественное благо достигается въ общемъ лучше, чѣмъ при системѣ регламентаціи и опеки, потому что въ конечномъ счетѣ каждый, работая въ свою пользу, невольно работаетъ на пользу общую. Эту мысль классики, однако, не возводятъ въ абсолютный принципъ, не допускающій отступленій. Они не были фанатиками идеи экономической свободы.

---

[1]) Чтеніе книги Мальтуса навело Дарвина на мысль о борьбѣ за существованіе, какъ основномъ законѣ біологіи, вытекающемъ изъ дисгармоніи между источниками питанія на землѣ и размноженіемъ видовъ. Передавая впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ сочиненія Мальтуса о народонаселеніи, онъ говоритъ: „Здѣсь нашелъ я наконецъ теорію, съ помощью которой можно работать“. См. Gesselchaft und Natur. Статья Эйленбурга (Eulenburg) въ Arch. f. S. W. XXI (1905).

Мысль о гармоническомъ сочетаніи личнаго расчета и общественнаго блага создала благопріятную почву для соціальнаго оптимизма, склоннаго отрицать самое существованіе антагонистическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе ни Смитъ, ни другіе крупные представители классической школы не стояли на этой точкѣ зрѣнія. Какъ Смитъ, такъ и Рикардо открыто признаютъ существованіе борьбы интересовъ. Не ограничиваясь при этомъ голымъ признаніемъ факта, они вводятъ его въ систему своихъ разсужденій, какъ основаніе для выводовъ.

Смитъ, разсуждая, напр., о величинѣ заработной платы, говоритъ, что она опредѣляется обыкновенно договорнымъ соглашеніемъ между работникомъ и хозяиномъ, «выгоды которыхъ совершенно противоположны другъ другу. Не трудно видѣть,—замѣчаетъ онъ,—на чьей сторонѣ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ должны оказаться преимущества въ борьбѣ и какой изъ нихъ удастся насильственно предписать другой свои условія». Такъ же опредѣляетъ Смитъ и отношенія между поземельнымъ собственникомъ и арендаторомъ. Эти положенія Смита представляютъ ясно выраженныя указанія на антагонизмъ интересовъ и вытекающую изъ него соціальную борьбу.

Антагонистическое начало лежитъ и въ основѣ системы Рикардо. Его ученіе о распредѣленіи доходовъ между различными классами приводятъ къ выводу о противоположности ихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, при тѣхъ предпосылкахъ, которыя, отчасти, впрочемъ, только молчаливо, устанавливаются Рикардо.

Полагая, что предоставленіе каждому свободы слѣдовать въ своей экономической дѣятельности личному разсчету отвѣчаетъ пользѣ общества въ цѣломъ, классическая школа признавала главнымъ, хотя и не единственнымъ, двигателемъ экономической жизни соперничество, или конкуренцію. Этотъ взглядъ находилъ себѣ опору и въ идеѣ самопомощи, всегда пользовавшейся популярностью въ Англіи. Тѣмъ не менѣе классическая школа, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не возводила въ абсолютное правило ни начала самопомощи, ни принципа свободной борьбы интересовъ. Смитъ указываетъ условія, при которыхъ стѣсненіе торговли, путемъ наложенія пошлины на иностранные товары, является мѣрой необходимой [1]. Въ дѣлѣ народнаго образованія

[1] Изслѣдованіе, кн. IV, гл. II.

онъ не только допускалъ, но и требовалъ широкаго вмѣшательства государства, вплоть до обязательнаго обученія, которое предлагалъ осуществить косвеннымъ путемъ—черезъ обязательные экзамены. Дж. Ст. Милль пошелъ въ этомъ направленіи дальше всѣхъ экономистовъ классической школы, признавъ принципіальную допустимость и даже желательность ряда коренныхъ реформъ, которыя должны были бы внести существенныя ограниченія въ порядокъ отношеній, основанный на свободѣ экономической дѣятельности.

Начало свободы личности въ хозяйственныхъ дѣлахъ было у классиковъ не только правиломъ государственнаго управленія, но и предпосылкой научнаго познанія. Въ области экономической политики начало личной свободы опредѣляло для нихъ должное; въ области познанія—то, что предполагалось существующимъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ они исходили изъ предположенія, что индивидуумъ дѣйствительно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію своего интереса со стороны государства.

Человѣческое общество представлялось классикамъ суммою свободно дѣйствующихъ индивидуумовъ, раздѣленныхъ на общественные классы и живущихъ при опредѣленномъ правопорядкѣ; а изслѣдуемыя явленія разсматривались ими какъ равнодѣйствующія индивидуальныхъ стремленій и поступковъ, вытекающихъ изъ стремленія къ наибольшей выгодѣ. Въ философскомъ отношеніи классическая школа примыкала къ идеямъ Бентама и основанной на нихъ системѣ утилитаризма.

Сосредоточивъ свое вниманіе на индивидуальномъ факторѣ, классическая школа исходила отъ упрощеннаго представленія объ индивидуумѣ, какъ носителѣ одного только мотива дѣятельности—стремленія къ личному интересу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она устранила съ поля своихъ изслѣдованій или свела къ минимуму всѣ остальные факторы экономической жизни: государство, общество, историческое прошлое, этнографическія особенности и естественныя условія. Поэтому и выводы классиковъ отражали въ себѣ только одну сторону дѣйствительности—ту, которая опредѣляется индивидуальнымъ факторомъ и притомъ однимъ только мотивомъ человѣческихъ дѣйствій—разсчетомъ. Однако, несмотря на свою неполноту и односторонность, выводы классической школы обла-

дали громаднымъ значеніемъ, потому что индивидуальный факторъ, соединенный съ стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ, является въ конечномъ счетѣ важнѣйшимъ факторомъ экономическихъ явленій.

Классическая школа имѣетъ такое же значеніе для современной экономической науки, какое классическая древность—для современной культуры. Къ той и другой восходятъ корни дальнѣйшаго развитія. Несомнѣнно, что классическая школа также, какъ и классическая древность, сама была подготовлена предшествовавшей исторіей; но она воплотила въ стройную систему, дополнила и развила то, что существовало раньше въ разрозненныхъ элементахъ или въ формахъ, еще не выяснившихся, не достигшихъ полной опредѣленности выраженія.

Въ послѣдующемъ развитіи экономической науки ученія классической школы подверглись частью дальнѣйшему развитію, частью существенной переработкѣ. Но отъ этого значеніе ея не умалилось. Ея вліяніе глубоко отразилось на содержаніи и общемъ характерѣ экономическихъ знаній.

До середины XIX в. идеи классической школы господствовали во всѣхъ странахъ Европы. Ученія Смита и Рикардо вошли въ обиходъ экономической мысли и широко распространились во Франціи, Германіи и др. странахъ, въ томъ числѣ и Россіи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ экономистовъ-теоретиковъ прошлаго столѣтія, Тюненъ (1783—1850), примѣнилъ методъ классиковъ для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса о доходѣ отъ земли (ренты). Его ученіе по этому вопросу, изложенное имъ въ сочиненіи «Изолированное государство», явилось важнымъ дополненіемъ къ теоріи поземельной ренты Рикардо.

Въ ученіяхъ классической школы оказалось заложеннымъ такъ много истиннаго и научно-цѣннаго, что экономическая мысль до сихъ поръ возвращается къ нимъ, черпая въ нихъ новые источники познанія. Какъ разъ теперь мы являемся свидѣтелями возрожденія интереса къ классической школѣ и едва ли ошибемся, сказавъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитіе современной экономической науки отчасти совершается подъ знакомъ возврата къ смито-рикардовскому направленію.

Развитіе экономической мысли послѣ классической школы развѣтвляется на нѣсколько крупныхъ теченій.

§ 6. Экономическій либерализмъ. Индивидуалистическое начало въ соединеніи съ принципомъ государственнаго невмѣшательства послужило основой для направленія, извѣстнаго подъ названіемъ экономическаго либерализма.

Это направленіе получило особенно яркое и прямолинейное выраженіе во Франціи, гдѣ оно продолжаетъ держаться до настоящаго времени. У Кенэ и его послѣдователей французскій либерализмъ заимствовалъ основы философскаго міровоззрѣнія и связанные съ нимъ соціологическіе взгляды. У Смита, пользовавшагося во Франціи широкой популярностью,—научную систему.

Самыми выдающимися представителями французской либеральной школы въ началѣ XIX вѣка были Жанъ Баптистъ Сэ (1767—1832) и Фредерикъ Бастіа (1801—1850). Послѣдній особенно типиченъ. Въ своемъ главномъ трудѣ: Les harmonies économiques (1850)—«Экономическія гармоніи», Бастіа выступаетъ страстнымъ защитникомъ идеи абсолютнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Его основнымъ положеніемъ служитъ вѣра въ гармонію экономическихъ интересовъ. Бастіа не отрицаетъ существованія зла, которое въ видѣ соціальныхъ бѣдствій, войны, рабства, монополій, привилегій, имѣетъ своей первопричиной личный интересъ, побуждающій людей искать удовлетворенія своихъ желаній и избѣгать лишеній и страданій. Но тотъ же личный интересъ служитъ и первопричиной всѣхъ благъ, потому что удовлетвореніе потребностей и отвращеніе къ страданіямъ являются мотивами человѣческой дѣятельности. Вопросъ поэтому заключается въ томъ, чтобы знать, не служитъ ли личный интересъ, становящійся вслѣдствіе всеобщности своего дѣйствія соціальнымъ факторомъ, также и принципомъ прогресса? Бастіа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ доказываетъ, что соціальнаго строя нельзя основать, по крайней мѣрѣ, прочно, ни на силѣ, ни на соглашеніи; между тѣмъ всѣ планы соціальныхъ реформаторовъ, которыхъ Бастіа называетъ «изобрѣтателями», основаны на желаніи или силою заставить людей принять новый строй жизни, или добиться всеобщаго соглашенія, которое позволило бы ввести желательный строй добровольно.

По мнѣнію Бастіа, общественный порядокъ, предустановленный Провидѣніемъ какъ нормальный, поддерживается законами, основанными на природѣ вещей, т.-е. на естественныхъ, присущихъ

человѣку побужденіяхъ и мотивахъ дѣятельности. Эти мотивы приводятъ и къ добру, и къ злу. «Но я вѣрю,—говоритъ Бастіа,—что въ обществѣ все служитъ причиной совершенства и прогресса, даже то, что причиняетъ ему страданія. Я вѣрю, что зло приводитъ къ добру и вызываетъ его, между тѣмъ какъ добро не можетъ приводить къ злу, изъ чего слѣдуетъ, что добро должно въ концѣ-концовъ восторжествовать». Если механизмъ нормальнаго общественнаго строя покоится на гармоніи интересовъ, то наилучшая система управленія заключается въ томъ, чтобы возможно меньше препятствовать проявленію естественныхъ законовъ, т.-е. въ режимѣ свободы. «Я вѣрю,—говоритъ Бастіа,—что непобѣдимая соціальная тенденція постоянно приближаетъ людей къ общему физическому, умственному и моральному уровню и въ то же время поднимаетъ послѣдній все выше и выше, и такъ безъ конца. Я вѣрю, что для постепеннаго и мирнаго развитія человѣчества достаточно, чтобы эти тенденціи не встрѣчали препятствій и получили свободу развитія. Интересы гармоничны, поэтому рѣшеніе цѣликомъ заключается въ словѣ: свобода».

На почвѣ этихъ общихъ идей, представляющихъ развитіе физіократическаго ученія, Бастіа обосновалъ систему экономической политики, сводившуюся къ проповѣди абсолютнаго невмѣшательства государства въ экономическую жизнь народа. Такая политика была бы на практикѣ благопріятна интересамъ состоятельныхъ классовъ. Поэтому Бастіа, съ его горячей проповѣдью экономической гармоніи и свободы, сдѣлался типическимъ представителемъ такъ называемой буржуазной экономики. Тотъ же отпечатокъ лежитъ и на другихъ представителяхъ французскаго либерализма отъ Дюнойэ до Ивъ-Гюйо и Леруа Болье.

Въ Англіи направленіе экономическаго либерализма, оставаясь подъ вліяніемъ классической школы, не дошло до тѣхъ крайностей, какихъ оно достигло во Франціи. Англійскій либерализмъ не впадалъ, подобно французскому, въ доктринерство и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей принципіально не отрицалъ государственнаго вмѣшательства, допуская его, когда неизбѣжность ограниченія экономической свободы обусловливается общественнымъ интересомъ. Первымъ крупнымъ выступленіемъ англійскихъ либераловъ, окончившимся блестящей побѣдой ихъ, была предпринятая ими борьба противъ хлѣбныхъ законовъ, на основаніи

которыхъ иностранный хлѣбъ облагался при ввозѣ въ Англію высокими пошлинами. Агитація противъ таможеннаго обложенія хлѣба окончилась отмѣной хлѣбныхъ законовъ и дала толчокъ реформѣ англійскаго тарифа, приведшей къ переходу Англіи отъ такъ называемаго протекціонизма къ системѣ свободы торговли. Исторически связанный съ послѣдней, экономическій либерализмъ въ Англіи получилъ названіе «фритредерства» (free trade—свободная торговля). По мѣсту же, служившему центромъ фритредерской агитаціи въ первой половинѣ XIX в., онъ называется также «манчестерствомъ».

Въ рядахъ англійскаго либерализма числятся выдающіеся представители англійской науки и знаменитѣйшіе государственные и общественные дѣятели: Кобденъ, Брайтъ, Гладстонъ, Гербертъ Спенсеръ и многіе другіе.

§ 7. Оппозиція либерализму. Идеи экономическаго либерализма сдѣлались въ первой половинѣ XIX в. господствующимъ направленіемъ. Но на ряду съ либеральнымъ теченіемъ экономической мысли обозначались и другія, отправлявшіяся отъ совершенно иного круга интересовъ и мыслей.

Такими антилиберальными теченіями были, съ одной стороны, консервативно-реакціонное, а съ другой—прогрессивно-соціалистическое. То и другое сходились въ отрицательномъ отношеніи къ индивидуализму, какъ основѣ общественнаго устройства, и связанной съ нимъ вѣрѣ въ гармонію частнаго интереса и общественнаго блага и въ безусловную благодѣтельность свободнаго соперничества. Расходились же названныя теченія въ томъ, что консервативное искало выхода въ возвратѣ къ прошлому и сохраненіи основъ существующаго порядка въ видѣ института частной собственности и сословно-классоваго дѣленія общества, а соціалистическое стремилось къ замѣнѣ существующаго строя новымъ, основаннымъ на совершенно иныхъ началахъ.

Индивидуализму, съ его представленіемъ объ обществѣ, какъ суммѣ индивидуумовъ, выступающихъ въ экономической борьбѣ какъ равныя другъ другу личности, надѣленныя одинаковыми возможностями, консервативное направленіе противоставляло идею органическаго строенія общества, основаннаго на исторической традиціи и природномъ и соціальномъ неравенствѣ людей. Если индивидуализму общество представлялось совокупностью равно-

правныхъ индивидуумовъ, стремящихся каждый за свой рискъ и страхъ къ осуществленію своихъ хозяйственныхъ выгодъ, то съ точки зрѣнія консерватизма общество являлось соціальнымъ цѣлымъ, построеннымъ на іерархическомъ началѣ. Борьба всѣхъ противъ всѣхъ, какой представлялась консерваторамъ система свободнаго соперничества, замѣнялась, согласно консервативному идеалу, осуществленіемъ хозяйственныхъ цѣлей организаціями заинтересованныхъ лицъ въ рамкахъ корпоративнаго устройства. Возстановленіе средневѣковыхъ цеховъ составляло одну изъ главныхъ задачъ консервативнаго направленія. Консерваторы не хотѣли мириться съ побѣдой экономически сильныхъ надъ слабыми, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободнаго соперничества, и выдвигали въ качествѣ очередной задачи поддержаніе государствомъ и самимъ обществомъ тѣхъ элементовъ общества, которымъ свободная борьба интересовъ угрожала гибелью. Отсюда стремленіе консерваторовъ поддерживать ремесло въ его борьбѣ съ крупной промышленностью и рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ. Первое дало начало т. н. «политикѣ средняго класса»— Mittelstandspolitik, а второе сдѣлало консерваторовъ иниціаторами и заступниками фабричнаго законодательства.

Идея корпоративной организаціи хозяйствующихъ индивидуумовъ сблизила экономическій консерватизмъ съ идеей ассоціаціи, которой онъ и сталъ широко пользоваться для своихъ цѣлей.

Въ основѣ экономическаго консерватизма лежитъ приверженность къ строю отношеній, связанному съ господствомъ въ хозяйственной и политической жизни крупнаго землевладѣнія и дворянскаго сословія. Если консерватизмъ поддерживалъ средній классъ и рабочихъ, то при непремѣнномъ условіи іерархическаго подчиненія ихъ высшимъ классамъ общества и при этомъ въ рамкахъ тѣхъ сословно-классовыхъ перегородокъ, которыя разъ навсегда должны были держать каждаго на соціальной ступени, предопредѣленной ему рожденіемъ и имущественнымъ положеніемъ. Экономическій либерализмъ былъ прямой противоположностью консервативному идеалу и поэтому встрѣчалъ въ немъ своего естественнаго и непримиримаго врага.

Представителями консервативнаго теченія были Адамъ Мюллеръ («Элементы государственнаго искусства», 1808), фонъ Галлеръ («Реставрація государственной науки», 1816) и другіе.

Съ иной точки зрѣнія критиковалъ систему экономическаго либерализма французскій экономистъ Сисмонди, приближающійся къ соціалистамъ, хотя и не примыкавшій къ нимъ. Въ своихъ «Новыхъ началахъ политической экономіи» (Nouveaux Principes d'Economie Politique), появившихся въ 1819 г., Сисмонди, оставаясь на теоретической почвѣ смитовскаго ученія, тѣмъ не менѣе подвергаетъ серьезной критикѣ начала экономическаго либерализма. Онъ вскрываетъ вредныя послѣдствія свободной конкуренціи, особенно останавливаясь на пауперизмѣ и кризисахъ. Бѣдствія рабочаго класса находятъ себѣ яркое отраженіе у Сисмонди, видящаго въ нихъ доказательства несостоятельности системы, основанной на идеѣ совпаденія частнаго интереса съ общественнымъ благомъ. Сисмонди усматриваетъ причину зла въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ существующаго экономическаго порядка. Не доходя до полнаго отрицанія послѣдняго, онъ все же настаиваетъ на необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія собственности въ цѣляхъ возсоединенія собственности и труда. Въ нѣкоторыхъ своихъ требованіяхъ Сисмонди какъ будто сходится съ консерваторами. Его симпатіи къ ремеслу и враждебное отношеніе къ машинамъ напоминаютъ консервативно-реакціонныя тенденціи идеологовъ средневѣковаго строя. Но по общему характеру своихъ воззрѣній Сисмонди близокъ къ соціализму.

§ 8. Соціализмъ и коммунизмъ. Кругъ идей, объединяемыхъ соціалистически-коммунистическимъ направленіемъ, опредѣляется его отрицательнымъ отношеніемъ къ экономическому строю, основанному на правѣ частной собственности и индивидуалистическомъ началѣ свободы личнаго почина, и стремленіемъ къ общественному порядку, основанному на коллективной собственности и раціональной организаціи самимъ обществомъ своей хозяйственной жизни. Различіе между соціализмомъ и коммунизмомъ настолько неопредѣленно, что ихъ часто употребляютъ какъ синонимы [1]).

Соціалистическія стремленія имѣли своими источниками этическія, религіозныя, политическія и философскія идеи и получали въ исторіи различныя выраженія. Идеалы, служившіе воплощеніемъ этихъ стремленій, изображались много разъ, начиная съ

---

[1]) G. Adler. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus. 1899. Введеніе. См. его же статью въ HWB.

Платона и до нашихъ дней, въ формѣ трактатовъ и беллетристическихъ произведеній (по нѣмецкому выраженію «государственныхъ романовъ»—Staatsromane).

Въ древне-классическомъ мірѣ изображеніе коммунистическаго идеала было дано въ платоновскихъ сочиненіяхъ о «Государствѣ» и «Законахъ». На рубежѣ новаго времени Томасъ Моръ представилъ картину новаго общественнаго строя на воображаемомъ островѣ Утопія, именемъ котораго онъ окрестилъ свое произведеніе (1516). Слово «утопія» стало съ тѣхъ поръ нарицательнымъ названіемъ для фантастическихъ изображеній идеальнаго общественнаго устройства. Черезъ столѣтіе послѣ Мора появилось «Солнечное Государство» Кампанеллы (1620), а въ концѣ того же вѣка «Исторія Севарамбовъ» Вэрасса (1677). Къ литературѣ того же рода относятся «Путешествіе въ Икарію» Кабе (1840) и извѣстный романъ Беллами «Взглядъ назадъ» (1888).

Поскольку коммунистическія и соціалистическія идеи возбуждали воображеніе и выливались въ беллетристическія произведенія, онѣ являются объектами научнаго изслѣдованія, но сами изслѣдованій не представляютъ. То же самое приходится сказать и относительно практическихъ предложеній, исходившихъ въ разное время отъ представителей коммунизма и соціализма.

Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно много для выясненія экономическихъ явленій дала критика существующаго устройства экономическихъ отношеній, исходившая отъ его противниковъ; и въ этомъ смыслѣ косвенное, но важное значеніе имѣли и государственные романы, освѣщавшіе существующее противоположеніемъ ему того, что признавалось желательнымъ, и практическія предложенія, привлекавшія вниманіе къ отрицательнымъ сторонамъ дѣйствительности. Но значеніе коммунизма и соціализма для экономической науки не ограничилось косвеннымъ вліяніемъ ихъ на экономическую мысль.

Соціалистическая мысль достигла на научномъ и практическомъ поприщѣ результатовъ, оказавшихъ существенное вліяніе какъ на хозяйственную жизнь человѣчества, такъ и на экономическую науку. Съ одной стороны, реакція противъ экономическаго либерализма, приведшая къ расширенію государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, совершилась подъ сильнымъ вліяніемъ соціализма, неустанно указывавшаго на вредныя

послѣдствія свободной борьбы интересовъ. Съ другой стороны, лежащая въ основѣ соціализма идея солидарности и ассоціаціи послужила могущественнымъ факторомъ развитія объединительныхъ стремленій трудовой демократіи, выразившихся главнымъ образомъ въ кооперативномъ движеніи. На научномъ поприщѣ соціалистическое направленіе принесло теоретическій анализъ экономическихъ явленій существующаго строя и грандіозную попытку вскрыть закономѣрность экономической эволюціи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія историческаго процесса.

Начала идей, послужившихъ основой соціалистическаго направленія въ экономической наукѣ, заложены въ трудахъ соціалистическихъ писателей первой половины XIX в., въ особенности у Сенъ-Симона (1760—1825) и его учениковъ, изъ которыхъ наиболѣе ревностными были Анфантенъ и Базаръ. Въ трудахъ сенъ-симонистовъ содержатся основныя идеи соціалистическихъ ученій позднѣйшаго времени, включая и начала историческаго матеріализма. Предвосхищая Маркса и его послѣдователей, они характеризуютъ современный экономическій порядокъ какъ систему, основанную на эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Они видятъ корень зла въ институтѣ частной собственности, съ которымъ соединяется право наслѣдованія, и въ отсутствіи въ современной организаціи производства общаго плана и руководства, и связываютъ устраненіе современной «экономической анархіи» съ переходомъ къ новому устройству хозяйственныхъ отношеній на началахъ, противоположныхъ индивидуализму, именно—коллективизма.

Соціалистическія идеи разрабатывались въ первой половинѣ XIX ст. еще цѣлымъ рядомъ писателей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны Фурье (1772—1837), Робертъ Оуэнъ (1771—1858), Вилліамъ Томпсонъ (1785—1833), Луи Бланъ (1813—1858) и блестящій коммунистъ-анархистъ Прудонъ (1809—1865). Особенность названныхъ мыслителей и ихъ приверженцевъ состояла въ томъ, что они не столько изслѣдовали экономическій порядокъ, съ которымъ боролись, сколько изыскивали, вѣрнѣе, изобрѣтали способы для замѣны его болѣе совершеннымъ. Одни изъ нихъ усматривали эти способы въ развитіи свободныхъ ассоціацій, другіе—въ организаціи труда съ помощью государства, третьи—въ преобразованіи денежно-кредитной системы. Попытки примѣнить эти

идеи на практикѣ неизмѣнно кончались неудачами, причины которыхъ заключались въ фантастичности проектовъ, съ которыми выступали преобразователи. Это обстоятельство и подало поводъ окрестить соціализмъ разсматриваемаго періода «утопическимъ», что впрочемъ не даетъ ни достаточно полной, ни достаточно справедливой его оцѣнки. Въ сочиненіяхъ соціалистовъ первой половины прошлаго вѣка, на ряду съ несбыточными фантазіями, заключались также и зародыши идей, получившихъ въ позднѣйшее время примѣненіе на практикѣ. Такова идея кооперації. Что же касается исторической преемственности между такъ наз. утопическимъ соціализмомъ и направленіемъ, которое было названо въ противоположность ему, «научнымъ», то она теперь доказана, и ея въ настоящее время никто не оспариваетъ.

Научный соціализмъ совершенно отказался какъ отъ изображенія будущаго строя, такъ и отъ изысканія способовъ, которыми возможно было бы достигнуть его осуществленія. Возвращаясь, съ одной стороны, къ сенъ-симоновской идеѣ экономической эволюціи, а съ другой—пользуясь философіей Гегеля какъ формулой историческаго процесса, научный соціализмъ сдѣлалъ попытку вывести неизбѣжность возникновенія соціалистическаго строя изъ законовъ развитія современнаго капиталистическаго строя. При такой постановкѣ вопроса, въ «изобрѣтеніи» какихъ-либо особыхъ способовъ осуществленія этого перехода не было надобности: онъ выступалъ, какъ историческая необходимость. Задача изслѣдователя сводилась къ открытію законовъ экономической эволюціи, что требовало научнаго познанія экономической дѣйствительности въ ея исторически смѣняющихся формахъ. Это познаніе и составляло главное содержаніе ученій научнаго соціализма.

Основателями научнаго соціализма были Родбертусъ (1805—1875), К. Марксъ (1818—1883) и Энгельсъ (1820—1895), къ которымъ слѣдуетъ присоединить въ качествѣ популяризатора и пропагандиста соціалистическихъ идей—Фердинанда Лассаля. Наиболѣе важное значеніе имѣютъ первые два. Они должны быть причислены къ самымъ крупнымъ представителямъ экономической мысли. Родбертусъ оставался долгое время почти неизвѣстнымъ и по характеру своихъ сочиненій не могъ получить вліянія на широкіе круги. Марксъ, напротивъ, выдвинулся съ первыхъ же своихъ

шаговъ на литературномъ и общественномъ поприщѣ и сдѣлался истиннымъ идеологомъ современнаго соціализма и идейнымъ вождемъ рабочаго класса. Его основной трудъ «Капиталъ» (1-й т. въ 1867)—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній экономической литературы. Родбертусъ и Марксъ, сходившіеся въ основныхъ экономическихъ идеяхъ, принадлежали къ совершенно различнымъ политическимъ направленіямъ .Въ то время, какъ Марксъ былъ соціалистъ-демократъ, Родбертусъ былъ монархистъ-консерваторъ. Первый полагалъ, что соціальный идеалъ можетъ быть осуществленъ только демократіей, овладѣвшей политической властью, второй признавалъ главнымъ факторомъ соціальной реформы—монархію. Марксовскій соціализмъ—прогрессивно-демократическій, родбертусовскій—консервативно-монархическій.

Ученіе Маркса въ теченіе долгаго времени подвергалось критикѣ только со стороны его принципіальныхъ противниковъ; но въ концѣ прошлаго вѣка въ средѣ послѣдователей Маркса началось движеніе въ пользу критическаго пересмотра его ученій на почвѣ тѣхъ же общихъ началъ, которыхъ онъ самъ держался. Это т. н. «ревизіонистское» движеніе, наиболѣе видными представителями котораго являются иниціаторъ его Бернштейнъ и послѣдовавшіе за нимъ Герцъ и Давидъ. Самымъ крупнымъ представителемъ «ортодоксальнаго» марксизма остается въ настоящее время Каутскій.

На ряду съ научнымъ соціализмомъ существуютъ соціалистическія направленія, стремящіяся къ водворенію соціальнаго мира черезъ религіозное и нравственное обновленіе человѣчества. Къ этому порядку идей относится христіанскій соціализмъ, находящій въ ученіи Христа нравственныя правила, осуществленіе которыхъ въ жизни должно привести къ полному преобразованію экономическихъ отношеній. Христіанскій соціализмъ обнимаетъ собою разныя направленія, отличающіяся другъ отъ друга степенью своего приближенія къ коллективизму. Въ то время, какъ одни ограничиваются въ сущности соціальными реформами, и сами не считаютъ себя соціалистами, другіе требуютъ осуществленія соціалистическаго идеала. Кромѣ того, христіанскіе соціалисты различаются по характеру своихъ воззрѣній въ зависимости отъ того, какую религію они исповѣдуютъ. Соціально-реформаторскія и соціалистическія теченія существуютъ у католиковъ и у протестантовъ.

Близко примыкаютъ къ христіанскому соціализму въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и соціальное реформаторство, направленія, стремящіяся къ водворенію соціальнаго мира на патріархальныхъ началахъ семейнаго уклада (франц. писатель Ле-Плэ) и этико-религіозныхъ идеяхъ. Этико-христіанскій соціализмъ насчитываетъ въ своихъ рядахъ немало блестящихъ представителей, какъ-то: Карлейль, Кингслей, Рёскинъ, Ф. Морисъ и др. Къ этой же категоріи мыслителей можетъ быть отнесенъ по своимъ соціально-экономическимъ воззрѣніямъ и Л. Н. Толстой.

Среднее мѣсто между соціализмомъ и либерализмомъ занимаютъ мыслители, стремящіеся при сохраненіи хозяйственнаго строя, основаннаго на индивидуалистическомъ началѣ и свободномъ соперничествѣ, тѣмъ не менѣе, внести коренныя измѣненія въ существующій экономическій порядокъ. Подобныя стремленія обычно направляются на реформу поземельнаго устройства, выдѣляемаго изъ системы современныхъ отношеній, въ виду присущихъ ему особенностей экономическаго и соціальнаго характера. Сюда относятся программы аграрныхъ реформъ, основанныхъ на началѣ т. н. «націонализаціи земли», т.-е. передачи земли въ собственность націи въ лицѣ государства или, по крайней мѣрѣ, присвоенія въ пользу государства прироста дохода съ земли съ помощью особаго налога, по предложенію нѣкоторыхъ «единаго налога», на землю. Идеи этого порядка связываются, главнымъ образомъ, съ именами Генри Джоржа и Альфреда Уоллэса.

§ 9. Историческая школа. Если экономическій либерализмъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ идей физіократовъ и классической школы и вмѣстѣ съ ними дѣтищемъ раціонализма XVIII в., то возникшій во второй четверти XIX в. историзмъ явился въ значительной мѣрѣ плодомъ реакціи противъ идей, приведшихъ къ французской революціи и распространенныхъ ею по всему культурному міру.

Представители интересовъ и идей, на которыя покусилась французская революція, искали защиты въ исторической обоснованности существующаго. Это была отчасти неизбѣжная реакція, частью здоровое отрезвленіе отъ крайностей раціонализма, для котораго исторія не существовала. Все, что есть, обусловлено тѣмъ, что было. Если существующее вытекаетъ изъ прошедшаго, то это значитъ, что оно не могло не быть и слѣдовательно имѣетъ

право на существованіе. Исторія даетъ такимъ образомъ, не только объясненіе, но и оправданіе настоящему. Увлекаясь этимъ теченіемъ романтизмъ идеализировалъ прошедшее, призывая человѣчество назадъ къ существовавшему будто бы нѣкогда гармоническому строю жизни. Научная же мысль обращалась къ изученію исторіи, ища въ ней надежныхъ источниковъ знанія. Подъ вліяніемъ этихъ теченій духъ историзма обнаруживается въ началѣ прошлаго вѣка во всѣхъ областяхъ человѣческаго мышленія: въ правовѣдѣніи, антропологіи, этнографіи, лингвистикѣ, и экономической наукѣ [1]).

Еще Огюстъ Контъ въ своемъ «Курсѣ позитивной философіи» (1839 г.), ссылаясь на Кондорсе, критиковалъ догматизмъ смитовской школы и проводилъ историческую точку зрѣнія на экономическія явленія [2]). Начала историческаго направленія находятся уже у Сисмонди, но истиннымъ мѣстомъ возникновенія исторической школы экономистовъ безспорно является Германія. Здѣсь въ 1843 г. появился конспектъ лекцій проф. В. Рошера (1817—1894), заключавшій въ себѣ основныя положенія историческаго метода [3]). Затѣмъ послѣдовало сочиненіе Бруно-Гильдебранда (1812—1878) «Настоящее и будущее политической экономіи» (1848) [4]), написанное въ томъ же направленіи, которое защищалъ Рошеръ; а въ 1853 г. проф. фрейбургскаго, а затѣмъ гейдельбергскаго университетовъ Книсъ (1821—1899) опубликовалъ капитальный трудъ «Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода» [5]). Съ именами трехъ упомянутыхъ экономистовъ, особенно же Рошера и Книса, исторія экономической науки связываетъ образованіе исторической школы.

Главныя положенія Рошера сводились къ указанію важности исторіи въ дѣлѣ изученія экономическихъ явленій и необходимости принимать въ соображеніе особенности быта отдѣльныхъ на-

---

[1]) Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften, XIV и сл.

[2]) A. Comte. Cours de philosophie positive, IV, стр. 274 и сл.

[3]) W. Roscher. Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode. Göttingen, 1843.

[4]) Bruno Hildebrand. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. I (и единств.) томъ. Есть русскій переводъ.

[5]) K. Knies. Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. 1853.

родовъ. То и другое, по его мнѣнію, оставлялось безъ вниманія классиками. Подводя всѣ народы подъ одну схему, не учитывая условій времени и мѣста, классическая школа, особенно въ лицѣ Рикардо и его ближайшихъ послѣдователей, была склонна къ абсолютнымъ сужденіямъ. Рошеръ, подчеркивая, напротивъ, бытовыя и историческія особенности отдѣльныхъ народовъ и эпохъ, призывалъ экономистовъ къ осторожности въ сужденіяхъ и взамѣнъ абсолютнаго выдвигалъ принципъ относительности. Историческій методъ, утверждаетъ Рошеръ въ одномъ изъ своихъ положеній, не станетъ огульно хвалить или порицать какой-бы то ни было экономическій институтъ, потому что немного было такихъ институтовъ, которые оказывались одинаково полезными или вредными для всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ культуры.

Тѣ же точки зрѣнія развивалъ и Книсъ. Въ своемъ упомянутомъ выше сочиненіи онъ удѣляетъ особенно много вниманія естественно-историческимъ условіямъ экономическаго быта и его развитія. Климатическія особенности, распредѣленіе воды и суши по территоріи, рельефъ почвы, характеръ береговой линіи разсматриваются имъ съ большой обстоятельностью въ качествѣ факторовъ экономической жизни человѣчества.

Къ названнымъ экономистамъ примыкаетъ Фридрихъ Листъ (1789—1846), одинъ изъ оригинальнѣйшихъ людей и мыслителей Германіи. Выступая въ пользу таможеннаго покровительства въ примѣненіи къ странамъ, позже другихъ вступающимъ на путь промышленнаго развитія, въ частности къ Германіи, Листъ съ страстной энергіей обрушился на абсолютизмъ классической школы, признававшей свободу торговли единственно правильной системой торговой политики для всѣхъ народовъ. Въ противовѣсъ ученіямъ классиковъ Листъ построилъ свою «Систему національной политической экономіи», въ которой онъ противопоставилъ индивидуализму и космополитизму смитовскаго направленія понятіе націи съ ея бытовыми, политическими и экономическими особенностями, составляющими продукты ея исторіи.

Идея таможеннаго покровительства получила послѣ Листа широкое примѣненіе въ трудахъ американца Кэри, основное сочиненіе котораго, «Принципы соціальной науки», появилось въ концѣ 50-хъ гг. прошлаго вѣка. Кэри выступалъ также рѣшительнымъ противникомъ Рикардо и защитникомъ идей, настолько при-

ближавшихся къ взглядамъ Бастіа, что послѣ появленія «Экономическихъ гармоній» послѣдняго, Кэри обвинялъ Бастіа въ плагіатѣ.

Съ теченіемъ времени историческая школа въ Германіи раздѣлилась на умѣренное и крайнее направленіе. То и другое признаетъ основой своихъ ученій общія положенія, изложенныя первыми представителями экономическаго историзма; но одни проводятъ историческую идею, какъ руководящій принципъ экономическихъ изслѣдованій, гораздо дальше другихъ.

Умѣренные, называющіе себя «старой» исторической школой, въ лицѣ самаго крупнаго своего представителя, нынѣшняго профессора Берлинскаго университета, Адольфа Вагнера (род. въ 1835 г.), видятъ въ историзмѣ законную реакцію противъ чрезмѣрной абстрактности классической школы, но признаютъ крупныя заслуги послѣдней и научную цѣнность ея выводовъ. Въ ученіяхъ классиковъ они видятъ основу, которая требуетъ извѣстныхъ поправокъ и дополненій, но въ существенномъ должна быть сохранена какъ фундаментъ для дальнѣйшихъ построеній экономической науки.

Капитальное сочиненіе А. Вагнера «Grundlegung der politischen Oekonomie» («Основы политической экономіи») является цѣнной попыткой сочетанія методовъ классической и исторической школъ. Стремленіе найти посредствующее положеніе между этими двумя основными теченіями экономической мысли, одушевляющее Вагнера, послужило толчкомъ для дальнѣйшихъ исканій въ томъ же направленіи. Самъ Вагнеръ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на вопросѣ о вліяніи современныхъ институтовъ права на экономическую жизнь культурнаго человѣчества. Изслѣдованіе этой проблемы составляетъ самую цѣнную часть его «Grundlegung».

Къ тому же направленію принадлежитъ А. Шефле, авторъ капитальныхъ трудовъ: «Bau und Leben des socialen Körpers» («Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла») и «Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft» («Общественная система человѣческаго хозяйства») и многихъ другихъ.

Представители крайняго историзма, которыхъ Вагнеръ назвалъ «молодой» исторической школой, въ особенности въ началѣ своего появленія на научно-литературномъ поприщѣ, отвергали полно-

стью ученіе классиковъ какъ устарѣлую доктрину, основанную на ложныхъ началахъ, и призывали къ изслѣдованію экономической исторіи и эмпирической дѣйствительности. Вождемъ этого направленія является товарищъ Вагнера по Берлинскому университету, профессоръ Густавъ Шмоллеръ (род. въ 1838 г.). Не отрицая въ принципѣ обобщеній въ экономической наукѣ, онъ видитъ, однако, главную задачу экономистовъ въ накопленіи фактическаго матеріала, на основаніи котораго уже впослѣдствіи будутъ сдѣланы обобщающіе выводы. Впрочемъ, въ послѣдніе годы Шмоллеръ значительно смягчилъ свои взгляды. Итогомъ его 36-тилѣтней преподавательской дѣятельности является вышедшій въ 1900—1904 гг. «Grundriss der allgemeinen Volkswirthshaftslehre» («Очеркъ общаго ученія о народномъ хозяйствѣ»), сочиненіе, отличающееся рѣдкимъ богатствомъ историческаго матеріала.

Рошеръ предсказывалъ, что историческій методъ откроетъ новыя области для научнаго изслѣдованія, которыя, разъ будучи открыты, никогда уже не будутъ покинуты. Это предсказаніе вполнѣ оправдалось.

Историческая школа, пріобрѣтя многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ странахъ, дала экономической наукѣ огромный запасъ фактическаго матеріала въ области современности и исторіи, постоянно обогащающійся новыми изслѣдованіями. Какъ бы ни относиться къ воззрѣніямъ Шмоллера и его послѣдователей на задачи экономической науки, мысль о важности научнаго изслѣдованія экономической дѣйствительности и экономической исторіи находится внѣ всякаго сомнѣнія. Пропаганда этой мысли и широкое осуществленіе ея составляютъ крупнѣйшую заслугу исторической школы, въ частности ея крайняго направленія.

Въ настоящее время историческая школа утратила боевой характеръ, который она носила въ начальномъ періодѣ своего развитія. Теперь она обозначаетъ собою направленіе, полагающее центръ тяжести экономической науки въ изслѣдованіи экономической исторіи и въ научномъ описаніи современной дѣйствительности, но принципіально не отрицающее правомѣрности другихъ теченій экономической мысли.

Въ связи съ очеркомъ историческаго направленія, нельзя не упомянуть о Зомбартѣ, занимающемъ не только по своему талан-

ту и разносторонней эрудиціи, но и по направленію своихъ идей особое мѣсто въ рядахъ экономистовъ современной Германіи.

Самъ Зомбартъ, опредѣляя общій характеръ своего научнаго направленія, заявляетъ, что онъ примыкаетъ къ историческому направленію въ томъ смыслѣ, что все, что онъ представляетъ себѣ какъ «соціальную теорію», насквозь проникнуто историческимъ духомъ, если понимать подъ этимъ взглядъ на всякое экономическое явленіе, какъ на продуктъ опредѣленной исторической совокупности обстоятельствъ; другими словами, если разсматривать хозяйственную жизнь въ цѣломъ подъ угломъ зрѣнія πάντα ῥεῖ—вѣчнаго измѣненія. Но при этомъ Зомбартъ замѣчаетъ, что Шмоллеръ выбросилъ бы его за бортъ, если бы онъ назвалъ свой методъ изслѣдованія «историческимъ». «То, что отдѣляетъ меня отъ него и его послѣдователей,—замѣчаетъ Зомбартъ,—это—конструктивное начало въ упорядоченіи матеріала, это—радикальный постулатъ единаго объясненія явленій изъ конечныхъ причинъ, это—построеніе всѣхъ историческихъ явленій въ одну соціальную систему; короче,—это то, что я называю специфически-теоретическимъ. Я могъ бы также сказать: это—Карлъ Марксъ».

По своему пониманію экономическихъ явленій и роду причинъ, къ которымъ онъ сводитъ ихъ, Зомбартъ долженъ быть причисленъ къ сторонникамъ психологическаго направленія въ экономической наукѣ.

Самымъ капитальнымъ сочиненіемъ въ ряду многочисленныхъ ученыхъ работъ Зомбарта является его трудъ «Der moderne Kapitalismus», 1902. («Современный капитализмъ»).

§ 10. Соціалъ-политика, соціализмъ каѳедры и государственный соціализмъ. Коммунистическія и соціалистическія идеи сильно отразились на взглядахъ многихъ экономистовъ, принципіально стоявшихъ на иной точкѣ зрѣнія. Еще Д. С. Милль испыталъ на себѣ вліяніе сенъ-симонизма и фурьеризма, которымъ онъ удѣляетъ видное мѣсто въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи», не только критикуя соціалистическія воззрѣнія, но во многомъ и соглашаясь съ ними. Но особенно глубоко сказалось вліяніе соціализма на представителяхъ германской исторической школы.

Будучи въ гораздо меньшей степени, чѣмъ англійскіе и фран-

цузскіе экономисты первой половины XIX в., сторонниками индивидуализма, какъ основы экономическаго порядка, послѣдователи Рошера и Книса отводили государству очень видную роль въ дѣлѣ упорядоченія экономическихъ отношеній. Они видѣли въ государствѣ могущественный регуляторъ конфликтовъ, возникающихъ на аренѣ борьбы между защитниками противорѣчивыхъ экономическихъ интересовъ и, примыкая къ направленію, которое имѣло на практикѣ своимъ выразителемъ Бисмарка, призывали государственную власть къ широкому вмѣшательству въ экономическую жизнь, въ цѣляхъ урегулированія отношеній между различными классами, въ особенности между трудомъ и капиталомъ. Въ этомъ заключалась идея соціальной политики. На почвѣ этой идеи объединилось большинство нѣмецкихъ экономистовъ.

Въ 1872 году на съѣздѣ въ Эйзенахѣ основался «Союзъ соціальной политики», выпустившій съ того времени громадное число серьезныхъ изслѣдованій и оказавшій существенное вліяніе на законодательство не только Германіи, но и другихъ странъ культурнаго міра.

Извѣстная группа экономистовъ исторической школы склонна была итти дальше другихъ по пути соціальныхъ реформъ и не отступала передъ заимствованіемъ у соціалистовъ того, что представлялось съ ея точки зрѣнія практически осуществимымъ въ рамкахъ существующаго строя. Это теченіе получило кличку «катедеръ-соціализма»—соціализма каѳедры, что указывало на принадлежность большинства сторонниковъ этого направленія къ составу профессуры [1]).

Гораздо болѣе опредѣленнымъ по своему содержанію, чѣмъ катедеръ-соціализмъ, является направленіе, называемое «государственнымъ соціализмомъ» (во Франціи—«интервенціонизмъ», или подъ нѣсколько другимъ флагомъ—«солидаризмъ»). Оно предста-

---

[1]) Въ 70-хъ гг. катедеръ-соціализмъ означалъ направленіе, боровшееся съ манчестерствомъ. Когда послѣднее потеряло свое значеніе, выраженіе „катедеръ-соціализмъ“ также вышло изъ употребленія. Во 2-й половинѣ 90-хъ гг. оно снова было пущено въ ходъ преимущественно со стороны торгово-промышленныхъ круговъ для обозначенія ученыхъ, обнаруживавшихъ расположеніе къ рабочему классу. Wirminghaus. Die nationalökonomische Wissenschaft. 1898. Стр. 15.

вляетъ опредѣленную экономическую доктрину и систему экономической политики. Государственный соціализмъ сознательно занимаетъ среднее мѣсто въ теоріи и практикѣ между двумя крайними теченіями—индивидуализмомъ и соціализмомъ [1]).

Самымъ крупнымъ представителемъ этого направленія въ экономической наукѣ является А. Вагнеръ. Признавая существующій экономическій строй преходящимъ фазисомъ экономической эволюціи, онъ высказывается за гораздо болѣе глубокія измѣненія въ немъ, чѣмъ тѣ, какія, за немногими исключеніями, вообще допускаетъ историческая школа [2]). Близко примыкаетъ къ Вагнеру Шефле.

Либеральное теченіе въ германской экономической наукѣ числитъ въ рядахъ самыхъ крупныхъ своихъ представителей проф. мюнхенскаго университета Брентано (род. въ 1840 г.). Будучи противникомъ классической школы въ области экономической теоріи, онъ является, съ другой стороны, не менѣе рѣшительнымъ противникомъ Маркса и примыкающихъ къ нему направленій. Брентано держится общихъ началъ существующаго строя и не раздѣляетъ идей государственнаго соціализма. Его симпатіи на сторонѣ свободныхъ организацій, могущихъ и безъ вмѣшательства государства уравнивать шансы представителей труда и капитала въ экономической борьбѣ. Наиболѣе виднымъ послѣдователемъ Брентано является Шульце-Геверницъ, занимающій каѳедру во Фрейбургѣ.

§ 11. Новѣйшія теченія. Экономическая наука сложилась подъ вліяніемъ очерченныхъ выше теченій мысли: индивидуализма, представленнаго классиками, соціализма, преимущественно развитаго въ ученіяхъ Родбертуса и въ особенности Маркса, и историзма, выдвинутаго германской школой. Первый указалъ на индивидуума, какъ на первоисточникъ экономическихъ явленій, второй привлекъ вниманіе къ соціальному началу, къ которому приводитъ взаимодѣйствіе индивидуальныхъ стремленій, третій выступилъ съ идеей исторической преемственности, освѣщающей дѣйствительность съ точки зрѣнія исторической перспективы. Всѣ эти теченія послѣдовательно вливались въ экономическую нау-

---

[1]) A. Wagner, Grundlegung, § 18 (изд. 1892).

[2]) Тамъ же, § 15.

ку, привнося въ нее новые элементы, необходимые для ея строенія, но мѣсто, которое каждый изъ нихъ долженъ былъ занять, и значеніе каждаго опредѣлялись не сразу. Въ началѣ послѣдней четверти прошлаго вѣка экономическая наука представляла собою плохо слаженное соединеніе идей, вытекавшихъ изъ разныхъ источниковъ.

Передъ экономической наукой встала потребность разобраться въ своемъ содержаніи, опредѣлить свои задачи, выяснить свои методы. Отвѣтомъ на эту потребность явилось сочиненіе вѣнскаго профессора К. Менгера «Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesonders» («Изслѣдованіе о методѣ соціальныхъ наукъ, въ особенности политической экономіи»), вышедшее въ 1883 г. Это сочиненіе было направлено противъ германскаго историзма, преимущественно крайняго его теченія, и приводило принципіальное различіе между теоріей и исторіей, указывая для той и другой свои, свойственные каждой изъ нихъ, методы.

Значеніе книги Менгера оказалось громадно. Она прозвучала громкимъ протестомъ противъ увлеченій и ошибокъ исторической школы и вновь направила экономическую мысль на путь теоретическаго изслѣдованія. Менгеръ далъ толчокъ процессу критическаго пересмотра понятій, уясненія задачъ и систематизаціи матеріала экономической науки, безъ которыхъ невозможно было ея дальнѣйшее развитіе. Этотъ процессъ далеко еще не закончился, хотя онъ успѣлъ уже вызвать обширную литературу.

Менгеръ явился также основателемъ особаго направленія теоретической экономіи. Вокругъ него сгруппировался рядъ экономистовъ, составившихъ т. н. «австрійскую школу». Главнѣйшіе изъ нихъ, не считая ея маститаго основателя, Бемъ-Баверкъ, Визеръ и Саксъ. Въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ австрійская школа исходитъ отъ анализа психики индивидуума, пытаясь вывести изъ нея соціальныя явленія, составляющія истинный объектъ экономической науки. Въ основѣ ученій австрійской школы лежитъ идея, т. н. предѣльной полезности, объясняющая съ помощью данныхъ психологіи экономическое значеніе для человѣка благъ, которыми онъ пользуется въ своей хозяйственной дѣятельности. Та же идея была высказана раньше Менгера нѣмецкимъ экономистомъ-математикомъ Госсеномъ и почти одно-

временно съ нимъ англійскимъ экономистомъ Стенли Джевонсомъ.

Австрійская школа получила широкое распространеніе и за предѣлами Австріи и Германіи. На почвѣ дальнѣйшаго развитія и примѣненія ея идей образовалось англо-американское направленіе, завоевывающее себѣ въ послѣдніе годы руководящее положеніе въ экономической наукѣ.

На помощь экономическому изслѣдованію все болѣе и болѣе привлекается теперь математика. Основателемъ математическаго направленія въ экономической наукѣ признается Курно, который въ 1838 г. выступилъ съ сочиненіемъ «Изысканія о математическихъ принципахъ теоріи богатствъ» («Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses»). Но только въ новѣйшее время, вмѣстѣ съ возрожденіемъ интереса къ теоріи экономическихъ явленій, образовалась математическая школа экономистовъ, насчитывающая въ своихъ рядахъ многихъ выдающихся представителей: Л. Вальраса, Эджворта, В. Парето, Борткевича и др. Къ числу экономистовъ, придающихъ важное значеніе математическому методу, принадлежитъ Маршаллъ, одинъ изъ выдающихся представителей экономической науки въ современной Англіи. Склонность къ пользованію математикой въ особенности отличаетъ экономистовъ, принадлежащихъ къ англо-американскому направленію.

Стремленіе къ точному мышленію по экономическимъ вопросамъ и приданію экономической наукѣ характера точнаго знанія получаетъ въ настоящее время свое выраженіе въ попыткахъ создать т. н. «чистую экономію», т.-е. систему экономическихъ законовъ, имѣющихъ всеобщій и совершенно точный характеръ. Къ попыткамъ этого рода относятся: «Economia pura» итальянскаго профессора Панталеони, «Economie pure» лозанскаго профессора Вильфредо Парето и др.

Потребность привести въ надлежащій порядокъ экономическія знанія и построить экономическую науку на твердомъ логическомъ и философскомъ фундаментѣ вызвала въ послѣднее время критическій пересмотръ экономическихъ понятій съ точки зрѣнія гносеологическаго обоснованія ихъ и выдвинула на очередь стремленіе уяснить философскія предпосылки экономическаго мышленія. Эта работа совершается въ связи съ разработкой методологіи экономической науки, вновь привлекающей къ себѣ въ по-

слѣдніе годы усиленное вниманіе въ связи съ современными философскими теченіями. На рубежѣ экономической науки и философіи стоятъ въ западно-европейской литературѣ работы Зиммеля, въ особенности, его «Philosophie des Geldes» («Философія денегъ»), а у насъ въ Россіи—С. Н. Булгакова («Философія хозяйства») и П. Б. Струве («Хозяйство и цѣна»). [1]).

III.

Экономическая наука въ Россіи.

§ 12. Зачатки экономической мысли въ Россіи. Зачатковъ русской экономической мысли ищутъ въ «Домостроѣ» Сильвестра и въ идеяхъ московскаго государственнаго человѣка XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина, котораго В. О. Ключевскій называетъ «однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси» [2]).

«Домострой» былъ собраніемъ правилъ объ управленіи древнерусскимъ «ойкосомъ». Хозяйство составляло лишь одну изъ сторонъ послѣдняго, и авторъ «Домостроя» посвящаетъ ей только часть своего сочиненія. Кромѣ того, онъ разсматриваетъ исключительно одинъ видъ хозяйственной дѣятельности, именно организацію потребленія, и притомъ съ крайне узкой точки зрѣнія частно-хозяйственнаго интереса. Совѣты относительно соразмѣренія расхода съ доходомъ, береженья добра и своевременной и выгодной закупки запасовъ составляютъ главное содержаніе экономическихъ мыслей Сильвестра. Въ основѣ же ихъ лежитъ общее положеніе, что богатство и благосостояніе суть результатъ праведнаго житія и справедливой дѣятельности и въ то же время являются только средствами для осуществленія того и другого. Такъ формулируетъ основную мысль «Домостроя» проф. Лешковъ, сдѣлавшій первую попытку дать очеркъ древней русской науки о народномъ богатствѣ и благосостояніи [3]).

---

[1]) Очеркъ современныхъ теченій въ экономической мысли можно найти на русскомъ языкѣ въ книгѣ Шарля Жида „Исторія экономическихъ ученій“. Пер. подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. 1915. Это сочиненіе составляетъ коллективный трудъ Жида и Риста.

[2]) См. статью Ключевскаго въ „Научномъ Словѣ“ за 1904 г. кн. III.

[3]) Статья проф. Лешкова въ юбилейномъ сборникѣ Московскаго университета „Въ воспоминаніе 12 января 1855“.

Что касается Ордина-Нащокина, то его экономическіе взгляды, по словамъ проф. Ключевскаго, сводились къ слѣдующему. Наблюденія надъ жизнью западной Европы привели Нащокина къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, заключавшагося въ томъ, что управленіе направлено было единственно на эксплоатацію народнаго труда, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали мысли Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ настоятельно доказывалъ, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія.

§ 13. Юрій Крижаничъ. Современникомъ Нащокина былъ Юрій Крижаничъ, занимающій видное мѣсто въ ряду первыхъ представителей экономической мысли въ Россіи [1]). По происхожденію хорватъ, по религіи католикъ Крижаничъ дважды ѣздилъ въ Москву въ цѣляхъ пропаганды католической религіи и съ надеждой успѣшно поработать въ пользу возсоединенія церквей. Во время второй своей поѣздки Крижаничъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ ему пришлось прожить 15 лѣтъ. Въ это время имъ было написано сочиненіе «Политичны Думы», явившееся плодомъ его наблюденій надъ жизнью Московскаго государства. Въ этомъ сочиненіи Крижаничъ излагаетъ и свои экономическія идеи.

Въ основу ученія Крижанича положена мысль, что богатство казны зависитъ отъ богатства страны, или народа. Отчасти предвосхищая извѣстное изрѣченіе физіократовъ pauvres paysans, pauvre roi, Крижаничъ утверждалъ, что, «въ кралеству убогомъ и нелюдовномъ (малолюдномъ) краль не можетъ имати обстоятельнаго богатства»; въ виду чего необходимо развивать промышленность и торговлю. Промыслы авторъ раздѣляетъ на «худые» и «добрые». Къ первымъ онъ причисляетъ алхимію, порчу монеты, эксплоатацію народа и допущеніе иностранныхъ купцовъ къ свободному торгу въ странѣ. Добрыми же промыслами Крижаничъ

---

[1]) См. В. И. Пичета. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. 1912; Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича. 1914.

считаетъ тѣ, которыми казна умножается «праведно, набожно, честно». Это—земледѣліе, ремесло, торговля и «народное строеніе, или господство», т.-е. государственное управленіе. Крижаничъ подробно разсматриваетъ условія процвѣтанія этихъ промысловъ, при чемъ всѣ его заботы направлены на содѣйствіе тому, что мы называемъ теперь развитіемъ производительныхъ силъ страны, и на защиту отечественныхъ промысловъ и торговли отъ конкуренціи иностранцевъ. Съ этой цѣлью Крижаничъ проектировалъ государственную монополію внѣшней торговли («Господарь Царь все торговство, кое сядѣетъ съ иными народми, приметъ на свое имя руку»), полагая, что только при такомъ устройствѣ можно знать обороты торговли, «смѣту товаровъ», какъ онъ выражается, и слѣдить, чтобы не привозилось и не вывозилось слишкомъ много отечественныхъ продуктовъ. Для развитія торговли авторъ рекомендуетъ «устройство торжищъ», рынковъ и ярмарокъ, и пристаней, установленіе правильныхъ мѣръ и вѣсовъ, содержаніе въ порядкѣ денежнаго обращенія и т. д. По отношенію къ ремеслу Крижаничъ является сторонникомъ цехового устройства съ предоставленіемъ цехамъ соотвѣтствующихъ привилегій.

По вопросамъ торговли и промысловъ авторъ разсуждаетъ какъ меркантилистъ, но перейдя къ земледѣлію («тежачевству»), онъ становится физіократомъ. Напоминая, что «убого кралество, убогъ краль и богато кралество, богатъ краль», онъ заявляетъ, что «тяжество есть всему богатству корень и основаніе: тежакъ (земледѣлецъ) бо кормитъ и богатитъ и себя, и ремественика, и торговца, и болярина, и краля». Подробно останавливаясь на способахъ воспособленія земледѣлію, Крижаничъ намѣчаетъ рядъ мѣръ въ этомъ направленіи. Между прочимъ, онъ рекомендуетъ перевести съ иностранныхъ языковъ нѣкоторыя «добрыя книги, коя пишутъ обо всемъ томъ», разослать по странѣ «углядниковъ» (соглядатаевъ), которые изслѣдовали бы условія земледѣльческаго промысла въ разныхъ мѣстностяхъ съ тѣмъ, чтобы направить трудъ населенія на производство наиболѣе выгодныхъ въ каждой мѣстности предметовъ, содѣйствовать развитію близкихъ къ земледѣлію промысловъ мельничнаго, кирпичнаго, по добычѣ смолы и дегтя и т. д.

По образованности, широтѣ и мѣткости своихъ взглядовъ Кри-

жаничъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего вѣка. Брикнеръ называетъ его геніальнымъ писателемъ и говоритъ, что при другихъ условіяхъ Крижаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Въ дѣйствительности онъ оставался при жизни незамѣченнымъ, и его сочиненія, напечатанныя только въ новѣйшее время, были почти неизвѣстны его современникамъ [1]). «Политичны Думы», найденныя въ рукописи проф. Безсоновымъ, напечатаны только въ 1859 г. въ «Русской Бесѣдѣ» подъ заглавіемъ «Русское Государство во второй половинѣ XVII вѣка».

§ 14. **Иванъ Посошковъ.** Столь же печальна была судьба другого писателя той же эпохи, считающагося обыкновенно первымъ русскимъ экономистомъ, Ивана Посошкова. Уроженецъ подмосковнаго села Покровскаго, крестьянинъ-самоучка, не знавшій иностранныхъ языковъ и совершенно непричастный западноевропейской наукѣ, Посошковъ много размышлялъ о потребностяхъ своей родной страны и пытался своими писаніями улучшить ея положеніе. По общему направленію своихъ мыслей онъ былъ преданнымъ сторонникомъ петровскихъ идей и мечталъ приблизиться къ Великому Преобразователю, чтобы принять участіе въ его трудахъ. Ему удалось однажды предстать передъ Петромъ въ качествѣ изобрѣтателя «огнестрѣльныхъ рогатокъ», но Петръ не обратилъ вниманія на выдающуюся личность изобрѣтателя и не приблизилъ его къ себѣ. Въ 1724 г., уже 72-хъ лѣтнимъ старикомъ, Посошковъ написалъ свой главный трудъ «Книгу о скудости и богатствѣ» и представилъ его при прошеніи самому Государю. Этотъ шагъ имѣлъ для Посошкова роковыя послѣдствія. Онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ 1 февраля 1726 г. [2]).

Упомянутый трудъ Посошкова впервые увидѣлъ свѣтъ только въ 1842 г., когда онъ былъ изданъ М. Погодинымъ. Полное заглавіе сочиненія Посошкова, нѣсколько напоминающее «Изслѣдованіе» Ад. Смита, таково: «Книга о скудости и о богатствѣ,

---

[1]) Брикнеръ. Иванъ Посошковъ. 1876, стр. 89.

[2]) См. Брикнеръ, цит. выше сочиненіе. Также Памятники русской исторіи. Иванъ Посошковъ, книга о скудости и о богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. Съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. 1911.

сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается». Содержаніе книги касается различныхъ предметовъ государственнаго управленія, какъ это видно изъ перечня главъ: I, о духовности, II, о воинскихъ дѣлахъ, III, о правосудіи, IV, о купечествѣ, V, о художествѣ, VI, о разбойникахъ, VII, о крестьянствѣ, VIII, о дворянахъ, о крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ, IX, о царскомъ интересѣ.

Посошковъ называетъ свое сочиненіе «девятирецею главъ» и говоритъ, что «сія девятиреца главъ состягаются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію». При этомъ онъ высказываетъ убѣжденіе, что въ случаѣ осуществленія его мыслей «произойдетъ умноженіе богатствъ и казны, и всей страны, не токмо едина царская сокровица со излишествомъ наполняется, но и весь народъ обогатится, и вражды многія прекратятся».

Важнымъ источникомъ для характеристики экономическихъ взглядовъ Посошкова служитъ также «Отеческое завѣщаніе», написанное имъ за нѣсколько лѣтъ до главнаго труда, именно, по предположенію Брикнера, около 1718 или 1719 гг. Сочиненіе Посошкова о деньгахъ не дошло до насъ; содержаніе его извѣстно только изъ ссылокъ на него автора въ другихъ его трудахъ.

Посошковъ по своимъ воззрѣніямъ меркантилистъ, ученикъ Петра, какъ замѣчаетъ Брикнеръ. Также, какъ Крижаничъ, онъ хорошо понимаетъ, что богатство казны зависитъ отъ богатства народа, а послѣднее отъ трудолюбія и умѣнія жителей и заключается въ предметахъ потребленія. «Не то царственное богатство, замѣчаетъ онъ, въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царственнаго Величества въ злототканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истопчевываютъ». Выше вещественнаго богатства Посошковъ ставитъ правду, которая къ тому же «весьма богатство и славу умножаетъ». О ней и нужно прежде всего пещися. Что

же касается средствъ къ непосредственному поддержанію и умноженію вещественнаго богатства, то взгляды Посошкова на этотъ предметъ проникнуты духомъ меркантилизма. Необходимо съ одной стороны принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы какъ можно меньше зависѣть отъ иноземцевъ, потому что все покупаемое отъ иностранныхъ купцовъ приводитъ къ отливу изъ страны денегъ и къ ея обѣднѣнію; а съ другой, развивать собственные отечественные промыслы.

Главная причина покупокъ у иностранцевъ ихъ товаровъ заключается въ стремленіи къ роскоши и удовлетворенію разныхъ прихотей заморскими продуктами. Поэтому Посошковъ настаивалъ на необходимости бороться съ такими привычками и ограничивать потребленіе продуктами своей собственной страны, а чего въ ней нѣтъ то постараться завести у себя дома или отъ того совершенно отказаться.

Характеризуя взгляды Посошкова на торговлю и промышленность, Брикнеръ отмѣчаетъ его «изумительную многосторонность, солидность и опытность въ техническихъ познаніяхъ» [1]). Какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ, Посошковъ не былъ физіократомъ, его симпатіи всецѣло на сторонѣ промышленниковъ и купцовъ, а не крестьянъ, которыхъ онъ винитъ въ лѣности и нерадѣніи. «Крестьянское житіе скудостно, замѣчаетъ Посошковъ, ни отъ чего иного, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичьяго насилія и отъ небреженія ихъ». Посошковъ признаетъ, что, «не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ». Тѣмъ не менѣе въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ Посошковымъ по отношенію къ земледѣлію, занимаютъ видное мѣсто строгій надзоръ за крестьянами, чтобы не гуляли и не лежебочили, и суровыя наказанія за праздность.

Сказаннаго достаточно для общей характеристики экономическихъ взглядовъ перваго русскаго экономиста, каковымъ и былъ дѣйствительно Посошковъ, если имѣть въ виду, что Крижаничъ не былъ русскимъ и въ своихъ «Политичныхъ Думахъ» изложилъ наблюденія пріѣзжаго иноземца надъ русской дѣйствительностью. Трактатъ Посошкова о скудости и богатствѣ, хотя и содержитъ

---

[1]) Цит. книга стр. 258.

въ себѣ нѣкоторыя мысли общаго характера по экономическимъ вопросамъ, лишенъ теоретическаго значенія. Это разсужденіе изъ области политики, преслѣдующее исключительно практическія цѣли. Будучи самобытно по своему происхожденію, оно по общему характеру высказанныхъ въ немъ мыслей и предлагаемыхъ мѣръ принадлежитъ къ опредѣленному теченію экономической мысли на Западѣ, извѣстному подъ названіемъ меркантилизма. Это теченіе находило въ то время почву и въ Россіи, и на этой почвѣ и выросли идеи Посошкова.

§ 15. Физіократическія идеи. Смитіанство. Дальнѣйшее развитіе русской экономической мысли происходило подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейской литературы. Физіократическія идеи оказали у насъ замѣтное вліяніе на умы во второй половинѣ XVIII вѣка, но не имѣли среди русскихъ ни одного ученаго представителя. Екатерина II подъ вліяніемъ физіократическихъ ученій внесла въ свой «Наказъ» мысли, относящіяся къ сельскому хозяйству, и провела рядъ мѣръ, проникнутыхъ склонностью къ свободной торговлѣ и покровительству земледѣлію, а въ 1765 г. учредила Вольное Экономическое Общество, сдѣлавшееся центромъ для развитія сельскохозяйственныхъ знаній.

Въ связи съ этимъ теченіемъ, и въ значительной степени въ связи съ дѣятельностью названнаго Общества, появился рядъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, по сельскому хозяйству. Таковы статьи Болотова, «Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія» Симборскаго, «Новое земледѣліе» Разнотовскаго и др. Въ 1818 г. возникло Московское Общество Сельскаго Хозяйства, также ставшее центромъ разработки сельскохозяйственныхъ знаній [1]). По мнѣнію П. Н. Милюкова «въ русскомъ обществѣ идеи физіократовъ не имѣли сколько-нибудь замѣтнаго вліянія: занятое политическими и философскими идеями, оно мало обращало вниманія на политическую экономію». Онкенъ считаетъ единственнымъ произведеніемъ физіократическаго содержанія, принадлежащимъ русскому автору, книгу кн. Голицына, бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ при Екатеринѣ II: De l'ésprit

---

[1]) См. ст. П. Н. Милюкова о физіократахъ въ Энц. Слов. Брокгауза; также В. В. Святловскій. Очерки по исторіи экономическихъ воззрѣній, I, 1913, стр. 255; и Онкена: Исторія политической экономіи.

des économistes, ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la révolution française (1796). Нашъ физіократизмъ носилъ чисто практическій характеръ и получилъ свое выраженіе преимущественно въ развитіи свѣдѣній о наилучшихъ способахъ обработки земли, а не въ построеніи какой-либо теоретической системы или, по крайней мѣрѣ, въ развитіи какихъ-либо общихъ положеній по экономикѣ.

За физіократическимъ направленіемъ слѣдуетъ періодъ смитіанства, также принесшій у насъ мало оригинальнаго. Первое изложеніе ученія Смита на русскомъ языкѣ Святловскій нашелъ въ офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, «С.-Петербургскомъ журналѣ» за 1804 г. Почти одновременно (1805 г.) вышли и «Начальныя основанія Государственнаго хозяйства» профессора Московскаго Университета Хр. Шлецера, представлявшія довольно обстоятельное изложеніе смитовской системы. Послѣ этого появился цѣлый рядъ изложеній «Изслѣдованія» Смита и первый переводъ его, сдѣланный Политковскимъ (1802—1806 гг.). Одновременно возникла и нѣкоторая переводная литература смитовскаго направленія.

Второе десятилѣтіе XIX в. было уже значительно богаче экономической литературой на русскомъ языкѣ; впрочемъ, большая часть ея состояла изъ переводовъ. Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій этого времени наиболѣе выдающимся былъ вышедшій въ 1818 г. трудъ извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля Николая Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ». Тургеневъ былъ горячимъ послѣдователемъ Смита, о чемъ онъ и заявляетъ въ предисловіи къ названному труду. Характеризуя значеніе Смитовской системы, которую онъ называетъ «критическою», съ точки зрѣнія ея вліянія на «нравственность политическую», Тургеневъ говоритъ, что занимающійся этой системой увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе» [1]). По мнѣнію Тургенева, «правила, какъ политики вообще, такъ и народнаго хозяйства и финансовъ въ особенно-

[1]) Опытъ теоріи налоговъ, стр. VIII.

сти, начертаны и утверждены безсмертнымъ Адамомъ Смитомъ и его послѣдователями». Слѣдуя этимъ правиламъ, Тургеневъ заявлялъ себя сторонникомъ свободной торговли, но полагалъ, что современное ему состояніе Европы и взаимныя отношенія государствъ дѣлали таможенныя пошлины почти необходимыми. Онъ требовалъ только, чтобы при учрежденіи ихъ слѣдовали опредѣленнымъ правиламъ, ограждающимъ интересы потребителей путемъ сохраненія соперничества въ возможныхъ предѣлахъ.

Теорія налоговъ излагается Тургеневымъ въ связи съ общими экономическими ученіями. Замѣчанія, высказываемыя имъ при этомъ о капиталѣ, о деньгахъ, о кредитѣ, не только свидѣтельствуютъ о его широкой образованности, но и доказываютъ глубину и самостоятельность его сужденій.

§ 16. Французское вліяніе. 30-е и 40-е годы были въ Россіи періодомъ увлеченія смитовскими идеями преимущественно въ изложеніи и переработкѣ французскихъ писателей. Въ 1832 г. Б. Ю. Корфомъ была переведена съ французскаго книга Іосифа Дроза «Политическая экономія, или начала науки о богатствѣ». Въ 1833 г. появился переводъ «Катехизиса Политической Экономіи» Ж. Б. Сэ, а въ слѣдующемъ—сочиненіе Макъ Коллоха «О началѣ, успѣхахъ, особенныхъ предметахъ и важности политической Экономіи». Въ 1838 г. было издано на русскомъ языкѣ «Руководство» французскаго экономиста Адольфа Бланки.

Изъ оригинальныхъ сочиненій этого періода слѣдуетъ отмѣтить трехтомное сочиненіе А. Бутовскаго «Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи» (1847 г.) и «Записки о Политической Экономіи» профессора Харьковскаго Университета Т. Степанова (I ч. 1848 г.). Въ 50-хъ гг. оригинальная литература по экономическимъ вопросамъ въ Россіи значительно разрастается. Выходитъ цѣлый рядъ сочиненій русскихъ экономистовъ, имена которыхъ занимаютъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ исторіи экономической науки въ нашемъ отечествѣ. Къ этой эпохѣ относится начало ученой дѣятельности Горлова, Вредена, Бунге и Вернадскаго, труды которыхъ появляются, впрочемъ, уже въ 60-хъ гг. Одновременно издается на русскомъ языкѣ рядъ иностранныхъ сочиненій по политической экономіи, между прочимъ: «Уединенное государство» Тюнена (пер. Волкова, 1857), «Основанія Политической Экономіи» Д. С. Мил-

ля (пер. Чернышевскаго), «Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ» А. Смита (пер. П. А. Бибикова съ примѣчаніями Бентама, Буханана, Гарнье и др.) Извѣстный общественный дѣятель, слушатель Грановскаго, М. П. Щепкинъ знакомитъ русскую публику съ Рошеромъ; и въ то же время появляется переводъ сочиненія другого представителя германской исторической школы Бруно Гильдебранта «Настоящее и будущее Политической Экономіи». Вліяніе французскихъ экономистовъ, начавшееся, какъ мы видѣли, еще въ началѣ столѣтія, продолжается и въ разсматриваемую эпоху. Переводятся на русскій языкъ сочиненія представителей направленія Ж. Б. Сэя и Бастіа (Росси, Молинари и др.); даже «Богатство народовъ» Смита выпускается Бибиковымъ, какъ указано выше, обильно снабженное примѣчаніями французскихъ писателей.

§ 17. Н. Г. Чернышевскій и новѣйшія теченія. Идеи экономическаго либерализма господствовали и въ оригинальной экономической литературѣ въ Россіи 40-хъ и 50-хъ гг., находя нѣкоторый противовѣсъ только въ романтическомъ соціализмѣ Герцена и его друзей. Рѣшительный поворотъ въ направленіи экономическихъ идей въ Россіи былъ вызванъ Н. Г. Чернышевскимъ. [1]). Критическія статьи Чернышевскаго въ «Современникѣ» по поводу появлявшихся на русскомъ языкѣ сочиненій по экономическимъ вопросамъ, его собственныя статьи объ общинномъ землевладѣніи и другихъ вопросахъ крестьянскаго устройства и, наконецъ, написанные имъ комментаріи къ сдѣланному имъ же переводу «Основаній Политической Экономіи» Д. С. Милля, рѣзко расходились съ направленіемъ экономической мысли, господствовавшимъ въ Россіи въ серединѣ прошлаго столѣтія. Чернышевскій далеко не раздѣлялъ взглядовъ Смита, Рикардо и Милля, о чемъ онъ заявлялъ въ своихъ статьяхъ и въ предисловіи къ переводу Милля, но французскую школу онъ не признавалъ даже научнымъ направленіемъ и рѣзко обрушивался на нее.

Представители экономическаго либерализма въ Россіи имѣли въ Чернышевскомъ непримиримаго противника. Его полемика съ Вернадскимъ по вопросу объ общинномъ землевладѣніи служитъ однимъ изъ яркихъ проявленій того глубокаго расхожденія во

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго (въ 10 томахъ) издано его сыномъ М. Н. Чернышевскимъ (1905—1906 гг.).

взглядахъ, которое существовало между Чернышевскимъ и представителями либеральнаго лагеря. По своимъ экономическимъ воззрѣніямъ Чернышевскій былъ горячимъ приверженцемъ коллективизма, который онъ и проповѣдывалъ съ помощью научныхъ, публистическихъ и беллетристическихъ сочиненій. Его знаменитый романъ «Что дѣлать»? оказалъ въ этомъ отношеніи глубокое вліяніе на русское общество.

Для развитія экономической мысли въ Россіи произведенія Чернышевскаго имѣли очень большое значеніе. Острая критика, которой онъ подвергалъ ученіе либеральной экономики, дала могучій толчекъ критическому направленію, наложившему печать на русскую экономическую литературу послѣдней трети прошлаго столѣтія. Чернышевскій рѣшительно отдѣлилъ ученіе классической школы отъ французскаго либерализма, формально опиравшагося на нее, но въ сущности исходившаго отъ другихъ началъ и приходившаго въ значительной мѣрѣ къ инымъ выводамъ. Въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ идей, неуклонно проводившаяся Чернышевскимъ. Другая его идея состояла въ томъ, что основныя положенія классической школы были правильны для своего времени и сохранили свое значеніе, но они требуютъ дальнѣйшаго развитія; если же сдѣлать изъ нихъ правильные выводы, то логически нельзя не притти къ идеямъ коллективизма.

Мысль о внутренней преемственности классической школы и ученій соціализма и коммунизма была развита впослѣдствіи извѣстнымъ экономистомъ Н. И. Зиберомъ въ сочиненіи «Давидъ Рикардо и К. Марксъ» и получила широкое признаніе въ нашей экономической литературѣ. Критическое направленіе Чернышевскаго подготовило у насъ умы къ воспріятію идей Маркса, горячимъ сторонникомъ и талантливымъ популяризаторомъ котораго явился тотъ же Зиберъ.

Рикардо и Марксъ стали на долгое время наиболѣе авторитетными и популярными экономистами въ Россіи. Всѣ курсы политической экономіи, появившіеся у насъ въ концѣ XIX в., за очень немногочисленными исключеніями, были построены на теоретическихъ ученіяхъ названныхъ экономистовъ. Университетское преподаваніе также велось въ духѣ идей Рикардо и Маркса,

сложившихся въ переработкѣ русскихъ экономистовъ въ своеобразную рикардо-марксовскую систему, составлявшую до недавняго времени особенность русской экономической науки. Къ наиболѣе выдающимся представителямъ этого направленія принадлежатъ А. И. Чупровъ, А. С. Посниковъ, Н. А. Каблуковъ, И. И. Иванюковъ, А. А. Исаевъ. Близко примыкаетъ къ той же школѣ, но все же занимаетъ особое мѣсто по общему направленію своихъ идей, писатель, извѣстный подъ инициалами В. В. (В. П. Воронцовъ), одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей народничества. На ряду съ нимъ слѣдуетъ поставить и переводчика Маркса Николая—она, которому принадлежитъ также сочиненіе: «Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства» (1893), представляющее попытку освѣтить условія экономическаго развитія Россіи съ народнической точки зрѣнія.

Въ серединѣ 90-хъ гг. была выдвинута философская сторона марксовскаго ученія, до того времени остававшаяся у насъ въ тѣни. Съ появленіемъ книги П. Б. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (1894) и другихъ сочиненій того же направленія общественнымъ вниманіемъ овладѣваетъ ученіе объ экономическомъ матеріализмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашу экономическую литературу проникаетъ новое пониманіе Маркса, существенно отличавшееся отъ народническаго. Среди многочисленныхъ приверженцевъ этого теченія въ первыхъ рядахъ находились наши извѣстные экономисты М. И. Туганъ-Барановскій и С. Н. Булгаковъ, съ тѣхъ поръ, впрочемъ, существенно переработавшіе свои взгляды на экономическія проблемы.

Между тѣмъ, новыя вѣянія, возникавшія на Западѣ въ средѣ самихъ послѣдователей Маркса въ сторону критическаго пересмотра его ученій въ цѣломъ, и возраставшее вліяніе австрійской школы не могли не отразиться и на направленіи русской экономической науки. Къ началу текущаго столѣтія вліяніе марксизма во всѣхъ его видахъ замѣтно стало слабѣть, и психологическое, а затѣмъ философское теченія начали получать преобладаніе.

Русская экономическая наука проявила свою самостоятельность преимущественно на поприщѣ историко-реалистическаго изслѣдованія экономической жизни Россіи; въ особенности русскаго сель-

скаго хозяйства и экономическаго быта русскаго крестьянскаго населенія. Здѣсь также слѣдуетъ отмѣтить громадное вліяніе Чернышевскаго, взгляды котораго на реформу 1861 г., условія развитія нашихъ аграрныхъ отношеній и задачи аграрной политики глубоко проникли въ сознаніе русскихъ экономистовъ. Въ этой области русская экономическая наука всегда носила опредѣленно выраженную черту широкаго демократизма и соціальнаго реформаторства.

ОТДѢЛЪ I.

Предварительныя свѣдѣнія.

ГЛАВА I.

Предметъ экономики.

§ 1. Что значитъ опредѣлить предметъ экономики? Явленія, изученіемъ которыхъ занимается экономика, не составляютъ обособленной области подобно территоріи отдѣльнаго государства на географической картѣ. Тѣ же самыя явленія, которыми интересуется экономическая наука, составляютъ предметъ изслѣдованія и многихъ другихъ отраслей знанія. Но каждая изъ наукъ, занимающихся ими, разсматриваетъ ихъ съ своей особой, ей одной присущей точки зрѣнія. Такую точку зрѣнія имѣетъ и экономика. Опредѣлить предметъ экономики, значитъ опредѣлить точку зрѣнія, съ которой она изслѣдуетъ явленія.

§ 2. Благо. Человѣкъ обладаетъ потребностями, которыя онъ можетъ удовлетворять только съ помощью предметовъ внѣшняго міра. Тѣ изъ этихъ предметовъ, которые онъ признаетъ способными по своимъ свойствамъ удовлетворять его потребности, онъ считаетъ *благами*. Блага бываютъ матеріальныя и нематеріальныя въ зависимости отъ того, какіе предметы составляютъ ихъ. Но вообще благами, къ какому бы виду они ни относились, являются для насъ только тѣ предметы, которые *мы признаемъ* годными для удовлетворенія нашихъ потребностей.

Основанія для отнесенія предметовъ къ разряду благъ могутъ быть различны. Многіе предметы, признаваемые благами, относятся нами къ этому разряду на основаніи объективныхъ данныхъ, позволяющихъ заключить объ ихъ соотвѣтствіи опредѣлен-

нымъ потребностямъ и даже точно опредѣлить степень этого соотвѣтствія. Напр., естественныя свойства каменнаго угля служатъ объективнымъ основаніемъ для заключенія о его способности удовлетворять наши потребности въ отопленіи, а химическій анализъ даетъ возможность точно опредѣлять размѣры тепловой энергіи, заключающейся въ углѣ различныхъ сортовъ.

Можно, однако, привести не мало примѣровъ, показывающихъ, что признаніе людьми тѣхъ или другихъ предметовъ благами, часто не имѣло подъ собой объективныхъ основаній и вытекало изъ сужденій, болѣе или менѣе произвольныхъ и во многихъ случаяхъ ошибочныхъ. Напр., предметы, которымъ иногда придаютъ чудодѣйственныя или цѣлебныя свойства, признаются людьми, вѣрящими въ эти свойства, благами, хотя для такого признанія нѣтъ никакихъ объективныхъ данныхъ. Амулеты, пользовавшіеся широкимъ распространеніемъ въ прежнее время, были тогда благами исключительно потому, что находились люди, вѣрившіе въ ихъ таинственную силу. Но когда эта вѣра исчезла, они перестали быть благами.

Такимъ образомъ, принадлежность предмета къ разряду благъ опредѣляется исключительно нашимъ сужденіемъ о соотвѣтствіи этого предмета человѣческимъ потребностямъ, независимо отъ основаній самого сужденія и даже его вѣрности. Все, что человѣкъ *признаетъ* способнымъ удовлетворять его потребности, на основаніи объективныхъ данныхъ или произвольно, правильно или ошибочно, есть благо. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ благо экономика; и нельзя не видѣть, что такое пониманіе отличается отъ того, которое устанавливаютъ другія отрасли знанія. Напр., медицина не признаетъ благомъ предмета, завѣдомо вреднаго для здоровья, хотя бы извѣстный кругъ людей приписывалъ этому предмету замѣчательныя цѣлебныя свойства и поэтому считалъ его благомъ. Точно также этика откажется признать благомъ удовольствіе противное нравственности, хотя съ точки зрѣнія людей, обладающихъ потребностью въ такихъ удовольствіяхъ, послѣднія являются благами. И медицина, и этика въ своихъ сужденіяхъ о благахъ руководятся высшими критеріями, требованіями здоровья и нравственнаго совершенствованія, и съ точки зрѣнія этихъ критеріевъ судятъ о томъ, отвѣчаетъ ли пользованіе даннымъ предметомъ или удовлетвореніе данной по-

требности тѣмъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ долженъ стремиться человѣкъ.

Экономика не оцѣниваетъ потребностей на основаніи какого либо высшаго критерія и не разсматриваетъ, въ какой мѣрѣ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно способенъ удовлетворить соотвѣтствующую потребность. Она довольствуется самымъ фактомъ признанія человѣкомъ предмета способнымъ доставить такое удовлетвореніе; и тамъ, гдѣ имѣется этотъ фактъ, она вводитъ понятіе блага.

§ 3. Хозяйственная цѣнность. Предметы, относимые нами къ разряду благъ, мы считаемъ желательными для насъ и поэтому цѣнимъ ихъ. Но хотя мы и цѣнимъ всѣ предметы, признаваемые нами благами, мы неодинаково реагируемъ на признаніе цѣнностями тѣхъ или другихъ благъ. Нѣкоторыя блага мы цѣнимъ очень высоко, но это не побуждаетъ насъ предпринимать какія либо дѣйствія для ихъ добыванія, производства или храненія. Какъ высоко мы ни цѣнимъ воздухъ, мы все же, при обычныхъ условіяхъ жизни, не занимаемся его изготовленіемъ и не принимаемъ мѣръ къ его сохраненію. И понятно почему. Мы хорошо знаемъ, что какъ бы широко мы ни пользовались воздухомъ, живя на поверхности земли въ нормальной обстановкѣ, мы не рискуемъ исчерпать его запасъ и ощутить недостатокъ въ немъ. Мы цѣнимъ воздухъ *въ цѣломъ*, сознавая, что исчезновеніе атмосферы повлекло бы прекращеніе жизни на землѣ, но такъ какъ запасъ воздуха практически неисчерпаемъ, то мы не связываемъ нашего существованія съ какимъ-либо отдѣльнымъ количествомъ этого блага, съ тѣмъ или другимъ конкретнымъ кубическимъ содержаніемъ его.

При нормальныхъ условіяхъ жизни воздухъ имѣетъ для насъ *родовую цѣнность*, но не имѣетъ *конкретной цѣнности*.

Но перенесемся въ необычныя условія, напр., въ обстановку жизни въ подводной лодкѣ. Здѣсь запасъ воздуха составляетъ строго ограниченную величину, разсчитанную на опредѣленное время пользованія; каждый кубическій сантиметръ воздуха необходимъ для поддержанія жизни людей, находящихся въ субмаринѣ. При такихъ условіяхъ естественное чувство самосохраненія заставляетъ этихъ людей бережно хранить имѣющійся у нихъ запасъ воздуха и заботиться о его пополненіи. Въ такой обстановкѣ воздухъ имѣетъ не только родовую, но и конкретную цѣн-

ность. Цѣнится не только воздухъ вообще, но и данный его запасъ и каждая единица послѣдняго. И сознаніе конкретной цѣнности воздуха служитъ для людей, находящихся въ субмаринѣ, побужденіемъ къ дѣятельности, направленной на образованіе запасовъ его и ихъ храненіе.

Хозяйственная цѣнность благъ есть, прежде всего, конкретная, а не родовая цѣнность. *Это значеніе опредѣленнаго количества, того или другого блага для опредѣленнаго субъекта.*

Но хозяйственная цѣнность обладаетъ и другимъ признакомъ. Она измѣняется въ зависимости отъ количества блага: повышаясь съ уменьшеніемъ его и понижаясь съ его увеличеніемъ. Этимъ хозяйственная цѣнность отличается отъ другихъ видовъ конкретной цѣнности, напр., эстетической. Картины знаменитаго живописца, напр., Рафаэля, цѣнятся съ эстетической точки зрѣнія, какъ конкретное произведеніе искусства. Но эстетическая цѣнность такой картины не зависитъ отъ числа подобныхъ же картинъ. Мы наслаждаемся созерцаніемъ сикстинской мадонны, не потому что она одна. Если бы такихъ точно мадоннъ было нѣсколько, эстетическая цѣнность каждой изъ нихъ не понизилась бы.

Въ отличіе отъ эстетическихъ цѣнностей хозяйственныя находятся въ зависимости отъ количественнаго момента.

Одни и тѣ же предметы могутъ быть оцѣниваемы на основаніи различныхъ критеріевъ, въ томъ числѣ хозяйственнаго, на ряду съ другими. Любитель картинъ оцѣниваетъ ихъ какъ произведенія искусства, а торговецъ примѣняетъ къ тѣмъ же картинамъ хозяйственную оцѣнку: рѣдкія картины онъ цѣнитъ дороже не потому, чтобы онѣ доставляли ему большее эстетическое наслажденіе, а потому, что ихъ мало. Всякій предметъ, къ какому бы роду или виду онъ ни принадлежалъ, становится хозяйственной цѣнностью, если мы придаемъ ему конкретную цѣнность въ указанномъ выше смыслѣ и ставимъ послѣднюю въ связь съ количественнымъ моментомъ. Говоря житейскимъ языкомъ предметъ, оцѣниваемый такимъ способомъ, дѣлается товаромъ, который можетъ продаваться и покупаться, и цѣна котораго опредѣляется спросомъ и предложеніемъ.

Съ этой точки зрѣнія самыя возвышенныя блага могутъ становиться хозяйственными цѣнностями. Убѣжденія, честь, любовь, продаваемыя ихъ обладателями, расцѣниваются на рынкѣ такъ же,

какъ сукно или желѣзо, т.-е. въ зависимости отъ спроса и предложенія ихъ. Количественный моментъ имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе.

Тѣ блага, которыя имѣются въ такомъ количествѣ, что утрата какой либо части ихъ неизбѣжно влечетъ за собою и сокращеніе размѣровъ удовлетворенія соотвѣтствующей потребности, являются *количественно ограниченными*. Напр., воздухъ въ подводной лодкѣ, вода въ безводной пустынѣ и т. п. Такія блага обладаютъ хозяйственной цѣнностью и называются *хозяйственными благами*. Блага, количество которыхъ въ указанномъ смыслѣ неограничено, напр., воздухъ на поверхности земли, вода для людей, живущихъ на берегу многоводной рѣки, и т. п., не имѣютъ хозяйственной цѣнности и называются *свободными благами*.

§ 4. Виды хозяйственныхъ цѣнностей. Если представить себѣ человѣка, живущимъ внѣ общества, но обладающимъ извѣстной совокупностью потребностей, которыя онъ стремится удовлетворить съ помощью предметовъ внѣшняго міра, то анализъ психики такого человѣка покажетъ, что понятіе хозяйственной цѣнности не чуждо ему. Его сознаніе отдѣлитъ во внѣшнемъ мірѣ предметы, могущіе удовлетворять его потребностямъ, отъ остальныхъ и построитъ такимъ образомъ категорію благъ. Въ свою очередь въ предѣлахъ этой категоріи онъ раздѣлитъ блага на двѣ группы: существующихъ въ неограниченномъ количествѣ, которыя будутъ имѣть для него только родовую цѣнность, и количественно ограниченныхъ, которыя будутъ представлять въ его глазахъ конкретныя цѣнности, причемъ ихъ значеніе будетъ зависѣть отъ ихъ количества. Блага этой послѣдней группы воображаемый нами субъектъ будетъ разсматривать какъ хозяйственныя цѣнности.

Въ предположенныхъ здѣсь условіяхъ, хозяйственная цѣнность благъ будетъ опредѣляться исключительно индивидуальными переживаніями субъекта и поэтому явится *субъективной*.

Но въ исторической дѣйствительности человѣкъ никогда не жилъ изолированно, внѣ общества себѣ подобныхъ. Поэтому и оцѣнки благъ складываются для него не только подъ вліяніемъ его индивидуальныхъ переживаній. Личныя переживанія каждаго изъ субъектовъ, живущихъ въ обществѣ, вліяютъ на другихъ и сами подвергаются вліяніямъ со стороны. Оцѣнки, возни-

кающія изъ взаимодѣйствія переживаній, не носятъ уже индивидуальнаго характера, какъ при изолированномъ состояніи людей. Онѣ представляютъ результаты коллективной жизни, и для каждаго индивидуума имѣютъ значеніе явленій, существующихъ, какъ бы внѣ его. Онъ сознаетъ, что не въ его власти измѣнить ихъ и считается съ ними, какъ съ фактами внѣшняго міра. Такимъ образомъ въ общественной средѣ, хозяйственныя цѣнности получаютъ внѣ-индивидуальный, *объективный характеръ*.

Такой объективный характеръ имѣетъ *цѣна*. Она немыслима въ изолированной обстановкѣ жизни. Это хозяйственная цѣнность, слагающаяся въ соціальныхъ условіяхъ, какъ продуктъ воздѣйствія людей другъ на друга. Для Робинзона, пока онъ жилъ одинъ на своемъ островѣ, существовала только субъективная цѣнность, но цѣна въ его жизни не могла возникнуть. Цѣна предполагаетъ общеніе людей—торгъ, императивное воздѣйствіе однихъ на другихъ или общественное и государственное регулированіе.

Связь между субъективной и объективной цѣнностями, или короче—между цѣнностью и цѣною [1]) выражается, въ томъ, что цѣною не могутъ обладать блага, не имѣющія цѣнности. Только тотъ предметъ, который кѣмъ-нибудь цѣнится съ субъективной точки зрѣнія, можетъ получить и объективную цѣнность, или цѣну. То, что никѣмъ не цѣнится, не можетъ имѣть и цѣны.

§ 5. Хозяйственная дѣятельность, или хозяйствованіе. Человѣкъ поставленъ природою въ такія условія, что онъ вынужденъ предпринимать извѣстную дѣятельность, чтобы удовлетворять свои потребности. Задумывая направить свои силы на какую-нибудь цѣль, мы заранѣе представляемъ себѣ значеніе того результата, который разсчитываемъ достигнуть, и рѣшаемся предпринять соотвѣтствующія дѣйствія лишь въ томъ случаѣ, если ожидаемый результатъ представляется намъ достаточно цѣннымъ.

Мысль о цѣнности предшествуетъ дѣйствію и она же предопредѣляетъ его характеръ и направленіе въ дальнѣйшемъ.

Мы не можемъ дѣйствовать не затрачивая нашихъ силъ. И нерѣдко намъ приходится, кромѣ того, употреблять для успѣш-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть для краткости хозяйственную субъективную цѣнность *цѣнностью*, а объективную — *цѣною*.

ности нашихъ дѣйствій и матеріальные предметы, которые при этомъ цѣликомъ или по частямъ уничтожаются. Иными словами, ради удовлетворенія нашихъ потребностей, мы вынуждены нести извѣстныя жертвы въ видѣ нашихъ собственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Эти жертвы составляютъ затраты, производимыя для достиженія поставленной цѣли.

Разумная дѣятельность регулируется стремленіемъ ея субъекта добиться наивысшихъ результатовъ при данныхъ пожертвованіяхъ или получить данный результатъ съ наименьшими пожертвованіями. Это правило всякой разумной дѣятельности называется *экономическимъ принципомъ*. Осуществленіе его предполагаетъ соизмѣреніе пожертвованій съ получаемыми благодаря имъ результатами: чтобы выяснить, достигается ли при данныхъ пожертвованіяхъ наибольшій результатъ, или достигнутъ ли данный результатъ съ наименьшими пожертвованіями, необходимо произвести сравненіе понесенныхъ жертвъ и полученныхъ результатовъ. Сравненіе же возможно только при существованіи общаго мѣрила, которымъ могли бы быть измѣрены сравниваемые предметы. Такимъ общимъ мѣриломъ въ настоящемъ случаѣ и служитъ цѣнность.

Предпринимая какую-нибудь дѣятельность для достиженія опредѣленнаго результата, мы предварительно сравниваемъ значеніе, или цѣнность того, чего мы лишимся въ видѣ предстоящихъ затратъ, съ значеніемъ, или цѣнностью того, что мы пріобрѣтемъ. И разъ мы приняли рѣшеніе предпринять намѣченную дѣятельность, мы и дальше регулируемъ ее согласно экономическому принципу, пользуясь для этого сопоставленіемъ нашихъ затратъ съ ожидаемыми результатами путемъ сравненія затрачиваемыхъ и пріобрѣтаемыхъ цѣнностей.

Такимъ образомъ, понятіе цѣнности лежитъ въ основѣ всякой дѣятельности, направленной къ опредѣленной цѣли и это же понятіе служитъ регуляторомъ самой дѣятельности.

Если объектомъ нашей дѣятельности служатъ предметы, обладающіе хозяйственной цѣнностью, короче, хозяйственныя блага, то и самая дѣятельность психологически связывается съ понятіемъ хозяйственной цѣнности и становится *хозяйственной*.

Въ условіяхъ изолированнаго существованія хозяйственная дѣятельность связывается съ субъективной цѣнностью. Робинзонъ,

принимаясь за изготовленіе челнока, исходилъ изъ представленія о цѣнности, которую челнокъ представлялъ для него съ точки зрѣнія его личныхъ потребностей, т.-е. отъ субъективной цѣнности челнока.

Въ условіяхъ соціальной жизни, хозяйственная дѣятельность связывается съ понятіемъ объективной цѣнности, или цѣны.

Задумывая, производство какого либо товара, предприниматель раньше высчитываетъ, сколько онъ можетъ выручить на рынкѣ за будущій продуктъ при существующей или ожидаемой цѣнѣ на него, и покроетъ ли предполагаемая выручка его расходы. Этимъ дѣятельность предпринимателя связывается съ понятіемъ цѣнности, въ данномъ случаѣ объективной, въ формѣ цѣны, и поэтому является хозяйственной.

Такимъ образомъ хозяйственной дѣятельностью, или хозяйствованіемъ, называется дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребностей, поскольку она психологически связывается съ субъективной хозяйственной цѣнностью или цѣною.

Хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью добываніе и производство хозяйственныхъ благъ, ихъ передвиженіе съ одного мѣста на другое и различныя дѣйствія, направленныя на то, чтобы способствовать удобному и своевременному переходу хозяйственныхъ благъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, пока они не достигнутъ своего конечнаго назначенія—прямо или косвенно служить удовлетворенію потребностей.

Хозяйственная дѣятельность связана съ существованіемъ постоянныхъ и временныхъ организацій различнаго типа и многихъ учрежденій, предназначенныхъ облегчать эту дѣятельность и содѣйствовать ея успѣшности. Таковы, напр., деньги, кредитъ и кредитныя учрежденія, рынки, биржи, предпринимательскіе и рабочіе союзы и т. п.

§ 6. Предметъ экономики. Итакъ, анализъ индивидуальной психологіи показываетъ, что въ нашемъ сознаніи существуетъ понятіе субъективной цѣнности. Оно не является логической конструкціей, сооруженной для болѣе удобнаго объясненія дѣйствительности. Понятіе хозяйственной цѣнности есть психологическій фактъ, существовавшій и существующій независимо отъ какихъ либо научныхъ построеній. Понятіе хозяйственной цѣн-

ности существовало и тогда, когда экономической науки еще не было, и если бы она какимъ-нибудь образомъ упразднилась, то все же понятіе хозяйственной цѣнности продолжало бы существовать, пока существовалъ бы человѣкъ съ присущей ему психикой.

Въ соціальной области цѣнность получаетъ объективный характеръ и становится цѣною.

Экономика, какъ соціальная наука, изслѣдуетъ явленія цѣнности въ этой послѣдней формѣ, какъ соціальную оцѣнку, обращаясь къ субъективной цѣнности постольку, поскольку это необходимо для объясненія соціальныхъ явленій.

Затѣмъ экономика изслѣдуетъ хозяйственную дѣятельность, какъ явленіе психологически связанное съ хозяйственной цѣнностью, въ частности цѣною, а также условія хозяйственной дѣятельности, и тѣ организаціи и учрежденія, которыя существуютъ въ связи съ нею и для нея.

Короче—*предметомъ экономики служатъ соціальныя явленія, связанныя въ нашемъ сознаніи съ хозяйственной цѣнностью или цѣною.*

ГЛАВА II.

Вопросъ о предметѣ экономики въ научной литературѣ.

§ 7. Экономика какъ наука о народномъ богатствѣ. Въ теченіе долгаго времени предметомъ экономической науки признавалось изслѣдованіе явленій народнаго богатства. Хронологически опредѣленія этого рода—самыя старыя.

Народное богатство составляло предметъ изслѣдованія меркантилистовъ. За ними и физіократы называли объектъ экономической науки—richesses. Такъ же поступали и классики. Адамъ Смитъ далъ своему трактату заглавіе: «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ», Дж. Ст. Милль утверждалъ, что экономисты ставятъ цѣлью своей науки изученіе сущности богатства, законовъ его производства и распредѣленія. По мнѣнію Милля, понятіе богатства даетъ достаточно точное представленіе о предметѣ экономики, потому что явленія богатства отличаются настолько ясными признаками, что смѣшать ихъ съ явле-

ніями другого рода, едва ли возможно. Всякій знаетъ, замѣчаетъ Милль, что богатство это одно, а религія, этика—другое [1]).

Нельзя не согласиться съ Миллемъ, что понятіе богатства отличается достаточно опредѣленными признаками, чтобы не смѣшать его съ такими понятіями, какъ религія или этика. Признакомъ богатства служитъ матеріальность благъ, входящихъ въ его составъ, между тѣмъ, какъ этика и религія имѣютъ дѣло съ нематеріальными, духовными благами. Тѣмъ не менѣе, опредѣленіе Милля вызываетъ противъ себя настолько существенныя возраженія, что признать его отвѣчающимъ требованіямъ научной терминологіи было бы неправильно.

Прежде всего заключающееся въ миллевскомъ опредѣленіи утвержденіе, что экономика занимается исключительно матеріальными благами, можетъ быть допущено только съ оговорками, о чемъ будетъ сказано подробнѣе ниже. Но и независимо отъ этого, опредѣленіе Милля въ лучшемъ случаѣ указываетъ область экономическихъ изслѣдованій, но не даетъ точнаго опредѣленія самого предмета ихъ. Сказать, что экономика изслѣдуетъ явленія богатства, т.-е. матеріальнаго благосостоянія, не значитъ еще опредѣлить предметъ экономики, потому что явленіями матеріальнаго благосостоянія занимаются и другія науки, напр., техника. Этими явленіями интересуются и нѣкоторыя юридическія дисциплины—гражданское право. Этнографія, поскольку она занимается матеріальной культурой, также работаетъ въ той же области.

Милль не опредѣляетъ той спеціальной точки зрѣнія, съ которой экономика подходитъ къ явленіямъ матеріальнаго благосостоянія, и поэтому его опредѣленіе не даетъ точныхъ признаковъ предмета экономической науки. Противъ опредѣленія Милля, возражалъ Н. Г. Чернышевскій въ своихъ комментаріяхъ къ переводу «Основаній политической экономіи» Милля [2]). Онъ указывалъ на неопредѣленность термина «богатство». Экономисты понимаютъ подъ нимъ матеріальное благосостояніе, какъ нѣчто абсолютное, между тѣмъ въ жизни тому же термину придаютъ также и относительное значеніе. Наука, изслѣдуя богатство

[1]) Principles of Political Economy by I. S. Mill. Русскіе переводы Чернышевскаго, Остроградскаго и А. Миклашевскаго—послѣдній сокращенный въ серіи „Библіотека Экономистовъ“, вып. IV.

[2]) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, т. VII.

народа, не ставитъ непремѣнно вопроса, почему данный народъ пользуется бо́льшимъ или меньшимъ благосостояніемъ, чѣмъ другіе. Житейское же понятіе богатства обычно вызываетъ представленіе объ извѣстной степени благосостоянія, превышающей средній уровень.

Проф. Р. М. Орженцкій возражаетъ противъ опредѣленія Милля съ другой точки зрѣнія. «Богатство,—говоритъ онъ,—обнимаетъ собою извѣстный кругъ вещей: для того, чтобы составить объектъ особой науки, эти вещи должны обладать нѣкоторымъ особымъ характернымъ признакомъ, который дѣлалъ бы изъ нихъ явленія особаго рода—признакомъ экономичности. Если пользоваться для опредѣленія экономической науки понятіемъ богатства, то и приходится искать этотъ признакъ въ вещахъ, такъ какъ богатство есть ничто иное, какъ совокупность вещей. Но политическая экономія не есть наука о вещахъ; это признаютъ и тѣ авторы, которые опредѣляютъ ее, какъ науку о богатствѣ»[1]).

Изложенныя соображенія имѣютъ не только историко-литературный интересъ. И въ настоящее время, въ англійской и американской литературѣ, широко распространены опредѣленія, основанныя на понятіи богатства.

§ 8. Экономика, какъ наука о матеріальныхъ потребностяхъ и ихъ удовлетвореніи. Опредѣленія предмета экономики, основанныя на раздѣленіи потребностей на матеріальныя, или низшія, и нематеріальныя, или высшія, по существу близко подходятъ къ тѣмъ, которыя основаны на богатствѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, предметъ экономической науки относится къ области явленій, связанныхъ съ матеріальными благами. Но здѣсь говорится не о матеріальныхъ благахъ, а о матеріальныхъ потребностяхъ. Эта формулировка также вызываетъ возраженія.

Главное изъ нихъ касается самаго понятія матеріальныхъ потребностей. Что разумѣть подъ нимъ и настолько ли оно просто и точно, какъ это представляется съ перваго взгляда?

Подъ матеріальными потребностями можно разумѣть потребности тѣла (въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п.) въ отличіе отъ потребностей духа (въ знаніи, эстетическихъ наслажденіяхъ и пр.). Первыя называютъ иногда низшими, а послѣднія—высшими, духовными.

---

[1]) Ученіе объ экономическомъ явленіи. 1903.

Такое пониманіе порождаетъ серьезныя недоразумѣнія, на которыя и указываетъ напр. Штамлеръ [1]). Если примкнуть къ тому взгляду, что экономика интересуется только матеріальными (низшими) потребностями и исключаетъ изъ своего вѣдѣнія нематеріальныя (высшія), то, по справедливому замѣчанію Штамлера, придется сдѣлать выводъ, что фабрикація полотна, когда оно употребляется для изготовленія одежды, мѣшковъ подъ картофель, палатокъ или парусовъ, относится къ предмету экономической науки; если же полотно покупается художникомъ для изображенія на немъ исторической картины, то фабрикація его выходитъ за предѣлы вѣдѣнія экономики.

Съ другой стороны, многія потребности высшаго порядка, относящіяся къ духовнымъ, требуютъ для своего удовлетворенія пользованія матеріальными предметами. Книга нужна намъ для развлеченія или обогащенія ума, музыкальный инструментъ—для полученія эстетическаго наслажденія, священное изображеніе—для символическаго выраженія религіозныхъ чувствъ. Всѣ эти предметы, какъ и многіе другіе того же рода, представляютъ съ извѣстной точки зрѣнія хозяйственныя блага, обладающія цѣнностью или цѣною, какъ и другіе товары, продающіеся и покупаемые на рынкѣ, словомъ, входящіе въ кругъ вѣдѣнія экономики, поскольку ихъ возникновеніе и существованіе связано съ основной экономической категоріей—цѣнностью. Поэтому приходится признать: или что экономика занимается также явленіями, вытекающими изъ удовлетворенія духовныхъ, нематеріальныхъ потребностей, или же признать перечисленныя выше потребности матеріальными, что было бы явно неправильно.

Если стать на послѣднюю точку зрѣнія, то пришлось бы одну и ту же потребность отнести въ однихъ случаяхъ къ матеріальнымъ, а въ другихъ—къ нематеріальнымъ. Напр., религіозное чувство, удовлетворяемое съ помощью молитвы, произносимой по молитвеннику, было бы матеріальной потребностью, а если бы оно удовлетворялось безъ помощи матеріальнаго предмета—книги, мы должны были бы отнести его къ нематеріальнымъ потребностямъ.

---

[1]) R. Stammler. Wirthschaft und Recht; рус. пер. „Хозяйство и Право". См. также его статью въ HWB—Recht.

Проф. А. Билимовичъ выходитъ изъ этого затрудненія съ помощью очень тонкаго разграниченія матеріальныхъ и нематеріальныхъ потребностей. Матеріальными, или хозяйственными, онъ называетъ только потребности, удовлетворяемыя съ помощью матеріальныхъ предметовъ. Если же нематеріальная, или духовная, потребность тоже требуетъ для своего удовлетворенія матеріальнаго предмета, то это не значитъ, что нематеріальная потребность стала матеріальной, а только то, что она порождаетъ другую потребность, которая уже является матеріальной. Напр., эстетическая потребность въ музыкѣ порождаетъ матеріальную потребность въ музыкальномъ инструментѣ, духовная потребность въ выраженіи религіознаго чувства, порождаетъ матеріальную потребность въ церковныхъ зданіяхъ, церковной утвари, иконахъ и т. д. [1]).

Несмотря на остроуміе изложенной аргументаціи, она все же представляется намъ основанной на нѣкоторомъ недоразумѣніи и во всякомъ случаѣ не мѣняющей существа дѣла. Потребности въ матеріальныхъ предметахъ, порождаемыя нематеріальными потребностями, не имѣютъ самостоятельнаго значенія и поэтому не могутъ быть отдѣлены отъ послѣднихъ. Нематеріальныя потребности порождаютъ надобность въ матеріальныхъ предметахъ, именно потому, что эти предметы необходимы для удовлетворенія упомянутыхъ потребностей. Поэтому, по существу остается тотъ же вопросъ: слѣдуетъ ли относить къ числу матеріальныхъ такія нематеріальныя потребности, которыя требуютъ для своего удовлетворенія матеріальныхъ предметовъ? Для экономики такое раздѣленіе потребностей и неважно. Поскольку ея область охватываетъ матеріальный бытъ, для нея имѣетъ значеніе: во-первыхъ, существованіе у человѣка потребностей, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, которыя удовлетворяются, прямо или косвенно, съ помощью матеріальныхъ предметовъ, и, во-вторыхъ, то, что только часть этихъ предметовъ, необходимыхъ человѣчеству, находится въ его распоряженіи въ неограниченномъ количествѣ, другая же часть количественно ограничена, вслѣдствіе чего она пріобрѣтаетъ въ глазахъ людей особое значеніе, именно, цѣнность и цѣну. Но ограничивается ли область экономики матеріальнымъ бытомъ?

[1]) А. Билимовичъ. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ I. 1914.

§ 9. Нематеріальныя блага. До сихъ поръ мы предполагали, что экономика занимается исключительно явленіями, связанными съ цѣнностью и цѣною матеріальныхъ благъ. Фактически экономика и занималась только этими явленіями, отклоняясь въ сторону, лишь поскольку это было необходимо для ихъ уясненія. Но принципіальный вопросъ, примѣнимы ли признаки «экономичности» и къ явленіямъ нематеріальной культуры, фактическимъ положеніемъ дѣла не разрѣшается. Есть немало экономистовъ, отвѣчающихъ на него въ томъ смыслѣ, что экономическіе понятія и законы примѣнимы и къ нематеріальнымъ благамъ.

Горячимъ сторонникомъ этого взгляда былъ Ж. Б. Сэ. Къ производителямъ матеріальныхъ предметовъ онъ приравнивалъ производителей нематеріальныхъ благъ: военныхъ, судей, чиновниковъ и священниковъ. Дѣятельность этихъ лицъ, по его мнѣнію, носитъ всѣ признаки хозяйственной дѣятельности. Сэ усматривалъ ихъ въ томъ, что производство нематеріальныхъ благъ такъ же, какъ и матеріальныхъ, требуетъ наличности у ихъ производителей опредѣленныхъ познаній, что оно обусловлено существованіемъ предпринимателей, примѣняющихъ эти познанія на благо потребителей, и т. д. [1]).

Такихъ же взглядовъ на этотъ вопросъ держались и многіе другіе. Напр., Шефле, вообще ограничивающій область экономики матеріальной культурой, тѣмъ не менѣе вводитъ въ кругъ экономики особый разрядъ благъ, которыя онъ называетъ «личными услугами символическаго рода». Это одинъ изъ видовъ символическихъ благъ, служащихъ вообще средствами для изображенія или сообщенія чего-либо другимъ.

Подъ понятіе личныхъ услугъ упомянутаго рода Шефле подводитъ и непринужденную бесѣду, и серьезныя сообщенія, и преподаваніе, и воспитаніе. Но онъ, впрочемъ, признаетъ, что блага этого рода допускаютъ хозяйственную точку зрѣнія только въ извѣстныхъ границахъ [2]).

Изъ русскихъ экономистовъ очень энергично защищалъ взгляды Сэ авторъ «Опыта о народномъ богатствѣ» (1847 г.) Бутовскій.

---

[1]) J. B. Say. Cathéchisme d'Economie politique. 4 ed. 1835.

[2]) См. статью Шефле,—Ueber die volkswirthschaftliche Natur der Darstellung und Mitteilung въ Z. d. g. S., 1873.

По существу вопроса слѣдуетъ признать, какъ было указано выше, что къ нематеріальнымъ благамъ примѣнима хозяйственная оцѣнка; слѣдов., возможны въ примѣненіи къ нимъ, въ той или другой степени, и явленія, связанныя съ категоріями хозяйственной цѣнности и цѣны. Хотя доводы, приводимые Сэ и его послѣдователями, и неубѣдительны, но самое положеніе, защищаемое этими доводами, принципіально правильно.

Тѣмъ не менѣе принципіальное рѣшеніе вопроса о матеріальныхъ и нематеріальныхъ благахъ, съ хозяйственной точки зрѣнія, еще не разрѣшаетъ вопроса о предѣлахъ экономической науки. Ограниченіе предмета экономики областью матеріальной культуры—вопросъ не принципа, а цѣлесообразности. Въ принципѣ ничего нельзя было бы возразить противъ включенія въ область экономики явленій, связанныхъ съ удовлетвореніемъ потребностей въ нематеріальныхъ благахъ. Но практически такое расширеніе вѣдѣнія экономической науки было бы крайне неудобно.

Хотя нематеріальныя блага и допускаютъ хозяйственную оцѣнку, все же условія ихъ возникновенія, распространенія и усвоенія людьми существенно отличны отъ условій, въ которыхъ находятся матеріальныя блага. Вслѣдствіе этого включеніе явленій нематеріальной культуры въ область экономики, во всякомъ случаѣ, потребовало бы отдѣльнаго разсмотрѣнія ихъ отъ явленій матеріальной культуры. Подъ флагомъ экономики пришлось бы вести нѣсколько параллельныхъ изслѣдованій, которыя представляли бы извѣстную аналогію, но не совпадали бы между собою. Такъ поступаетъ, напр., Бутовскій, занимающійся въ своемъ трактатѣ и гигіеной, и педагогикой, и многими другими предметами, увлекающими его въ области, очень далекія отъ круга вопросовъ, которымъ посвящена главная часть его сочиненія. Едва ли это цѣлесообразно. Не даромъ экономика фактически всегда была наукой о явленіяхъ матеріальной культуры, разсматриваемыхъ съ опредѣленной точки зрѣнія. Она оставалась такой даже въ трудахъ тѣхъ экономистовъ, которые стремились расширить ея рамки.

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо замѣтить, что экономика, ограничивая свой предметъ явленіями матеріальной культуры, отнюдь этимъ самымъ не отказывается отъ привлеченія въ область своихъ изслѣдованій и явленій духовной культуры. Но она дѣлаетъ это лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ явле-

нія послѣдняго рода могутъ быть приведены въ достаточно ясную, поддающуюся изслѣдованію и по возможности точному учету, связь съ хозяйственной дѣятельностью, имѣющей своимъ объектомъ матеріальныя блага.

§ 10. Экономическій принципъ. Многіе экономисты опредѣляютъ предметъ экономики съ помощью, такъ наз., «экономическаго принципа». Согласно этому взгляду признакомъ, отличающимъ экономическія явленія отъ всѣхъ другихъ, является то, что человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности стремится «достигнуть наибольшихъ результатовъ съ наименьшими затратами». Съ этой цѣлью онъ сравниваетъ производимыя имъ пожертвованія съ получаемыми или ожидаемыми выгодами. Установленіе такого баланса пожертвованій и выгодъ и составляетъ, по мнѣнію упомянутыхъ экономистовъ, характерную черту хозяйственныхъ, или экономическихъ явленій.

Эта мысль была выдвинута впервые нѣмецкимъ экономистомъ Германомъ и вслѣдъ за нимъ принята многими другими (Ад. Вагнеръ, А. И. Чупровъ и др.).

Точнѣе, формулированный экономическій принципъ заключается въ томъ, чтобы при *данной* затратѣ достигнуть наибольшихъ результатовъ, или *данныхъ* результатовъ достигнуть съ наименьшими затратами. Когда производится сравненіе результатовъ, то сравниваются между собою по величинѣ различные результаты, достигаемые или достижимые при помощи опредѣленной затраты. Если же сравниваются затраты, то сравненію подвергается величина затратъ, съ помощью которыхъ можетъ быть достигнутъ опредѣленный результатъ.

Экономическій принципъ несомнѣнно составляетъ правило *разумной* хозяйственной дѣятельности. Но не одна только хозяйственная дѣятельность, если она разумна, подчиняется экономическому принципу. Какъ уже указано выше, это правило *всякой разумной* дѣятельности, къ какой бы области она ни относилась.

Поэтому философъ Авенаріусъ и говоритъ объ «экономикѣ мысли» (Denkökonomik), разумѣя при этомъ вообще примѣненіе экономическаго принципа въ человѣческомъ мышленіи. Другой философъ, Махъ, опредѣляя цѣль естественныхъ наукъ, видитъ ее въ примѣненіи экономическаго принципа къ научному изслѣдованію [1]).

[1]) См. статью Eulenburg'a „Gesellschaft und Natur“ въ Arch. f. S. XXI.

Орженцкій называетъ экономическій принципъ «изображеніемъ способа функціонированія психики въ области сознательно-произвольныхъ дѣйствій,—способа, присущаго психикѣ и составляющаго ея прирожденное свойство» [1]).

Въ виду такого значенія экономическаго принципа, Дитцель, Штамлеръ и другіе справедливо указываютъ, что экономическій принципъ, характеризуя *всякую разумную* дѣятельность, не можетъ служить отличительнымъ признакомъ одного изъ видовъ разумной дѣятельности, именно—хозяйственной.

Выше уже было выяснено, что примѣненіе экономическаго принципа обусловлено предварительнымъ признаніемъ желательности предпринимаемаго дѣйствія, что въ свою очередь связано съ признаніемъ ожидаемаго результата, имѣющимъ цѣнность. Такимъ образомъ понятіе экономическаго принципа предполагаетъ понятіе цѣнности, какъ болѣе общей категоріи.

Наконецъ, экономическій принципъ характеризуетъ только *разумную* хозяйственную дѣятельность, но можетъ быть и неразумная дѣятельность, которая тѣмъ не менѣе будетъ обладать признакомъ хозяйственной дѣятельности. Очевидно, что такимъ признакомъ не можетъ быть экономическій принципъ.

Не будучи характернымъ для хозяйственныхъ явленій, экономическій принципъ составляетъ, однако *необходимую предпосылку разумнаго хозяйствованія*. И такъ, какъ экономика предполагаетъ разумность изслѣдуемыхъ ею хозяйственныхъ дѣйствій человѣка, то она въ своихъ изслѣдованіяхъ исходитъ отъ общаго предположенія, что люди въ своей хозяйственной дѣятельности слѣдуютъ экономическому принципу.

§ 11. Современныя теченія. Вопросъ объ опредѣленіи предмета экономической науки разсматривался нѣкоторыми экономистами какъ вопросъ объ «экономическомъ явленіи», т.-е. о признакахъ, дѣлающихъ явленіе экономическимъ.

Проблема эта была поставлена въ литературѣ только въ новѣйшее время, когда вопросъ о научныхъ опредѣленіяхъ и научной терминологіи сталъ привлекать къ себѣ вниманіе. Поводомъ къ этому послужили новѣйшія философскія теченія, заставившія

---

1) См. его статью „Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ отношеній и методѣ ихъ изученія“. Юрид. Вѣстн. 1914. V.

и экономику подвергнуть пересмотру свои основные понятія и термины.

Главное пріобрѣтеніе, которымъ экономическая наука обязана этому направленію, заключается въ установленіи сознательнаго отношенія къ природѣ экономическаго знанія. Теперь едва ли возможно сомнѣніе въ томъ, что признаковъ «экономичности» нельзя искать въ вещахъ и ихъ свойствахъ и что они создаются нашимъ собственнымъ сознаніемъ. Оно опредѣляетъ наше отношеніе къ внѣшнему міру, и экономическая наука отправляется отъ одного изъ видовъ этого отношенія. Опредѣлить предметъ экономической науки—значитъ выяснить тотъ видъ отношенія человѣка къ внѣшнему міру, который служитъ для экономики точкой отправленія въ ея изслѣдованіяхъ. Наиболѣе обстоятельнымъ опытомъ опредѣленія экономическаго явленія, или предмета экономики, основаннымъ на изложенномъ взглядѣ, является обширная монографія русскаго экономиста Р. М. Орженцкаго, «Ученіе объ экономическомъ явленіи» (1903 г.). Авторъ основываетъ свое опредѣленіе на понятіи хозяйственной цѣнности и развиваетъ взглядъ, къ которому съ извѣстными видоизмѣненіями примыкаетъ и наше ученіе о предметѣ экономики, изложенное выше.

Орженцкій и тѣ, которые придерживаются того же направленія, ищутъ опоры для опредѣленія экономическаго явленія въ психологическихъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ это было выяснено выше, понятіе хозяйственной цѣнности составляетъ психологическій фактъ, и всякое явленіе, связываемое нами въ нашемъ сознаніи съ этимъ фактомъ, носитъ хозяйственный, или экономическій характеръ.

На психологической почвѣ стоятъ и тѣ, которые основываютъ опредѣленіе предмета экономики, хотя и не на понятіи хозяйственной цѣнности, но на другихъ тоже психологическихъ данныхъ: соизмѣреніи выгодъ и пожертвованій, сознаваніи потребностей и стремленіи къ ихъ удовлетворенію и т. п. Критика этихъ ученій по существу уже изложена нами.

Въ отличіе отъ «психологическихъ опредѣленій» нѣкоторые изслѣдователи пытаются построить опредѣленіе экономическаго явленія на логическихъ, въ частности гносеологическихъ признакахъ [1]).

---

[1]) Первый опытъ такого рода принадлежалъ Грабскому (Grabski): Zur Erkenntnisslehre der volkswirth. Erscheinungen, 1900.

Такъ, напр., Штамлеръ основывается на понятіяхъ формы и содержанія: формой соціальнаго существованія онъ называетъ нормы, регулирующія совмѣстную дѣятельность людей, направленную на удовлетвореніе ихъ потребностей, а самую эту дѣятельность онъ признаетъ «матеріей соціальной жизни» и относитъ ее цѣликомъ къ области экономики.

Другой изслѣдователь, Отмаръ Шпанъ [1]), отправляется въ изслѣдованіи того же вопроса отъ формальнаго понятія функціональной зависимости между собою частей одного цѣлаго. Съ его точки зрѣнія, предметъ экономики составляетъ изслѣдованіе системы функціональной зависимости человѣческихъ дѣйствій.

Попытки построить опредѣленіе предмета экономики на формальныхъ признакахъ до сихъ поръ не привели къ положительнымъ результатамъ и едва ли могутъ привести къ нимъ, потому что одни формальные признаки еще не даютъ достаточныхъ основаній для отграниченія экономическихъ явленій (или экономической стороны ихъ), а въ этомъ и заключается цѣль всякаго опредѣленія.

§ 12. Экономическія явленія какъ соціальныя. Намъ остается еще остановиться на освѣщеніи, которое дается въ экономической, и отчасти соціологической, литературѣ соціальной сторонѣ экономическихъ явленій.

Эта сторона была выдвинута съ особенной силой соціалистами. Въ этомъ безспорная заслуга Родбертуса, Маркса, Энгельса и ихъ послѣдователей, а также и предшественниковъ. Противопоставляя индивидуализму соціалистическіе принципы, они естественно останавливались на соціальной природѣ экономическихъ явленій.

Историческая школа, отчасти подъ вліяніемъ соціалистовъ, проводитъ опредѣленное различіе между экономическими явленіями индивидуальнаго и соціальнаго характера. Ад. Вагнеръ, опираясь на Родбертуса, особенно настаиваетъ при опредѣленіи основныхъ понятій экономической науки на разграниченіи «частно-хозяйственной» (индивидуальной) и «народно-хозяйственной» (соціальной) точекъ зрѣнія.

Значеніе соціальной среды съ точки зрѣнія экономики было выдвинуто съ большой энергіей Шмоллеромъ, строящимъ на этой

[1]) Der logische Aufbau der Nationalökonomie Z. f. d. g. S. 1908.

идеѣ систему экономическаго знанія. Хозяйственная дѣятельность индивидуума, по ученію Шмоллера, обусловливается, съ одной стороны, естественной обстановкой жизни, а съ другой—совокупностью нормъ и правилъ, сложившихся исторически и представляющихъ въ цѣломъ культурную среду, въ которой индивидуумъ живетъ и хозяйствуетъ. Въ общемъ, физическія и культурныя условія составляютъ «психо-физическій» аппаратъ, подъ вліяніемъ котораго формируется личность и въ соотвѣтствіи съ которымъ она дѣйствуетъ. Поскольку этотъ аппаратъ является продуктомъ духовной культуры, онъ составляетъ то, что Шмоллеръ называетъ «этосомъ» (откуда и обозначеніе шмоллеровскаго направленія «этическимъ»). Этосъ обнимаетъ собою нормы права, морали и нравовъ, которыя налагаютъ на индивидуальные поступки людей печать «соціальнаго» и превращаютъ совокупность индивидуумовъ въ соціальное цѣлое [1]).

Штамлеръ, какъ было указано выше, поставилъ вопросъ на гносеологическую точку зрѣнія и сдѣлалъ попытку найти обоснованіе для понятія «соціальнаго» въ нашемъ собственномъ сознаніи. Въ этомъ освѣщеніи соціальное и индивидуальное не представляютъ разныхъ явленій, существующихъ порознь или параллельно другъ съ другомъ. Это только разные углы зрѣнія на одни и тѣ же явленія. Понятіе соціальнаго появляется тогда, когда мы разсматриваемъ жизнь людей съ точки зрѣнія ея урегулированности внѣшними нормами.

Тамъ, гдѣ существуетъ правило, нормирующее совмѣстную жизнь людей, независимо отъ склонности отдѣльныхъ индивидуумовъ слѣдовать ему, тамъ есть и жизнь въ обществѣ; гдѣ подобнаго правила нѣтъ, тамъ нѣтъ и соціальнаго существованія. Внѣшнія нормы составляютъ формальный элементъ понятія «соціальнаго». Содержаніе же соціальной жизни то, что составляетъ объектъ нормированія. Это «матерія» соціальной жизни.

Внѣшняя регулировка совмѣстной дѣятельности людей придаетъ индивидуальнымъ поступкамъ однообразіе, соотвѣтствующее регулятивнымъ нормамъ; она накладываетъ на нихъ отпечатокъ внѣиндивидуальнаго воздѣйствія и этимъ сообщаетъ имъ харак-

---

[1]) Статья Wirtschaft, Sitte und Recht въ книгѣ Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. 1898.

теръ соціальнаго явленія. Въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальныя дѣйствія опредѣляются внѣиндивидуальными нормами, они становятся соціальными явленіями.

Тѣмъ не менѣе понятіе внѣшней нормы недостаточно широко для того, чтобы охватить понятіе «соціальнаго». Норма есть правило. Поэтому подъ понятіе нормы подходятъ законъ, мораль или обычай, регулирующіе дѣятельность или поведеніе людей въ опредѣленной области. Но едва ли возможно подводить подъ это понятіе и побужденіе, или стимулъ къ дѣятельности, а между тѣмъ индивидуальный актъ, вызываемый толчкомъ, исходящимъ изъ соціальной среды, пріобрѣтаетъ характеръ соціальнаго явленія и можетъ служить предметомъ соціальнаго познанія. Такова, напр., дѣятельность предпринимателя, работающаго для сбыта.

Еще труднѣе было бы распространить понятіе нормы на содержаніе психическихъ переживаній индивидуума. Между тѣмъ послѣднія, при соціальныхъ условіяхъ жизни, опредѣляются въ значительной мѣрѣ внѣиндивидуальными причинами. Напр., рыночная цѣна предмета опредѣляетъ собою высоту оцѣнки того же предмета индивидуумомъ. Послѣдній цѣнитъ дороже то, что стоитъ дороже на рынкѣ. Въ подобныхъ случаяхъ содержаніе сужденія дается извнѣ, и въ силу этого самое сужденіе, будучи индивидуальнымъ по формѣ, является внѣиндивидуальнымъ по содержанію, а въ той мѣрѣ, въ какой оно является таковымъ, оно пріобрѣтаетъ соціальный характеръ [1]).

Признакомъ соціальнаго явленія служитъ, вообще, его обусловленность болѣе или менѣе устойчивыми внѣиндивидуальными факторами, вытекающими изъ совмѣстной жизни людей, въ чемъ бы такая обусловленность ни обнаруживалась—въ нормѣ обычая или права или въ зависимости индивидуума въ его сужденіяхъ

---

[1]) Я опираюсь въ этомъ случаѣ на ученіе французскаго соціолога Дюркейма, распространяющаго понятіе соціальнаго явленія не только на способы дѣйствованія, но также и на формы мышленія и чувствованія, имѣющія для индивидуума внѣшнее, объективное и въ большей или меньшей степени обязательное значеніе. Элементъ обязательности сближаетъ понятіе соціальнаго въ ученіи Дюркейма съ понятіемъ нормы у Штамлера. Если оставить въ сторонѣ гносеологическую сторону вопроса, то ученія названныхъ авторовъ недалеки другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ по ихъ конечнымъ выводамъ. См. E. Durkheim. Les règles de la méthode sociologique. 1895. Русс. пер.

и дѣйствіяхъ отъ условій, связанныхъ съ совмѣстнымъ существованіемъ людей. Случайная встрѣча не создаетъ соціальныхъ явленій, потому что общеніе людей, пришедшихъ въ мимолетное соприкосновеніе другъ съ другомъ, не порождаетъ внѣиндивидуальныхъ факторовъ, достаточно устойчивыхъ и могущественныхъ для того, чтобы вліять на индивидуальную психику и дѣятельность.

Внѣшняя норма—только одинъ изъ такихъ факторовъ, а право—только одинъ изъ видовъ тѣхъ нормъ, которыя вообще обусловливаютъ собою жизнь людей, объединенныхъ въ общество [1]).

Явленія носятъ соціальный характеръ постольку, поскольку они обусловлены совмѣстной жизнью людей и не могутъ быть объяснены иначе, какъ при предположеніи такой жизни. И лишь въ той мѣрѣ, въ какой экономическія явленія носятъ соціальный характеръ, они и подлежатъ изслѣдованію экономики.

ГЛАВА III.

Отдѣлы экономики.

§ 13. Знаніе индивидуальнаго и общаго. Человѣческое знаніе можетъ быть двухъ родовъ: знаніемъ индивидуальнаго и знаніемъ общаго. Въ экономической литературѣ Менгеръ первый указалъ на возможность этихъ двухъ точекъ зрѣнія на явленія дѣйствительности. «Предметами научнаго познанія,—говоритъ онъ,—могутъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, экономистъ не можетъ воспользоваться готовыми понятіями „общества“ и „соціальнаго явленія“, потому что въ соціологіи, которая должна была бы подготовить эти понятія, царитъ въ этомъ отношеніи, по выраженію Готгейна (см. его ст. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft въ HWB), хаотическая путаница. Общую оріентировку въ этомъ вопросѣ даетъ сжатая, и притомъ богатая содержаніемъ, только что названная статья. Для характеристики новѣйшихъ теченій можетъ служить статья Отмара Шпана (Othmar Spann) Untersuchungen über den Gesellschaftsbegriff (Z. f. d. g. St., 1903—1905), посвященная критикѣ Штамлера и Зиммеля, но относящаяся и къ ряду другихъ соціологовъ, опредѣляющихъ понятіе „общества“, вмѣстѣ съ Зиммелемъ, какъ „взаимодѣйствіе психическихъ единицъ“. Изъ извѣстныхъ американскихъ соціологовъ по вопросу о понятіи „общества“ писалъ Смоллъ, считающій существеннымъ признакомъ этого понятія *„неизбѣжное* взаимодѣйствіе индивидуумовъ“. См. Small. General Sociology, стр. 405.

быть или конкретныя явленія въ ихъ положеніи въ пространствѣ и во времени и ихъ конкретныхъ взаимоотношеніяхъ, или повторяющіяся въ процессѣ измѣненія послѣднихъ формы явленій. Изслѣдованіе перваго рода направляется на познаніе конкретнаго, вѣрнѣе, *индивидуальнаго*, а второго—на изслѣдованіе *общаго* въ явленіяхъ; и соотвѣтственно этимъ двумъ главнымъ направленіямъ научной мысли передъ нами выступаютъ два большихъ класса научнаго знанія, изъ которыхъ первый мы назовемъ кратко *индивидуальнымъ*, а второй—*общимъ*» [1]). Въ новѣйшее время эта мысль получила широкое распространеніе, и на ней Риккертъ основываетъ свое извѣстное ученіе о дѣленіи наукъ на такія, которыя имѣютъ своей задачей познаніе индивидуальныхъ явленій, и такія, которыя стремятся познать общее путемъ образованія общихъ понятій и сведенія нашихъ знаній къ возможно меньшему числу простыхъ положеній, или правилъ. Науки перваго рода Риккертъ относитъ къ исторіи, а второго—къ естествознанію, подъ которымъ онъ разумѣетъ не однѣ только естественныя науки. Науки объ индивидуальномъ Виндельбандъ назвалъ *идіографическими*, а науки объ общемъ, стремящіяся устанавливать научные законы,—*номографическими* [2]).

§ 14. Исторія экономическаго быта и экономическая географія. Экономическая наука разсматриваетъ экономическія явленія съ обѣихъ указанныхъ точекъ зрѣнія.

Экономистъ, изслѣдующій какое-нибудь историческое событіе, напр., освобожденіе крестьянъ въ Россіи, занимается изученіемъ индивидуальнаго явленія. Его задача состоитъ не въ томъ, чтобы установить общее правило, или законъ, а въ томъ, чтобы указать и выяснить значеніе всѣхъ существенныхъ причинъ изучаемаго явленія—изобразить и объяснить его во всѣхъ его индивидуальныхъ особенностяхъ.

Не общее, а индивидуальное будетъ занимать изслѣдователя. Онъ признаетъ въ данномъ случаѣ свою задачу выполненной только тогда, когда ему удастся показать, почему освобожденіе крестьянъ совершилось въ Россіи въ опредѣленный историческій

---

[1]) C. Menger. Untersuchungen, стр. 3.

[2]) По вопросу о классификаціи наукъ и ихъ гносеологической основѣ см. сжатое и очень ясное изложеніе въ книгѣ В. М. Хвостова. „Теорія историческаго процесса“. 1913.

моментъ, а не въ другой, и въ той именно формѣ, которую оно носило въ дѣйствительности.

Изслѣдованія подобнаго рода могутъ быть включены въ составъ экономики, какъ особый ея отдѣлъ; но могутъ быть и выдѣлены изъ нея и отнесены къ исторіи. Тѣ, которые рѣшаютъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, вводятъ въ составъ экономической науки отдѣлъ «исторіи экономическаго (хозяйственнаго) быта».

Къ области идіографическаго знанія относятся также изслѣдованія индивидуальныхъ явленій современной экономической дѣйствительности. Напр., описаніе условій крестьянскаго хозяйства въ Россіи, съ изслѣдованіемъ причинъ описываемыхъ явленій, представляетъ задачу того же рода, что и изслѣдованіе исторіи освобожденія крестьянъ. И здѣсь цѣлью научной работы служитъ не установленіе общаго правила или закона, а объясненіе индивидуальнаго явленія со всѣми его особенностями.

Изслѣдованіе хозяйственнаго быта современности также можетъ быть выдѣлено въ особую дисциплину, называемую «экономической (менѣе удачное выраженіе «коммерческой») географіей», которая, по желанію, также можетъ быть разсматриваема какъ отдѣлъ экономики.

§ 15. Политическая экономія. Иныя задачи, чѣмъ исторія хозяйственнаго быта и экономическая географія, ставитъ себѣ политическая экономія. Она изслѣдуетъ не индивидуальное, а общее и стремится выражать свои выводы въ правилахъ, или законахъ.

Изслѣдуя, напр., заработную плату, политическая экономія говоритъ не о заработной платѣ рабочихъ той или другой отрасли производства или какой-нибудь отдѣльной страны, или мѣстности. Она имѣетъ въ виду явленіе заработной платы въ общей формѣ, всюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, и стремится выяснить тѣ факторы, которые *вообще* опредѣляютъ высоту, форму заработной платы и ея измѣненія. Она пытается установить такія правила, которыя могли бы служить объясненіемъ явленій заработной платы въ возможно болѣе широкихъ предѣлахъ.

Политическая экономія изслѣдуетъ явленія, поскольку они возникаютъ помимо намѣренія людей, входящихъ между собою въ общеніе, т.-е. какъ слѣдствіе опредѣленной совокупности условій, или причинъ. Напр., рыночная цѣна товаровъ на свободномъ

рынкѣ разсматривается политической экономіей, какъ явленіе, возникающее на почвѣ соперничества покупателей и продавцовъ, какъ слѣдствіе стремленія тѣхъ и другихъ осуществить свои желанія и соблюсти свои интересы, учитывая извѣстные имъ объективные факторы ихъ дѣятельности—стоимость производства и доставки товара, размѣры снабженія и т. д. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ зависитъ образованіе рыночныхъ цѣнъ. Но онѣ не составляютъ прямого послѣдствія преднамѣренныхъ дѣйствій съ чьей-либо стороны. Ни покупатели, ни торговцы не ставятъ себѣ цѣлью вызвать образованіе рыночной цѣны; тѣ и другіе преслѣдуютъ только свои индивидуальныя цѣли, стремясь купить, какъ можно дешевле, и продать, какъ можно дороже. Рыночная же цѣна, какъ соціальное явленіе, имѣющее для индивидуума внѣиндивидуальный, объективный характеръ, составляетъ возникшее, помимо воли отдѣльныхъ индивидуумовъ или ихъ совокупности, слѣдствіе ихъ поступковъ. Она возникаетъ, по терминологіи Вундта, въ порядкѣ *гетерогеніи* цѣлей.

Объясняя образованіе цѣнъ на свободномъ рынкѣ, политическая экономія связываетъ это явленіе съ другими явленіями, предшествовавшими ему, началомъ причинной связи. Она объясняетъ образованіе рыночныхъ цѣнъ, разсматривая это явленіе какъ слѣдствіе опредѣленной совокупности причинъ.

Это и есть принципіальная точка зрѣнія, политической экономіи. Она преслѣдуетъ явленія въ порядкѣ ихъ *причинной зависимости*.

§ 16. Экономическая политика. Экономическая дѣятельность состоитъ не только изъ явленій, возникающихъ помимо прямыхъ намѣреній хозяйственныхъ людей. Существуетъ немало и такихъ экономическихъ явленій, которыя *преднамѣренно вызваны человѣческой волей*. Эти явленія составляютъ осуществленныя въ большей или меньшей степени цѣли, къ достиженію которыхъ сознательно стремились государство и общество. Напр., цѣны, устанавливаемыя властью въ видѣ таксъ, представляютъ явленія такого рода. Вліяніе на развитіе промышленности черезъ установленіе ввозныхъ пошлинъ на иностранные товары—другой примѣръ изъ той же области.

При объясненіи подобныхъ явленій, приходится принимать во вниманіе, какъ одинъ изъ главныхъ факторовъ, намѣренія лю-

дей—*цѣли*, которыя они ставили себѣ, дѣйствуя черезъ государственные или общественные органы. Поэтому въ основу объясненія явленій этого рода экономика кладетъ *моментъ цѣли*, или *телеологическое начало*.

Объясненіе явленій съ помощью телеологическаго начала составляетъ задачу *экономической политики*. Она отправляется въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ цѣли, преслѣдованіе которой вызвало интересующее ее явленіе и затѣмъ выясняетъ, въ какой степени поставленная цѣль оказалась достигнутой, какія условія содѣйствовали или препятствовали ея достиженію и какое вліяніе на разныя стороны дѣйствительности оказало осуществленіе данной цѣли или, напротивъ, ея полное или частичное неосуществленіе вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій.

Экономическая политика составляетъ отрасль знанія, ставящую себѣ, какъ и всякое знаніе, задачу объясненія явленій, но она стремится къ разрѣшенію этой задачи путемъ установленія между явленіями связи по телеологическому началу, т.-е. относя явленія къ намѣреніямъ людей. При этомъ экономическая политика стремится придти къ опредѣленнымъ выводамъ общаго значенія. Поэтому она является, наравнѣ съ политической экономіей, теоретической дисциплиной.

§ 17. Взаимоотношеніе экономической политики и политической экономіи. Экономическая дѣйствительность слагается изъ явленій двухъ типовъ: преднамѣренно вызываемыхъ людьми, отвѣчающихъ ихъ цѣлямъ и планамъ, *раціоналистическихъ*, и такихъ, которыя возникаютъ помимо воли людей, какъ нѣчто самопроизвольное, *стихійныхъ*. Явленія этихъ двухъ видовъ такъ тѣсно сплетены между собою, что ихъ можно строго разграничивать только въ идеѣ; въ дѣйствительности же приходится имѣть дѣло съ результатами ихъ совокупныхъ вліяній. Поэтому и въ научной работѣ области экономической политики, изслѣдующей раціоналистическое, и политической экономіи, изслѣдующей стихійное, постоянно входятъ одна въ другую. Для объясненія экономическихъ явленій изслѣдователь часто бываетъ вынужденъ привлекать и политическую экономію, и экономическую политику. Изслѣдуя, напр., заработную плату, нельзя ограничиться только областью стихійнаго или, наоборотъ, одного раціоналистическаго. На высоту вознагражденія рабочаго вліяютъ, съ

одной стороны, такія причины, какъ спросъ и предложеніе труда, которыя хотя и не всегда, но часто остаются внѣ планомѣрнаго воздѣйствія человѣка, а съ другой—и такія, какъ дѣятельность рабочихъ организацій или вліяніе рабочаго законодательства, являющіяся по своему характеру раціоналистическими.

Если политической экономіи приходится постоянно сталкиваться съ экономической политикой и учитывать ея вліяніе, то, съ другой стороны, и послѣдняя опирается на первую въ тѣхъ случаяхъ, когда она взвѣшиваетъ послѣдствія того или другого планомѣрнаго дѣйствія.

Для того, чтобы опредѣлить результатъ какой-нибудь законодательной мѣры, необходимо принять во вниманіе не только стремленія законодателя, но и вліяніе силъ, не поддающихся раціонализаціи. Нерѣдко стихійные факторы бываютъ сильнѣе сознательныхъ вліяній человѣческой воли, и тогда результатъ предпринятыхъ мѣръ оказывается несоотвѣтствующимъ ожиданіямъ.

Напр., введеніе высокихъ таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары, въ цѣляхъ развитія отечественной промышленности, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ привести къ противоположнымъ послѣдствіямъ—косности и застою промышленности. Здѣсь причины, лежащія внѣ власти законодателя, очевидно, помѣшали осуществленію его намѣреній. Выясненіе этихъ причинъ входитъ въ область политической экономіи.

§ 18. Прикладная экономика. Въ конечномъ итогѣ люди стремятся къ разрѣшенію практическихъ задачъ, выдвигаемыхъ жизнью; между тѣмъ для этого недостаточно констатировать факты, привести ихъ въ порядокъ и выяснить связь между ними. Недостаточно дать и теоретическое объясненіе явленій. Требуется нѣчто большее: оцѣнка дѣйствительности съ точки зрѣнія высшихъ критеріевъ и установленіе цѣлей для дѣятельности людей, а когда эти цѣли установлены, изысканіе средствъ для ихъ достиженія. Можетъ ли экономическая наука не только изслѣдовать явленія, но также заниматься вопросомъ, къ какимъ цѣлямъ *слѣдуетъ* стремиться и противъ какихъ явленій *слѣдуетъ* бороться? Не входитъ ли въ область экономики наряду съ констатированіемъ и объясненіемъ фактовъ также и опредѣленіе того, что *должно* быть, къ чему люди *обязаны* стремиться? Не подлежитъ сомнѣнію, что *экономисты* должны заниматься и во-

просами этого рода; но слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ, что *экономика* можетъ дать въ этомъ направленіи и чего отъ нея нельзя требовать.

Нельзя опредѣлить *должнаго*, т.-е. указать, къ чему надлежитъ стремиться, какъ къ желательному, и чего избѣгать, не зная, что хорошо и что дурно. Такія указанія предполагаютъ моральную *оцѣнку* фактовъ, а оцѣнивать можно, только имѣя въ рукахъ критерій оцѣнки. Такихъ критеріевъ, которые въ конечномъ счетѣ являются моральными критеріями, экономическая наука не въ состояніи дать. Они должны быть заимствованы изъ другихъ областей человѣческаго знанія.

Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ обсужденіе вопроса о происхожденіи моральныхъ критеріевъ человѣческихъ оцѣнокъ. Составляютъ ли они продукты опыта, или являются истинами a priori, это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично; важно то, что они существуютъ и что выраженіемъ ихъ служитъ нравственное сознаніе людей, лежащее въ основѣ ихъ культурныхъ идеаловъ. Критеріи человѣческихъ оцѣнокъ, несмотря на ихъ историческій, т.-е. измѣняющійся характеръ, имѣютъ тѣмъ не менѣе объективное значеніе: для данной эпохи и данной совокупности условій жизни они не являются произвольными; въ нихъ содержится элементъ общеобязательности. Съ точки зрѣнія такихъ критеріевъ, заимствованныхъ изъ области нравственнаго сознанія, экономика можетъ оцѣнивать экономическія явленія и выяснить, что составляетъ *должное*, т.-е. къ чему мы *обязаны* стремиться. Пользуясь такими критеріями, мы произносимъ судъ надъ событіями и людьми: осуждаемъ эксплоатацію ближнихъ, возмущаемся такими условіями труда, при которыхъ разрушается здоровье рабочихъ и попирается ихъ человѣческое достоинство, и т. п. Этимъ путемъ въ науку проникаетъ чувство; и мысль получаетъ поддержку тѣхъ силъ человѣческой души, которыя служатъ первоисточниками нашей воли и дѣятельности. Въ такомъ соединеніи науки и этики нѣтъ ничего неправомѣрнаго. Кейнсъ совершенно правъ, говоря, что «никакое рѣшеніе практической проблемы, касающейся поведенія людей, не можетъ считаться полнымъ, если не принята въ расчетъ его нравственная сторона». Но во избѣжаніе смѣшенія понятій необходимо строго разграничивать эти двѣ области.

Нравственное чувство можетъ ставить только общіе принципы дѣятельности. Изысканіе же средствъ къ осуществленію этихъ принциповъ, самое ихъ осуществленіе при данныхъ условіяхъ дѣйствительности и, наконецъ, огражденіе ихъ отъ противодѣйствующихъ причинъ—все это дѣло разсудка. Задачи этого рода могутъ быть разрѣшаемы только при помощи научнаго и практическаго знанія. Наше нравственное чувство возстаетъ противъ эксплоатаціи людей и велитъ намъ бороться съ этимъ зломъ, стремясь устроить экономическую жизнь такъ, чтобы она не являлась грубымъ нарушеніемъ идеи справедливости. Эти велѣнія—все, что можетъ дать намъ нравственное чувство. Далѣе мы вступаемъ въ область знанія: для того, чтобы рѣшить поставленную намъ задачу, мы должны обладать обширнымъ запасомъ свѣдѣній; намъ необходимо прежде всего имѣть ясное представленіе объ экономическихъ условіяхъ, при которыхъ происходятъ явленія, возмущающія наше нравственное чувство; мы должны знать причины, порождающія эксплоатацію людей при данномъ устройствѣ экономической жизни, опредѣлить вліяніе разныхъ условій на интересующія насъ явленія: прогресса техники, распространенія знаній, развитія кооперації и т. д.

Только имѣя въ рукахъ подобныя данныя, мы въ состояніи будемъ правильно поставить и рѣшить вопросъ о томъ, какъ бороться съ эксплоатаціей. Но эти данныя добываются научными изслѣдованіями; и для того, чтобы получить ихъ, долженъ существовать научный аппаратъ: пріемы наблюденія, систематизація матеріала и теоретическія положенія, объясняющія изучаемыя явленія. Безъ помощи знанія, которое для того, чтобы быть достовѣрнымъ, должно быть получено съ помощью научнаго изслѣдованія или по крайней мѣрѣ провѣрено научными методами, наши рѣшенія или окажутся фантазіями, не имѣющими данныхъ для практическаго осуществленія, или же будутъ построены на такихъ наблюденіяхъ, достовѣрность и значеніе которыхъ будутъ подавать поводы для законныхъ сомнѣній.

Экономическая наука въ концѣ-концовъ нужна для разрѣшенія практическихъ задачъ, которыя ставитъ жизнь. Но наука можетъ успѣшно выполнять свое конечное назначеніе—помогать человѣчеству въ разрѣшеніи стоящихъ передъ нимъ практическихъ вопросовъ,—только подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, что

она будетъ искать *только* научную истину. «Вопросъ не въ томъ,— справедливо замѣчаетъ Кейнсъ,—должно ли положительное изученіе служить и завершеніемъ и основой всякаго экономическаго изслѣдованія, а въ томъ, слѣдуетъ ли систематически сочетать его съ этическими и практическими изслѣдованіями, или необходимо отводить ему въ первой инстанціи независимое мѣсто. Въ видахъ научной цѣлесообразности предпочтеніе должно быть отдано второму члену этой альтернативы. Работа изслѣдователя будетъ выполнена основательнѣе, и его выводы какъ теоретическіе, такъ и практическіе окажутся болѣе надежными, если онъ не будетъ одновременно преслѣдовать нѣсколькихъ цѣлей и ограничится одною».

Примѣненіе научныхъ выводовъ къ рѣшенію практическихъ задачъ составляетъ область прикладной экономики. Прикладную экономику иногда называютъ экономической политикой; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что экономическая политика, берущая на себя указаніе должнаго и подысканіе средствъ для его осуществленія, становится на почву практическаго искусства управленія, т.-е. выходитъ за предѣлы чистой науки.

§ 19. Система экономической науки. Итакъ, экономическая теорія (называемая также теоретической экономіей), или экономическая номографія, состоитъ изъ политической экономіи и экономической политики. Остальные отдѣлы экономики (экономическая исторія и географія) составляютъ экономическую идіографію. Прикладная экономика—ученіе о правилахъ экономической политики, какъ практическаго искусства.

Предлагаемая здѣсь система науки сводится къ слѣдующей схемѣ:

Экономика.

I. Экономическая идіографія (ученіе объ индивидуальныхъ экономическихъ явленіяхъ):

1. Исторія хозяйственнаго быта.
2. Экономическая географія.

II. Экономическая номографія (ученіе о законахъ хозяйственной жизни).

1. Политическая экономія.
2. Экономическая политика.

III. Прикладная экономика.

Эта система отличается отъ принятыхъ въ настоящее время, которыя, впрочемъ, не совпадаютъ между собою [1]). Главное ея отличіе отъ нихъ состоитъ въ томъ, что она различаетъ экономическую политику, какъ отрасль научнаго знанія и какъ практическое искусство, и что политическая экономія получаетъ въ ней точное значеніе и опредѣленное мѣсто; наконецъ, въ качествѣ общаго названія экономической науки принимается «экономика». Политической экономіи обычно придается двоякое значеніе: въ однихъ случаяхъ этимъ именемъ обозначаютъ экономическую науку въ цѣломъ, въ другихъ ее противопоставляютъ экономической политикѣ, разсматривая какъ отдѣлъ экономической науки.

Предметомъ настоящаго курса является политическая экономія, понимаемая въ изложенномъ выше смыслѣ.

---

[1]) Менгеръ (Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften въ Jahrb. f. N. u. St., N. F. 19 Bd. 1889) предложилъ такую систему: 1) Историческія науки о народномъ хозяйствѣ: хозяйственная статистика и исторія. 2) Морфологія хозяйственныхъ явленій (классификація и общее описаніе ихъ). 3) Теорія хозяйственныхъ явленій. 4) Практическія и прикладныя науки о народномъ хозяйствѣ. Если въ этой схемѣ отнести морфологію къ теоріи, то получится система, наиболѣе распространенная среди экономистовъ.

Вагнеръ (Grundlegung I) раздѣляетъ экономику на два главныхъ отдѣла: теоретической и практической экономики. Первая изслѣдуетъ „сущее“ (сюда входитъ и исторія) вторая—„должное“.

Существенно отступаетъ отъ общепринятыхъ системъ Вундтъ въ своей „Логикѣ“ (3-й т.); онъ раздѣляетъ область экономической науки на два крупныхъ отдѣла: теоретической и практической экономіи. Къ первой онъ относитъ всѣ изслѣдованія, имѣющія предметомъ познаніе хозяйственной жизни, какъ въ общихъ ея чертахъ, такъ и въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ; такъ что теоретическая экономія охватываетъ общія и спеціальныя, абстрактныя и конкретныя, статистическія, соціологическія и историческія проблемы. Практическая экономія, по Вундту, относится къ техническимъ дисциплинамъ и, какъ таковая, занимается приложеніями полученныхъ теоретическимъ путемъ положеній къ потребностямъ практической жизни, въ особенности къ выработкѣ политическихъ мѣръ, требуемыхъ для поддержанія и содѣйствія хозяйственной культурѣ. Основаніемъ всей этой системы и какъ бы общимъ введеніемъ въ нее служитъ „абстрактная“ экономія, задача которой, по мнѣнію Вундта, состоитъ въ выработкѣ общихъ понятій. Едва ли удобно валить въ одну кучу все, что Вундтъ относитъ къ теоретической экономіи; трудно напр. согласиться съ тѣмъ, чтобы историческія изысканія можно было называть теоріей.

ГЛАВА IV.

Методы политической экономіи.

§ 20. Задача ученія о методахъ. Научная методологія, или ученіе о научныхъ методахъ, не учитъ искусству научнаго творчества и не занимается изслѣдованіемъ его законовъ. Ученіе о научныхъ методахъ разсматриваетъ пріемы, съ помощью которыхъ научныя положенія доказываются, т.-е. получаютъ значеніе положеній, логически обязательныхъ для всякаго нормально мыслящаго человѣка.

Изслѣдуя пріемы научнаго доказательства, методологія указываетъ требованія, которымъ должна удовлетворять научная работа для того, чтобы ея результаты не были логически спорны. Такъ напр. положенія, устанавливаемыя съ помощью научнаго опыта, могутъ быть признаны доказанными только въ томъ случаѣ, если опытъ былъ правильно поставленъ, т.-е. удовлетворялъ опредѣленнымъ условіямъ, предъявляемымъ логикой. Эти условія и излагаются въ ученіи о методахъ.

Пользуется указаніями методологіи и критика при провѣркѣ научныхъ положеній. Зная условія, которымъ должно удовлетворять научное изслѣдованіе, чтобы выводы его были убѣдительны, она изслѣдуетъ, въ какой степени этимъ условіямъ удовлетворяютъ пріемы, примѣненные въ опредѣленномъ случаѣ изслѣдователемъ.

Отличіе научнаго положенія отъ ненаучнаго заключается въ томъ, что степень доказательности перваго провѣрена съ точки зрѣнія условій, указываемыхъ логикой. Примѣненіе этихъ условій къ научнымъ изслѣдованіямъ и составляетъ предметъ ученія о научныхъ методахъ.

Въ цѣломъ методы научнаго изслѣдованія для всѣхъ отраслей знанія одни и тѣ же; но изъ всей совокупности пріемовъ научной работы, объединенныхъ понятіемъ научной методологіи, отдѣльныя науки примѣняютъ тѣ пріемы, которые болѣе пригодны для нихъ по особенностямъ предмета ихъ изслѣдованій и разрѣшаемыхъ ими задачъ. Поэтому существуютъ методологіи отдѣльныхъ наукъ. Методы естествознанія отличаются отъ методовъ обществовѣдѣнія, и даже въ предѣлахъ того и другого отдѣльныя науки пользуются въ большей или меньшей степени особыми пріемами.

Экономическая наука, въ частности политическая экономія, также имѣетъ свое ученіе о методахъ.

§ 21. Наблюденіе и индукція. Экономическая дѣйствительность познается такъ же, какъ вообще познается нами всякая реальность. Изъ воспріятій, получаемыхъ непосредственнымъ опытомъ [1]), составляются экономическія понятія. Такъ, ощущеніе неудовлетворенности, воспринимаемое нашимъ сознаніемъ, ведетъ къ образованію понятія потребности, какъ неудовлетвореннаго желанія. Чувство удовлетворенія, испытываемое при пользованіи свойствами нѣкоторыхъ предметовъ внѣшняго міра, приводитъ къ образованію понятія блага, какъ предмета, способнаго вызвать или неоднократно вызывать чувство удовлетворенія. Воспріятія, получаемыя нами отъ заботъ и усилій, которыя мы несемъ въ виду ограниченности однихъ благъ или отсутствія въ природѣ въ готовомъ видѣ другихъ, ведутъ къ образованію понятія хозяйствованія, какъ дѣятельности, выражающейся въ такихъ заботахъ и усиліяхъ, и т. д.

Соединяя экономическія понятія въ предложенія, мы составляемъ сужденія: «я хозяйствую»; «я стремлюсь въ своемъ хозяйствѣ получить наибольшую выгоду при данныхъ пожертвованіяхъ»; «въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ я слѣдую, главнымъ образомъ, расчету» и т. д. Все это сужденія, составляющія результатъ ознакомленія съ дѣйствительностью путемъ непосредственнаго опыта.

Дальнѣйшимъ этапомъ нашего познанія является суммированіе конкретныхъ предложеній одинаковаго содержанія и составленіе изъ нихъ предложеній *общаго значенія*. Таковы сужденія, что хозяйствованіе *вообще* бываетъ сопряжено съ пожертвованіями, что люди *вообще* слѣдуютъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ стремленію получить наибольшую выгоду при данномъ пожертвованіи, и т. д.

Не касаясь правильности приведенныхъ сужденій, служащихъ здѣсь только примѣрами, мы видимъ ихъ общую черту въ томъ,

---

[1]) Опытъ понимается здѣсь въ широкомъ смыслѣ, какъ знаніе, получаемое путемъ воспріятія. Опытъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ искусственное воспроизведеніе явленія, мы будемъ называть экспериментомъ. Опытъ обнимаетъ собою наблюденіе и экспериментъ.

что всѣ они, какъ и многія другія въ области экономики, представляютъ суммированіе данныхъ опыта. На чемъ иномъ покоится каждое изъ нихъ, какъ не на утвержденіи, что во всѣхъ случаяхъ, извѣстныхъ утверждающему или бывшихъ извѣстными и до него, люди руководились экономическимъ принципомъ, слѣдовали хозяйственному расчету и т. п.? Суммированіе фактовъ или ихъ частностей носитъ названіе *индукціи*.

Индуктивнымъ путемъ мы составляемъ наши обобщенія о явленіяхъ экономической дѣйствительности. Все намъ извѣстное о томъ, что происходитъ или происходило въ области явленій, интересующихъ экономику, получаетъ форму обобщенныхъ положеній исключительно черезъ примѣненіе того процесса мышленія, который называется индуктивнымъ.

Этимъ же путемъ идетъ и наука. Всякая научная работа начинается ознакомленіемъ съ дѣйствительностью и обобщеніемъ полученныхъ при этомъ свѣдѣній съ помощью индукціи.

Для возможной полноты своихъ свѣдѣній изслѣдователь вноситъ въ процессъ ознакомленія съ изучаемымъ предметомъ порядокъ, или систему: старается получить представленіе о предметѣ при различныхъ условіяхъ, въ разное время, черезъ опредѣленные періоды времени, въ разныхъ мѣстахъ и пр. При этомъ принимаются мѣры къ тому, чтобы правильно пользоваться своими внѣшними и внутренними чувствами, избѣгать ошибочныхъ заключеній о предметѣ по получаемымъ отъ него ощущеніямъ и т. п.

Такое систематическое и упорядоченное ознакомленіе съ явленіями называется *наблюденіемъ*. Мы наблюдаемъ дѣйствительность не только съ научными, но и съ житейскими, практическими цѣлями; но несистематическое и неупорядоченное наблюденіе не можетъ служить основаніемъ научной работы.

Наблюденіе приводитъ къ расширенію нашихъ свѣдѣній о дѣйствительности; оно сопровождается также и упорядоченіемъ ихъ съ помощью раздѣленія наблюдаемыхъ предметовъ, вещей или явленій по ихъ признакамъ на классы и виды и опредѣленія понятій. Результаты наблюденія, приведенные въ порядокъ съ помощью классификаціи явленій и соединенные въ одно цѣлое, представляютъ описаніе предмета, къ которому они относятся.

Описательный матеріалъ имѣетъ въ политической экономіи первостепенное значеніе. Экономическая дѣйствительность не можетъ

быть объяснена, если она не описана на основаніи данныхъ научнаго наблюденія. Какое бы экономическое явленіе ни составляло предметъ изслѣдованія, оно прежде всего должно быть познано какъ фактъ, т.-е. наблюдено и описано.

Индуктивнымъ путемъ результаты наблюденія суммируются въ общія положенія, изъ которыхъ составляются *обобщенныя описанія* явленій. А соединеніе такихъ обобщенныхъ описаній въ одну общую картину даетъ представленіе объ *эмпирической дѣйствительности* въ цѣломъ.

Вотъ эта эмпирическая дѣйствительность и служитъ предметомъ научнаго изслѣдованія, конечная цѣль котораго заключается въ раскрытіи извѣстнаго порядка или правильностей въ кажущемся хаосѣ явленій.

§ 22. Эмпирическіе и научные законы. Наблюденіе и описаніе явленій служатъ только ступенью къ *пониманію* дѣйствительности, которое, какъ уже было указано выше, заключается въ выясненіи соотношеній между явленіями. Эти соотношенія подмѣчаются уже въ процессѣ наблюденія. Выясняется, что нѣкоторыя явленія обыкновенно происходятъ одновременно съ другими или слѣдуютъ за ними; иными словами, находятся въ соотношеніяхъ *сосуществованія*, или *послѣдовательности*. Напр. наблюденіе надъ современностью и историческій опытъ показываютъ что когда на ряду съ полноцѣнными монетами обращаются на одинаковыхъ съ ними юридическихъ основаніяхъ неполноцѣнныя монеты или обезцѣненныя бумажныя деньги, то полноцѣнныя монеты исчезаютъ изъ обращенія, какъ бы вытѣсняются изъ него. Такъ обезцѣненныя бумажныя деньги вытѣсняютъ золотую монету. Это явленіе, извѣстное подъ названіемъ закона Грешама, подмѣчено было въ рядѣ странъ въ разные періоды исторіи.

Если опредѣленныя соотношенія между наблюдаемыми явленіями повторяются болѣе или менѣе постоянно, то можно *предполагать*, что между такими явленіями существуетъ нѣкоторая, въ большей или меньшей степени, устойчивая связь, или зависимость. Научныя положенія, основанныя на предположеніи подобнаго рода, констатирующія, что между опредѣленными явленіями существуетъ соотношеніе, повидимому, устойчиваго характера, называются *эмпирическими законами*. Законъ Грешама въ вышеприведенной формулировкѣ принадлежитъ къ разряду такихъ законовъ.

Эмпирическій законъ, констатируя связь между явленіями, не опредѣляетъ ея характера. Онъ не утверждаетъ, что *всегда и всюду, гдѣ бы ни оказалась наличность данныхъ обстоятельствъ, неизбѣжно должно наступить и данное явленіе.* Если бы было доказано, что опредѣленныя явленія связаны между ссбою именно такою связью, то былъ бы установленъ не эмпирическій, а *научный законъ.*

Задача научнаго изслѣдованія и заключается въ установленіи такихъ законовъ. Конечная цѣль науки въ цѣломъ сводится къ раскрытію закономѣрностей эмпирической дѣйствительности путемъ выясненія такихъ соотношеній между явленіями, которыя носятъ не случайный, а устойчивый характеръ.

Закономѣрности, выясняемыя наукой, могутъ быть выражены въ разныхъ формахъ, въ зависимости отъ того, какъ ставится изслѣдованіе.

Если изслѣдователь связываетъ явленія съ стремленіями людей, сознательно направленными къ опредѣленной цѣли, то въ основу соотношенія между явленіями ставится *телеологическій принципъ*, характеризующій, какъ мы видѣли, экономическую политику. Если же изслѣдователь связываетъ между собою явленія, оставляя въ сторонѣ субъективный элементъ, въ видѣ воли и стремленія къ цѣли, и разсматривая соотношенія между явленіями какъ объективными фактами, то въ основу изслѣдованія кладется начало причинности, или *каузальный принципъ.*

Политическая экономія, какъ уже было указано выше, пользуется именно этимъ принципомъ, ставя своей задачей раскрытіе *причинныхъ зависимостей* между экономическими явленіями.

§ 23. Способы доказательства. Эмпирическіе законы устанавливаются на основаніи данныхъ, полученныхъ съ помощью наблюденія. Изслѣдователь пользуется для этого всѣми доступными ему источниками знанія: наблюдаетъ окружающую его дѣйствительность, заимствуетъ, съ должной критикой, свѣдѣнія у другихъ изслѣдователей, работавшихъ надъ тѣмъ же предметомъ, привлекаетъ на помощь свѣдѣнія, накопленныя въ другихъ отрасляхъ знанія, если они имѣютъ отношеніе къ изучаемому явленію, особенно часто обращается въ политической экономіи къ статистикѣ, исторіи, праву, психологіи, этнографіи.

Но для установленія причинныхъ зависимостей наблюденіе, какъ бы

оно ни было обширно и разносторонне, недостаточно. Для этого необходимо примѣнять тѣ способы доказательства, которые указываетъ логика, какъ пріемы, приводящіе къ увѣренности въ существованіи причинной связи между явленіями. Это доказательства дедуктивныя и индуктивныя[1]). Индуктивныя доказательства связаны съ установкой данныхъ научно поставленнаго опыта, или эксперимента. Они основаны на экспериментальномъ изслѣдованіи и составляютъ *экспериментальный методъ*. Доказательства дедуктивныя не связаны съ экспериментомъ и состоятъ въ умозаключеніи изъ принятыхъ посылокъ. При этомъ способѣ доказательства мы ведемъ разсужденіе отправляясь отъ извѣстныхъ предположеній, которыя устанавливаемъ, пользуясь данными, полученными съ помощью наблюденія. Этотъ методъ называется *абстрактнымъ*, или *отвлеченнымъ*.

Основной вопросъ методологіи политической экономіи заключается въ томъ, какое значеніе имѣютъ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ указанные методы, въ какихъ предѣлахъ и при какихъ условіяхъ примѣнимы тотъ и другой и къ какимъ результатамъ можетъ привести каждый изъ нихъ?

§ 24. Экспериментальный методъ въ политической экономіи. Экспериментъ состоитъ въ томъ,, что изслѣдуемое явленіе ставится въ условія, позволяющія установить, съ помощью особыхъ пріемовъ, дѣйствіе на него отдѣльныхъ факторовъ и выдѣлить изъ обстоятельствъ, предшествующихъ явленію или слѣдующихъ за нимъ, тѣ, которыя связаны съ нимъ причинной зависимостью.

Напр., для того, чтобы доказать необходимость для растенія азота, производились слѣдующіе эксперименты, описаніе которыхъ мы заимствуемъ у проф. К. А. Тимирязева. Брали два горшка съ прокаленною и промытою кислотой—слѣдовательно, бѣлою и безплодною почвой—и въ одинъ изъ нихъ прибавляли золу растенія, заключающую всѣ находящіяся въ растеніи минеральныя вещества, а въ другой—ту же золу и еще азотъ въ видѣ азотнокислой соли, именно селитры. Въ оба горшка посажено было по два, совершенно сходныхъ по вѣсу, сѣмени подсолнечника. Они взошли, но въ первомъ горшкѣ получились два хилыхъ, жалкихъ растеньица, едва под-

---

[1]) Здѣсь индукція употребляется въ иномъ значеніи чѣмъ тогда, когда имѣется въ виду суммированіе данныхъ опыта.

нимающихся надъ поверхностью почвы; во второмъ—два здоровыхъ экземпляра, съ цвѣтами и сѣменами, размѣрами своихъ стеблей и листьевъ не отличающіеся отъ подсолнечниковъ, одновременно выросшихъ въ лучшей садовой почвѣ. И однако все различіе двухъ опытовъ заключалось *только* въ томъ, что во второй горшокъ прибавлено было немного селитры, то-есть азота. Дѣлаемъ выводъ, заключаетъ свое описаніе проф. Тимирязевъ: растенію необходимъ азотъ. Съ помощью аналогичныхъ опытовъ доказывается, что растенію необходимъ калій [1]).

Возьмемъ другой примѣръ экспериментальнаго изслѣдованія. Внутреннія оболочки многихъ раковинъ при освѣщеніи бѣлыми лучами свѣта пріобрѣтаютъ радужный отблескъ. Что составляетъ причину этого явленія? Одинъ англичанинъ, задавшись этимъ вопросомъ, пришелъ къ догадкѣ, что радужный отблескъ зависитъ отъ строенія поверхности внутренней оболочки, а не отъ ея химическаго состава. И, чтобы доказать эту догадку, онъ сдѣлалъ изъ воска оттискъ съ поверхности внутренней оболочки; оказалось, что несмотря на все различіе въ другихъ обстоятельствахъ (въ химическомъ составѣ, происхожденіи и т. д.), оттискъ при освѣщеніи его бѣлымъ свѣтомъ тоже получаетъ радужный отблескъ, что служитъ доказательствомъ сдѣланной догадки; ибо при сравненіи обоихъ случаевъ возникновенія радужнаго отблеска *единственнымъ* общимъ для нихъ обоихъ обстоятельствомъ оказывается только строеніе поверхностей, освѣщенныхъ бѣлыми лучами свѣта [2]).

Въ послѣднемъ примѣрѣ способъ доказательства причинной связи не тотъ, который примѣненъ въ первомъ. Необходимость для растенія азота доказывается съ помощью метода *единственнаго различія*, а то, что строеніе внутренней оболочки раковины обусловливаетъ радужный отблескъ свѣтоваго луча—съ помощью метода *единственнаго совпаденія*. Но и тотъ, и другой основаны на экспериментѣ.

Постановка эксперимента должна отвѣчать опредѣленнымъ требованіямъ для того, чтобы онъ былъ доказателенъ и основанныя на немъ положенія логически безспорны. Важнѣйшее изъ этихъ тре-

---

[1]) Жизнь растенія, изд. 1908, стр. 91.

[2]) А. И. Введенскій. Логика, стр. 308.

бованій то, что условія, въ которыя ставится явленіе, извѣстны изслѣдователю. Иначе онъ не будетъ въ правѣ утверждать, что въ двухъ сравниваемыхъ случаяхъ условія опыта одинаковы во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного (напр., присутствія на почвѣ азота или калія), или, напротивъ, различны во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного (строенія внутренней оболочки раковины). Если же не будетъ увѣренности, что это именно такъ, то не будетъ и основанія относить наблюденную разницу въ явленіяхъ (различіе въ силѣ и ростѣ подсолнечниковъ) или, напротивъ, констатированное тождество явленія (радужный отблескъ раковины) на счетъ того именно условія, которое составляло единственное различіе или единственное совпаданіе въ явленіяхъ, изслѣдованныхъ экспериментаторомъ.

Если бы въ опытѣ, описанномъ проф. Тимирязевымъ, у экспериментатора не было полной увѣренности, что оба подсолнечника росли въ совершенно тождественныхъ условіяхъ, въ отношеніи силы свѣта, температуры и состава почвы, и что *единственное* различіе состояло въ наличности въ одномъ случаѣ азота и въ отсутствіи его въ другомъ, то выводъ о значеніи азота могъ бы быть оспариваемъ. Не было бы увѣренности, что на ростъ подсолнечника не оказало вліянія какое-нибудь другое условіе, напр., различіе въ силѣ свѣта, которымъ пользовались растенія.

Въ области экономическихъ явленій экспериментъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть поставленъ въ условія, вполнѣ отвѣчающія изложеннымъ требованіямъ. Вслѣдствіе этого политическая экономія не допускаетъ пользованія экспериментомъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ пользуется имъ естествознаніе, а въ случаяхъ, допускающихъ опытъ, большею частью не въ состояніи поставить его въ условія, вполнѣ удовлетворяющія требованіямъ точнаго знанія.

Невозможно въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія экономическихъ явленій создать такую соціальную обстановку, всѣ факторы которой были бы на точномъ учетѣ и которая допускала бы устраненіе и измѣненіе каждаго изъ нихъ по желанію изслѣдователя. Нельзя, напр., искусственно устранить право изъ жизни народа для того, чтобы опредѣлить, какія измѣненія произошли бы вслѣдствіе такого устраненія. Нельзя продѣлать такого опыта и съ религіей съ цѣлью изслѣдовать вліяніе религіозныхъ идей на матеріальный бытъ человѣчества, и т. д.

Тѣмъ не менѣе, опытное изслѣдованіе не закрыто совершенно и для экономиста. При извѣстныхъ условіяхъ и въ соціальной жизни возможно ставить опыты съ точностью, достаточной для обезпеченія научнаго значенія выводовъ. Напр., введеніе на фабрикѣ сокращеннаго рабочаго времени, при сохраненіи того же состава рабочихъ и всѣхъ прочихъ условій работы, представляетъ опытъ, могущій привести изслѣдователя къ научнымъ выводамъ. Этимъ способомъ было выяснено вліяніе продолжительности рабочаго дня на продуктивность (успѣшность) труда. Другой примѣръ: измѣненіе пассажирскаго тарифа на желѣзныхъ дорогахъ составляетъ опытъ, съ помощью котораго возможно изслѣдовать вліяніе высоты тарифа на размѣры желѣзнодорожнаго движенія и его характеръ.

Отличіе опытовъ, съ которыми имѣетъ дѣло экономистъ, отъ опытовъ, съ помощью которыхъ работаетъ естествоиспытатель, состоитъ въ томъ, что въ естествознаніи опыты ставятся обыкновенно изслѣдователемъ, тогда какъ въ экономической области они большею частью возникаютъ въ жизни независимо отъ воли изслѣдователя и не для научныхъ цѣлей. По этой причинѣ обстановка соціальнаго опыта почти всегда находится внѣ воздѣйствія и контроля изслѣдователя. Ему приходится наблюдать опытъ такимъ, какимъ ставитъ его сама жизнь, и нерѣдко отказываться отъ точныхъ выводовъ, потому что условія опыта не соотвѣтствуютъ требованіямъ научнаго метода.

Кромѣ того, условія соціальной жизни такъ многообразны и сложны, что невозможно учесть ихъ съ такою же точностью, какъ это дѣлаетъ естествоиспытатель при постановкѣ опытовъ въ своей лабораторіи. Сравнивая продуктивность труда при продолжительномъ и короткомъ рабочемъ днѣ, далеко не всегда можно быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ остальныя условія работы, кромѣ ея продолжительности, остались безъ перемѣнъ: даже при сохраненіи неизмѣнными обстановки и условій труда на фабрикѣ, могли произойти перемѣны въ личной и общественной жизни рабочихъ, косвенно повліявшія на продуктивность ихъ работы. Въ еще большей степени привходящія условія могли бы имѣть мѣсто въ отношеніи опыта съ пассажирскимъ тарифомъ.

Вообще, чѣмъ сложнѣе явленіе, котораго касается опытъ, тѣмъ менѣе шансовъ на точный учетъ всѣхъ условій послѣдняго, слѣдов., и на полученіе цѣнныхъ въ научномъ отношеніи выводовъ.

Экономисту приходится въ большинствѣ случаевъ, открывающихъ ему возможность опытнаго изслѣдованія, предполагать «неизмѣнность или равенство прочихъ условій» (ceteris paribus) кромѣ тѣхъ, которыя ему извѣстны, и довольствоваться приблизительной точностью такого предположенія.

Итакъ, экономистъ не имѣетъ возможности ставить опыты съ такой же тщательностью, съ какой ставитъ ихъ естествоиспытатель. Когда же постановку опытовъ беретъ на себя сама жизнь, то изслѣдователь экономическихъ явленій часто вынужденъ бываетъ довольствоваться опытнымъ изслѣдованіемъ, не вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ научной методологіи.

§ 25. Абстрактный методъ. Съ помощью абстрактнаго метода причинная связь между явленіями доказывается безъ эксперимента. Для этой цѣли изслѣдователь пользуется разсужденіемъ съ помощью силлогизмовъ. Онъ предполагаетъ нѣкоторыя положенія, являющіяся въ его разсужденіи посылками, и дѣлаетъ изъ нихъ выводъ. Этотъ пріемъ доказательства основанъ на умозаключеніи и носитъ въ логикѣ названіе *дедукціи*, вслѣдствіе чего и методъ изслѣдованія съ помощью такого пріема называется также *дедуктивнымъ*.

Свои посылки политическая экономія черпаетъ изъ эмпирической дѣйствительности. Наблюдая послѣднюю, она подмѣчаетъ тѣ черты ея, которыя всего чаще встрѣчаются и поэтому являются наиболѣе типическими, и предполагаетъ, будто дѣйствительность складывается изъ однѣхъ такихъ чертъ. Затѣмъ соединяя ихъ въ одно цѣлое, она создаетъ нѣкоторую воображаемую совокупность условій, въ которую мысленно и ставитъ изслѣдуемое явленіе. Предметъ изслѣдованія какъ бы переносится изъ эмпирической дѣйствительности въ упрощенную обстановку, отличающуюся отъ дѣйствительной тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ только нѣкоторыя ея черты, выбранныя или *отвлеченныя* отъ нея изслѣдователемъ. Съ помощью этого пріема явленіе ставится въ искусственную среду, какъ бы *изолируется*, освобождаясь отъ ряда вліяній, которымъ оно подвержено въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этого описываемый методъ называется также *методомъ изоляціи*.

Предполагаемая при этомъ обстановка явленія не только проще дѣйствительности, но она, кромѣ того, исчерпывающимъ образомъ извѣстна изслѣдователю, потому что составлена изъ подобранныхъ

нмъ же чертъ дѣйствительной жизни. Эти два обстоятельства, давая изслѣдователю возможность оперировать съ меньшимъ числомъ, и при томъ вполнѣ извѣстныхъ ему данныхъ, облегчаютъ изслѣдованіе.

Нетрудно видѣть, что изоляція замѣняетъ собою при абстрактномъ методѣ экспериментъ, отъ котораго она отличается тѣмъ, что искусственно созданная обстановка явленія *только мыслится*, между тѣмъ какъ при экспериментальномъ изслѣдованіи она *воспроизводится въ натурѣ*. Но въ томъ и другомъ случаѣ явленіе ставится въ условія, устанавливаемыя самимъ изслѣдователемъ, при чемъ они отличаются отъ дѣйствительныхъ сравнительной простотой и доступны полному учету.

Такимъ путемъ политическая экономія устанавливаетъ рядъ *предположеній, относящихся къ психикѣ хозяйствующаго человѣка и внѣшнимъ условіямъ его дѣятельности*.

1) Она предполагаетъ, что люди въ ихъ хозяйственной дѣятельности всегда руководятся хозяйственнымъ разсчетомъ, т.-е. предпринимаютъ только тѣ хозяйственныя дѣйствія, которыя выгодны имъ, и, предпринявъ ихъ, стремятся достигнуть наибольшихъ результатовъ при данныхъ затратахъ или даннаго результата съ наименьшими затратами. Извѣстно, что въ дѣйствительной жизни это правило разумнаго хозяйствованія, являющееся послѣдовательнымъ примѣненіемъ «экономическаго принципа», не всегда примѣняется людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Иногда отъ него отступаютъ по невѣдѣнію или неумѣнію, въ другихъ случаяхъ сознательно подъ вліяніемъ постороннихъ, не экономическихъ соображеній; напр. когда покупатель сознательно платитъ за товаръ дороже, чѣмъ слѣдуетъ, изъ нежеланія тратить время на торгъ или изъ побужденій благотворительнаго характера по отношенію къ продавцу. Политическая экономія игнорируетъ подобные случаи, какъ нетипическіе, и предполагаетъ, что люди руководятся въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ *исключительно* хозяйственнымъ разсчетомъ.

Это предположеніе называлось раньше «посылкой эгоизма» и вызывало большія разногласія среди экономистовъ. Въ то время какъ классики ставили его во главу угла въ своихъ ученіяхъ, ихъ противники, въ особенности представители исторической школы, рѣшительно оспаривали правомѣрность такой посылки. Они доказы-

вали неправильность игнорированія роли альтруизма въ хозяйственной жизни и на этомъ основаніи пытались опорочить все направленіе классической школы и значеніе примѣнявшагося ею абстрактнаго метода. Вагнеръ, желая отвести въ политической экономіи надлежащее мѣсто альтруистическимъ мотивамъ, ввелъ даже особое понятіе «каритативной дѣятельности» (отъ латинскаго слова caritas—милосердіе) для обозначенія хозяйствованія, вытекающаго изъ мотивовъ не эгоистическаго характера. Споръ распространялся на самыя понятія эгоизма и альтруизма [1]) и даже оспаривалась возможность установить, какіе мотивы, эгоистическіе или альтруистическіе, преобладаютъ въ дѣйствительности [2]).

Ошибка классиковъ, подавшая поводъ для возраженій и споровъ, заключалась въ томъ, что они связали хозяйственный разсчетъ съ опредѣленнымъ этическимъ моментомъ. Между тѣмъ онъ одинаково можетъ быть соединяемъ какъ съ эгоистическими, такъ и съ альтруистическими мотивами. Можно разсчетливо хозяйничать въ личномъ интересѣ и въ интересахъ учрежденія, существующаго для блага ближнихъ—пріюта, санаторія и т. п.

Посылка хозяйственнаго разсчета должна быть совершенно освобождена отъ этическаго момента и въ такомъ видѣ она безспорно выражаетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій хозяйственной дѣятельности въ реальной дѣйствительности.

2) Такимъ же способомъ, какимъ устанавливается посылка хозяйственнаго разсчета, политическая экономія устанавливаетъ и рядъ *посылокъ, относящихся къ внѣшнимъ условіямъ хозяйственной дѣятельности.*

Предполагается, что хозяйствующіе субъекты дѣйствуютъ въ такихъ правовыхъ условіяхъ, которыя допускаютъ широкую свободу хозяйственной дѣятельности и обезпечиваютъ за каждымъ право на плоды его труда и усилій.

Свобода хозяйственной дѣятельности состоитъ въ свободномъ выборѣ хозяйственныхъ цѣлей и средствъ для ихъ достиженія, соединенномъ съ отвѣтственностью за послѣдствія предпринятыхъ дѣйствій. Кромѣ того, свобода хозяйственной дѣятельности пред-

---

[1]) Dargun. Egoismus und Altruismus. 1881.

[2]) Dietzel. Cm. Selbstinteress въ H W B.

полагаетъ свободу вступать въ договоры и союзы съ третьими лицами или соперничать съ ними въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Политическая экономія предполагаетъ также, что свобода хозяйственной дѣятельности не только формально признается, но и фактически осуществляется, и что соперничество между хозяйствующими субъектами не встрѣчаетъ задержекъ въ техническихъ и иныхъ условіяхъ. Словомъ, свобода почина, за свой личный рискъ и страхъ, соединенная съ свободой договора, правомъ собственности на плоды хозяйственной дѣятельности и свободой соперничества—таковы главныя внѣшнія условія, предполагаемыя политической экономіей при изслѣдованіи экономическихъ явленій.

Мы увидимъ ниже, что посылки, въ которыхъ получаютъ свое выраженіе только что изложенныя условія, составляютъ важнѣйшія черты хозяйственнаго строя, который мы опредѣляемъ какъ *индивидуалистическій*. Эти черты отнюдь не исчерпываютъ эмпирической дѣйствительности. Напр. свобода соперничества ограничивается не только формальными условіями, но и многими другими причинами: трудностью перехода труда и перевода капитала изъ одной отрасли производства въ другую, нравами и косностью людей и пр. Но политическая экономія игнорируетъ всѣ подобныя условія, уклоняющіяся отъ типическихъ, и предполагаетъ, что существуютъ только послѣднія. Получается такимъ образомъ упрощенная, стилизованная обстановка хозяйствованія, въ которую и ставится хозяйствующій субъектъ, также снабженный упрощенной, стилизованной психологіей.

Изслѣдованіе явленій, интересующихъ изслѣдователя, заключается въ томъ, что выясняется, какъ сложилось бы и протекало то или другое явленіе въ предположенныхъ условіяхъ; напр. какъ складывались бы въ такой обстановкѣ цѣны на товары и какъ онѣ измѣнялись бы подъ вліяніемъ различныхъ причинъ—сокращенія или расширенія спроса и предложенія и т. п.

Но поскольку разсужденіе ведется при общихъ посылкахъ, выражающихъ только наиболѣе типическія условія хозяйствованія, постольку и самые выводы, выражающіе причинозависимость явленій, по необходимости, должны носить общій характеръ. Такими выводами наука удовлетвориться не можетъ. Поэтому, не ограничиваясь общими выводами, она стремится ввести въ свои разсужденія условія, относящіяся къ отдѣльнымъ видамъ явленій или къ

случаямъ, уклоняющимся отъ типическихъ. Напр., не довольствуясь общимъ закономъ рыночныхъ цѣнъ, политическая экономія изслѣдуетъ, какъ видоизмѣняется дѣйствіе этого закона при ограниченіи свободы соперничества, при установленіи предѣльныхъ цѣнъ и т. п. Остовъ, или основу, экономической теоріи составляютъ законы, вытекающіе изъ посылокъ общаго значенія; но затѣмъ, постепенно суживая и конкретизируя свои посылки, политическая экономія вводитъ въ установленные ею общіе законы усложняющія ихъ добавленія и оговорки, благодаря которымъ они становятся пригодными для объясненія не только основныхъ тенденцій дѣйствительности, но и конкретныхъ явленій, уклоняющихся отъ типическихъ. Экономическіе законы въ развитомъ видѣ состоятъ изъ положеній различной степени общности, выведенныхъ изъ посылокъ, степень общности которыхъ также различна.

Правильность примѣненія абстрактнаго метода можетъ быть провѣряема съ двухъ точекъ зрѣнія: логической и по существу. Съ точки зрѣнія логической важно, чтобы не было погрѣшности противъ логики въ построеніи силлогизмовъ и выведеніи изъ нихъ умозаключенія. Но логическая правильность разсужденія еще ничего не говоритъ о его значеніи, какъ средства для пониманія явленій. Выводъ можетъ логически слѣдовать изъ принятыхъ посылокъ, но самыя посылки могутъ быть неудачно выбраны. Если въ качествѣ посылокъ приняты условія, не имѣющія существеннаго значенія, не типическія для даннаго разряда явленій, или, наконецъ, просто фантастическія, вообще не отражающія дѣйствительности, то и сдѣланный изъ нихъ выводъ, хотя бы и логически совершенно безспорный, будетъ лишенъ значенія по существу. Онъ окажется безполезнымъ для пониманія явленій, не имѣющимъ никакого жизненнаго значенія. Для того чтобы онъ обладалъ имъ, посылки, принятыя при разсужденіи, должны выражать существенныя черты эмпирической дѣйствительности, быть не плодомъ фантазіи изслѣдователя, а результатомъ научнаго наблюденія и правильно проведенной индукціи (въ смыслѣ суммированія фактовъ).

Такимъ образомъ въ основѣ абстрактнаго метода лежитъ познаніе эмпирической дѣйствительности съ помощью наблюденія и индукціи. Поэтому правильное пользованіе имъ требуетъ не только логической безупречности разсужденія, но и основательнаго знакомства съ эмпирической дѣйствительностью, безъ чего

невозможно установленіе надлежащихъ посылокъ для дедуктивнаго разсужденія.

§ 26. Значеніе абстрактнаго метода. Намъ остается разсмотрѣть, какое значеніе имѣетъ абстрактный методъ въ качествѣ орудія научнаго познанія.

Ошибочно думать, будто экономическіе законы были установлены или устанавливаются съ помощью этого метода. Многіе изъ нихъ подсказаны жизненнымъ опытомъ и восприняты наукой въ готовомъ видѣ въ качествѣ выводовъ практической мудрости; другіе составляютъ результатъ геніальной интуиціи или удачной догадки; третьи—плодъ тщательнаго наблюденія дѣйствительности въ настоящемъ и глубокаго изученія ея въ прошедшемъ. Пути познанія научныхъ истинъ многообразны, и задача научныхъ методовъ вовсе не заключается въ обученіи искусству открытій или преподаніи рецептовъ научнаго творчества. Не служитъ этой цѣли и абстрактный методъ въ политической экономіи. Онъ не является средствомъ для открытія экономическихъ законовъ, а только *способомъ ихъ доказательства*, т.-е. *провѣрки ихъ правильности*.

Доказать научный законъ значитъ связать выраженное въ немъ положеніе съ опредѣленнымъ комплексомъ условій, выяснить совокупность обстоятельствъ, при наличности которыхъ неизбѣжно должно наступить изслѣдуемое явленіе. Когда высказывается какое-нибудь положеніе въ видѣ догадки или эмпирическаго закона, то не существуетъ еще полной ясности относительно условій, при наличности которыхъ высказанное положеніе осуществляется. Такая ясность достигается только съ помощью абстрактнаго метода, т.-е. путемъ установленія посылокъ, изъ которыхъ данное положеніе логически вытекаетъ. Связь между явленіями выражается въ эмпирическомъ законѣ въ грубомъ, неотдѣланномъ видѣ. Устанавливается только ея существованіе, но не опредѣляются условія ея осуществленія; вслѣдствіе этого остается невыясненнымъ, проявляется ли она всегда или только при извѣстныхъ условіяхъ и какихъ именно. Между тѣмъ отъ выясненія этого зависятъ точность знанія и возможность пользоваться имъ для пониманія явленій.

Такая точность достигается въ процессѣ доказательства научныхъ положеній, когда изслѣдователь связываетъ изслѣдуемое явленіе съ опредѣленными факторами или условіями посредствомъ

системы силлогизмовъ, какъ выводъ связывается съ посылками, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Въ этомъ и заключается сущность абстрактнаго, или дедуктивнаго метода. Онъ служитъ способомъ доказательства положеній, выраженныхъ первоначально въ видѣ догадокъ или эмпирическихъ законовъ; и въ то же время самый процессъ его примѣненія приводитъ къ углубленію научнаго знанія и сообщенію ему необходимой точности.

Законъ спроса и предложенія всѣмъ извѣстенъ изъ жизненнаго опыта въ видѣ общаго положенія, что увеличеніе спроса на товаръ, при данномъ предложеніи его, повышаетъ цѣну, а увеличеніе предложенія, при данномъ спросѣ, понижаетъ ее; и обратно. Но въ такомъ видѣ этотъ законъ еще не можетъ быть признанъ научнымъ закономъ. Онъ становится имъ только тогда, когда въ него вводится рядъ оговорокъ, указывающихъ условія, при которыхъ выраженное выше положеніе осуществляется и при отсутствіи которыхъ оно не получаетъ осуществленія. Выявленіе этихъ условій и составляетъ задачу абстрактнаго метода.

Д. С. Милль, а за нимъ Кернсъ, Чупровъ и многіе другіе разсматривали дедуктивный, или абстрактный, методъ какъ способъ *открытія* законовъ политической экономіи. Согласно этому ученію изслѣдователь, желая установить законъ какого-либо экономическаго явленія, сначала устанавливаетъ опредѣленныя посылки, затѣмъ строитъ съ ихъ помощью силлогизмы и дѣлаетъ умозаключенія, пока не приходитъ къ конечному выводу, который и представляетъ собою искомый законъ. Чтобы убѣдиться въ правильности полученнаго вывода, его сравниваютъ съ дѣйствительнымъ явленіемъ. Если онъ совпадаетъ съ послѣднимъ, то разсужденіе признается правильнымъ и исчерпывающимъ вопросомъ. Если же совпаденія не получается, то провѣряютъ ходъ разсужденія и вводятъ въ него новыя осложняющія условія, долженствующія приблизить выводъ къ дѣйствительности.

На самомъ дѣлѣ едва ли хотя бы одинъ экономическій законъ былъ открытъ такимъ способомъ. Законы политической экономіи появляются сначала въ видѣ догадокъ или эмпирическихъ законовъ и затѣмъ доказываются и окончательно формулируются съ помощью абстрактнаго метода. Найденная или предполагаемая закономѣрность становится научнымъ закономъ лишь послѣ того, какъ она подтверждена посредствомъ абстрактнаго метода. Но

ея сущность всегда извѣстна раньше, чѣмъ она получитъ свою окончательную, вполнѣ развитую формулировку. Абстрактный методъ служитъ только средствомъ для провѣрки, доказательства и точной формулировки правильностей, подмѣченныхъ съ помощью наблюденія или предугаданныхъ изслѣдователемъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще вернуться къ вопросу о значеніи экспериментальнаго изслѣдованія и абстрактнаго метода въ политической экономіи, чтобы показать, что сведеніе экономическихъ явленій къ ихъ конечнымъ причинамъ осуществимо *только съ помощью абстрактнаго метода.*

Политическая экономія признаетъ явленіе окончательно выясненнымъ, если показано, какія дѣйствія людей и руководившіе ими мотивы привели къ возникновенію изслѣдуемаго явленія. Объяснить цѣну товара, значитъ показать, какимъ образомъ она образовалась при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ слѣдствіе поведенія покупателей, продавцовъ и производителей, руководившихся хозяйственнымъ разсчетомъ.

Экспериментальнымъ путемъ можно связать между собою причинной зависимостью явленія (напр. повышеніе желѣзнодорожнаго тарифа и размѣры желѣзнодорожнаго движенія), но вывести ихъ изъ человѣческихъ дѣйствій и мотивовъ дѣятельности возможно только дедуктивнымъ путемъ, т.-е. посредствомъ абстрактнаго метода, и поэтому только такимъ способомъ возможно довести объясненіе явленія до его конечныхъ причинъ.

Истинной причиной увеличенія желѣзнодорожнаго движенія при пониженіи тарифа служитъ не самый фактъ уменьшенія тарифныхъ ставокъ, а усилившаяся склонность людей пользоваться желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ при его удешевленіи, иными словами— опредѣленныя дѣйствія людей, связанныя съ началомъ хозяйственнаго разсчета. Поэтому послѣ того, какъ экспериментально доказана причиннозависимость между тарифомъ и движеніемъ, приходится еще, чтобы довести до конца объясненіе установленнаго факта, вывести подмѣченную закономѣрность изъ человѣческихъ дѣйствій. Если это не всегда дѣлается, то всегда подразумѣвается. Такимъ образомъ всякій экспериментъ въ политической экономіи, хотя бы молчаливо, дополняется дедуктивнымъ разсужденіемъ.

§ 27. Законы политической экономіи и точныхъ наукъ. Изслѣдователи научной методологіи не разъ разсматривали вопросъ о ха-

рактерѣ законовъ соціальныхъ наукъ, въ частности экономіи, сравнительно съ законами такъ называемыхъ точныхъ наукъ—естествознанія и математики. Одни находятъ, что принципіальнаго различія между ними не существуетъ, и что разница въ ихъ значеніи, какъ орудій познанія дѣйствительности, заключается только въ томъ, что соціальная дѣйствительность сложнѣе и измѣнчивѣе внѣшней природы и математическихъ отношеній, и поэтому законы естественныхъ и математическихъ наукъ полнѣе и точнѣе выражаютъ связь между явленіями (и величинами), чѣмъ законы наукъ соціальныхъ. Другіе напротивъ, усматриваютъ болѣе или менѣе существенныя и даже коренныя различія между законами того и другого рода. Напримѣръ, Вундтъ отмѣчаетъ, какъ существенное различіе между законами естественныхъ наукъ и психологіей (съ которой родственны и соціальныя науки), слѣдующее: въ естествознаніи дѣйствіе закона можетъ быть нарушено только вліяніемъ причинъ *общаго* характера, а въ психологіи—также *сингулярными* событіями [1]). Напримѣръ, вопреки законамъ языка отдѣльный писатель можетъ употребить особую форму выраженія, но общіе законы движенія небесныхъ тѣлъ могутъ быть нарушены въ отдѣльномъ случаѣ только подъ вліяніемъ какого либо закона природы.

Нейманъ видитъ различіе между законами соціальныхъ наукъ, въ особенности политической экономіи, и естествознанія, въ точности, отличающей законы естественныхъ (конечно, и математическихъ) наукъ и недоступной для соціальнаго знанія. При этомъ признакомъ точности Нейманъ считаетъ математическое выраженіе научнаго закона [2]). Наконецъ, нѣкоторыми оспаривается самая примѣнимость понятія законопричинности къ соціальнымъ явленіямъ [3]).

Если обратиться къ опредѣленіямъ понятія научнаго закона, то нельзя не замѣтить, что представители различныхъ разрядовъ наукъ вкладываютъ въ это понятіе болѣе или менѣе одинаковое содержаніе. Въ опредѣленіяхъ понятія научнаго закона обычно въ той или другой формулировкѣ выдвигается «типичность» и «повторяемость» явленій или «существенность» тѣхъ силъ, условій и вліяній, дѣйствіе которыхъ выражаетъ научный законъ.

[1]) Logik, III, 137.

[2]) Wirthsh. Gesetze. I. f. N. и St. III. F. 16 Bd. и его же—Naturgesetze und Wirthschaftsgesetze. Z. f. d. g. S. 1892, III.

[3]) Ср. F. Gottl. Zur sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung. Arch. f. S. W. XXIII, XXVI, XXVIII.

Такъ, Рюмелинъ, имѣя въ виду соціальные законы, говоритъ, что «законъ есть выраженіе элементарнаго, постояннаго, во всѣхъ случаяхъ познаваемаго, какъ основная форма, образа дѣйствія силъ». Съ другой стороны Гельмгольцъ, съ точки зрѣнія естествознанія, опредѣляетъ законъ какъ «общее понятіе, которымъ охватывается рядъ однообразно протекающихъ явленій природы». Для экономиста Неймана законы причинозависимостей суть «выраженіе равномѣрнаго повторенія причинносвязанныхъ явленій». Наконецъ, соціологъ Эйленбургъ опредѣляетъ законъ, какъ «выраженіе однороднаго повторенія явленій».

Такимъ образомъ представители и соціальныхъ наукъ, и наукъ о природѣ одинаково видятъ въ научномъ законѣ правило, выражающее постоянно существующее и регулярно повторяющееся соотношеніе между явленіями.

Одинакова и логическая природа законовъ того и другого рода. Законы политической экономіи имѣютъ гипотетическій, условный характеръ: они вѣрны лишь при тѣхъ посылкахъ, при которыхъ выведены. Но совершенно то же самое приходится сказать и относительно всѣхъ другихъ наукъ.

Кэрнсъ, первый изъ экономистовъ послѣ Д. С. Милля изслѣдовавшій методологію политической экономіи, настаиваетъ на полной аналогіи въ этомъ отношеніи между законами политической экономіи и естественныхъ наукъ: и тѣ, и другіе имѣютъ гипотетическій характеръ [1]). Эйленбургъ также доказываетъ, что законы естественныхъ наукъ устанавливаются съ помощью метода «изолирующей абстракціи». «Они никогда непосредственно не выводятся изъ дѣйствительности. Законы физики и химіи требуютъ для ихъ выведенія даже очень искусственнаго аппарата. Чистое наблюденіе скорѣе даетъ только непосредственный толчокъ къ формулировкѣ положенія, но требуетъ затѣмъ методологическаго исправленія. Только черезъ изолирующую абстракцію выясняется функціональная зависимость и устанавливается отчетливость отношеній» [2]). «Мы никогда не имѣемъ дѣла въ наукѣ съ дѣйствительностью, какъ таковой, замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ сочиненіи, а всегда только съ нашими представленіями о ней, съ ея изображеніями [3])

---

[1]) Cairnes. The Character and logical Method of Political Economy.

[2]) Naturgesetze und Sozialgesetze, стр. 70.

[3]) Gesellschaft und Natur. Arch. f. S. W. XXXI, стр. 526, также 743.

Современный изслѣдователь предмета и основныхъ понятій теоретической экономіи Амоннъ высказываетъ ту же мысль какъ общее положеніе. «Отъ непосредственно познаваемой опытомъ дѣйствительности,—говоритъ онъ,—исходитъ всякая эмпирическая наука, но эмпирическая дѣйствительность въ цѣломъ не укладывается ни въ какое научное изложеніе. Таковое необходимо и всегда уже заключаетъ въ себѣ логическую переработку опыта... Объектъ, всякой самостоятельной науки или научнаго изложенія, не есть дѣйствительный конкретный объектъ опыта, который, какъ таковой, можетъ лежать въ основѣ нѣсколькихъ совершенно различныхъ наукъ, а принципіально недѣйствительный, мыслящійся объектъ познанія» [1]).

Такимъ образомъ отличіе законовъ политической экономіи отъ законовъ естественныхъ наукъ (включая и математику) во всякомъ случаѣ не въ ихъ обусловленности принятыми при изслѣдованіи посылками. И не въ томъ оно, что естествознаніе имѣетъ будто бы дѣло съ реальными явленіями или подлинной дѣйствительностью, а политическая экономія—съ абстракціями, представляющими построенія нашего ума. И точныя науки оперируютъ съ построеніями подобнаго же рода. Напримѣръ, геометрія и примыкающія къ ней дисциплины вращаются всецѣло въ мірѣ абстракцій, ибо въ природѣ не существуетъ въ чистомъ видѣ ни одной изъ геометрическихъ фигуръ, въ примѣненіи къ которымъ строится геометрическія теоремы.

Если понимать подъ точностью полную достовѣрность содержащагося въ научномъ законѣ утвержденія, что при совокупности предположенныхъ обстоятельствъ должно наступить опредѣленное явленіе, то нѣтъ основаній утверждать, что законы политической экономіи менѣе точны, чѣмъ законы «точныхъ» наукъ, или такъ называемые «законы природы».

Логически правильно понимаемые законы всѣхъ наукъ безусловны, т.-е. общезначимы. Они гласятъ: гдѣ бы и когда бы ни встрѣтилась данная комбинація условій, должно наступить такое-то явленіе. Если нельзя утверждать, что такъ будетъ всегда и вездѣ, то это значитъ, что нѣтъ научнаго закона. Въ этомъ смыслѣ

---

[1]) A. Amonn. Objekt und Grundbegriffe der Theoretischen Nationalökonomie, 1911, стр. 4.

законы политической экономіи столь же точны, какъ и законы другихъ наукъ.

Значеніе, которое придаетъ понятію точности Нейманъ, признающій точнымъ только математическое выраженіе закона, слишкомъ узко. Но и съ этой точки зрѣнія законы политической экономіи могутъ быть признаны точными, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку они получаютъ выраженіе въ математическихъ формулахъ. Возможность же такой формулировки законовъ политической экономіи доказала математическая школа.

Что касается приведеннаго выше мнѣнія Вундта о различіи законовъ соціальныхъ и естественныхъ наукъ, то оно непримѣнимо именно къ политической экономіи потому, что она не имѣетъ дѣла съ сингулярными явленіями. Самъ Вундтъ говоритъ, что статистическій методъ устраняетъ значеніе сингулярныхъ событій. Но явленія, съ которыми имѣетъ дѣло статистическій методъ, это массовыя явленія, которыми занимается и политическая экономія [1]).

Отличіе экономическихъ законовъ заключается не въ принципіальной ихъ природѣ или степени ихъ точности. Они отличаются отъ законовъ естественныхъ и математическихъ наукъ только тѣмъ, что послѣдніе въ гораздо большей степени могутъ приблизиться къ идеалу всякаго научнаго закона—выражать соотношеніе явленій дѣйствительности *исчерпывающимъ образомъ*, т.-е. быть результатомъ *полнаго и точнаго учета всѣхъ* силъ, дѣйствующихъ въ дѣйствительности.

Такой исчерпывающій характеръ имѣетъ астрономія; но далеко не всѣ естественныя науки достигли или хотя бы приблизились къ этому идеалу. Соціальныя науки, и въ частности политическая экономія, еще болѣе далеки отъ него, но это не значитъ, что они къ нему не стремятся и что у нихъ иная природа и иной идеалъ, чѣмъ у «точныхъ» наукъ.

Чѣмъ больше законы науки приближаются къ идеалу, чѣмъ они совершеннѣе какъ орудія познанія дѣйствительности, тѣмъ въ большей степени они могутъ служить для предвидѣнія будущаго. Астрономія представляетъ въ этомъ отношеніи примѣръ высшаго совершенства, какое до сихъ поръ достигнуто человѣ-

[1]) См. статью Вундта въ его Philos. Studien (Bd. III). Ueber den Begriff der Gesetzes, и ст. А. Венцеля (Alfred Wenzel)—Beiträge zur Logik der Socialwissenschaften въ Philosophische Studien Вундта (Bd. X).

ческимъ знаніемъ. Предсказывая съ величайшей точностью наступленіе событій въ мірѣ небесныхъ тѣлъ, она доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ исчерпывающую полноту выведенныхъ ею законовъ.

Въ противоположность астрономіи соціальныя науки, и въ томъ числѣ политическая экономія, всего менѣе пригодны для предвидѣнія будущаго. Нигдѣ предсказанія не являются менѣе надежными, чѣмъ въ этой области. Но это обстоятельство служитъ только доказательствомъ отдаленности соціальныхъ наукъ отъ идеала, къ которому такъ близко подошла астрономія.

§ 28. **Экономическіе законы и исторія.** При установленіи своихъ посылокъ политическая экономія встрѣчается съ вопросомъ: изъ условій какого историческаго періода черпать ихъ?

Этого вопроса не ставили ни физіократы, ни классики. Первые были какъ нельзя болѣе далеки отъ историческаго взгляда на экономическія явленія, что же касается вторыхъ, то, несмотря на отдѣльныя исключенія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести Ад. Смита и Дж. Ст. Милля, они въ общемъ интересовались только однимъ хозяйственнымъ строемъ, именно тѣмъ, который они наблюдали вокругъ себя.

Историческая школа перегнула палку въ другую сторону. Поскольку она вообще допускала теорію, она цѣнила только теорію отдѣльныхъ историческихъ періодовъ или хозяйственныхъ структуръ. Представители научнаго соціализма ставили вопросъ на почву эволюціи хозяйства. Въ центрѣ ихъ вниманія стояла смѣна хозяйственныхъ формъ. Поскольку же они занимались изслѣдованіемъ стаціонарнаго положенія вещей, ихъ интересовалъ современный періодъ.

Съ возрожденіемъ интереса къ экономической теоріи, сталъ на очередь и вопросъ о самыхъ задачахъ теоретическаго изслѣдованія; и вмѣстѣ съ нимъ выдвинулась и проблема отношенія экономической теоріи и исторіи. Первыми опытами разрѣшенія этой проблемы служатъ попытки разграничить положенія экономической теоріи по степени ихъ общности. Одни изъ этихъ положеній признаются научными истинами, относящимися ко всѣмъ временамъ и народамъ, а другія—имѣющими приложеніе только къ конкретной исторической и бытовой обстановкѣ. Исходя изъ этого взгляда, одни различаютъ категоріи—логическія и историческія (Робертусъ), а другіе гово-

рятъ объ экономическихъ законахъ, имѣющихъ историческое и надъисторическое значеніе. Логическія категоріи и надъисторическіе законы—это тѣ положенія экономической теоріи, которыя основаны на предпосылкахъ, не связанныхъ съ конкретной исторической эпохой; историческіе же законы, или категоріи, остаются и падаютъ вмѣстѣ съ конкретными историческими условіями.

Развивая ту же мысль, Менгеръ, а за нимъ Филипповичъ разграничиваютъ теорію чистую и эмпирическую, или эмпирико-реалистическую. Первая выдѣляетъ одинъ хозяйственный мотивъ и слѣдитъ за его типическими проявленіями, вторая изучаетъ закономѣрно повторяющіяся явленія въ опредѣленномъ хозяйственномъ строѣ и устанавливаетъ ихъ взаимоотношенія [1]).

Зомбартъ держится того мнѣнія, что должна быть общая теорія экономическихъ явленій и теоріи отдѣльныхъ историческихъ періодовъ; при чемъ первая относилась бы къ послѣднимъ, какъ «прелюдія къ настоящей симфоніи».

Сводя вопросъ къ характеру предпосылокъ экономическаго изслѣдованія, можно резюмировать вышеизложенныя мнѣнія такъ, что одни положенія политической экономіи выводятся изъ предпосылокъ, имѣющихъ, грубо выражаясь, отношеніе ко всѣмъ временамъ и народамъ, или, по крайней мѣрѣ, покрывающихъ собою бо̀льшую часть исторической жизни человѣчества, а другія—изъ предпосылокъ, установленныхъ путемъ отвлеченія отъ опредѣленныхъ историческихъ эпохъ.

Предпосылки политической экономіи, выражающія условія хозяйственной дѣятельности людей, относятся преимущественно къ текущему историческому періоду. Это придаетъ политической экономіи характеръ, главнымъ образомъ, теоріи современнаго хозяйственнаго строя, но тѣмъ не менѣе не лишаетъ ея выводовъ и общаго значенія.

Исторія убѣждаетъ насъ въ томъ, что отдѣльныя историческія эпохи отличаются между собою, по крайней мѣрѣ, въ экономическомъ отношеніи, не абсолютно, а относительно. У каждой изъ нихъ находится немало общихъ чертъ съ другими эпохами: то, что составляетъ характерныя черты современнаго періода, встрѣ-

---

[1]) Menger, Untersuchungen. E. Philippovich. Grundriss der Pol. Oek. О положеніи этого вопроса въ современной экономической литературѣ см. мою статью о предметѣ политической экономіи въ „Юрид. Вѣстн.“ I кн. 1913.

чается въ измѣненномъ видѣ или въ менѣе рѣзко выраженномъ количественномъ отношеніи и въ другіе періоды исторіи. Поэтому выводы, сдѣланные примѣнительно къ современному хозяйственному строю, не теряютъ своего значенія и въ примѣненіи къ другимъ эпохамъ. Разумѣется, это относится не ко всѣмъ выводамъ и не къ полному ихъ содержанію. Тѣмъ не менѣе, очень многіе изъ положеній и законовъ политической экономіи, выведенные изъ предпосылокъ современнаго историческаго періода, получаютъ болѣе или менѣе широкую историческую примѣнимость. Явленія раздѣленія труда, обмѣна, денегъ, кредита, рынка, наемнаго труда и многія другія не составляютъ, какъ показываютъ историческія изслѣдованія, исключительной принадлежности нашей эпохи. Поэтому и научные выводы, сдѣланные по отношенію къ подобнымъ явленіямъ на основаніи предпосылокъ, отвлеченныхъ отъ современнаго періода, не лишены значенія и для другихъ историческихъ эпохъ. Такіе выводы обладаютъ, въ большей или меньшей степени, съ бо̀льшими или меньшими ограниченіями и оговорками, если не всеобщимъ, то очень широкимъ характеромъ [1]).

Современная политическая экономія прежде всего теорія народнаго хозяйства современнаго типа. Доходя до извѣстной степени отвлеченія, она, съ другой стороны, не теряетъ связи съ исторической дѣйствительностью. Она не ограничивается установленіемъ абстрактныхъ положеній наибольшей общности и на-ряду съ ними устанавливаетъ и положенія менѣе общаго характера, приближающія насъ къ эмпирической дѣйствительности въ ея конкретныхъ формахъ. Это политическая экономія *реалистическаго* направленія.

Но въ послѣднее время намѣтилось стремленіе создать «чистую» политическую экономію, которая должна быть *абстрактной тео-*

---

[1]) Дитцель (цит. ст.) стремится доказать, что предпосылки пол. экономіи, относящіяся къ обстановкѣ человѣческой дѣятельности, не пріурочены къ современному строю. По его мнѣнію, это гипотетическія условія, принимаемыя изслѣдователемъ въ интересахъ научнаго знанія. Такой гипотезой служитъ и „система свободнаго оборота“. Нельзя однако отрицать, что эта гипотеза всего больше приближается къ современному строю. Но, конечно, Дитцель правъ, доказывая, что предполагаемая экономическая обстановка дѣятельности человѣка не совпадаетъ съ исторической дѣйствительностью. „Общество чисто хозяйственныхъ интересовъ“,—такое гипотетическое общество, изъ жизни котораго устранено все *неэкономическое*.

рій экономическихъ явленій. Она основываетъ свои выводы на посылкахъ, отвлеченныхъ отъ индивидуалистическаго народнаго хозяйства, но въ отличіе отъ реалистической экономіи остается въ области наивысшаго отвлеченія отъ эмпирической дѣйствительности. Учитывая лишь основные факторы хозяйствованія, она стремится формулировать законы дѣйствія этихъ силъ въ наиболѣе абстрактной формѣ и, установивъ свои посылки, въ дальнѣйшемъ уже совершенно игнорируетъ историческую обстановку въ ея конкретныхъ формахъ. Чистая политическая экономія по своему характеру и своимъ пріемамъ приближается къ математикѣ. Оставаясь исключительно въ области абстракціи, она стремится выяснить общіе законы экономическихъ явленій, не интересуясь ихъ осуществленіемъ въ эмпирической дѣйствительности.

Чистая экономія относится къ реалистической какъ математика къ математической физикѣ. Первая оперируетъ исключительно съ абстракціями, вторая примѣняетъ законы, выведенные первой, къ объясненію явленій эмпирической дѣйствительности, не становясь однако наукой объ индивидуальныхъ явленіяхъ. Чистая и реалистическая экономія устанавливаютъ законы явленій, но первая ограничивается законами самаго общаго характера, вторая довольствуется меньшей степенью отвлеченія. Различіе между ними количественное, а не качественное. Обѣ имѣютъ права на существованіе, обѣ необходимы для познанія жизни.

ГЛАВА V.

Вспомогательныя науки.

Политическая экономія, изслѣдуя съ своей спеціальной точки зрѣнія матеріальный бытъ человѣчества, отчасти опирается на положенія, составляющія результатъ изслѣдованій неэкономическаго характера. Ей приходится имѣть дѣло съ выводами правовѣдѣнія, психологіи, философіи, естествознанія и другихъ наукъ.

Среди отраслей знанія, съ которыми политическая экономія приходитъ въ соприкосновеніе, находятся и такія, которыя особенно тѣсно связаны съ нею, являясь по отношенію къ ней какъ бы вспомогательными науками. Онѣ не только служатъ ей своими выводами, но и участвуютъ въ ея изслѣдованіяхъ. Къ числу такихъ наукъ принадлежитъ въ первую очередь исторія.

§ 29. **Исторія.** Значеніе исторіи для политической экономіи было выдвинуто въ связи съ подъемомъ историзма. Рошеръ въ своемъ «Конспектѣ» указывалъ, что народъ не есть только масса нынѣ живущихъ индивидуумовъ, и поэтому изслѣдованіе экономическихъ явленій не можетъ быть основано исключительно на наблюденіи современной экономической дѣйствительности. Для того, чтобы изъ массы явленій выдѣлить закономѣрное, необходимо, по мнѣнію Рошера, сравнивать между собою въ экономическомъ отношеніи всѣ народы, которые мы можемъ изучить. При этомъ старые, уже умершіе народы представлялись основателю германской исторической школы въ особенности поучительными въ томъ отношеніи, что ихъ развитіе лежитъ передъ нами совершенно законченнымъ. Одинаковыя теченія экономическихъ явленій въ разныя историческія эпохи Рошеръ считалъ цѣнными указаніями для сужденій экономиста.

Особенно горячо настаиваетъ на важности исторіи Шмоллеръ. На вопросъ, что даютъ экономической наукѣ всеобщая исторія и ея спеціальные отдѣлы, въ особенности исторія хозяйства, права и нравовъ, онъ отвѣчаетъ: несравненный опытный (фактическій) матеріалъ, дѣлающій изслѣдователя изъ нищаго богачомъ, поскольку дѣло касается познанія дѣйствительности.

Шмоллеръ формулируетъ свои взгляды въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) историческій матеріалъ, какъ всякое хорошее наблюденіе и описаніе, служитъ, чтобы иллюстрировать и провѣрять теоретическія положенія, опредѣлять границы, въ которыхъ имѣютъ силу опредѣленныя истины, но еще въ большей степени для того, чтобы получать индуктивнымъ путемъ новыя истины; 2) если бы было вѣрно, что исторія всегда изображаетъ только конкретное и индивидуальное и что все общее лежитъ по ту сторону ея горизонта, ея вліяніе могло бы быть только ограниченнымъ; но поскольку она объясняетъ развитіе отдѣльныхъ личностей и судьбы народовъ, постольку же она останавливается и на причинахъ, коренящихся въ психикѣ и учрежденіяхъ и вообще на всѣхъ общихъ причинахъ соціальной жизни, теоретическое объединеніе которыхъ составляетъ предметъ общественныхъ наукъ; 3) то, что сообщаетъ намъ исторія, во всякомъ случаѣ въ милліонъ разъ больше того, что изслѣдователь можетъ самъ видѣть и наблюдать въ современной ему дѣйствительности; 4) важнѣйшіе экономиче-

скіе процессы протекаютъ десятками и сотнями лѣтъ, имѣютъ свои корни въ отдаленномъ прошломъ, которое можетъ быть познано только исторически; 5) ни одинъ разумный человѣкъ не отрицалъ того, что историческій матеріалъ составляетъ только часть матеріала, который долженъ быть использованъ экономической наукой, и что на ряду съ нимъ долженъ быть принятъ во вниманіе также матеріалъ географическій, этнологическій, статистическій, психологическій и технологическій; 6) изображенія экономической и общей исторіи, поскольку она сообщаетъ экономическія свѣдѣнія, не составляютъ экономической теоріи, а только камни для ея сооруженія; 7) историческія изслѣдованія дали во многихъ случаяхъ изолирующей абстракціи надлежащее дополненіе, показавъ, что полученные абстрактнымъ путемъ выводы должны быть разсматриваемы какъ части единаго цѣлаго; такимъ образомъ то, что раньше было пустой абстракціей и мертвой схемой, снова получило плоть и кровь [1]).

Историческая школа, съ полнымъ правомъ настаивая на значеніи исторіи для экономическаго изслѣдованія, не выяснила, однако, съ необходимой точностью, что именно исторія можетъ дать политической экономіи и чего нельзя ожидать отъ нея.

Историческое изслѣдованіе явленій экономической дѣйствительности принадлежитъ скорѣе къ области исторіи, чѣмъ экономики. Но результатами историческихъ изслѣдованій экономика не только можетъ, но и должна широко пользоваться.

Историческая школа права, утверждая, что исторія расширяетъ область наблюденій экономиста. Она даетъ ему громадный фактическій матеріалъ, безъ котораго политическая экономія была бы безсильна. Для того, чтобы научно описать явленіе, необходимо знать не только, какъ оно происходитъ въ эмпирической дѣйствительности даннаго времени, но и какъ оно исторически возникло и развивалось. Чѣмъ обширнѣе фактическій матеріалъ, которымъ располагаетъ изслѣдователь, чѣмъ шире область исторіи, которую онъ охватываетъ, тѣмъ точнѣе могутъ быть выяснены и признаки изслѣдуемаго явленія; и тѣмъ больше возможности у изслѣдователя намѣтить взаимоотношенія между явленіями. Но можетъ ли

---

[1]) Ст. Volkswirtschaft etc. въ HWB.

исторія служитъ также орудіемъ для установленія научныхъ законовъ?

Въ послѣднемъ отношеніи значеніе исторіи сводится къ слѣдующему.

1) Она даетъ матеріалъ для производства изслѣдованій въ условіяхъ, представляющихъ до извѣстной степени аналогію эксперименту. Если бы, наблюдая жизнь одного и того же народа въ разныя эпохи, мы убѣдились, что въ разсматриваемыя эпохи условія существованія народа оставались неизмѣнными во всемъ существенномъ, кромѣ одного важнаго обстоятельства, то мы могли бы предположить, что замѣченная разница въ экономическомъ бытѣ народа въ разныя времена составляетъ слѣдствіе именно этого обстоятельства. Разумѣется, произвести исчерпывающій и полный учетъ всѣхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на матеріальный бытъ народа, и всѣхъ условій, характеризующихъ его состояніе, никакое историческое изслѣдованіе не можетъ. Но такая степень приближенія къ требованіямъ экспериментальнаго метода, которая давала бы право для научно обоснованныхъ положеній, при извѣстныхъ условіяхъ все же возможна.

Если бы, напр., Англія перешла къ системѣ таможеннаго покровительства, то такой переходъ представлялъ бы аналогію эксперименту при условіи, что съ нимъ не совпали какія-либо другія существенныя перемѣны въ жизни страны. Если бы изслѣдованіе англійской промышленности въ эпоху свободнаго ввоза иностранныхъ товаровъ и въ эпоху таможеннаго покровительства показало, что промышленность существенно развилась или упала послѣ таможенной реформы, то это дало бы основаніе, по крайней мѣрѣ, предположить, что введеніе покровительственныхъ пошлинъ явилось причиной промышленнаго подъема или упадка.

Политическая экономія пользуется историческими сближеніями, главнымъ образомъ, для построенія гипотезъ, подлежащихъ затѣмъ провѣркѣ точными методами изслѣдованія. Историческія сопоставленія наводятъ изслѣдователя на мысль о возможности причинной зависимости между явленіями, исполняя такимъ образомъ функцію эмпирическихъ законовъ.

Въ этомъ заключается громадная важность для политической экономіи историко-сравнительнаго метода.

2) Исторія облегчаетъ изслѣдованіе причинъ экономическихъ

явленій тѣмъ, что часто даетъ возможность знакомиться съ ними въ періодъ ихъ возникновенія и въ сравнительно несложныхъ условіяхъ ихъ существованія. Возьмемъ, напр., явленіе денегъ. Для уясненія роли послѣднихъ въ современной экономической жизни чрезвычайно важно знать, какъ возникли зачатки денегъ у первобытныхъ народовъ и какія функціи выполняютъ деньги при сравнительно простыхъ условіяхъ экономическихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ исторія денегъ, основанная на этнографическомъ, археологическомъ и лингвистическомъ матеріалѣ, очень много содѣйствовала построенію теоріи денегъ.

3) Исторія, показывая намъ, какъ происходятъ экономическія явленія въ эмпирической дѣйствительности, служитъ какъ бы повѣркой научныхъ законовъ. Показывая разницу между явленіемъ, совершающимся въ дѣйствительности, и тѣмъ, которое совершилось бы, если бы дѣйствовалъ въ чистомъ видѣ научный законъ, исторія наталкиваетъ изслѣдователя на исканіе новыхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на явленіе, но первоначально не принятыхъ во вниманіе. Учетъ такихъ обстоятельствъ расширяетъ научный законъ и дѣлаетъ его болѣе совершеннымъ въ отношеніи опредѣленности его содержанія.

Итакъ, исторія въ качествѣ вспомогательной науки по отношенію къ политической экономіи не только снабжаетъ экономиста матеріаломъ для обобщеній, но и содѣйствуетъ—главнымъ образомъ, впрочемъ, косвенно—выясненію отношеній между явленіями и установленію научныхъ законовъ.

§ 30. Статистика. Важное значеніе для политической экономіи имѣетъ статистика, оказывающая изслѣдователю экономическихъ явленій неоцѣнимыя услуги своимъ методомъ.

Статистическій методъ примѣнимъ только при изслѣдованіи извѣстныхъ разрядовъ явленій. Это—массовыя явленія, подчиняющіяся законамъ, дѣйствіе которыхъ поддается измѣренію. О дѣйствіи такихъ законовъ статистика судитъ по признакамъ явленія, могущимъ быть выраженными въ числахъ. Напр., чтобы измѣрить колебанія уровня благосостоянія русскаго крестьянства, берутъ въ качествѣ поддающихся измѣренію признаковъ или симптомовъ лошадность и безлошадность, потребленіе спирта, вклады въ сберегательныя кассы; затѣмъ болѣе отдаленные косвенные симптомы: размѣры смертности и прироста населенія, количество за-

бракованныхъ при пріемѣ новобранцевъ, недоимки и т. п. [1]). Результатомъ подсчета симптомовъ изслѣдуемыхъ явленій, послѣ надлежащей обработки числовыхъ величинъ, являются ряды статистическихъ цифръ, которыя и служатъ объектомъ изученія, приводящаго статистика къ научнымъ обобщеніямъ и установленію причинно-зависимостей [2]).

Статистическій методъ примѣняется для изслѣдованія явленій, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, всюду, гдѣ его примѣненіе допустимо по свойству научнаго матеріала. Англійскій статистикъ Баули сравниваетъ статистику съ знаніемъ иностранныхъ языковъ или алгебры. Но особенно широко пользуются статистическимъ методомъ обществовѣдѣніе и, въ частности, политическая экономія. Во всѣхъ случаяхъ, когда экономическое явленіе можетъ быть изслѣдовано статистически, такое изслѣдованіе обязательно.

«Проявленія экономической жизни таковы,—замѣчаетъ Мэйо Смитъ, что они особенно удобно поддаются статистико-сравнительному методу. Это оттого, что они почти всегда облечены въ матеріальную форму. Желанія имѣютъ психологическій характеръ и не могутъ быть непосредственно измѣряемы. Но удовлетвореніе этихъ желаній въ формѣ хлѣба, одежды, жилища и матеріальныхъ удобствъ жизни можетъ быть описываемо и даже измѣряемо съ извѣстной степенью точности. Трудно сказать, обезпечиваютъ ли политическія учрежденія одной страны бо́льшую свободу и большее благополучіе индивидууму, чѣмъ другой. Это въ значительной мѣрѣ дѣло сужденія; и обыкновенно каждый наблюдатель предрасположенъ въ пользу тѣхъ учрежденій, которыя онъ понимаетъ и блага которыхъ онъ сознаетъ. Трудно сказать, болѣе или менѣе религіозны люди данной категоріи, чѣмъ это обычно бываетъ, потому что мы не обладаемъ средствами для измѣренія истиннаго благочестія. Внѣшнее соблюденіе религіозной обрядности можетъ

---

[1]) А. А. Кауфманъ. Теорія и методы статистики, 2 изд. 1912, стр. 3.

[2]) „Статистика, по мнѣнію Эйленбурга, вообще не имѣетъ дѣла съ индивидуумами, какъ таковыми, а только съ отдѣльными, одинаковыми ихъ признаками. Индивидуумы, какъ таковые, для статистики совершенно безразличны: она всегда изслѣдуетъ только ихъ признаки... Въ статистическихъ рядахъ мы имѣемъ дѣло съ точными, числовыми выраженіями повторяющихся явленій въ человѣческомъ обществѣ“. Eulenburg. Naturgesetze, стр. 730 и сл.

сохраняться даже тогда, когда оно сдѣлалось уже пустой формальностью. Въ экономическихъ явленіяхъ измѣреніе представляется дѣломъ болѣе легкимъ. Мы не можемъ сказать, дѣйствительно ли люди счастливѣе теперь, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ. Но мы можемъ показать, что общество располагаетъ большимъ богатствомъ *на голову населенія*, такъ что имѣется, по крайней мѣрѣ, возможность благосостоянія. Рабочій можетъ быть такъ же недоволенъ своей участью, какъ и раньше; но если мы можемъ показать, что заработная плата увеличилась, а стоимость жизни упала, мы тѣмъ самымъ покажемъ, что онъ остается въ выигрышѣ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ направленіи [1])...»

Статистическія свѣдѣнія, интересныя какъ симптомы экономической жизни и эволюціи, Панталеони называетъ *экономической семіотикой*, а ученіе о ней—*экономической семіологіей*. Это ученіе о правилахъ производства экономическихъ діагнозовъ на основаніи симптомовъ, доставляемыхъ статистикой политической экономіи.

Панталеони [2]) указываетъ на особенно важное значеніе статистики для экономической науки. Статистика часто собираетъ свѣдѣнія, представляющія интересъ сами по себѣ, и въ такомъ случаѣ она является наукой, интересной непосредственно своимъ содержаніемъ. Но нерѣдко статистика занимается собираніемъ свѣдѣній, которыя служатъ только симптомами явленій. Въ этомъ качествѣ статистика особенно часто выступаетъ въ отношеніи экономическихъ явленій. Значеніе такихъ симптоматическихъ признаковъ имѣютъ, напр., свѣдѣнія о вексельныхъ курсахъ, банковскихъ резервахъ, курсахъ биржевыхъ цѣнностей, ввозѣ и вывозѣ товаровъ и т. п.

Какъ однако ни важна статистика для изслѣдованія экономическихъ явленій, все же она не замѣняетъ собою политической экономіи, какъ теоретической науки. Вполнѣ убѣдительнымъ представляется мнѣніе А. А. Кауфмана, освѣщающаго только что высказанное положеніе въ примѣненіи не къ одной политической экономіи, а вообще ко всѣмъ спеціальнымъ отраслямъ знанія, пользующимся услугами статистики. Задачею статистическаго ме-

---

[1]) Mayo-Smith. Science of statistics. Part II. Statistics and Economics. 1899 (есть русск. пер.).

[2]) Observations sur la sémiologie économique. Revue d'Econ. Pol. 1892.

тода, какъ такового, Кауфманъ признаетъ лишь установленіе тѣхъ или другихъ «эмпирическихъ законовъ, постоянствъ, правильностей, причинно-зависимостей, которыя уже внѣ области примѣненія статистическаго метода, въ области тѣхъ или другихъ разнообразнѣйшихъ спеціальныхъ отраслей знанія получаютъ себѣ окончательное объясненіе и которыя этими разнообразнѣйшими отраслями спеціальныхъ, чистыхъ и прикладныхъ наукъ используются на ряду со всякаго рода другимъ фактическимъ матеріаломъ и со всякаго рода иными пріемами научнаго анализа, для построенія общей системы данной отрасли научнаго познанія» (цит. сочиненіе, 189 стр.) Нѣсколько шире, но по существу приблизительно такъ же, опредѣляетъ задачи и значеніе статистики Бенини [1]). По его мнѣнію, предметомъ статистики служитъ: выдѣленіе въ коллективныхъ явленіяхъ того, что въ нихъ заключается типическаго въ разнообразіи фактовъ, постояннаго въ измѣняемости и наиболѣе вѣроятнаго въ кажущейся случайности, и анализъ полученныхъ результатовъ съ цѣлью опредѣлить, въ границахъ, допускаемыхъ природой статистическаго метода, систему причинъ или силъ, результатомъ которыхъ являются изслѣдуемыя явленія. Баули считаетъ задачей статистики собираніе, группированіе и описаніе, но не установленіе выводовъ. Статистика снабжаетъ экономиста фактами, но дѣло экономиста строить теоріи. Химикъ, экспериментирующій въ своей лабораторіи,—это статистикъ, химикъ, теоретизирующій—экономистъ. Разумѣется, то и другое часто соединяется въ одномъ лицѣ [2]).

Итакъ, политическая экономія получаетъ въ результатѣ примѣненія статистическаго метода эмпирическіе законы, могущіе стать научными только тогда, когда, пользуясь своими методами изслѣдованія, она дастъ объясненіе правильностямъ, констатированнымъ статистикой.

Такъ называемыя причинно-зависимости, устанавливаемыя статистическимъ методомъ, въ сущности не болѣе какъ единообразія, или правильности, только позволяющія предполагать причинную зависимость. То, что коэффиціентъ преступности выше для холостыхъ, чѣмъ для состоящихъ въ бракѣ, не даетъ еще увѣренности въ томъ, что холостое состояніе есть причина усиленной преступ-

---

[1]) R. Benini. Principii di Statistica metodologica. 1905.

[2]) A. Bowley. Elements of. Statistics. 1902, стр. 8.

ности. Констатированная правильность даетъ только основаніе предполагать, что въ условіяхъ холостой жизни кроются обстоятельства, содѣйствующія преступности. Но каковы эти обстоятельства и обусловливаемыя ими состоянія психики, которыя и являются истинными причинами преступности, это не можетъ быть выяснено статистически.

То же самое можно сказать и о причинно-зависимостяхъ, устанавливаемыхъ статистическимъ методомъ для экономическихъ явленій. Открытіе дѣйствительныхъ причинъ этихъ явленій и установленіе научныхъ законовъ, управляющихъ ими, входятъ въ компетенцію экономической теоріи и не могутъ быть достигнуты статистическимъ методомъ.

§ 31. Математика. Къ числу вспомогательныхъ наукъ политической экономіи принадлежитъ математика. Мысль о приложимости математики къ изслѣдованію соціальныхъ, и въ частности экономическихъ, явленій была высказана давно. Она получила уже широкое примѣненіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но сильный толчокъ математическому направленію въ экономикѣ былъ данъ только Джевонсомъ. Появленіе его «Теоріи политической экономіи» въ 1871 г. отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи новую эпоху. Джевонсъ настаиваетъ на математическомъ характерѣ экономическихъ проблемъ на томъ основаніи, что экономика имѣетъ дѣло съ явленіями, получающими свое выраженіе въ *количествахъ*. То обстоятельство, что экономическія величины не всегда поддаются измѣренію и поэтому не всегда носятъ *числовой* характеръ, по его мнѣнію, не составляетъ возраженія противъ примѣненія въ экономикѣ математическаго разсужденія.

Развивая ту же мысль, Эджвортъ указываетъ не только на возможность, но и на фактическое существованіе въ разныхъ отрасляхъ знанія «нечисловой математики» (unnumerical mathematics). «Тамъ, гдѣ существуютъ данныя, которыя представляютъ величины, хотя бы и не числовыя, напр., что извѣстная величина *больше* или *меньше другой, увеличивается* или *уменьшается*, является *положительной* или *отрицательной*, представляетъ *максимумъ* или *минимумъ*, тамъ математическое разсужденіе возможно и можетъ оказаться необходимымъ» [1]).

---

[1]) F. Y. Edgeworth. Mathematical Psychics. 1881.

Примѣромъ такого рода проблемъ служитъ т. н. законъ убывающаго плодородія почвы, гласящій, что увеличеніе затратъ, вкладываемыхъ въ землю, сопровождается менѣе чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ соотвѣтствующихъ прибавокъ продукта. Тотъ же авторъ, въ статьѣ о математическомъ методѣ въ «Словарѣ политической экономіи» Пэлгрэва (Palgrave), замѣчаетъ, что языкъ функцій хорошо приспособленъ для выраженія такихъ отношеній. Когда, какъ въ данномъ примѣрѣ и очень часто въ экономикѣ, продолжаетъ Эджвортъ, рѣчь идетъ объ отношеніи между небольшими прибавками (increments) къ разнымъ величинамъ, дифференціальное исчисленіе является умѣстнымъ [1]).

Въ простыхъ случаяхъ геометрическое изображеніе функцій и ихъ дифференціаловъ охотно употребляется экономистами.

Математическій методъ, по опредѣленію Ирвинъ Фишера, состоитъ вообще въ употребленіи символовъ и оперированіи ими. Символами могутъ быть буквы, діаграммы и модели. Подъ оперированіемъ символами разумѣютъ правило, формулированіе котораго зависитъ отъ пользованія символами. Употреблять математическій методъ значитъ переходить отъ даннаго къ искомому съ помощью такихъ правилъ [2]).

Проф. Парето указываетъ два способа примѣненія математическаго метода. Одинъ заключается въ томъ, что положенія экономики, уже установленныя экономистами безъ помощи математики, переводятся на алгебраическій языкъ. Этотъ методъ не имѣетъ значенія и теперь почти оставленъ. Другой состоитъ въ отысканіи простого принципа, съ помощью котораго, путемъ дедукціи и поль-

---

[1]) Проф. Маршаллъ замѣчаетъ по тому же поводу, что въ характерѣ экономическаго мышленія произошла большая перемѣна благодаря употребленію полуматематическаго языка для выраженія отношенія между небольшими прибавками хозяйственнаго блага, съ одной стороны, и небольшими прибавками въ цѣнѣ блага—съ другой. Principles of Economics, стр. 101.

[2]) И. Фишеръ различаетъ математику и математическій методъ. Первую онъ опредѣляетъ словами американскаго математика Пейрса (Peirce): „Математика—это наука, извлекающая необходимыя заключенія... Математика не открываетъ законовъ, потому что она не индукція, она и не строитъ теорій, потому что она не гипотеза, но она является судьей въ томъ и другомъ случаѣ... Она выводитъ изъ закона всѣ его слѣдствія". Irving Fischer. Mathematical investigations in the theory of value and prices. Transactions of the Connecticut Academy. Vol. IX, 1892—1895.

зуясь математическимъ анализомъ, можно было бы установить законы экономическихъ явленій. На этомъ пути, замѣчаетъ Парето, уже достигнуты многіе результаты и есть основаніе ожидать дальнѣйшихъ. Отдѣльные изслѣдователи занимались разными вопросами экономики, причемъ большею частью останавливались на теоріи цѣны. Леонъ Вальрасъ первый сдѣлалъ попытку разсмотрѣть экономическія явленія въ ихъ совокупности при опредѣленныхъ предпосылкахъ. Результаты его изслѣдованій выразились въ установленіи системы уравненій, связанной теперь съ его именемъ (Walras'sche Gleichungen) [1]).

И. Фишеръ также доказываетъ, что съ помощью математическаго метода не только иллюстрируются экономическіе законы, но и расширяются, получая вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе точное выраженіе [2]).

Нужно замѣтить, однако, что существуетъ и противоположное мнѣніе, относящееся скептически къ пользѣ примѣненія математическаго метода въ экономикѣ [3]).

Во всякомъ случаѣ нельзя считать доказанной пригодность математическаго метода для разрѣшенія основныхъ проблемъ экономической теоріи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что примѣненіе математики въ политической экономіи увеличиваетъ точность формулировки ея положеній и расширяетъ наши познанія о дѣйствіи экономическихъ законовъ. Съ помощью математики нельзя, напр., рѣшить вопросъ, является ли основаніемъ экономической цѣнности трудъ или полезность. Но разъ вопросъ рѣшенъ въ пользу того или другого принципа, выясненіе законовъ его проявленія, поскольку послѣднее связано съ понятіемъ величины, можетъ быть значительно подвинуто при помощи математическаго метода.

---

[1]) См. ст. Pareto. Anwedungen der Mathematik auf Nationalökonomie въ Encyclopaedie der mathematischen Wissenschaften. Bd. I, стр. 1904 и сл. Также ст. Wirthschaftliches Gleigewicht (авторъ V. Furlan) въ HWB.

[2]) Цит. ст. См. также ст. Эджворта въ жур. Nature, sept. 19, 1889.

[3]) См. напр. замѣчаніе автора ст. Mathematics въ Encyclopedia Britannica.

ГЛАВА VI.

Экономика въ ряду другихъ наукъ.

§ 32. Экономика, какъ спеціальная наука. Экономика относится къ числу тѣхъ отраслей знанія, которыя заняты изученіемъ жизни людей въ обществѣ. Она составляетъ обширный отдѣлъ обществовѣдѣнія.

Мѣсто экономики въ ряду наукъ этой категоріи опредѣляется изслѣдователями различно. Въ соціологической литературѣ существуетъ теченіе въ пользу отождествленія экономики съ соціологіей. Самымъ крупнымъ представителемъ, если не родоначальникомъ, этого направленія является Огюстъ Контъ, изложившій свои мысли по этому предмету въ «Курсѣ позитивной философіи».

Контъ рѣзко нападаетъ на экономическую науку въ томъ видѣ, какъ она разрабатывалась послѣдователями Ад. Смита, находя методы послѣдняго глубоко ирраціональными, а выводы совершенно безплодными. Причина такого состоянія экономической науки, по мнѣнію Конта, заключается въ томъ, что она пытается выдѣлить извѣстную область соціальныхъ явленій въ качествѣ самостоятельнаго предмета научныхъ изслѣдованій. Между тѣмъ, соціальныя явленія такъ неразрывно связаны между собою, что общество можетъ быть разсматриваемо только какъ соціальное единство. Въ частности явленія богатства, которыми претендуетъ заниматься экономика, такъ тѣсно сплетены съ явленіями иного порядка: интеллектуальными, моральными и политическими, что установленіе законовъ, управляющихъ первыми, можетъ быть достигнуто только при изслѣдованіи ихъ въ связи со вторыми. Поэтому экономика, какъ самостоятельная наука, невозможна, какъ невозможна какая бы то ни было наука о какомъ-либо особомъ разрядѣ соціальныхъ явленій. Общество, по мнѣнію Конта, должно быть изучаемо въ совокупности его элементовъ.

Правда, естествознаніе изслѣдуетъ внѣшнюю природу не въ ея совокупности, а путемъ выдѣленія отдѣльныхъ ея элементовъ въ качествѣ предметовъ самостоятельныхъ наукъ, и Контъ не возражаетъ противъ такой спеціализаціи. Онъ находитъ ее допустимой и цѣлесообразной, но только потому, что явленія внѣшней природы, по его мнѣнію, менѣе сложны и поэтому менѣе

связаны между собою, чѣмъ явленія соціальныя. Вообще же по мѣрѣ того, какъ явленія становятся сложнѣе, элементы, изъ которыхъ они состоятъ, оказываются болѣе связанными между собою, дѣлаются, по выраженію Конта, болѣе «солидарными».

Ученіе Конта по интересующему насъ вопросу подверглось критическому разбору со стороны англійскаго экономиста Кэрнса, направившаго свои возраженія противъ основной мысли творца позитивной философіи. Кэрнсъ опровергаетъ мнѣніе Конта, будто, какъ общее правило, внутренняя связанность явленій возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ они становятся сложнѣе, и считаетъ безусловно невѣрнымъ утвержденіе Конта, будто мы лучше познаемъ общество въ цѣломъ, чѣмъ въ его составныхъ частяхъ [1]).

Изъ современныхъ ученыхъ къ тому же выводу по существу, что́ и О. Контъ, приходитъ Штамлеръ. Содержаніе соціальной жизни, или ея «матерія», какъ онъ выражается, состоитъ въ совмѣстной дѣятельности людей, направленной на удовлетвореніе ихъ потребностей. Эту совмѣстную дѣятельность Штамлеръ называетъ «соціальнымъ хозяйствомъ» и считаетъ ее предметомъ экономики. При такомъ пониманіи предмета экономической науки послѣдней пришлось бы имѣть дѣло съ такимъ громаднымъ и до крайности разнороднымъ матеріаломъ, что охватить его въ одной научной системѣ было бы совершенно невозможно.

Противъ отождествленія матеріи соціальной жизни съ предметомъ экономики возражаетъ и ближайшій послѣдователь Штамлера—Наторпъ [2]). Онъ различаетъ три основныхъ типа соціальной дѣятельности: хозяйственную, административную и образовательную, и полагаетъ, что хозяйство, составляющее только одну изъ отраслей этой дѣятельности, не можетъ быть отождествляемо съ матеріей соціальной жизни во всемъ ея объемѣ. Занятія юриста и государственнаго дѣятеля, воспитателя, художника, священника, по справедливому замѣчанію Наторпа, не принадлежатъ къ числу хозяйственныхъ профессій, хотя, по ученію Штамлера, они и входятъ въ составъ матеріи соціальной жизни.

---

[1]) Cairnes. Essays in political economy, 1873 г., VIII этюдъ.

[2]) Paul Natorp, Sozialpädagogik. 1899 г. Русск. пер. „Соціальная педагогика“. См. также критику опредѣленій „соціальнаго“ и „хозяйства“ у Штамлера въ ст. О. Шпанна (Othmar Spann): Untersuchungen über den Gesellschaftsbegriff. Z. f. die g. St. 1903—1905.

Вопросъ спеціализаціи знаній есть вопросъ теоріи познанія и практической цѣлесообразности, или удобства. Міръ явленій единъ и нераздѣленъ, и поэтому всѣ явленія связаны между собою. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе ограниченности силъ человѣка, приходится искусственно дробить это единство и размежевывать его на отдѣльныя области, какъ предметы спеціальныхъ наукъ. Запасъ знаній, накопившійся у человѣчества, давно уже превышаетъ умственныя силы отдѣльнаго человѣка; и въ частности соціальныя науки такъ обширны, что охватить ихъ въ полномъ объемѣ и съ достаточной глубиной теперь не въ состояніи былъ бы самый разносторонній энциклопедистъ. Маршалъ, признавая въ принципѣ желательность единой соціальной науки, не безъ основанія указываетъ на примѣры самого Конта и Спенсера, какъ на доказательство неосуществимости такой задачи. Несмотря на то, что труды названныхъ ученыхъ составили эпоху въ исторіи человѣческой мысли, имъ едва ли удалось положить хотя бы начало построенію единой соціальной науки [1]). Поэтому, какъ бы мы ни назвали то, что Штамлеръ понимаетъ подъ матеріей соціальной жизни, по существу дѣло не измѣнилось бы вслѣдствіе распространенія экономики на всю область обществовѣдѣнія: соціальныя явленія разнаго порядка все равно разсматривались бы въ спеціальныхъ отрасляхъ знанія, и въ такомъ случаѣ экономика стала бы собирательнымъ именемъ для обозначенія цѣлой группы наукъ. Такъ какъ всякая терминологія условна, то возможно было бы условиться и въ томъ, чтобы придать экономикѣ значеніе, придаваемое ей Штамлеромъ. Но отъ подобной реформы человѣческое знаніе не осталось бы въ выигрышѣ.

Какъ ни различны взгляды соціологовъ на предметъ и задачи соціологіи [2]), всѣ они согласны все-таки въ томъ, что это *общая* наука о человѣческомъ обществѣ; и этимъ однимъ признакомъ соціологія уже отличается отъ экономики. Экономика, какъ она сложилась исторически, является *спеціальной* наукой, занимающейся изслѣдованіемъ опредѣленнаго круга соціальныхъ явленій,

---

[1]) Marshall. Principles of Economics.

[2]) Какъ велико это различіе, можно видѣть изъ интересной статьи Л. Уорда (Lester Ward) Contemporary Sociology, напеч. въ жур. The American Journal of Sociology, 1902 г. Уордъ приводитъ и разсматриваетъ 12 различныхъ опредѣленій предмета соціологіи.

и то, что никакая другая наука не занимается тѣмъ же предметомъ, является основаніемъ для существованія экономики, какъ спеціальной отрасли обществовѣдѣнія.

§ 33. Смежныя науки.. Будучи спеціальной наукой, экономика имѣетъ и свою спеціальную область изслѣдованія, опредѣляющуюся тѣмъ специфическимъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ она разсматриваетъ дѣйствительность. Это—область разумнаго хозяйствованія. Экономика слѣдитъ за хозяйственной дѣятельностью человѣка, начиная отъ ея первоисточниковъ въ психикѣ индивидуума и кончая соціальными явленіями, къ которымъ эта дѣятельность приводитъ.

Но человѣкъ хозяйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ, а въ обстановкѣ эмпирической дѣйствительности, въ которой переплетаются и скрещиваются разнообразнѣйшіе факторы человѣческой жизни. Они вліяютъ на хозяйственную дѣятельность, и съ ними приходится считаться и экономикѣ. Она учитываетъ ихъ вліяніе, пользуясь при этомъ данными тѣхъ спеціальныхъ наукъ, предметомъ которыхъ служитъ изслѣдованіе соотвѣтствующихъ явленій. Отсюда соприкосновеніе экономики съ другими отраслями знанія, иногда съ перваго взгляда не имѣющими, какъ будто, никакого отношенія къ хозяйственной дѣятельности. Таковы, напр., этика, эстетика и педагогика.

Этика изслѣдуетъ правила поведенія людей, вытекающія изъ присущихъ имъ или исторически образовавшихся у нихъ понятій добра и зла. Предметъ ея кореннымъ образомъ отличается отъ предмета экономики. Но когда этическіе моменты оказываютъ вліяніе на хозяйственную дѣятельность человѣка, то вопросъ переходитъ въ вѣдѣніе экономистовъ.

То же самое относится къ педагогикѣ и эстетикѣ. Та и другая изслѣдуютъ явленія, не входящія въ область хозяйства и экономической науки. Ученіе о воспитаніи и образованіи человѣка и наука о прекрасномъ оперируютъ съ вопросами, кореннымъ образомъ отличающимися отъ экономическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе, педагогика и эстетика близко соприкасаются съ экономикой.

Цѣли и способы хозяйствованія людей находятся въ тѣсной зависимости отъ степени ихъ образованности, отъ развитія ихъ характера и наличности у нихъ опредѣленныхъ моральныхъ качествъ, т.-е. отъ условій, созданіемъ которыхъ интересуется педа-

гогика. Не менѣе важна съ точки зрѣнія экономики и степень развитія чувства прекраснаго, вліяющаго на характеръ потребностей человѣка и на способы ихъ удовлетворенія. По степени изящества вещей, употребляемыхъ народомъ, можно судить о высотѣ его культуры, съ которой находится въ тѣсной связи и хозяйство. Поэтому экономикѣ приходится учитывать и эти факторы въ той мѣрѣ, въ какой они вліяютъ на хозяйственную дѣятельность.

Нѣкоторыя отрасли знанія особенно близко соприкасаются съ экономикой. Это—право и техника.

§ 34. Экономика и право [1]. Вопросъ объ отношеніи права и хозяйства можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ отношеніе между содержаніемъ законодательныхъ нормъ и хозяйственной дѣятельностью людей и какъ отношеніе между явленіями права и хозяйства, независимо отъ ихъ содержанія. Въ первомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, опредѣляетъ ли законодательство хозяйственныя отношенія или, наоборотъ, послѣднія опредѣляютъ первое, или же, наконецъ, между этими факторами существуетъ взаимодѣйствіе. Во второмъ случаѣ ставится проблема о взаимоотношеніи *понятій* права и хозяйства: о томъ, предполагаетъ ли одно изъ этихъ понятій другое и, если предполагаетъ, то изъ чего вытекаетъ ихъ взаимная обусловленность.

Вопросъ о взаимоотношеніи законодательства и хозяйства разрѣшался вполнѣ опредѣленно въ пользу первенства хозяйства ученіемъ экономическаго матеріализма въ томъ видѣ, какъ оно было первоначально формулировано, когда «сумма производственныхъ отношеній» была объявлена реальнымъ основаніемъ, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройки [2]. Но вопросъ значительно осложнился, когда стали пытаться развить формулу Маркса въ научную теорію. Тогда Энгельсу пришлось открещиваться отъ слишкомъ прямолинейныхъ послѣдователей и настаивать на томъ, что экономическій факторъ имѣетъ рѣшающее значеніе только «въ конечномъ счетѣ» и, во всякомъ случаѣ, не является единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ исторію, ибо

---

1) См. мое предисловіе „Хозяйство и право“ къ Программамъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія. 1912.

2) Предисловіе К. Маркса къ Zur Kritik der Politischen Oekonomie. (Есть русск. пер.)

политическія и другія условія, и «даже гнѣздящіяся въ головахъ людей традиціи», также играютъ роль, хотя и не рѣшающую.

Съ подобными оговорками дѣло по существу сводилось къ идеѣ взаимодѣйствія, что призналъ и Энгельсъ. «Политическое, правовое, филосовское, религіозное, литературное, художественное развитіе, писалъ онъ, основываются на экономическомъ. Но всѣ они воздѣйствуютъ одно на другое и на экономическій базисъ. Дѣло обстоитъ не такъ, что экономическое состояніе является единственно активной причиной, а все остальное пассивнымъ результатомъ. Это—взаимодѣйствіе на почвѣ всегда проявляющей себя въ конечной инстанціи экономической необходимости» [1]).

При такой постановкѣ вопроса первоначальное рѣшеніе проблемы утратило то, что придавало ему особенную привлекательность—рѣзко очерченную опредѣленность.

Идея взаимоотношенія права и хозяйства разрѣшаетъ проблему, поскольку имѣется въ виду зависимость содержанія отдѣльныхъ нормъ права отъ экономическаго строя, и обратно—вліяніе первыхъ на послѣдній. Едва ли можно стать въ этомъ вопросѣ на какую-нибудь другую точку зрѣнія, кромѣ принципа взаимодѣйствія. Если вѣрно, что общія начала дѣйствующаго права опредѣляются существующими экономическими отношеніями, то, съ другой стороны, столь же несомнѣнно и то, что содержаніе правовыхъ нормъ существенно вліяетъ на экономическія отношенія. Напр., явленіе денегъ возникло въ исторіи независимо отъ вліянія права и наложило на послѣднее свою печать; но нельзя отрицать и того, что право, въ свою очередь, оказало и продолжаетъ оказывать не менѣе значительное вліяніе на характеръ и развитіе института денегъ.

Говоря объ отношеніи между хозяйствомъ и правомъ, какъ конкретными правовыми нормами опредѣленнаго содержанія, мы можемъ говорить объ отношеніи причины и слѣдствія [2]). Но дѣло

---

[1]) Письма Энгельса отъ 21 сентября 1890 г. и 25 января 1894 г., нап. въ Social. Akademiker.

[2]) W. Arnold. Recht und Wirthschaft nach geschichtlicher Ansicht, 1863 стр. 33 и сл.

Учитывая и, мнѣ думается, преувеличивая вліяніе права на хозяйство (хоз. отношенія) проф. Петражицкій выдвинулъ идею „гражданско-правовой соціальной политики“ или, короче, „гражданско-правовой политики“ (Civilpolitik).

мѣняется, когда ставится вопросъ объ отношеніи права и хозяйства, какъ формальныхъ понятій, отвлеченныхъ отъ конкретнаго содержанія. На эту почву вопросъ поставленъ Штамлеромъ, разрѣшившимъ его въ томъ смыслѣ, что понятія права и хозяйства представляютъ разныя стороны болѣе общаго понятія «соціальнаго».

Съ его точки зрѣнія отношеніе между правомъ и хозяйствомъ не составляетъ ни отношенія причины и слѣдствія, ни отношенія взаимодѣйствія. Это отношеніе «обусловливающей формы и урегулированной матеріи». Правопорядокъ, подъ которымъ разумѣется вообще урегулированное состояніе, составляетъ для соціальнаго познанія обусловливающій элементъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понятія пространства и времени служатъ такимъ элементомъ для естествознанія. Хозяйство съ гносеологической точки зрѣнія есть то, что обусловлено, объектъ регулировки, «матерія соціальной жизни».

Обусловливающія формы вообще могутъ быть отвлекаемы отъ ихъ содержанія и разсматриваемы самостоятельно. Математика представляетъ законченную науку о пространствѣ и времени, независимо отъ того, какія явленія относятъ къ нимъ науки о природѣ, но физика, какъ наука, возможна только при условіи

Она стояла бы по отношенію къ наукѣ права въ такомъ же отношеніи, какъ экономическая политика къ экономической наукѣ или финансовая политика къ финансовому праву. Ея задачей было бы стремленіе къ достиженію съ помощью нормъ права опредѣленныхъ цѣлей въ области экономическихъ отношеній, въ особенности распредѣленія хозяйственныхъ благъ; авторъ считаетъ ошибочнымъ взглядъ на гражданское право какъ на право частнаго интереса; оно представляетъ несравненно большій публичный интересъ, чѣмъ право, называемое публичнымъ. Замѣна положенія, по которому плоды капитала принадлежатъ капиталовладѣльцу, положеніемъ, по которому плоды принадлежатъ тому, кто своимъ трудомъ дѣлаетъ капиталъ полезнымъ, привело бы къ гораздо болѣе радикальному измѣненію соціальной жизни, чѣмъ, напр., замѣна монархіи республикой или наоборотъ. Проф. Петражицкій правъ въ оцѣнкѣ реформы, о которой онъ говоритъ, но, конечно, ея нельзя было бы осуществить черезъ замѣну одной юридической нормы другой. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что проф. Петражицкій не признаетъ возможнымъ ставить задачей гражданско-правовой политики осуществленіе опредѣленнаго соціально-экономическаго порядка. Онъ видитъ цѣль проектированной имъ дисциплины въ воспитаніи человѣческой души въ духѣ дальнѣйшаго приближенія къ любви. См. приложенія къ 1 и 2 т. сочиненія Die Lehre vom Einkommen von Leo. v. Petrazycki. 1893—1895.

существованія математики. Точно также и право можетъ служить предметомъ самостоятельной отрасли знанія; о хозяйствѣ же можно говорить только при условіи опредѣленнаго правопорядка. Понятіе собственности, нормы, регулирующія сдѣлки купли-продажи, регулировка семейной жизни, порядокъ наслѣдованія—все это отрасли права, которыя могутъ быть изслѣдуемы и выясняемы, безотносительно къ ихъ фактическому осуществленію; между тѣмъ всякое экономическое изслѣдованіе необходимо предполагаетъ обусловливающую правовую регулировку, конкретное осуществленіе которой и составляетъ предметъ такого изслѣдованія.

Продолжая свое разсужденіе, Штамлеръ приходитъ къ выводу о приматѣ права для соціальной закономѣрности. Такъ какъ совмѣстная дѣятельность соединенныхъ въ общество людей можетъ стать предметомъ научнаго изслѣдованія только при условіи опредѣленной правовой регулировки, то познаніе этой дѣятельности, игнорирующее указанное условіе, не можетъ имѣть мѣста. Поэтому, по мнѣнію Штамлера, невозможно устанавливать по отношенію къ соціальному хозяйству самостоятельные научные законы, которые были бы совершенно независимы отъ опредѣленнаго содержанія того или другого правового порядка. Это содержаніе должно предполагаться всякимъ экономическимъ разсужденіемъ, поскольку таковое стремится отойти отъ естественно-научной и технической точекъ зрѣнія и обладать значеніемъ соціальнаго познанія.

Взаимоотношеніе понятій права и хозяйства интересуетъ экономиста, какъ соціолога, для котораго важна природа изслѣдуемыхъ имъ явленій. Но поскольку нормы права своимъ содержаніемъ вліяютъ на хозяйство, правовѣдѣніе непосредственно соприкасается съ экономикой. Право частной собственности, какъ норма, опредѣляющая власть субъекта надъ вещами, изслѣдуется юриспруденціей со стороны его содержанія, вытекающихъ изъ него послѣдствій формальнаго характера и его отношенія къ другимъ институтамъ права; но когда рѣчь заходитъ о вліяніи, которое оказываетъ право частной собственности на хозяйство, то этотъ вопросъ разсматривается экономикой. Занимаясь имъ, экономика, конечно, не можетъ не имѣть въ виду юридической стороны предмета, т.-е. соотвѣтствующихъ положеній правовѣдѣнія.

То же самое приходится сказать и о рядѣ другихъ институтовъ права: имущественномъ наймѣ, правѣ наслѣдованія и т. д. Со-

держаніе нормъ, регулирующихъ правоотношенія этого рода, имѣетъ первостепенное по своей важности значеніе для хозяйства; въ связи съ этимъ и соотвѣтствующіе отдѣлы науки права требуютъ къ себѣ вниманія экономиста.

§ 35. Экономика и техника. Подъ техникой разумѣютъ *внѣшніе* пріемы, употребляемые для достиженія опредѣленныхъ цѣлей [1]). Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр., о музыкальной техникѣ, разумѣя подъ нею пріемы обращенія съ музыкальными инструментами: постановку пальцевъ на роялѣ, бѣглость ихъ движеній, силу нажима и пр. Однако, никогда не говорятъ о техникѣ музыкальнаго чувства, потому что въ понятіе послѣдняго не входятъ внѣшніе пріемы: музыкальное чувство составляетъ внутреннее свойство исполнителя. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ, напр., объ оперативной техникѣ, какъ о внѣшнихъ пріемахъ производства операцій, въ отличіе отъ таланта оператора; или о техникѣ опытнаго изслѣдованія, какъ о пріемахъ постановки научныхъ опытовъ, что, конечно, не то же самое, что талантъ изслѣдователя, и т. д.

Добываніе и производство матеріальныхъ предметовъ необходимыхъ человѣку, также имѣютъ свою технику. Для достиженія опредѣленныхъ цѣлей въ этой области существуютъ опредѣленные внѣшніе пріемы. Напр., для добыванія руды изъ нѣдръ земли приходится рыть шахты, пользоваться опредѣленными инструментами для откалыванія руды отъ пластовъ, поднимать руду на поверхность земли и т. п. При обработкѣ руды также пользуются соотвѣтствующими внѣшними пріемами, съ помощью которыхъ изъ руды получаютъ желѣзо, чугунъ и сталь.

Техника, относящаяся къ матеріальнымъ предметамъ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ хозяйственной дѣятельности человѣка. Такъ какъ громадное большинство предметовъ, употребля-

---

[1]) Подъ техникой въ широкомъ смыслѣ Зомбартъ разумѣетъ „способъ дѣйствія для достиженія опредѣленной цѣли“, а подъ матеріальной или экономической техникой „способы дѣйствій для производства благъ“. W. Sombart. Die Elemente des Wirtschaftslebens (отд. Die Technik). Arch. f. S. Bd. 37, Heft I, 1913.

Совокупность техническихъ пріемовъ, которыми располагаетъ человѣчество, какъ средствомъ для достиженія намѣчаемыхъ цѣлей, составляетъ *культуру*. Популяризація или демократизація культуры охватывается понятіемъ *цивилизаціи*. Small. General sociology. 1905, стр. 374.

емыхъ людьми для удовлетворенія ихъ потребностей, добывается и изготовляется ими, а не получается въ готовомъ видѣ отъ природы, то пріемы добыванія и обработки матеріи имѣютъ важное значеніе для хозяйства.

Техника и экономика тѣсно связаны между собою, потому что онѣ относятся къ одному и тому же предмету, но разсматриваютъ его подъ разными углами зрѣнія. Германнъ [1]), впервые поставившій вопросъ объ отношеніи между техникой и экономикой, видѣлъ различіе между ними въ томъ, что техника стоитъ на качественномъ началѣ, а экономика на количественномъ. Техника заботится о томъ, чтобы производились предметы, отвѣчающіе по своимъ качествамъ требованіямъ, которыя предъявляются къ нимъ съ точки зрѣнія потребностей; а экономика разсматриваетъ производство, отправляясь отъ экономическаго принципа, требующаго, чтобы съ помощью данныхъ пожертвованій, или издержекъ, достигнуть максимальныхъ результатовъ. Она соизмѣряетъ количество затрачиваемыхъ цѣнностей съ количествомъ цѣнностей, получаемыхъ въ результатѣ произведенныхъ затратъ.

Ученіе Германна связано съ общимъ опредѣленіемъ экономическаго явленія, котораго онъ держится. Видя признакъ «экономичности» въ примѣненіи людьми «экономическаго принципа» къ ихъ дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей, Германнъ послѣдовательно усматриваетъ и отличіе экономики отъ техники въ томъ, что первая исходитъ отъ экономическаго принципа. Но выше было развито воззрѣніе, признающее этотъ принципъ признакомъ всякаго разумнаго дѣйствія, въ томъ числѣ и хозяйствованія и потому не считающее его характернымъ признакомъ экономическихъ явленій. Такимъ признакомъ, согласно изложенному ученію, служитъ связь явленія съ категоріей хозяйственной цѣнности.

Соотвѣтственно и отличіе экономики отъ техники заключается въ томъ, что первая разсматриваетъ явленія съ точки зрѣнія, хозяйственной цѣнности, а вторая устанавливаетъ свою самостоятельную точку зрѣнія. Это, какъ указывалъ Германнъ, принципъ соотвѣтствія предмета по его качествамъ тѣмъ потребностямъ, для удовлетворенія которыхъ онъ предназначенъ.

---

[1]) Staatswirtschaftliche Untersuchungen.

Мнѣнія современныхъ изслѣдователей или приближаются къ изложенному взгляду, или прямо его проводятъ.

Такъ Орженцкій говоритъ, что техника отправляется въ своихъ сужденіяхъ отъ объективной цѣли, а экономика отъ субъективной. Говоря иначе, первая руководится поставленнымъ ей заданіемъ и считаетъ свою цѣль достигнутой, если заданіе выполнено; вторая ставитъ самое заданіе въ связь съ сужденіемъ субъекта о своихъ потребностяхъ и о хозяйственной цѣнности производимыхъ благъ. По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, техника стоитъ на точкѣ зрѣнія природы, а экономика на точкѣ зрѣнія интересовъ человѣка.

Интересныя мысли высказываетъ Готтль-Оттлиліенфельдъ. По его опредѣленію, «техника есть искусство правильнаго пути къ цѣли; а хозяйство (точнѣе хозяйствованіе)—искусство правильнаго согласованія цѣлей съ точки зрѣнія ихъ исполненія» [1]). Авторъ хочетъ сказать, что техника указываетъ пріемы, съ помощью которыхъ данная цѣль можетъ быть выполнена, рѣшеніе же вопроса, какія цѣли заслуживаютъ выполненія и въ какой послѣдовательности, даетъ экономика. Но выборъ цѣлей предполагаетъ критерій для опредѣленія ихъ относительной важности, а такимъ критеріемъ служитъ хозяйственная цѣнность ожидаемыхъ результатовъ. Такимъ образомъ ученіе Готля сводится въ конечномъ итогѣ къ признанію *хозяйственной цѣнности* понятіемъ характеризующимъ точку зрѣнія экономики.

Между техникой и хозяйствованіемъ существуетъ тѣсное взаимодѣйствіе. По выраженію Вагнера, экономика служитъ для техники руководящей звѣздой. Безъ техники не можетъ быть хозяйства, но безъ экономики не можетъ быть *успѣшнаго и прочнаго* хозяйства.

Техника имѣетъ дѣло только съ внѣшними пріемами достиженія опредѣленныхъ цѣлей, но не разсматриваетъ вопросовъ съ точки зрѣнія хозяйствованія. Поэтому успѣшное разрѣшеніе опредѣленной задачи въ техническомъ смыслѣ еще не предрѣшаетъ успѣшнаго разрѣшенія ея и въ хозяйственномъ отношеніи. Исторія знаетъ не мало примѣровъ, показывающихъ, что геніальныя техни-

---

[1]) Gottl-Ottlilienfeld. Der wirth. Character der technischen Arbeit. 1910, стр. 24.

ческія изобрѣтенія не получали экономическаго значенія, т.-е. не использовывались для хозяйственныхъ цѣлей, потому что примѣненіе ихъ не окупилось бы, другими словами, не отвѣчало бы требованію экономическаго принципа. По этой причинѣ, напр., паровая машина получила широкое практическое примѣненіе черезъ много времени послѣ того какъ она была изобрѣтена. Такова же была судьба и многихъ другихъ достиженій техники.

ОТДѢЛЪ II.

Народное хозяйство.

ГЛАВА I.

Понятіе хозяйства.

§ 1. Хозяйственная дѣятельность и хозяйство. Хозяйственная дѣятельность предполагаетъ наличность субъекта, ставящаго и преслѣдующаго хозяйственныя цѣли. Когда хозяйственная дѣятельность пріурочивается къ опредѣленному субъекту и опредѣленной цѣли и совершается съ извѣстной правильностью, возникаетъ понятіе хозяйства. Хозяйство выступаетъ какъ соединеніе элементовъ хозяйственной дѣятельности: личнаго, въ видѣ затратъ энергіи участниковъ хозяйства, и матеріальнаго, въ видѣ тѣхъ предметовъ внѣшняго міра, которые необходимы для осуществленія хозяйственной дѣятельности. Однако, не всякое соединеніе указанныхъ элементовъ составляетъ хозяйство.

Хозяйство не есть случайное и произвольное соединеніе элементовъ хозяйственной дѣятельности. Для того, чтобы получилось хозяйство, необходимо, чтобы были соединены элементы, соотвѣтствующіе по своему качеству и количеству преслѣдуемой цѣли. Необходимы подходящіе люди и подходящіе матеріалы и орудія, и въ такомъ числѣ и количествѣ, въ какомъ требуется по техническимъ и экономическимъ условіямъ. Только качественно и количественно цѣлесообразное соединеніе личнаго и матеріальнаго элементовъ хозяйственной дѣятельности образуетъ хозяйство. Нахожденіе въ одномъ помѣщеніи извѣстнаго числа машинъ еще не составляетъ фабрики. Въ лучшемъ случаѣ, это можетъ быть складъ. И крестьянскій дворъ безъ земли не составляетъ крестьянскаго хозяйства.

Но и соединеніе элементовъ хозяйственной дѣятельности само по себѣ еще не образуетъ хозяйства. Случайный хозяйственный актъ тоже обусловленъ соединеніемъ личнаго и матеріальнаго элементовъ; однако, онъ не есть хозяйство. Человѣкъ, отправляющійся на охоту съ цѣлью продать затѣмъ убитую дичь, совершаетъ дѣйствіе, обладающее признаками хозяйствованія, но на этомъ основаніи нельзя еще говорить о существованіи хозяйства. Мы заговоримъ о немъ только въ томъ случаѣ, если охота составляетъ постоянную дѣятельность человѣка—его промыселъ.

Необходимымъ признакомъ соединенія элементовъ хозяйственной дѣятельности, составляющаго хозяйство, является устойчивость этого соединенія, его *неслучайный* характеръ. Понятіе хозяйства предполагаетъ, что опредѣленныя хозяйственныя дѣйствія регулярно повторяются для достиженія цѣлей болѣе или менѣе постояннаго характера. Хозяйство обусловлено преемственностью и систематичностью хозяйствованія.

Хозяйство есть соотвѣтствующее преслѣдуемой цѣли, устойчивое соединеніе элементовъ хозяйственной дѣятельности [1]).

---

[1]) П. Б. Струве, пытающійся дать опредѣленіе хозяйства, какъ родового понятія, очень настаиваетъ на признакахъ субъективности и телеологичности хозяйства. Хозяйство непремѣнно предполагаетъ субъекта, воля котораго получаетъ въ немъ свое осуществленіе, и цѣль, которую ставитъ себѣ субъектъ. Поэтому хозяйство, по опредѣленію Струве, есть „субъективное, телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности, или хозяйствованія“.

Разумѣется, тамъ, гдѣ нѣтъ субъекта и цѣли, тамъ нѣтъ и хозяйства, но нѣтъ и хозяйственной дѣятельности. Случайный хозяйственный актъ тоже не можетъ состояться, если нѣтъ субъекта, воля котораго опредѣлила бы его содержаніе и характеръ, и цѣль, къ осуществленію которой была бы направлена эта воля. Поэтому, хотя субъектъ и цѣль необходимы для того, чтобы существовало хозяйство, тѣмъ не менѣе ихъ недостаточно. Хозяйство возникаетъ только тогда, когда является субъективное телеологическое единство, и притомъ *устойчивое* не *случайное*. См. сочиненіе Струве: Хозяйство и цѣна. 1913. Также мою статью „Вопросы экономической теоріи въ новой книгѣ П. Б. Струве“. Вѣстн. Евр., 1913, X.

Сводку и критику старой литературы (преимущественно нѣмецкой) по вопросу о понятіяхъ хозяйства, хозяйственной дѣятельности и хозяйственнаго блага даетъ Дитцель (H. Dietzel) въ статьѣ Der Ausgangs-punkt der Socialwirtschaftslehre und ihr Grundberiff (Z. f. die g. St., 39 Iahrg., I, 1883). Критическія замѣчанія автора значительнѣе его собственныхъ мнѣній. Опредѣленіе хозяйственной дѣятельности, какъ дѣйствій, направленныхъ на то, чтобы подчи-

Зембартъ настаиваетъ на строгомъ раздѣленіи понятій «хозяйства» (Wirtschaft) и «производства» (Betrieb). Производствомъ онъ называетъ единеніе для работы (Arbeitsgemeinschaft), хозяйствомъ единеніе для полученія цѣнностей (Verwertungsgemeinschaft). Напр., мастерская, какъ организація, преслѣдующая опредѣленныя трудовыя задачи, представляетъ производство; она можетъ совпадать съ хозяйствомъ, но можетъ и не совпадать съ нимъ. Одно хозяйство можетъ состоять изъ нѣсколькихъ производствъ, и, наоборотъ, бываетъ, что одно производство принадлежитъ нѣсколькимъ хозяйствамъ.

Примѣрами перваго рода могутъ служить многія современныя предпріятія или кооперативныя общества, часто имѣющія и булочную, и мясную и т. д.

Примѣры второго рода болѣе рѣдки, но все же имѣются. Такъ, въ средніе вѣка существовали производства (вальцовыя мельницы, красильни и пр.), обслуживавшія всѣхъ ремесленниковъ даннаго округа [1]).

ГЛАВА II.

Народное хозяйство.

§ 2. Отличіе народнаго хозяйства отъ общаго понятія хозяйства. Политическая экономія имѣетъ дѣло преимущественно съ понятіемъ народнаго хозяйства. Многіе экономисты опредѣляютъ самый предметъ политической экономіи съ помощью этого понятія. Напр., проф. Чупровъ говоритъ, что политическая экономія есть наука о народномъ хозяйствѣ [2]). Нѣмцы называютъ политическую экономію Volkswirthschaftslehre—ученіемъ о народномъ хозяйствѣ.

Народное хозяйство современнаго типа представляетъ собою совокупность хозяйствъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое. Въ

нить опредѣленную или ограниченную часть матеріи волевому господству лица, явно недостаточно. Отсюда неудовлетворительность и другихъ опредѣленій, основанныхъ на приведенномъ.

[1]) W. Sombart. Der. moderne Kapitalismus. I, стр. 7.

[2]) Курсъ, 18. П. Б. Струве называетъ народное хозяйство „псевдо-хозяйствомъ“ въ виду отсутствія въ немъ признаковъ хозяйства въ точномъ смыслѣ слова, какъ субъективнаго и телеологическаго единства.

народномъ хозяйствѣ—не одинъ субъектъ, а множество ихъ, при чемъ каждый дѣйствуетъ самостоятельно, по своему почину и на свой рискъ и страхъ. То, что объединяетъ «единичныя» хозяйства, входящія въ составъ народнаго хозяйства, состоитъ не въ планомѣрномъ устройствѣ хозяйственной жизни, а въ свободномъ взаимодѣйствіи многихъ субъективныхъ хозяйствъ, вытекающемъ изъ ихъ общенія между собою. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ индивидуумъ, хозяйствующій отдѣльно отъ другихъ или вмѣстѣ съ другими, но всегда обладающій правомъ свободнаго почина и окончательнаго рѣшенія въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. По этому признаку народное хозяйство, существующее въ современной дѣйствительности, характеризуется какъ *индивидуалистическое*.

§ 3. Основы народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа. Народное хозяйство индивидуалистическаго типа, въ чистомъ видѣ, основано на двухъ началахъ, опредѣляющихъ его природу. Первое изъ нихъ—признаніе частнаго интереса главнымъ двигателемъ хозяйственной жизни. Второе—предоставленіе каждому свободы дѣйствій въ осуществленіи своихъ хозяйственныхъ стремленій. Согласно этимъ началамъ каждый можетъ свободно стремиться къ достиженію цѣлей, отвѣчающихъ его личнымъ желаніямъ и выгодамъ, и поступать на этомъ пути такъ, какъ ему заблагоразсудится до тѣхъ поръ, пока его дѣйствія не приходятъ въ конфликтъ съ закономъ, защищающимъ интересы цѣлаго, какъ высшей гарантіи свободы каждаго.

Указанныя начала опредѣляютъ правило, отъ котораго допускаются отступленія только въ случаяхъ неизбѣжной необходимости. Предполагается, *пока не доказано противное*, что достиженіе хозяйственныхъ цѣлей лучше всего осуществляется частнымъ починомъ и что свобода частно-хозяйственной дѣятельности наиболѣе отвѣчаетъ общественному интересу. Въ дѣйствительности это правило подвергается болѣе или менѣе существеннымъ ограниченіямъ, потому что на дѣлѣ лежащія въ его основѣ предположенія далеко не всегда оправдываются.

Ад. Смитъ, послѣдовательно проводившій принципы согласія частнохозяйственнаго и общественнаго интересовъ и свободы хозяйственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе допускалъ при извѣстныхъ условіяхъ цѣлесообразность и даже необходимость государственной иниціативы и принудительнаго ограниченія личной

свободы. Впослѣдствіи, какъ было указано въ историческомъ очеркѣ, взгляды на государственное вмѣшательство существенно отступили отъ идей экономическаго либерализма. Подъ вліяніемъ соціалистическихъ теченій XIX в. предѣлы государственнаго вмѣшательства, въ смыслѣ замѣны частной иниціативы государственной и ограниченія свободы дѣйствій частныхъ лицъ въ хозяйственной сферѣ, сильно расширились. Это расширеніе оказалось настолько значительнымъ, что даже явилось основаніе говорить о государственномъ соціализмѣ. Тѣмъ не менѣе, народное хозяйство не перестроилось на новыхъ принципахъ: частный интересъ и свобода частной иниціативы попрежнему составляютъ правило, а государственное вмѣшательство разсматривается какъ отступленіе, необходимость котораго должна быть доказана для каждаго случая.

Народное хозяйство индивидуалистическаго типа держится *на презумпціи* въ пользу частнаго интереса и свободы частнохозяйственной дѣятельности. Поэтому на тѣхъ, кто выступаетъ въ защиту ограниченія этихъ началъ, возлагается onus probandi— бремя доказательства.

Народное хозяйство индивидуалистическаго типа принципіально совмѣстимо съ государственнымъ вмѣшательствомъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ существовало въ эмпирической дѣйствительности, оно не только допускало, но и предполагало государственный правопорядокъ. Его идея заключается не въ упраздненіи государства и не въ подчиненіи общественнаго интереса частному, а въ обоснованіи хозяйственнаго строя на презумпціи, что общественный интересъ наилучшимъ образомъ достигается чрезъ посредство частной иниціативы, свободно направляющейся къ осуществленію частнаго интереса.

Народное хозяйство, основанное на этой идеѣ, опредѣленно отграничивается отъ анархизма, принципіально отвергающаго государство и его право на вмѣшательство въ экономическія отношенія. Въ отличіе отъ анархическаго идеала оно характеризуется, какъ народное хозяйство индивидуалистическаго типа на государственно-правовой основѣ [1]).

Принципъ индивидуалистическаго народнаго хозяйства не пред-

[1]) Говоря далѣе объ индивидуалистическомъ народномъ хозяйствѣ, или о народномъ хозяйствѣ индивидуалистическаго типа, я буду разумѣть индивидуалистическое народное хозяйство на государственно-правовой основѣ.

рѣшаетъ вопроса о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства. Они могутъ быть и шире и уже, въ зависимости отъ требованій общественнаго интереса и общаго направленія экономической политики. Жизнь народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа опредѣляется въ конечномъ итогѣ равнодѣйствующей частнаго почина и государственнаго вмѣшательства.

Частный починъ въ частнохозяйственномъ интересѣ свободенъ въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ дѣйствующимъ правомъ. Въ этихъ предѣлахъ происходитъ борьба интересовъ, подлежащая на поприщѣ свободнаго состязанія экономическихъ силъ только тѣмъ ограниченіемъ, которыя устанавливаются по частному соглашенію заинтересованныхъ лицъ или зависятъ отъ фактическаго неравенства силъ борющихся сторонъ. Поскольку такихъ ограниченій не существуетъ, каждый защищаетъ свои интересы тѣми способами и средствами, которые онъ признаетъ наиболѣе подходящими, дѣйствуя при этомъ лично отъ себя, за свой рискъ и страхъ, или въ единеніи съ тѣми, интересы которыхъ солидарны съ его собственными. На этой почвѣ возникаютъ различныя по своимъ задачамъ и организаціи общественныя группировки, выступающія на аренѣ экономической борьбы со своими лозунгами и программами. Но и независимо отъ какихъ-либо организацій представители совпадающихъ интересовъ проникаются сознаніемъ своей солидарности, сплачивающимъ ихъ въ одно цѣлое. Обычные способы общенія людей, живущихъ въ обществѣ,—печать, собранія, совмѣстная общественная дѣятельность и личныя отношенія повседневной жизни,—служатъ могущественной силой единенія, вліяющей не менѣе дѣйствительно, чѣмъ организованныя единства въ видѣ обществъ, союзовъ, партій и т. п. Болѣе того, почвой для такихъ единеній, образующихся по уговору, служатъ самопроизвольно возникающія группировки, основанныя на сознаніи солидарности интересовъ.

Самыми крупными и важными группировками самопроизвольнаго характера являются *общественные классы*, объединяющіе, независимо отъ какихъ-либо соглашеній, людей, связанныхъ между собою жизненными для нихъ интересами. Сплачивающимъ элементомъ въ классовыхъ группировкахъ служитъ классовое самосознаніе, получающее опредѣленное и часто рѣзко выраженное проявленіе въ организаціяхъ классоваго характера.

На почвѣ столкновенія классовыхъ интересовъ возникаетъ *классовая борьба*. Въ ней проявляются самые глубокіе антагонизмы, существующіе въ народномъ хозяйствѣ при режимѣ свободной иниціативы въ частнохозяйственномъ интересѣ.

Менѣе глубокіе конфликты интересовъ, иногда преходящаго характера, ведутъ къ борьбѣ между собою общественныхъ группъ и индивидуумовъ, на этой почвѣ развивается *профессіональное* движеніе, ставящее себѣ цѣлью защиту интересовъ, основанныхъ на общности занятій.

Наконецъ, одновременное стремленіе къ достиженію однородныхъ цѣлей вызываетъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, хозяйствъ и другихъ единеній, направленныя въ ущербъ другъ другу. Борьба этого рода носитъ названіе *соперничества*, или *конкуренціи*. Соперничаютъ или конкурируютъ между собою покупатели, надбавляющіе другъ передъ другомъ цѣну за товаръ, чтобы не упустить его; продавцы, сбавляющіе цѣну, чтобы привлечь на свою сторону покупателей; рабочіе, соглашающіеся работать за меньшую плату, чѣмъ ихъ товарищи, чтобы оставить за собою работу, и т. п.

Экономическая борьба въ формѣ классовой и профессіональной борьбы и соперничества, или конкуренціи разыгрывается на поприщѣ, отмежеванномъ свободному преслѣдованію частнаго интереса. Поэтому, если въ основѣ индивидуалистическаго народнаго хозяйства лежитъ презумпція въ пользу свободы въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то отсюда слѣдуетъ, что и свобода экономической борьбы, поскольку она не нарушаетъ закона и добрыхъ нравовъ, составляетъ въ народномъ хозяйствѣ индивидуалистическаго типа правило, а стѣсненія ея—отступленія отъ правила, требующія каждый разъ обоснованія. Въ частности режимъ соперничества, или конкуренціи, является для индивидуалистическаго строя нормой, ограниченія которой для каждаго случая подлежатъ обоснованію тѣми, кто ихъ защищаетъ.

§ 4. Основные факторы народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа. То обстоятельство, что народное хозяйство индивидуалистическаго типа является непланомѣрнымъ, подало поводъ считать его стихійнымъ [1]). Этимъ понятіемъ отмѣчается то,

---

[1]) М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи.

что при господствѣ принципа экономическаго индивидуализма, народное хозяйство складывается подъ вліяніемъ свободной борьбы интересовъ. Но, какъ видно изъ вышеизложеннаго, свободное преслѣдованіе частнаго интереса держится на презумпціи, объемъ осуществленія которой устанавливается различно, въ зависимости отъ предѣловъ государственнаго вмѣшательства. Кромѣ того, на поприщѣ, остающемся свободнымъ для борьбы интересовъ, послѣдняя регулируется и умѣряется свободными организаціями, возникающими по частному почину. Представители одинаковыхъ или совпадающихъ интересовъ объединяются, а защитники противоположныхъ интересовъ вступаютъ между собою въ соглашенія. Послѣдствіемъ такихъ соглашеній и дѣятельности разнаго рода единеній является не только смягченіе формъ экономической борьбы, но иногда и устраненіе ея, по крайней мѣрѣ временное.

Въ такихъ случаяхъ люди, преслѣдующіе одинаковые или совпадающіе интересы, не вступаютъ другъ съ другомъ въ соперничество или конкуренцію, а организуются для болѣе или менѣе равномѣрнаго удовлетворенія интересовъ каждаго. Спорные вопросы разрѣшаются представителями разныхъ интересовъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ на почвѣ компромисса. Этимъ путемъ безпощадная борьба всѣхъ противъ всѣхъ, до нѣкоторой степени, замѣняется союзомъ и единеніемъ [1]).

Единеніе на экономической почвѣ, особенно широко развивающееся въ нашу эпоху въ видѣ синдикатовъ и трестовъ, «фузій» и «амальгамацій» (объединеніе и сліяніе) банковъ, въ видѣ кооперативовъ, рабочихъ союзовъ и т. п., вноситъ въ широкихъ предѣлахъ элементъ организованности и планомѣрности въ народное хозяйство.

Если принять во вниманіе факторъ свободнаго единенія, съ одной стороны, и государственное вмѣшательство—съ другой, то придется признать, что элементъ сознательнаго устройства экономической жизни, ея раціонализація, находитъ себѣ мѣсто и въ народномъ хозяйствѣ индивидуалистическаго типа и, какъ показываетъ новѣйшая эволюція, можетъ играть въ его жизни очень важную, и постоянно возрастающую, роль.

[1]) М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Т. I. 1912, стр. VIII.

Индивидуалистическое народное хозяйство является стихійнымъ только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ ни государственная власть, ни свободныя единенія не ограничиваютъ поприща борьбы интересовъ. Предѣлы же этого поприща могутъ измѣняться въ зависимости отъ того значенія, которое получаютъ въ дѣйствительности регулирующіе факторы. Чѣмъ сильнѣе они развиваются, тѣмъ меньше народное хозяйство будетъ непланомѣрнымъ, тѣмъ болѣе оно будетъ представлять продуктъ раціонализаціи соціальной жизни.

Тѣмъ не менѣе, народное хозяйство остается индивидуалистическимъ до тѣхъ поръ, пока въ основѣ его лежитъ *презумпція* въ пользу свободы хозяйственной иниціативы въ частномъ интересѣ, осуществляемая въ болѣе или менѣе значительныхъ предѣлахъ на практикѣ.

Народное хозяйство индивидуалистическаго типа тѣсно связано съ политическимъ индивидуализмомъ. Въ основѣ того и другого лежитъ идея, что индивидуумъ и его интересы представляютъ конечную цѣль всякаго общественнаго и государственнаго устройства, такъ какъ онъ одинъ—существо реальное, свободное и отвѣтственное. Развивая и поясняя эту идею, Эсменъ говоритъ, что съ правовой и раціоналистической точки зрѣнія политическое общество функціонируетъ единственно въ интересѣ индивидуумовъ. Между тѣмъ, первый интересъ и первое право индивидуума состоятъ въ возможности свободнаго развитія его собственныхъ способностей; а самое лучшее средство для обезпеченія этого развитія заключается въ томъ, чтобы индивидууму было предоставлено самому направлять его, сообразно его личнымъ желаніямъ, на его рискъ и страхъ, поскольку это не затрогиваетъ подобнаго же права другихъ. Обезпеченіе свободнаго развитія и является настоящею цѣлью тѣхъ различныхъ видовъ свободы, которые составляютъ индивидуальныя права: не уважая ихъ, политическое общество не выполняло бы своего главнаго призванія, и государство теряло бы свой первый и главный raison d'être. «Цѣлью каждаго государственнаго строя, говорилъ Сіэйсъ, является индивидуальная свобода» [1]).

---

[1]) А. Эсменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Пер. подъ редакціей проф. В. Дерюжинскаго. 1898, стр. 305.

Проявленіями личной свободы служатъ и тѣ виды ея, которые касаются матеріальныхъ интересовъ индивидуума и составляютъ правовыя предпосылки народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа. Таковы (по Эсмену): 1) личная свобода въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е., не только право свободно передвигаться, оставаться на національной территоріи или выходить за ея предѣлы, но также и то, что дѣятели XVIII в. называли личной безопасностью, т.-е. гарантіи противъ произвольныхъ арестовъ, заключеній и карательныхъ мѣръ; 2) личная собственность: это одно изъ тѣхъ индивидуальныхъ правъ, которыя были прежде всего выдвинуты теоріей и поставлены ею внѣ захватовъ государства; 3) неприкосновенность частнаго жилища, слѣдствіе и продолженіе личной безопасности, понимаемая въ томъ смыслѣ, что общественная власть можетъ проникать туда только въ случаяхъ и съ соблюденіемъ формъ, опредѣленныхъ закономъ; 4) свобода торговли, труда и промышленности—свобода, основныя начала которой, замѣчаетъ Эсменъ, были развиты въ особенности экономистами XVIII в. [2]). Прибавимъ еще: 5) свобода договора, какъ право каждаго индивидуума вступать съ другими въ соглашенія, не противорѣчащія закону.

Индивидуалистическое народное хозяйство составляетъ продуктъ того идейнаго движенія и той исторической эволюціи человѣческихъ отношеній, которыя провели въ жизнь на мѣсто доктрины древняго міра о всемогуществѣ государства идею неотъемлемыхъ правъ личности. Существованіе т. н. индивидуальныхъ правъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, составляетъ необходимое условіе существованія народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа, а полнота осуществленія правъ личности является однимъ изъ условій развитія народнаго хозяйства, основаннаго на идеѣ свободы частнаго почина.

§ 5. Планомѣрныя народныя хозяйства. То, что въ исторической дѣйствительности, за единичными исключеніями, существовали только непланомѣрныя народныя хозяйства, не значитъ, что народное хозяйство и немыслимо, какъ планомѣрное.

Вполнѣ возможно мыслить такую форму народнаго хозяйства, которая была бы основана на планомѣрной организаціи хозяй-

---

[1]) Цит. соч., стр. 308 и сл.

ственной дѣятельности народомъ, какъ цѣлымъ. Такое народное хозяйство было бы не псевдо-хозяйствомъ, а настоящимъ хозяйствомъ. Его субъектомъ былъ бы народъ, который въ полномъ составѣ, или черезъ особые органы, сознательно и планомѣрно велъ бы свое хозяйство. Это была бы такая же организація, какъ и индивидуальное хозяйство, субъектомъ котораго является физическое или юридическое лицо. Планомѣрное народное хозяйство можно мыслить организованнымъ на различныхъ началахъ.

Представимъ себѣ, что вся хозяйственная дѣятельность народа безъ всякаго принужденія извнѣ, а исключительно силою вещей сосредоточилась бы въ свободно возникшихъ и свободно дѣйствующихъ общественныхъ организаціяхъ, напр., кооперативахъ, и что всѣ эти организаціи связаны между собою единымъ планомъ дѣятельности, выработаннымъ и осуществляемымъ ихъ представителями въ лицѣ совѣта кооперативовъ страны. Такое устройство хозяйственной жизни народа было бы *общественнымъ* народнымъ хозяйствомъ.

Если бы планомѣрное народное хозяйство было организовано силою государственнаго авторитета и опиралось на принудительное начало, оно было бы *государственнымъ* хозяйствомъ. Такая организація существуетъ и теперь *наряду* съ народнымъ хозяйствомъ; но въ современномъ своемъ видѣ она обнимаетъ только часть хозяйственной дѣятельности, совершающейся въ странѣ, а въ томъ объемѣ, какой мыслится выше, она слилась бы съ народнымъ хозяйствомъ въ одно цѣлое.

Среднее мѣсто между общественнымъ и государственнымъ занимало бы *общественно-государственное* народное хозяйство. При этой формѣ вся хозяйственная дѣятельность въ странѣ была бы распредѣлена между государствомъ и общественными организаціями, вольными или опирающимися на авторитетъ государственной власти, какъ земское и городское самоуправленія.

Планомѣрное народное хозяйство, независимо отъ формальнаго принципа, на которомъ оно построено, можетъ явиться сознательнымъ осуществленіемъ того или другого начала: этическаго, правового или соціальнаго. Народное хозяйство, основанное на осуществленіи хозяйственной дѣятельности общественными средствами, т.-е. планомѣрное, могло бы быть направлено или на

содѣйствіе народнымъ интересамъ, или на пользу какого-нибудь класса.

Представимъ себѣ народное хозяйство, организованное обществомъ рабовладѣльцевъ и построенное на эксплоатаціи подневольнаго труда. Такая организація могла бы быть устроена по опредѣленному, подробно разработанному плану; но она служила бы корыстнымъ выгодамъ сильнаго меньшинства, поработившаго себѣ большинство.

На прямо противоположномъ началѣ было бы основано такое народное хозяйство, которое явилось бы осуществленіемъ соціалистической и коммунистической идеи,—согласно принципамъ: «каждый работаетъ въ мѣру своихъ силъ и получаетъ по своей работѣ», или «каждый работаетъ въ мѣру своихъ силъ и получаетъ по потребностямъ» и т. п. Народное хозяйство такого типа представляло бы организацію хозяйственной дѣятельности общественными средствами на трудовомъ началѣ и въ интересахъ труда. Единственнымъ историческимъ примѣромъ осуществленія такой организаціи въ широкомъ масштабѣ является основанное іезуитами въ началѣ 17 в. въ Парагваѣ христіанско-коммунистическое государство, просуществовавшее болѣе 150 лѣтъ (1610—1768) [1]). Въ меньшемъ размѣрѣ подобные опыты производились много разъ съ различнымъ успѣхомъ [2]).

Въ основѣ всякаго планомѣрнаго хозяйства лежитъ начало организаціи хозяйственной жизни общественными силами или государствомъ. Поэтому всякое планомѣрное хозяйство можно было бы признать основаннымъ на принципѣ *коллективизма*, если бы этому понятію не было присвоено болѣе спеціальное значеніе. Подъ коллективизмомъ принято разумѣть организацію, основанную на соціалистическомъ или коммунистическомъ принципѣ. Съ точки зрѣнія этой терминологіи, нарушать которую едва ли было бы цѣлесообразно, только нѣкоторые типы планомѣрныхъ народныхъ хозяйствъ являются коллективистическими. Въ всякомъ случаѣ, это единственные типы, на осуществленіи которыхъ серьезно останавливалась человѣческая мысль, такъ что практически вопросъ о

---

[1]) См. описаніе въ книгѣ G. Adler. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus. 1899, стр. 188 и сл.

[2]) См. ст. М. И. Тугана-Барановскаго. Вѣстн. Евр 1912.

планомѣрномъ народномъ хозяйствѣ сводится къ вопросу о планомѣрномъ устройствѣ хозяйственной жизни на соціалистическихъ и коммунистическихъ началахъ [1]).

Народное хозяйство, основанное на коллективизмѣ, принципіально отличалось бы отъ хозяйства индивидуалистическаго типа.

---

[1]) „Чистый коллективизмъ“ по мнѣнію французскаго изслѣдователя соціалистическихъ системъ Бургена, характеризуется двумя чертами: всѣ средства производства, обращенія и обмѣна принадлежатъ національной общности (communauté nationale) и эксплоатируются подъ ея руководствомъ; всѣ работы и продукты таксированы въ трудовыхъ единицахъ соотвѣтственно количествамъ затраченнаго на нихъ труда, такъ что работники могутъ пріобрѣтать продукты пропорціонально ихъ трудовымъ затратамъ безъ капиталистическихъ надбавокъ. M. Bourguin. Les systèmes socialistes et l'evolution économique. 1906. Бургенъ— противникъ коллективизма, но такъ же, какъ онъ, опредѣляютъ идею послѣдняго и сами коллективисты. При господствѣ соціализма, по мнѣнію Либкнехта, на обществѣ будутъ лежать двѣ главныя функціи: 1) организація работы въ качествѣ матеріальной основы общества и 2) организація воспитанія въ качествѣ моральной и интеллектуальной основы... Организація работы будетъ лежать на министерствѣ труда (Arbeitsamt), которое должно будетъ регулировать производство и распредѣленіе товаровъ на всей территоріи общества, организовывать обмѣнъ съ другими обществами и т. д. W. Liebknecht. „Zukunftstaatliches“, въ жур. Cosmopolis, IX, 1898. Очень ясную формулировку понятія коллективизма даетъ американскій соціалистъ Гронлёндъ, склонный, впрочемъ къ допущенію необходимыхъ отступленій отъ коллективистическаго принципа. Будучи сторонникомъ кооперативнаго устройства народнаго хозяйства, онъ опредѣляетъ его какъ будущій соціальный порядокъ, въ которомъ всѣ важныя орудія производства взяты подъ общественный контроль, въ которомъ граждане сознательно являются общественными служащими и гдѣ труды ихъ вознаграждаются по результатамъ. Сопоставляя этотъ будущій строй съ современнымъ, онъ говоритъ: прибавьте къ раздѣленію труда его дополненіе—согласованность (concert); введите согласованіе всюду, гдѣ теперь анархія; прибавьте центральную регулятивную систему, которая, по словамъ Спенсера, отличаетъ всѣ высокоорганизованныя построенія и снабжаетъ каждый органъ кровью пропорціонально исполняемой имъ работы, и вотъ вамъ кооперативное устройство! Laurence Gronlund. The Cooperative Commonwealth. 1886. Также и другой авторъ Ренаръ: „Народъ, нераздѣльно обладающій собственностью на землю и средства производства, можетъ быть разсматриваемъ какъ единственный собственникъ, эксплоатирующій свое имущество, и такимъ образомъ правила хорошей домашней экономки становятся правилами хорошей публичной экономики“. Народъ, какъ глава семейства, заботится объ удовлетвореніи потребностей своихъ членовъ и соотвѣтственнымъ образомъ распредѣляетъ трудъ. Въ дальнѣйшемъ авторъ устанавливаетъ принципы, которыми надлежитъ руководствоваться при выполненіи указанныхъ функцій. G. Renard. Le régime socialiste. 1898.

Въ то время какъ послѣднее построено на презумпціи въ пользу частнаго интереса и частной иниціативы, первое отправлялось бы отъ идеи коллективной организаціи хозяйственной жизни. Индивидуализмъ видитъ главную силу въ частномъ интересѣ, являющемся при условіи личной свободы средствомъ для достиженія общественнаго блага; коллективизмъ желаетъ итти къ осуществленію послѣдняго не косвеннымъ, а прямымъ путемъ: не черезъ посредство частной иниціативы, возбуждаемой частнохозяйственнымъ интересомъ, а при помощи планомѣрнаго устройства хозяйственной жизни самимъ обществомъ согласно требованіямъ общественнаго интереса. Тамъ частная иниціатива — правило, здѣсь—отступленіе отъ правила. При индивидуализмѣ «бремя доказательства» возлагается на защитниковъ ограниченія частной иниціативы; при коллективизмѣ—на сторонниковъ ея допущенія.

Принципъ индивидуализма не слѣдуетъ смѣшивать съ принципомъ государственнаго невмѣшательства [1]). Предѣлы вмѣшательства въ хозяйственную жизнь могутъ быть шире или уже, но до тѣхъ поръ, пока презумпція въ пользу частнаго интереса и свободы частнохозяйственной дѣятельности составляетъ принципъ, на которомъ держится народное хозяйство, послѣднее остается по существу индивидуалистическимъ. Оно принципіально отличается отъ всякаго другого хозяйственнаго строя, основаннаго на презумпціи въ пользу общественнаго устройства хозяйственной жизни, и на подчиненіи личной иниціативы и свободы въ хозяйственной сферѣ волѣ коллектива. Поэтому то, что называется обыкновенно системой государственнаго соціализма, несмотря на допущеніе этой системы широкаго государственнаго вмѣшательства, по существу остается все-таки системой экономическаго инди-

---

[1]) Какъ это, повидимому, дѣлаетъ, напр., Сидней Веббъ, характеризующій индивидуализмъ, какъ систему, признающую, что лучшимъ правительствомъ является то, которое всего менѣе управляетъ, что личному почину должно быть предоставлено возможно болѣе широкое поприще, что открытое соперничество и полная свобода отъ законодательныхъ ограниченій служитъ лучшей гарантіей здороваго промышленнаго развитія и т. п. Индивидуализмъ только устанавливаетъ *презумпцію* въ пользу перечисленныхъ положеній, но не принимаетъ ихъ въ абсолютной формѣ. Различіе этихъ точекъ зрѣнія въ разсужденіяхъ Вебба, во всякомъ случаѣ, не проводится съ необходимой ясностью. См. ст. Вебба въ сборникѣ Фабіанскаго общества Socialism and Individualism.

видуализма, принципіально отличающейся отъ соціализма, въ какомъ бы то ни было видѣ [1]).

Презумпція въ пользу общественнаго устройства хозяйственной жизни лежитъ въ основѣ каждой коллективистической программы, и всякое отступленіе отъ этого принципа, допускаемое авторами отдѣльныхъ программъ по практическимъ соображеніямъ, бываетъ основано на доказательствѣ необходимости такого отступленія во вниманіе къ условіямъ даннаго случая. Такъ, напр., швейцарскій соціалистъ Зульцеръ, описывая организацію производства въ обществѣ, устроенномъ на началахъ коллективизма, допускаетъ, что государство будетъ разрѣшать на извѣстныхъ условіяхъ частнымъ лицамъ устройство предпріятій въ тѣхъ случахъ, когда оно само не захочетъ брать на себя слишкомъ большого риска [2]). Ясно, что авторъ исходитъ отъ презумпціи обратной индивидуализму.

ГЛАВА III.

Строеніе народнаго хозяйства.

§ 6. Понятіе строенія народнаго хозяйства. Народное хозяйство представляетъ совокупность единичныхъ хозяйствъ. Эта совокупность не является, однако, простой суммой ничѣмъ не связанныхъ между собою единицъ. Послѣднія находятся во взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, въ результатѣ котораго образуются связи, дѣлающія сумму единичныхъ хозяйствъ соціальнымъ цѣлымъ. Самое же взаимодѣйствіе вытекаетъ изъ отношеній единичныхъ хозяйствъ между собою. Совокупность тѣхъ отношеній между единичными хозяйствами, которыя опредѣляютъ собою ихъ взаимодѣйствіе, составляетъ то, что мы называемъ строеніемъ народнаго хозяйства.

§ 7. Производство и потребленіе. Въ немногихъ случаяхъ человѣкъ получаетъ въ готовомъ видѣ предметы, необходимые для удовлетворенія его потребностей. Какъ общее правило, онъ

---

[1]) Въ виду того, что предметомъ дальнѣйшаго изложенія будетъ народное хозяйство индивидуалистическаго типа, послѣднее для краткости будетъ называться просто *народнымъ хозяйствомъ*.

[2]) G. Sulzer. Die Zukunft des Sozialismus. 1899.

долженъ затрачивать свои силы на то, чтобы обезпечивать себя хозяйственными благами. Такая затрата силъ называется *производствомъ*.

Производство всегда имѣетъ своей конечной цѣлью потребленіе: производство для производства было бы безсмыслицей. Но, съ другой стороны, и потребленіе, за исключеніемъ очень незначительнаго числа случаевъ, обусловливается производствомъ: безъ него оно было бы невозможно.

Эта внутренняя и необходимая связь между производствомъ и потребленіемъ, вытекающая изъ самой природы вещей, не можетъ быть нарушена ни при какомъ устройствѣ хозяйственной жизни, но она можетъ проявляться въ различныхъ формахъ.

Цѣлью производства можетъ быть потребленіе продуктовъ тѣми самыми лицами, которыя участвуютъ въ производственномъ процессѣ. Эта форма отношеній между производствомъ и потребленіемъ характерна для *замкнутыхъ* хозяйствъ. Таковы: древнегреческій «ойкосъ», средневѣковый крестьянскій дворъ, славянская «задруга» и др. Всѣ эти хозяйственныя организаціи, мыслимыя въ чистомъ видѣ, являются самодовлѣющими: члены дома, двора или семьи работаютъ для изготовленія предметовъ, въ которыхъ сами они нуждаются, и которые ими же и будутъ потреблены. Руководящимъ началомъ производства являются собственныя потребности производящихъ; онѣ служатъ критеріями для оцѣнки будущихъ предметовъ потребленія, а эти оцѣнки, согласно законамъ экономической психологіи, связываются съ побужденіемъ къ хозяйственной дѣятельности, направляемой, въ свою очередь, къ удовлетворенію тѣхъ самыхъ потребностей, сознаніе которыхъ послужило для нея первоначальнымъ импульсомъ. Производственный процессъ исходитъ отъ потребностей самихъ производителей и въ ихъ удовлетвореніи находитъ свою конечную цѣль.

Вторая форма связи между производствомъ и потребленіемъ выражается въ томъ, что цѣлью производства является удовлетвореніе потребностей лицъ, не участвующихъ въ производственномъ процессѣ, но заранѣе извѣстныхъ производителю. Это *производство на заказъ*. По мнѣнію Бюхера [1]), которое, впрочемъ,

[1]) K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtshaft. Русс. переводы. „Происхожденіе народнаго хозяйства“. 1897 подъ ред. В. Э. Дена и „Возникновеніе народнаго хозяйства“, пер. І. М. Кулишера, 1907.

оспаривается историками, въ извѣстную эпоху хозяйственной исторіи Европы, именно въ средніе вѣка, работа на заказъ была самой распространенной формой отношеній между производителемъ и постороннимъ его хозяйству потребителемъ. При этомъ она подвергалась на практикѣ различнымъ видоизмѣненіямъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребитель заказывалъ ремесленнику необходимый предметъ, предоставляя ему же озаботиться и пріобрѣтеніемъ необходимаго сырого матеріала; въ другихъ онъ самъ доставлялъ послѣдній, а ремесленникъ долженъ былъ подвергнуть его переработкѣ, пользуясь своими инструментами и работая у себя дома. Такъ, напр., пряжа, сработанная домашними силами, передавалась затѣмъ ткачу-ремесленнику, который превращалъ ее въ ткань. Иногда потребитель приглашалъ производителя къ себѣ въ домъ; напр., портной или шорникъ являлся къ заказчику и, получивъ отъ него матеріалъ, исполнялъ у него на дому требуемую работу.

Всѣ эти виды работы на заказъ встрѣчаются и теперь, особенно въ деревняхъ или мелкихъ городскихъ центрахъ. Деревенскіе портные, шорники, столяры и пр. берутъ работу или къ себѣ на домъ, или работаютъ въ домахъ заказчиковъ, иногда со своимъ матеріаломъ, а въ другихъ случаяхъ съ матеріаломъ заказчика. При всѣхъ своихъ разновидностяхъ работа на заказъ характеризуется, какъ необходимымъ признакомъ, тѣмъ, что чужая потребность, вызывающая хозяйственную дѣятельность производителя, заранѣе ему въ точности извѣстна.

Третьей формой отношеній между производствомъ и потребленіемъ является та, при которой производство ведется для удовлетворенія сторонних потребителей, заранѣе производителю неизвѣстныхъ. *Это производство для сбыта или для рынка.* Здѣсь производитель только *предполагаетъ* существованіе потребности и, предпринимая хозяйственную дѣятельность, направленную на ея удовлетвореніе, расчитываетъ на то, что предполагаемая потребность окажется существующей въ дѣйствительности, и изготовленные предметы будутъ употреблены для ея удовлетворенія.

Указанные типы отношеній между производствомъ и потребленіемъ не всегда встрѣчаются въ жизни въ чистомъ видѣ. Въ особенности это приходится сказать относительно первой формы,

именно замкнутыхъ, или самодовлѣющихъ хозяйствъ. Едва ли этотъ типъ вообще когда-либо существовалъ въ безусловной чистотѣ. Но въ новѣйшее время, и особенно въ современную эпоху, онъ наблюдается лишь въ смѣшанномъ видѣ. Сферой наибольшаго распространенія хозяйствъ, приближающихся къ этой формѣ, является земледѣліе, гдѣ производство для собственнаго потребленія сохранилось въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ во всѣхъ странахъ. Мелкое хозяйство крестьянскаго типа всегда является въ извѣстной мѣрѣ самодовлѣющимъ, потому что рядъ предметовъ потребленія—хлѣбъ, овощи, молоко и т. п., добываются и изготовляются самими же потребителями. Но въ наше время и такія хозяйственныя организаціи, въ большей или меньшей степени, но въ той или другой степени почти всегда, производятъ и для посторонніхъ потребителей, работая на заказъ и на продажу, смотря по обстоятельствамъ.

Ремесло является, главнымъ образомъ, сферой распространенія второго типа отношеній между производствомъ и потребленіемъ; но ремесленникъ работаетъ нерѣдко и для продажи на рынкѣ; и чѣмъ крупнѣе ремесленное заведеніе, тѣмъ большую роль обыкновенно играетъ производство на рынокъ, хотя работа на заказъ и сохраняетъ важное значеніе.

Наконецъ, что касается послѣдняго изъ намѣченныхъ типовъ, то нельзя упускать изъ вида, что хозяйства, которыя, какъ общее правило, работаютъ на продажу, часто принимаютъ и заказы. Припомнимъ, напр., заказы казны желѣзодѣлательнымъ, машино-и вагоностроительнымъ заводамъ.

Въ дѣйствительности указанные выше типы различаются не по абсолютному господству, а лишь по преобладанію той или другой характерной черты въ направленіи дѣятельности хозяйствъ. Вмѣсто самодовлѣющихъ хозяйствъ, въ жизни встрѣчаются только разныя степени приближенія къ этому типу. Хозяйства второго типа характеризуются преобладаніемъ работы на заказъ по сравненію съ работой для продажи, а для третьяго типа характерна обратная комбинація.

Ни одна изъ разсмотрѣнныхъ формъ отношеній между производствомъ и потребленіемъ не составляетъ исключительной принадлежности какой-либо одной исторической эпохи. Въ особенности это справедливо, если оставить въ сторонѣ періоды такъ

называемой первобытной жизни человѣчества, относительно которыхъ къ тому же наши свѣдѣнія еще очень неполны.

Даже въ такія эпохи, какъ гомеровская, когда повидимому господствовало замкнутое, «ойкосное» хозяйство, существовали хозяйственныя организаціи, цѣлью которыхъ было производство на заказъ и, можетъ быть, отчасти для продажи. Въ болѣе же позднія эпохи древне-греческой исторіи, наряду съ хозяйствами болѣе или менѣе замкнутаго типа, существовали въ широкихъ размѣрахъ и хозяйства, занимавшіяся производствомъ для сторонніхъ потребителей. Хотя вопросъ о распространеніи въ древней Греціи крупнаго производства и является спорнымъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что ремесленныя заведенія мелкихъ и среднихъ размѣровъ, работавшія на заказъ и для продажи, были распространены въ городахъ въ большомъ числѣ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе поздніе эпохи; и что наряду съ этимъ существовали крупныя предпріятія, расчитанныя, главнымъ образомъ, если не исключительно, на сбытъ. Такимъ образомъ, экономическій строй древней Греціи во всѣ эпохи представлялъ комбинацію хозяйствъ разныхъ типовъ. Въ особенности это относится къ болѣе позднимъ эпохамъ. То же самое можно сказать еще съ большимъ правомъ относительно Рима.

Споръ между историками, поскольку онъ относится къ настоящему вопросу, касается только степени развитія и распространенія, какихъ достигли въ древне-классическомъ мірѣ хозяйства, работавшія для продажи, въ особенности крупныхъ размѣровъ; но никто не отрицаетъ положенія, высказаннаго выше [1]).

Изслѣдованія послѣдняго времени показали, что и болѣе древнія, чѣмъ греко-римская, культуры, египетская и ассиро-вавилонская, знали уже такія сложныя формы хозяйственной жизни, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи хозяйствъ,

---

[1]) Сводку и критику ученій по этому вопросу см. въ статьѣ v. Below. Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker etc., напеч. въ Hist. Zeitschrift. 86. N. F. 50. 1901. Русс. пер. Г. Беловъ. Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. 1912. Прилож. I. Также W. Sombart. Die gewerbliche Arebeit und ihre Organisation. Arch. für Soc. Gesetzgebung und Statistik. XIV. 1899 и его же Der moderne Kapitalismus. Относительно древнеклассическаго міра: Ed. Meyer. Die wirtschaftliche Entwickelung des Alterthums. (Есть русс. пер.). Такъ же H. Francotte. L'industrie dans la Gréce ancienne. 1900.

расчитанныхъ на производство для сторонних потребителей. Въ Вавилоніи и Ассиріи, съ ихъ сильно развитою промышленностью и обширною караванною торговлею, существовало хорошо разработанное гражданское право, съ которымъ въ древности можетъ быть сопоставлено одно лишь римское. Всѣ сдѣлки по дареніямъ, займамъ, отдачѣ на храненіе и подъ залогъ, по куплѣ и мѣнѣ, найму и арендѣ записывались въ особыя актовыя книги, при чемъ акты эти обязательно подписывались не только договаривающимися сторонами, но и свидѣтелями. Такихъ контрактовъ было записано десятки тысячъ. Въ этихъ надписяхъ, найденныхъ при новѣйшихъ раскопкахъ, дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о торговыхъ договорахъ, относящихся до рабовъ и рабынь, домовъ и недвижимостей съ принадлежащею къ нимъ землею, земельными угодіями и т. п. Въ другихъ документахъ говорится о закупкѣ всевозможнаго рода животныхъ, хлѣба, вина и продуктовъ земледѣлія. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются и долговыя обязательства, закладныя, квитанціи, договоры аренды и найма, равно какъ брачные, а также договоры о выдачѣ невольниковъ и посвященія ихъ храмовому служенію. Серію этихъ текстовъ заключаютъ договоры о платежѣ процентовъ, о поставкахъ и цѣлый рядъ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ [1]). Все это предполагаетъ сложный экономическій строй, который, конечно, не могъ состоять изъ хозяйствъ одного типа.

По поводу болѣе близкихъ эпохъ не подлежитъ сомнѣнію, что экономическая жизнь слагалась изъ хозяйствъ, связанныхъ различными формами отношеній между производствомъ и потребленіемъ.

Обзоръ историческихъ эпохъ, пережитыхъ человѣчествомъ съ древнѣйшихъ временъ, не даетъ повода характеризовать ихъ исключительнымъ господствомъ какого-либо изъ разсмотрѣнныхъ выше типовъ хозяйствъ. Напротивъ, есть полное основаніе утверждать, что отдѣльныя эпохи характеризуются болѣе или менѣе сложными комбинаціями разныхъ типовъ съ преобладаніемъ того или другого изъ нихъ; напр., гомеровская эпоха можетъ быть характеризуема въ экономическомъ отношеніи преобладаніемъ «ой-

[1]) Бецольдъ. Ассирія и Вавилонія.

коснаго» хозяйства, какъ господствующаго типа. Болѣе позднія эпохи средневѣковья даютъ комбинацію полузамкнутаго земледѣльческаго хозяйства съ хозяйствами ремесленнаго типа, работающими преимущественно на заказъ. Современный экономическій строй также опредѣляется извѣстной комбинаціей хозяйствъ разныхъ типовъ, и именно всѣхъ трехъ отмѣченныхъ выше. Характерная черта этой комбинаціи заключается въ преобладаніи хозяйствъ, работающихъ для сбыта. Это преобладаніе достигаетъ степени безпримѣрной, во всякомъ случаѣ, для періода европейской исторіи, открывающагося послѣ паденія Римской имперіи.

§ 8. Общественное раздѣленіе и соединеніе труда. Въ основаніи взаимоотношеній единичныхъ хозяйствъ, входящихъ въ составъ народнаго хозяйства, лежитъ не только органическая связь между производствомъ и потребленіемъ, но и явленіе извѣстное подъ названіемъ *общественнаго раздѣленія труда*. Если представить себѣ общество какъ цѣлое, основанное на совмѣстной работѣ людей для удовлетворенія ихъ потребностей, то при общественномъ раздѣленіи труда эта совмѣстная работа окажется распредѣленной между отдѣльными хозяйствами и группами ихъ. Единичныя хозяйства выполняютъ разныя работы, взаимно связанныя между собою тѣмъ, что ни одна изъ нихъ, взятая порознь безъ другихъ, не можетъ удовлетворить всѣ наличныя потребности человѣка. Одни хозяйства занимаются изготовленіемъ одежды, другія обуви, третьи мебели и т. п.

Картина общественнаго раздѣленія труда представляется въ видѣ раздѣленія работы, производимой въ обществѣ, на отдѣльные самостоятельные процессы, объединенные техническими признаками производства и родомъ употребляемаго ими сырья, а также производимыхъ предметовъ. Это раздѣленіе даетъ законченные ряды, изъ которыхъ каждый обнимаетъ всѣ техническія операціи, необходимыя для производства предметовъ потребленія извѣстнаго рода или вида. Каждый рядъ представляетъ какъ бы русло, по которому сырой матеріалъ проходитъ всѣ стадіи технической обработки до конечнаго момента, когда онъ получаетъ форму готоваго продукта; напр., хлопководство вмѣстѣ съ прядильно-ткацкими и отдѣлочными фабриками (полными ма-

нуфактурами) составляютъ законченный рядъ, первымъ звеномъ котораго является добываніе сырого матеріала (хлопка), а послѣднимъ изготовленіе окончательнаго продукта (отдѣланная ткань).

Если бы каждый родъ или видъ продуктовъ имѣлъ свое совершенно самостоятельное русло, то картина раздѣленія труда представлялась бы въ видѣ множества параллельныхъ рядовъ, разобщенныхъ между собою; но въ дѣйствительности одинъ и тотъ же сырой матеріалъ служитъ для производства различныхъ предметовъ; наприм., изъ желѣза изготовляются вещи домашняго обихода, оружіе, машины и проч.; изъ дерева—мебель, посуда, постройки и т. д. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ первоначальное русло развѣтвляется и питаетъ затѣмъ рядъ спеціальностей, представляющихъ его отвѣтвленія.

Ряды получаются въ видѣ какъ бы продольныхъ линій, раздѣляющихъ всю массу работы, совершаемой въ обществѣ. Но кромѣ того, ряды раздѣляются поперечными сѣченіями на отдѣльныя «производства», являющіяся только частями болѣе обширнаго производственнаго процесса, представляющаго одно внутренне-связанное цѣлое. Напр., производство тканей, составляющее по указаннымъ выше признакамъ одно цѣлое, или одинъ производственный рядъ, раздѣляется поперечными сѣченіями на спеціальныя производства: прядильное, ткацкое и красильно-отдѣлочное.

Въ основѣ общественнаго раздѣленія труда лежатъ, такимъ образомъ, два начала: раздѣленіе работы на болѣе или менѣе крупные отдѣлы или ряды и раздѣленіе этихъ рядовъ на части. Первое можно назвать *вертикальнымъ*, а второе *горизонтальнымъ* раздѣленіемъ труда. Общественное раздѣленіе труда въ цѣломъ представляетъ систему хозяйствъ, основанную на этихъ двухъ началахъ.

Система хозяйствъ, связанныхъ между собою раздѣленіемъ труда, представилась бы въ чистомъ видѣ, если бы отдѣльныя хозяйства занимались только одной спеціальностью. Но въ дѣйствительности на-ряду съ такими хозяйствами существуютъ и другія, занимающіяся нѣсколькими спеціальностями. Послѣднее явленіе вызывается двумя причинами: или неполнымъ развитіемъ раздѣленія труда въ примѣненіи къ нѣкоторымъ хозяйствамъ, или же сознательнымъ соединеніемъ въ одно хозяйственное цѣлое

нѣсколькихъ спеціальностей. Въ первомъ случаѣ процессъ спеціализаціи по тѣмъ или другимъ причинамъ встрѣтилъ задержку или вообще не успѣлъ еще достигнуть полнаго развитія; во второмъ случаѣ произошло планомѣрное соединеніе разныхъ спеціальностей въ хозяйственныя единства.

Примѣры неполнаго раздѣленія занятій представляютъ въ изобиліи ремесла разныхъ видовъ или многія отрасли торговли. Напр., въ небольшихъ городкахъ можно найти въ одной и той же лавкѣ самые разнообразные товары, составляющіе въ крупныхъ центрахъ предметы цѣлаго ряда самостоятельныхъ отраслей торговли. Деревенскій кузнецъ занимается не только ковкой лошадей и изготовленіемъ подковъ и гвоздей, но обыкновенно является еще экипажнымъ мастеромъ и очень часто изготовляетъ, кромѣ того, и нѣкоторыя земледѣльческія орудія, напр., бороны, лопаты и т. п. Въ городахъ эти работы составляютъ спеціальности разныхъ хозяйствъ.

Что касается намѣреннаго соединенія нѣсколькихъ спеціальностей въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, то это явленіе, вызываемое разными экономическими и техническими соображеніями, составляетъ антитезу раздѣленію занятій, хотя и возникаетъ на его почвѣ.

Такъ называемыя «полныя мануфактуры» (прядильно-ткацкія и отдѣлочныя фабрики) являются примѣромъ такого соединенія. Подъ эту же категорію подходятъ, напр., фабрики, представляющія комбинацію шерсто-прядильныхъ и шерсто-отдѣлочныхъ фабрикъ, существующихъ и какъ самостоятельныя отрасли. Это явленіе въ противоположность общественному раздѣленію труда называется *общественнымъ соединеніемъ труда*.

Процессъ общественнаго раздѣленія труда представляетъ по своему характеру экономическую *дифференціацію* соціальной среды: переходъ отъ единообразія къ разнообразію. Если бы въ каждомъ хозяйствѣ производились всѣ работы, требуемыя для удовлетворенія его потребностей, то отдѣльныя хозяйства были бы въ этомъ отношеніи похожи одно на другое, а въ цѣломъ, какъ совокупность хозяйствъ опредѣленнаго государства, страны или раіона, они представляли бы однообразную по своему составу массу. Общественное раздѣленіе труда приводитъ къ сосредоточенію разныхъ работъ въ разныхъ хозяйствахъ; вслѣдствіе чего отдѣльныя хозяйства становятся непохожими другъ на дру-

га, а совокупность, какъ цѣлое ихъ дифференцируется, т.-е. дѣлается разнообразной по своему составу.

Общественное раздѣленіе труда вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и внутреннюю сплоченность хозяйствъ. Если бы каждое изъ нихъ производило въ своей собственной средѣ все необходимое для него, то отдѣльныя хозяйства не нуждались бы другъ въ другѣ и экономически не были бы связаны между собою. Чѣмъ болѣе они различаются по производимой въ нихъ работѣ, чѣмъ односторонѣе занятіе отдѣльнаго хозяйства, тѣмъ менѣе каждое изъ нихъ въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ собственными силами, безъ содѣйствія другихъ, тѣмъ сильнѣе связанность между ними. Поэтому процессъ дифференціаціи, совершающійся въ формѣ общественнаго раздѣленія труда, раздѣляя хозяйства, вмѣстѣ съ тѣмъ и сплачиваетъ ихъ: дифференцированная масса становится единствомъ, покоющимся на внутренней связанности составляющихъ его элементовъ: она *интегрируется*.

Тотъ же процессъ дифференціаціи и интеграціи совершается и внутри единичныхъ хозяйствъ. И тамъ работа, производимая хозяйствомъ, раздѣляется на отдѣльныя операціи, поручаемыя разнымъ лицамъ. Происходитъ раздѣленіе труда. Составъ хозяйства становится разнороднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ внутренне сплоченнымъ, потому что отдѣльныя операціи, на которыя раздѣлена работа, находятся по отношенію другъ къ другу въ положеніи взаимной обусловленности. Каждая изъ нихъ имѣетъ значеніе только въ связи съ остальными.

Напр., въ переплетной мастерской работа по изготовленію переплета разбита на рядъ сравнительно простыхъ операцій: фальцованіе, сшивка, обрѣзка, наложеніе картона и пр. Работа можетъ быть организована двумя способами: въ одномъ случаѣ всѣ операціи по переплетенію книги производятся въ опредѣленной послѣдовательности каждымъ рабочимъ; въ другомъ—отдѣльные рабочіе производятъ разныя работы, и притомъ такъ, что каждый рабочій занимается только однимъ какимъ-нибудь дѣломъ: фальцеваніемъ, сшиваніемъ и т. п. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ книга должна пройти черезъ руки цѣлаго ряда рабочихъ, совмѣстнымъ трудомъ которыхъ и изготовляется переплетъ.

Раздѣленіе труда внутри единичныхъ хозяйствъ называется *тех-*

ническимъ въ отличіе отъ *общественнаго*, или *междухозяйственнаго*.

Если техническое раздѣленіе труда отсутствуетъ или не проводится до конца, то одному работнику приходится производить разныя работы. Напр., переплетчикъ, работающій при такихъ условіяхъ, и обрѣзаетъ книгу, и накладываетъ картонъ, и дѣлаетъ корешокъ. Такое соединеніе въ рукахъ одного человѣка разнородныхъ работъ Бюхеръ обозначаетъ терминомъ «соединеніе труда» [1]). Но въ отличіе отъ аналогичнаго явленія въ области спеціализаціи хозяйствъ я буду называть соединеніе труда, о которомъ говоритъ Бюхеръ,—«техническимъ». Существуютъ: 1. Общественное раздѣленіе труда и общественное соединеніе труда и II, техническое раздѣленіе труда и техническое соединеніе труда.

Общественное раздѣленіе и соединеніе труда, дополняемое техническимъ («дробнымъ», по Спенсеру), совершается въ рамкахъ народнаго хозяйства. Но тотъ же принципъ находитъ себѣ приложеніе и въ болѣе широкой сферѣ отношеній между отдѣльными народными хозяйствами. Естественныя, экономическія и иныя условія, въ которыхъ находятся народныя хозяйства разныхъ странъ, далеко не одинаковы. Поэтому существенно различается между собою и направленіе хозяйственной дѣятельности у разныхъ народовъ: однѣ страны занимаются главнымъ образомъ добычей сырья, другія же спеціализировались преимущественно на его обработкѣ. При этомъ разное сырье нерѣдко добывается въ разныхъ странахъ, и издѣлія разныхъ родовъ и видовъ часто составляютъ предметы промышленной дѣятельности разныхъ странъ.

Спенсеръ называетъ раздѣленіе труда, пріуроченное къ территоріальному началу, *топографическимъ*. Этотъ принципъ раздѣленія труда обнаруживается въ примѣненіи и къ отдѣльнымъ мѣстностямъ одной и той же страны. Историческими примѣрами топографическаго раздѣленія труда могутъ служить древняя Финикія, спеціализовавшаяся на морской торговлѣ и судостроеніи; или Венеція поздняго средневѣковья и начала новаго времени, сдѣлавшаяся крупнымъ торговымъ центромъ, благодаря благопріятнымъ условіямъ своего географическаго положенія.

[1]) Статья „Соединеніе труда и совмѣстный трудъ“ въ сборникѣ: К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Ред. В. Э. Дена. 1898.

Топографическое раздѣленіе труда въ примѣненіи къ разнымъ странамъ, представляющимъ въ экономическомъ отношеніи самостоятельныя народныя хозяйства, въ отличіе отъ общественнаго и техническаго, можно назвать *міровымъ* или *международнымъ*. И въ этомъ случаѣ раздѣленіе труда является процессомъ дифференціаціи и интеграціи. Общая совокупность народныхъ хозяйствъ становится вслѣдствіе раздѣленія труда разнородной по составу и органически сплоченной по связи между составляющими ее элементами. Раздѣленіе труда въ міровой сферѣ такъ же, какъ и въ другихъ сферахъ, гдѣ мы наблюдаемъ его, ведетъ къ возникновенію высшаго единства—*мірового хозяйства*.

Раздѣленіе труда, взятое въ цѣломъ, во всѣхъ его видахъ, составляетъ проявленіе общаго закона эволюціи, который всегда и всюду выражается въ переходѣ отъ несплоченнаго единообразія къ сплоченному многообразію: однородное (гомогенное) дифференцируется, а многообразіе интегрируется въ высшее единство. (Спенсеръ). Зиммель также видитъ содержаніе эволюціи въ томъ, что первоначальное соединеніе и непосредственное единство элементовъ разрушается для того, чтобы элементы, получивъ самостоятельность и отдѣлившись другъ отъ друга, объединились въ новый, высшій и болѣе широкій синтезъ.

Всеобъемлющее значеніе закона эволюціи даетъ основаніе Спенсеру разсматривать и раздѣленіе труда, какъ всеобщій законъ, получающій примѣненіе какъ въ области соціальной жизни, такъ и во внѣшней природѣ. Съ этой точки зрѣнія Спенсеръ различаетъ *соціальное* и *физіологическое* раздѣленіе труда, разсматривая то и другое, какъ единый процессъ. Такимъ процессомъ является производство, приготовленіе и потребленіе пищи; первыя двѣ стадіи подчиняются закону соціальнаго раздѣленія труда, а послѣдняя—физіологическаго: кости, мускулы, сердце, желудокъ и другіе органы человѣческаго тѣла исполняютъ свои спеціальныя функціи въ физіологической сферѣ такъ же, какъ земледѣлецъ и булочникъ въ соціальной.

Дѣйствительно, между соціальнымъ и физіологическимъ раздѣленіемъ труда существуетъ аналогія, но только формальнаго характера. Въ той и другой области совершается эволюція въ формѣ процесса дифференціаціи и интеграціи элементовъ эволюціонирующей массы, но факторы, обусловливающіе этотъ про-

цессъ, и въ зависимости отъ этого его теченіе, а также свойства достигаемыхъ имъ результатовъ въ томъ и другомъ случаѣ, различны. Раздѣленіе труда въ соціальной области составляетъ послѣдствіе дѣйствій человѣка, сознательно стремящагося къ опредѣленнымъ цѣлямъ; между тѣмъ, такъ называемое, раздѣленіе труда въ природѣ не можетъ быть разсматриваемо, какъ сознательный процессъ.

§ 9. Причины раздѣленія труда. Раздѣленіе труда, какъ явленіе соціальной эволюціи, обусловливается стремленіемъ человѣка къ наилучшему устройству своего матеріальнаго быта.

Въ области единичныхъ хозяйствъ это стремленіе выражается въ планомѣрной организаціи труда, вытекающей изъ желанія достигнуть при данномъ количествѣ силъ наиболѣе полнаго удовлетворенія потребностей. Съ этой точки зрѣнія Бюхеръ признаетъ причиной раздѣленія труда неограниченность человѣческихъ нуждъ и ограниченность средствъ къ ихъ удовлетворенію. Съ теченіемъ времени отношеніе между этими двумя величинами становится все болѣе и болѣе неблагопріятнымъ для человѣка: съ ростомъ населенія и развитіемъ потребностей приходится производить больше продуктовъ и притомъ разнообразныхъ видовъ и лучшаго качества, но при ухудшающихся условіяхъ. Это заставляетъ стремиться къ наиболѣе хозяйственной организаціи производства путемъ спеціализаціи труда, дающей возможность увеличить его производительность и лучше использовать дарованія отдѣльныхъ участниковъ производственнаго процесса.

Всякій производственный процессъ состоитъ изъ различныхъ трудовыхъ задачъ: ручного и головного труда, операцій, требующихъ большой физической силы и такихъ, которыя связаны съ гибкостью пальцевъ, тонкимъ развитіемъ чувствъ, остротой зрѣнія и т. д. Заставляя одного рабочаго исполнять всѣ работы, входящія въ составъ какого-либо производственнаго процесса, мы расточаемъ силы наиболѣе искусныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ раздѣленіе труда не что иное, какъ способъ приспособленія трудовыхъ задачъ къ разнообразію человѣческихъ силъ и послѣднихъ къ трудовымъ задачамъ.

Того же взгляда держится и Шмоллеръ. По его мнѣнію, раздѣленіе труда вытекаетъ изъ того, что человѣческая дѣятельность становится сложнѣе и разнообразнѣе; возникаютъ зада-

чи, для которыхъ не всякій оказывается способнымъ, которыя могутъ быть хорошо выполнены только тѣмъ, кто обладаетъ для этого особенными данными, физическими и духовными, кто получилъ соотвѣтственное обученіе, посвятилъ тому или другому дѣлу свою жизнь. Спенсеръ называетъ эту категорію причинъ раздѣленія труда физіо-психологическими.

Общественное раздѣленіе труда не является послѣдствіемъ планомѣрной организаціи народнаго хозяйства. Оно такъ же, какъ и техническое, вытекаетъ изъ стремленія отдѣльныхъ индивидуумовъ и группъ устроить наилучшимъ образомъ свой матеріальный бытъ, но форма, въ которой осуществляется это стремленіе въ народно-хозяйственной области, иная, чѣмъ въ частнохозяйственной. Факторомъ, обусловливающимъ возникновеніе общественнаго раздѣленія труда, является борьба за существованіе.

«Общество,—говоритъ французскій соціологъ Дюркеймъ—представляетъ реальность, которая столь же мало является нашимъ продуктомъ, какъ и внѣшній міръ, и которой поэтому мы должны подчиняться, чтобы имѣть возможность жить; по той причинѣ, что мѣняется общество, должны мѣняться и мы» [1]). Отправляясь отъ этого взгляда, Дюркеймъ доказываетъ, что раздѣленіе труда, какъ соціальное явленіе, не представляется произвольнымъ продуктомъ человѣческой воли, но составляетъ фактъ, возникающій помимо нашего желанія, какъ необходимое слѣдствіе опредѣленныхъ условій соціальной жизни. Этими факторами являются—ростъ населенія и усиливающееся вмѣстѣ съ его плотностью общеніе между индивидуумами, которое Дюркеймъ называетъ въ отличіе отъ матеріальнаго уплотненія населенія его «моральной плотностью». Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія послѣдней бываетъ обостреніе борьбы за существованіе, которое и приводитъ къ возникновенію и развитію общественнаго раздѣленія труда.

Раздѣленіе труда, по мнѣнію Дюркейма, только частное проявленіе закона *борьбы за существованіе*.

Дарвинъ показалъ, что борьба за существованіе тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе сходны борющіяся особи. Напротивъ, чѣмъ разнообразнѣе послѣднія, тѣмъ и поводовъ къ столкновеніямъ

---

[1]) E. Durkheim. De la division sociale du travail. 1893. (Есть русс. пер.)

между ними меньше. По наблюденію Дарвина, на небольшихъ пространствахъ, доступныхъ иммиграціи, и гдѣ слѣдовательно борьба за существованіе должна была бы быть особенно острой, всегда замѣчается очень большое разнообразіе видовъ. На площади луга въ 3—4 кв. фута, находившейся много лѣтъ въ одинаковыхъ условіяхъ, Дарвинъ нашелъ 20 видовъ растеній, принадлежавшихъ къ 18 семействамъ и 8 классамъ, что показываетъ, насколько эти растенія были отличны другъ отъ друга. Животныя, живущія на опредѣленной территоріи, также тѣмъ легче ведутъ борьбу за существованіе, чѣмъ болѣе они различаются между собою по своей структурѣ и привычкамъ. На дубѣ живетъ до 200 видовъ насѣкомыхъ, между которыми существуютъ отношенія добраго сосѣдства: одни питаются плодами дерева, другіе его листьями, третьи—корой и кореньями. Было бы совершенно невозможно, чтобы такое огромное число индивидуумовъ жило на одномъ деревѣ, если бы всѣ они принадлежали къ одному виду и питались, напр., только корой или листьями. По мнѣнію Дюркейма, люди подчиняются тому же закону.

Въ одномъ городѣ различныя профессіи могутъ существовать рядомъ, не причиняя другъ другу вреда, такъ какъ онѣ преслѣдуютъ разныя цѣли; военный ищетъ боевой славы, священнослужитель нравственнаго авторитета, государственный человѣкъ власти, промышленникъ богатства, ученый научной извѣстности; каждый изъ нихъ можетъ стремиться къ своей цѣли, не мѣшая другимъ. То же самое происходитъ и тогда, когда занятія менѣе отдалены одно отъ другого. Докторъ-окулистъ не является соперникомъ психіатру, сапожникъ не конкурируетъ съ шапочникомъ, каменщикъ съ рѣзчикомъ по дереву и т. д. Оказывая различныя услуги, они могутъ работать параллельно. Но чѣмъ ближе занятія между собою, чѣмъ больше между ними точекъ соприкосновенія, тѣмъ болѣе у нихъ и поводовъ для борьбы. Удовлетворяя разными средствами одинаковыя потребности, они неизбѣжно врываются въ области другъ друга. То же самое происходитъ не только въ каждомъ городѣ, но и на всей территоріи страны. Одинаковыя профессіи, расположенныя на различныхъ пунктахъ этой территоріи, тѣмъ сильнѣе конкурируютъ между собою, чѣмъ болѣе онѣ сходны, если только затруднительность сношеній и сообщеній не ограничиваетъ круга ихъ

дѣйствій. Установивши эти положенія, нетрудно понять, что всякая конденсація соціальной массы, въ особенности если она сопровождается ростомъ населенія, необходимо приводитъ къ развитію раздѣленія труда. Борьба за существованіе выдвигаетъ впередъ наиболѣе сильныхъ и способныхъ, а слабые берутся за менѣе выгодныя занятія. Затѣмъ между равносильными происходитъ дифференціація вслѣдствіе стремленія найти новые, еще не захваченные источники существованія.

Дюркеймъ поясняетъ свою мысль примѣромъ. Представимъ себѣ, что вслѣдствіе развитія путей сообщенія къ данной области сбыта издѣлій промышленности присоединяется новая область, представляющая новый рынокъ. Предпріятія, обладающія средствами для дальнѣйшаго развитія, устремляются во вновь открывшуюся сферу. Если они встрѣчаютъ тамъ уже существовавшія раньше производства, могущія отстоять свои позиціи, то послѣ нѣкоторой борьбы между ними устанавливается равновѣсіе, съ тѣми или другими взаимными ограниченіями; если же мѣстныя предпріятія въ новой области слабы, то имъ придется уступить пришельцамъ и совершенно прекратиться или преобразоваться. Въ послѣднемъ случаѣ они обратятъ силы на поиски новаго дѣла, менѣе выгоднаго чѣмъ прежнее, и поэтому не составляющаго предмета столь же обостреннаго соперничества. Такимъ путемъ возникнутъ новыя спеціальности.

Раздѣленіе занятій, замѣчаетъ Дюркеймъ, ограничено, съ одной стороны, объемомъ потребностей, подлежащихъ удовлетворенію, съ другой—размѣрами средствъ, пригодныхъ для этой цѣли. Имѣя это въ виду, можно свести теорію Дюркейма къ тому, что при данномъ размѣрѣ потребностей и средствъ для ихъ удовлетворенія общественное раздѣленіе труда достигаетъ тѣмъ большаго развитія, чѣмъ обостреннѣе борьба за существованіе, т.-е. чѣмъ выше матеріальная и моральная плотность населенія.

§ 10. Движеніе хозяйственныхъ благъ. Раздѣленіе труда неизбѣжно вызываетъ движеніе хозяйственныхъ благъ. Техническое раздѣленіе труда сопровождается переходомъ матеріала, подвергающагося обработкѣ, отъ одного работника къ другому. Если работа раздѣлена такъ, что отдѣльныя части ея выполняются одновременно, то изготовленныя части, въ конечномъ счетѣ, пе-

реходятъ въ руки тѣхъ, которые соединяютъ ихъ въ одно цѣлое. При послѣдовательномъ выполненіи техническихъ операцій, матеріалъ поступаетъ отъ однихъ спеціалистовъ къ другимъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ формы готоваго продукта.

Общественное раздѣленіе труда также обусловливаетъ переходъ матеріи изъ одного хозяйства въ другое, если производственный процессъ, объектомъ котораго служитъ матерія, раздѣленъ между самостоятельными хозяйствами. Напр., хлопокъ, полученный на хлопковой плантаціи, поступаетъ на прядильную фабрику, оттуда на ткацкую и, наконецъ, на отдѣлочную, гдѣ и получаетъ форму готоваго продукта. Предметы, предназначенные не для потребленія, а для дальнѣйшаго производства въ качествѣ инструментовъ, машинъ и т. п., также переходятъ изъ однихъ хозяйствъ въ другія: изъ тѣхъ, гдѣ они изготовляются, они поступаютъ въ тѣ, гдѣ они должны служить орудіями производственнаго процесса.

Такимъ образомъ общественное раздѣленіе труда вызываетъ междухозяйственное движеніе хозяйственныхъ благъ.

Наконецъ, раздѣленіе хозяйствъ на производственныя и потребительныя дѣлаетъ необходимымъ переходъ хозяйственныхъ благъ изъ тѣхъ хозяйствъ, гдѣ производятся предметы потребленія, въ тѣ хозяйства, гдѣ они потребляются. Если представить себѣ всѣ производственныя хозяйства, какъ одну обширную область народнаго хозяйства, а хозяйства потребительныя, какъ другую, то разсматриваемый здѣсь видъ движенія хозяйственныхъ благъ получитъ форму перехода ихъ изъ области производства въ область потребленія.

Международное раздѣленіе труда приводитъ въ движеніе хозяйственныя блага въ области мірового хозяйства. Матерія въ сыромъ и полуобработанномъ видѣ переходитъ изъ одного народнаго хозяйства въ другое въ цѣляхъ дальнѣйшей обработки, а готовыя издѣлія—для потребленія.

Итакъ, раздѣленіе труда во всѣхъ своихъ видахъ вызываетъ движеніе хозяйственныхъ благъ. Причины этого движенія заключаются во внутренней связи, объединяющей, съ одной стороны, спеціальныя работы внутри единичныхъ хозяйствъ и спеціализованныя единичныя хозяйства въ области народнаго и мірового хозяйствъ, а съ другой—хозяйства производственнаго и потре-

бительнаго типа. Связь перваго рода основана на техническомъ единствѣ производственнаго процесса, связь второго рода—на органическомъ единствѣ производства и потребленія.

Связь между прядильной и ткацкой фабрикой вытекаетъ изъ факта техническаго порядка: необходимости подвергнуть пряжу дальнѣйшимъ техническимъ операціямъ для того, чтобы получился продуктъ, способный удовлетворять потребностямъ человѣка. Процессы пряденія и ткачества составляютъ только части единаго техническаго процесса. Ихъ взаимная связь покоится на единствѣ послѣдняго. Связь между прядильными и ткацкими фабриками съ потребительными хозяйствами основана на другомъ началѣ. Она вытекаетъ изъ того, что производство предназначено служить потребленію и только отъ него получаетъ свое значеніе и смыслъ.

Движеніе хозяйственныхъ благъ при раздѣленіи труда составляетъ жизненный процессъ хозяйства во всѣхъ его видахъ. Оно дѣлаетъ возможнымъ приспособленіе внѣшней природы къ потребностямъ человѣка и удовлетвореніе этихъ потребностей съ помощью изготовляемыхъ человѣкомъ продуктовъ.

§ 11. Обмѣнъ. Движеніе хозяйственныхъ благъ можетъ происходить въ формѣ *безмезднаго* или *возмезднаго* перехода ихъ отъ индивидуума къ индивидууму въ предѣлахъ единичныхъ хозяйствъ, отъ хозяйства къ хозяйству въ предѣлахъ народнаго хозяйства и отъ одного народнаго хозяйства къ другому въ предѣлахъ мірового хозяйства.

Безмездный переходъ имѣетъ мѣсто тогда, когда движеніе блага не сопровождается движеніемъ его эквивалента въ обратномъ направленіи. Напр., при дареніи происходитъ такой односторонній переходъ блага отъ одного лица или хозяйства къ другому.

Безмездный переходъ имущества составляетъ распространенную форму движенія хозяйственныхъ благъ въ первобытныхъ обществахъ. Въ эпохи господства грубой силы онъ осуществляется черезъ грабежъ, представляющій первоначальный способъ хозяйственнаго общенія между племенами и общинами, не связанными между собою ни узами родства, ни единой властью. Воровство принадлежитъ къ той же категоріи явленій. Со смягченіемъ нравовъ измѣняются и формы безмезднаго перехода имущества. Столь широко распространенные въ первобытныхъ обществахъ обычаи

гостепріимства, «помочи» и взаимнаго даренія являются на извѣстныхъ ступеняхъ развитія человѣчества главными факторами передвиженія благъ изъ однихъ хозяйствъ въ другія [1]).

Возможно мыслить хозяйственный строй, въ которомъ движеніе всѣхъ благъ совершалось бы въ формѣ безмезднаго перехода ихъ. Представимъ себѣ соціалистическую общину, руководимую общественнымъ органомъ, осуществляющимъ предначертанный самой общиною планъ. Цѣль хозяйственной дѣятельности членовъ общины—производить хозяйственныя блага въ количествѣ, требуемомъ для удовлетворенія потребностей всего населенія; способъ для достиженія этой цѣли—производство благъ въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицахъ разныхъ спеціальностей, передающихъ продукты въ общій складъ, откуда они распредѣляются между потребителями соотвѣтственно ихъ потребностямъ. При такомъ порядкѣ блага должны были бы переходить изъ однихъ производственныхъ хозяйствъ въ другія, согласно условіямъ техническаго процесса, и, наконецъ, изъ области производства они поступали бы въ область потребленія; но эти переходы были бы безмездными: хозяйство, передающее свой продуктъ въ другую хозяйственную единицу для дальнѣйшей переработки, не получало бы взамѣнъ переданнаго имъ блага его эквивалента. Члены этого хозяйства получали бы свою долю изъ потребительнаго запаса общества, въ качествѣ потребителей, но по расчету, основанному на ихъ потребностяхъ, а не въ качествѣ эквивалента произведенныхъ ими предметовъ.

Однимъ изъ историческихъ примѣровъ устройства хозяйственной жизни съ безмезднымъ переходомъ хозяйственныхъ благъ могутъ служить общины «перекрещенцевъ». Большинство членовъ 70 общинъ, возникшихъ въ Моравіи около середины XVI в. и насчитывавшихъ каждая отъ 400 до 1000 членовъ, работало непосредственно на общину; а то, что оказывалось излишнимъ для удовлетворенія потребностей общины, продавалось ею на сторону. Всѣ производства были организованы такъ, что они работали другъ для друга на основаніи ордеровъ центральнаго управленія. Фабрики получали сырье отъ его производителей для

---

[1]) Много фактовъ, иллюстрирующихъ сказанное, приведено у Н. И. Зибера: Очерки первобытной культуры. 1883.

дальнѣйшей обработки. Напр., мясники обязаны были передавать шкуры дубильщикамъ, которые затѣмъ отдавали кожи сапожникамъ, шорникамъ и т. д. Если же какой-нибудь матеріалъ не производился въ общинѣ, то особо назначенное для этого лицо покупало его на сторонѣ и распредѣляло между соотвѣтственными производствами. Предметы потребленія распредѣлялись между членами общины по потребностямъ. Это устройство продержалось три поколѣнія [1]).

Безмездный переходъ хозяйственныхъ благъ совершается въ предѣлахъ единичныхъ хозяйствъ при раздѣленіи въ нихъ труда. Въ переплетной мастерской книга переходитъ отъ одного рабочаго къ другому безъ передвиженія въ обратномъ направленіи ея эквивалента.

Другую форму движенія хозяйственныхъ благъ составляетъ *возмездный* переходъ ихъ. Признакомъ его служитъ то, что движеніе блага сопровождается движеніемъ его эквивалента въ обратномъ направленіи. Напр., хлопокъ поступаетъ съ хлопковой плантаціи на прядильную фабрику, а его эквивалентъ, въ видѣ покупной платы за него, переходитъ отъ фабриканта къ плантатору.

Виды возмезднаго перехода хозяйственныхъ благъ различаются по роду эквивалентовъ, передвигающихся въ зависимости отъ этого перехода. Такими эквивалентами могутъ быть матеріальные и нематеріальные предметы, услуги и т. д. Любовь, пріобрѣтаемая съ помощью подарковъ, составляетъ эквивалентъ послѣднихъ совершенно такъ же, какъ плата за купленный хлопокъ представляетъ его эквивалентъ. Если эквивалентомъ передвигающагося хозяйственнаго блага является тоже хозяйственное благо, то такой видъ возмезднаго перехода благъ носитъ названіе *обмѣна*, а самый актъ, при помощи котораго совершается переходъ, называется *мѣновою сдѣлкою*.

Раздѣленіе труда само по себѣ еще не вызываетъ обмѣна. Имъ обусловливается только движеніе хозяйственныхъ благъ, но не предрѣшается его форма. При раздѣленіи труда хозяйственныя блага переходятъ изъ рукъ въ руки къ разнымъ спеціалистамъ въ предѣлахъ единичныхъ хозяйствъ, потому что этого

---

[1]) См. ст. Адлера „Sozialismus und Kommunismus“ въ HWB.

требуетъ единство техническаго процесса, но этотъ переходъ не совершается въ формѣ обмѣна.

Бюхеръ показалъ что хозяйственныя блага при извѣстныхъ условіяхъ могутъ переходить изъ одного хозяйства въ другое безъ того, чтобы при этомъ совершался обмѣнъ [1]). Примѣрами подобнаго рода являются случаи обработки сырого матеріала по заказу собственника послѣдняго. Напр., ленъ добывается въ крестьянскомъ хозяйствѣ, здѣсь же его сушатъ, мнутъ и прядутъ; но затѣмъ пряжа сдается ткачу за особую плату для выдѣлки изъ нея ткани; а ткань передается спеціалисту-красильщику для окраски. Швея или портной приглашаются въ домъ для производства платья. Зерно получается въ крестьянскомъ хозяйствѣ, но перемалывается мельникомъ и т. д.

Отличительнымъ признакомъ подобной организаціи работы, служитъ то, что спеціализація занятій, основанная на раздѣленіи труда, вызывая движеніе хозяйственныхъ благъ, не вызываетъ обмѣна. Пряжа, подвергающаяся переработкѣ въ ткань въ предѣлахъ одного хозяйства, не мѣняетъ собственника. Пряжа, поступающая изъ хозяйства крестьянина къ ткачу для переработки ея въ ткань и затѣмъ возвращающаяся въ видѣ новаго продукта къ тому же крестьянину, также не мѣняетъ собственника. Движеніе пряжи въ обоихъ случаяхъ не происходитъ въ формѣ обмѣна.

Существованіе обмѣна предполагаетъ не только наличность раздѣленія труда, но и нахожденіе хозяйственныхъ благъ въ обладаніи разныхъ собственниковъ. Поэтому нельзя представить себѣ коммунистическую общину, основанную на обмѣнѣ, хотя при раздѣленіи труда движеніе хозяйственныхъ благъ имѣло бы мѣсто и въ такой общинѣ. Немыслимъ также обмѣнъ и въ условіяхъ патріархальной общины-семьи, потому что всѣ принадлежащія ей хозяйственныя блага считаются собственностью коллектива или главы семьи. Наконецъ, не имѣетъ мѣста обмѣнъ и въ предѣлахъ единичныхъ хозяйствъ, потому что находящіяся въ ихъ обладаніи хозяйственныя блага составляютъ собственность физическаго или юридическаго лица, являющагося хозяиномъ. Областью обмѣна служитъ область народно-хозяйственна-

[1]) Происхожденіе народнаго хозяйства.

го или мірового раздѣленія труда, когда хозяйственныя блага находятся въ обладаніи разныхъ собственниковъ.

Если блага обмѣниваются непосредственно другъ на друга, то такой обмѣнъ называется *натуральнымъ*. Отличительнымъ признакомъ этой формы обмѣна служитъ то, что мѣновой актъ совершается при участіи двухъ благъ безъ посредства какого-либо третьяго предмета. Сукно обмѣнивается непосредственно на полотно; желѣзо—на мѣдь и т. п.

Другую форму обмѣна составляютъ мѣновые акты, въ которыхъ участвуетъ какой-либо третій предметъ, *обычно* выступающій въ такой посредствующей роли. Между обмѣниваемыми благами появляется въ такихъ случаяхъ звено, при наличности котораго мѣновой актъ изъ двухчленнаго становится трехчленнымъ. Хозяйственное благо сначала обмѣнивается на предметъ, являющійся подобнымъ звеномъ, а этотъ предметъ уже поступаетъ въ обмѣнъ на то благо, пріобрѣтеніе котораго и составляетъ конечную цѣль предпринятаго мѣнового акта. Вмѣсто того, чтобы благо *А* непосредственно обмѣнять на благо *Б*, сначала обмѣниваютъ *А* на *Д*, а послѣднее уже на *Б*.

Предметы, *обычно* исполняющіе функціи посредствующаго звена въ мѣновыхъ сдѣлкахъ, называются *деньгами*. А мѣновой актъ, совершаемый съ помощью денегъ, получаетъ форму *купли-продажи*.

Распаденіе мѣнового акта на двѣ части вслѣдствіе участія въ немъ денегъ открываетъ возможность раздѣленія во времени продажи и купли. Можно продать товаръ, но не производить немедленно покупки на вырученныя деньги. Въ этомъ заключается одно изъ важныхъ практическихъ преимуществъ купли-продажи передъ натуральной мѣной. Она дѣлаетъ возможнымъ накопленіе покупательной силы, могущей быть использованной въ наиболѣе подходящій моментъ и въ наиболѣе подходящемъ мѣстѣ; между тѣмъ при натуральной мѣнѣ продажа и покупка неизбѣжно совпадаютъ во времени.

Тѣмъ не менѣе, хотя замѣна натуральнаго обмѣна денежнымъ и представляетъ важный шагъ впередъ въ облегченіи мѣнового оборота, денежная форма сама по себѣ все же не устраняетъ еще всѣхъ задержекъ, съ которыми можетъ встрѣтиться обмѣнъ. Если бы совершеніе каждаго изъ тѣхъ актовъ, на которые распа-

дается мѣна въ денежной формѣ, требовало, чтобы эквивалентъ товара въ формѣ денегъ передвинулся на мѣсто товара одновременно съ движеніемъ послѣдняго, то осуществленіе купли-продажи обусловливалось бы наличностью въ опредѣленный моментъ времени товара и денегъ, имѣющихъ быть обмѣненными другъ на друга.

Между тѣмъ это условіе не всегда имѣется налицо: сплошь и рядомъ бываетъ, что товаръ готовъ и можетъ служить предметомъ купли-продажи, но деньги, необходимыя для совершенія сдѣлки, появятся только черезъ нѣкоторый промежутокъ времени. Напр., у фабриканта, закупающаго сырье, деньги окажутся только послѣ продажи партіи готоваго товара, между тѣмъ сырой матеріалъ необходимо купить немедленно для того, чтобы производство не испытало задержки. Покупка сырого матеріала при такихъ условіяхъ можетъ совершиться только въ томъ случаѣ, если фабрикантъ достанетъ на сторонѣ деньги, требуемыя для совершенія покупки, или если онъ будетъ имѣть возможность купить требуемое сырье съ тѣмъ, что деньги за него будутъ уплачены имъ черезъ нѣкоторое время. Если сдѣлка состоялась потому, что фабрикантъ досталъ денегъ, то это значитъ, что за кулисами совершившейся покупки сырья произошла другая сдѣлка, сдѣлавшая покупку практически возможной. Признакомъ этой «закулисной» сдѣлки служитъ то, что извѣстная сумма денегъ, т.-е. нѣкоторая цѣнность, перешла къ фабриканту отъ лица, ссудившаго его деньгами, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время эквивалентъ ссуды (считая и плату за пользованіе ссуженными деньгами въ видѣ $^0/_0{}^0/_0$) вернулся къ ссудодателю.

Если бы сдѣлка совершилась на второмъ изъ вышеуказанныхъ условій, то передвиженіе сырья изъ хозяйства продавца въ хозяйство покупателя оказалось бы отдѣленнымъ во времени отъ передвиженія въ обратномъ направленіи эквивалента проданнаго товара (денегъ).

При той и другой изъ разсмотрѣнныхъ комбинацій мы имѣемъ передъ собою сдѣлки, отличающіяся отъ обычныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ особымъ признакомъ: движеніе опредѣленной цѣнности въ видѣ хозяйственнаго блага, или денегъ, отдѣлено отъ передвиженія ея эквивалента нѣкоторымъ промежуткомъ времени.

Такого рода сдѣлки называются *кредитными*.

Значеніе кредитныхъ сдѣлокъ въ обмѣнѣ заключается въ томъ, что онѣ облегчаютъ и ускоряютъ движеніе хозяйственныхъ благъ.

Такимъ образомъ, обмѣнъ бываетъ *натуральный*, *денежный* и *кредитный*.

Совокупность мѣновыхъ сдѣлокъ, происходящихъ въ народномъ хозяйствѣ, составляетъ *мѣновой оборотъ*. Въ этомъ смыслѣ понимается этотъ терминъ, когда говорятъ объ оживленности или напротивъ, вялости мѣнового оборота; о его размѣрахъ, ростѣ или сокращеніи его объема.

Отношенія между хозяйствами не исчерпываются обмѣномъ. Хозяйства не только обмѣниваются хозяйственными благами, но также вступаютъ между собою въ обязательства, которыя имъ приходится погашать передачей хозяйственныхъ цѣнностей въ уплату за исполняемое дѣйствіе или оказанную услугу. Договоръ, по которому одно лицо обязывается выполнить въ интересахъ другого лица опредѣленную работу за извѣстное вознагражденіе, представляетъ одинъ изъ видовъ подобныхъ обязательствъ. Здѣсь нѣтъ обмѣна, потому что стороны не передаютъ другъ другу предметовъ, которыми они обмѣнивались бы. Одна изъ сторонъ передаетъ другой сторонѣ предметъ, но не въ обмѣнъ на другой предметъ, а въ уплату за исполненную работу.

Въ такихъ случаяхъ движеніе хозяйственнаго блага является одностороннимъ, и самое благо выступаетъ не въ качествѣ мѣнового эквивалента, а въ качествѣ средства расплаты по обязательству.

Существуютъ и другіе виды односторонняго движенія хозяйственныхъ благъ. Когда послѣднія переходятъ въ другія хозяйства или имущества на основаніи даренія или наслѣдованія, мѣновой сдѣлки не происходитъ.

Совокупность всѣхъ передвиженій хозяйственныхъ благъ, какъ мѣновыхъ, такъ и иного рода, въ области междухозяйственныхъ отношеній составляетъ *междухозяйственный (гражданскій) оборотъ*. Это понятіе шире *мѣнового* оборота.

ГЛАВА IV.

Единичное хозяйство.

§ 12. Мѣновыя и натурально-мѣновыя хозяйства. Въ составъ народнаго хозяйства входитъ болѣе или менѣе значительная совокупность единичныхъ хозяйствъ, занимающихся производствомъ и находящихся въ мѣновыхъ отношеніяхъ между собою. Каждое изъ нихъ составляетъ одно изъ звеньевъ въ системѣ общественнаго раздѣленія труда. Ихъ объединяетъ обмѣнъ, безъ посредства котораго они не могли бы поддерживать сношеній съ другими хозяйствами и поэтому не въ состояніи были бы существовать. Хозяйства этого рода неразрывно связаны съ обмѣномъ и поэтому ихъ можно назвать *мѣновыми*.

Степень связи хозяйства съ обмѣномъ бываетъ различна. Даже при условіи широкаго развитія общественнаго раздѣленія труда и денежно-кредитныхъ отношеній существуютъ хозяйства, связанныя съ обмѣномъ только отчасти. Это хозяйства, которыя производятъ часть продуктовъ для собственнаго потребленія и въ извѣстныхъ предѣлахъ являются самодовлѣющими, или натуральными. Подобныя хозяйства встрѣчаются преимущественно въ земледѣліи, гдѣ добываются предметы первой необходимости и сырье, легко поддающееся переработкѣ въ предметы потребленія. Мелкія земледѣльческія хозяйства крестьянскаго типа всегда бываютъ до нѣкоторой степени натуральными. Хозяйства этого рода можно назвать *натурально-мѣновыми*.

Народное хозяйство, основанное на обмѣнѣ, охватываетъ совокушность мѣновыхъ и натурально-мѣновыхъ хозяйствъ, находящихся въ болѣе или менѣе дѣятельномъ взаимодѣйствіи между собою. Мы условимся называть въ дальнѣйшемъ такія хозяйства «единичными» и для краткости будемъ также называть ихъ просто «хозяйствами».

§ 13. Публичныя и частныя хозяйства. Во главѣ единичныхъ хозяйствъ могутъ быть: частныя лица, дѣйствующія въ частнохозяйственномъ интересѣ; общественныя учрежденія, дѣйствующія въ общественномъ интересѣ и государство, дѣйствующее въ государственномъ интересѣ. Соотвѣтственно съ этимъ различаются и хозяйства: частныя, общественныя и государственныя.

Подъ «государственнымъ хозяйствомъ» разумѣютъ организацію государственныхъ финансовъ, т.-е. установленіе равновѣсія между государственными средствами и потребностями. Здѣсь же мы говоримъ не о государственномъ хозяйствѣ, а о *государственныхъ хозяйствахъ*. Подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ единичныя хозяйства, субъектомъ которыхъ является государство. Таковы, напр., казенные ружейные, пушечные, пороховые и иные заводы, казенныя желѣзныя дороги и т. п.

Подъ общественными хозяйствами мы разумѣемъ единичныя хозяйства, субъектами которыхъ являются общественныя учрежденія: земства, города, церковь, благотворительныя и иныя общества и т. п. Таковы, напр., городскіе трамваи, земскіе склады земледѣльческихъ орудій, епархіальные свѣчные заводы и т. п.

Государственныя и общественныя хозяйства въ отличіе отъ частныхъ мы будемъ называть *публичными*.

Публичныя хозяйства отличаются отъ частныхъ стоящими во главѣ ихъ субъектами и связаннымъ съ этимъ обстоятельствомъ отличіемъ ихъ задачъ въ смыслѣ служенія публичному, а не частному интересу. Что же касается экономической природы совершающейся въ нихъ дѣятельности, то въ этомъ отношеніи публичныя хозяйства представляютъ полную аналогію съ частными. Тѣ и другія дѣйствуютъ на основаніи экономическаго принципа.

§ 14. Предѣлы примѣненія началъ публичнаго и частнаго хозяйства. Въ народномъ хозяйствѣ индивидуалистическаго типа частныя хозяйства имѣютъ преобладающее значеніе. Они составляютъ правило, а публичныя хозяйства—исключеніе. Послѣднія находятъ свое естественное примѣненіе, съ точки зрѣнія индивидуалистическаго принципа, только въ тѣхъ случаяхъ, когда недопустимость или неудовлетворительность частнаго хозяйства можетъ быть обоснована съ точки зрѣнія публичнаго интереса, или когда частный интересъ является недостаточнымъ побужденіемъ для возникновенія хозяйствъ, необходимыхъ обществу или государству.

Публичныя хозяйства являются коррективами, или дополненіями къ частно-хозяйственной системѣ, составляющей основу народнаго хозяйства индивидуалистическаго типа. Индивидуалистическій принципъ требуетъ, чтобы предѣлы примѣненія частныхъ

и публичныхъ хозяйствъ опредѣлялись презумпціей въ пользу первыхъ.

Тѣмъ не менѣе случаи, когда публичныя хозяйства оказываются предпочтительнѣе, чѣмъ частныя, и въ индивидуалистическомъ народномъ хозяйствѣ немалочисленны.

Существуютъ хозяйственныя задачи, въ правильномъ и своевременномъ разрѣшеніи которыхъ слишкомъ заинтересованы государство и общество, чтобы предоставить ихъ рѣшеніе случайностямъ соперничества и другихъ видовъ экономической борьбы. Это такія дѣла, которыя должны вестись исключительно въ публичномъ, а не въ частномъ интересѣ. Поэтому всего цѣлесообразнѣе, чтобы за ихъ веденіе брались государство и общественныя учрежденія, а не частныя лица. Къ категоріи такихъ дѣлъ относятся: чеканка монетъ, почта, телеграфъ, телефонъ. Многіе причисляютъ къ нимъ и желѣзныя дороги, по крайней мѣрѣ главныя вѣтви ихъ, имѣющія особенно важное государственное и общественное значеніе. Сюда же часто относятъ и изготовленіе предметовъ обороны государства.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе публичныхъ хозяйствъ обусловливается спеціальными цѣлями, которыя связываетъ съ ними государство и которыя не могутъ быть достигнуты съ помощью частнохозяйственнаго интереса. Напр., устройство торговли виномъ или его производства на началахъ публично-хозяйственной организаціи (винная монополія) обычно мотивируется стремленіемъ государства урегулировать потребленіе вина въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ. Однимъ изъ соображеній въ пользу государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства приводится то, что условія желѣзнодорожнаго труда могутъ быть упорядочены только при условіи принадлежности желѣзныхъ дорогъ государству.

Доводомъ въ пользу публичнаго хозяйства служитъ нерѣдко и то, что удовлетвореніе важной общественной потребности можетъ быть достигнуто дешевле при публично-хозяйственной организаціи дѣла, чѣмъ при частно-хозяйственной. На эту точку зрѣнія особенно часто становятся мѣстныя общественныя управленія (городскія и др.), берущія на себя снабженіе жителей электрической энергіей, водой, газомъ, телефонами, трамваями и т. п. (такъ наз. муниципальныя предпріятія). Часто государство и мѣстныя управленія склоняются въ пользу публично-хозяйственной формы по

финансовымъ соображеніямъ—въ цѣляхъ увеличенія своихъ доходовъ.

Наконецъ, публичныя хозяйства организуются для достиженія такихъ хозяйственныхъ цѣлей, которыя, при несомнѣнной общеполезности, представляются малоприбыльными и поэтому не привлекаютъ къ себѣ вниманія частной предпріимчивости. Таково, напр., проведеніе желѣзныхъ дорогъ, которыя только черезъ извѣстный, иногда значительный промежутокъ времени могутъ сдѣлаться доходными, но безъ сооруженія которыхъ страна или опредѣленный районъ не могли бы экономически подняться.

Изложенныя соображенія въ защиту публичнаго хозяйства пріобрѣли особенный вѣсъ въ связи съ движеніемъ противъ экономическаго либерализма и въ пользу государственнаго вмѣшательства. Однимъ изъ требованій государственнаго соціализма является «огосударствленіе» и «муниципализація» предпріятій, представляющихъ, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, значительный публичный интересъ. Это теченіе получило широкое примѣненіе на практикѣ, въ особенности въ области желѣзнодорожнаго дѣла.

Въ индивидуалистическомъ народномъ хозяйствѣ, основанномъ на производствѣ для рынка, распространеніе публичнаго хозяйства встрѣчаетъ препятствіе въ самомъ характерѣ производства для сбыта. Хозяйственная дѣятельность этого рода требуетъ отъ руководителя хозяйства такой гибкости, которой не могутъ обладать органы государственнаго и общественнаго управленія. Предвидѣть и использовать колебанія рыночныхъ цѣнъ, быстро улавливать перемѣнчивое настроеніе рынка, совоевременно распознавать направленіе спроса—все это не подходитъ къ свойствамъ учрежденій, дѣятельность которыхъ регулируется тяжеловѣснымъ аппаратомъ государственнаго и общественнаго управленія и поэтому по необходимости болѣе или менѣе шаблонна. Эта область по самому существу дѣла принадлежитъ частному хозяйству и частной иниціативѣ.

§ 15. Виды единичныхъ хозяйствъ. Единичныя хозяйства ставятъ себѣ различныя задачи, но всѣ онѣ, несмотря на ихъ разнообразіе, могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ. Одни хозяйства имѣютъ цѣлью организацію цѣлесообразнаго использованія хозяйственныхъ благъ для непосредственнаго удовлетворе-

нія потребностей. Это хозяйства *потребительныя* или, какъ ихъ принято называть, *домашнія*. Они имѣютъ дѣло съ поступающими въ распоряженіе ихъ субъектовъ средствами и стремятся использовать ихъ согласно экономическому принципу, который въ примѣненіи къ потребленію выражается въ стремленіи достигнуть возможно полнаго удовлетворенія потребностей съ помощью даннаго количества хозяйственныхъ благъ или же удовлетворить данную потребность съ помощью возможно меньшаго количества благъ.

Хозяйства другого типа представляютъ организаціи, направленныя на пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ. За отсутствіемъ другого болѣе подходящаго термина такія хозяйства можно назвать *пріобрѣтательскими* (нѣм. Erwerbswirthschaft). При этомъ подъ пріобрѣтеніемъ приходится разумѣть всѣ возможные способы полученія хозяйственныхъ благъ: какъ производство, такъ и полученіе ихъ въ готовомъ видѣ въ вознагражденіе за выполненіе какихъ либо хозяйственныхъ функцій. Подъ понятіе пріобрѣтенія подводится также и работа для себя. Человѣкъ, добывающій собственнымъ трудомъ предметы, необходимые ему для удовлетворенія своихъ потребностей, занимается пріобрѣтеніемъ хозяйственныхъ благъ такъ же, какъ и тотъ, кто производитъ товары для продажи и на вырученныя деньги покупаетъ то, что ему необходимо.

Потребительное и пріобрѣтательское хозяйства какъ бы сливаются иногда въ одну хозяйственную единицу, но это не мѣшаетъ различать ихъ какъ самостоятельные элементы одного цѣлаго. Если одни члены семьи добываютъ средства къ существованію, обработывая землю, переработывая собственнымъ трудомъ сырые продукты и заработывая деньги на сторонѣ, а другіе завѣдуютъ домашнимъ хозяйствомъ, то въ такомъ случаѣ соединяются хозяйства двухъ типовъ: потребительное и пріобрѣтательское.

§ 16. Элементы хозяйства. Элементами хозяйства являются объекты и средства хозяйственной дѣятельности, организованной въ устойчивое единство. Они раздѣляются на два разряда: личные и матеріальные. Для того, чтобы существовало хозяйство, необходимы: дѣятельность человѣка и наличность соотвѣтствующихъ цѣли хозяйства матеріальныхъ предметовъ, или хозяйственныхъ благъ.

Личный элементъ хозяйства состоитъ въ дѣятельности людей, несущихъ на себѣ тѣ хозяйственныя функціи, безъ выполненія которыхъ не можетъ быть достигнута намѣченная цѣль. Это—функціи распорядительныя и исполнительныя. Первая состоитъ въ организаціи дѣла и управленіи имъ, вторая въ осуществленіи установленнаго плана хозяйственной дѣятельности. Распорядительная функція требуетъ организаторской и административной дѣятельности; исполнительная—примѣненія къ дѣлу трудовой энергіи въ соотвѣтствующихъ формахъ и направленіяхъ.

Дифференціація функцій въ хозяйствѣ можетъ достигать различной степени въ зависимости отъ организаціи дѣла. Какъ распорядительная, такъ и исполнительная функціи могутъ быть, каждая, раздѣлены на отдѣльныя «службы», или обязанности, которыя поручаются различнымъ лицамъ или группамъ лицъ, объединяемымъ въ одно цѣлое организаціоннымъ планомъ хозяйства. Какъ субъективное и телеологическое единство хозяйства предполагаетъ существованіе лица, воля котораго опредѣляетъ общее направленіе дѣятельности и главныя начала организаціи хозяйства. Такое лицо можетъ быть физическимъ индивидуумомъ или коллективомъ (юридическимъ лицомъ), но оно *должно* быть. Это *субъектъ хозяйства*—главный организаторъ и правитель дѣла. Какъ бы широко такое лицо ни воспользовалось возможностью передоброять свои функціи, оно будетъ, пока остается субъектомъ хозяйства, высшей и послѣдней, хотя бы формально, инстанціей въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся веденіи дѣла и самой судьбы его. Субъектъ хозяйства по терминологіи обыденной рѣчи,—его «хозяинъ».

Матеріальный элементъ хозяйства составляютъ предметы, необходимые для хозяйственной дѣятельности. Родъ и видъ этихъ предметовъ опредѣляются цѣлями хозяйства и техническими пріемами, употребляемыми для ихъ достиженія. Въ зависимости отъ этого, матеріальный элементъ хозяйства можетъ состоять изъ предметовъ потребленія, орудій производства, строеній, съ тѣмъ или другимъ оборудованіемъ, перевозочныхъ средствъ и т. п.

Матеріальнымъ элементомъ хозяйства является также земля. Она служитъ прежде всего какъ *площадь*, на которой совершаются всѣ хозяйственные процессы. Всякое хозяйство, чѣмъ бы оно

ни занималось, можетъ существовать только на опредѣленной площади земной поверхности. Затѣмъ земля служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ какъ *почва*. Въ этой роли она является вмѣстилищемъ веществъ, необходимыхъ для питанія растеній. Наконецъ, земля является *нѣдрами*, потому что она содержитъ въ себѣ минералы, добываемые человѣкомъ изъ глубокихъ слоевъ земной коры.

§ 17. Имущество. Матеріальный элементъ хозяйства нѣкоторые называютъ «имуществомъ въ экономическомъ смыслѣ». Вагнеръ, напр., опредѣляетъ имущество въ качествѣ экономическаго понятія, какъ имѣющійся въ опредѣленный моментъ времени запасъ хозяйственныхъ благъ, служащій реальнымъ фондомъ для удовлетворенія потребностей. При этомъ, замѣчаетъ Вагнеръ, имѣется въ виду пригодность образующихъ имущество благъ служить запасомъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но не обращается вниманія на характеръ правъ, которыя имѣетъ опредѣленное лицо по отношенію къ имуществу. Это—«имущество само по себѣ» (an sich). Съ нимъ не совпадаетъ юридическое понятіе имущества. Въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Вагнеръ, обращаютъ вниманіе прежде всего на правовое отношеніе, существующее между владѣльцемъ или собственникомъ и имуществомъ, и только во вторую очередь останавливаются на характерѣ имущества какъ запаса благъ [1]).

Экономическое понятіе имущества, устанавливаемое Вагнеромъ, основано на признакѣ фактическаго обладанія благами для хозяйственныхъ цѣлей, а юридическое—на принципѣ права, предполагающемъ субъекта права и юридическій титулъ владѣнія. Съ экономической точки зрѣнія краденые предметы, входящіе въ составъ хозяйства вора, должны быть признаны имуществомъ въ экономическомъ смыслѣ, а въ юридическомъ отношеніи они, конечно, не составляютъ имущества лица, укравшаго ихъ. Имущество въ экономическомъ смыслѣ совпадаетъ съ понятіемъ матеріальнаго элемента хозяйства; но послѣднее не совпадаетъ съ юридическимъ понятіемъ имущества; и это несовпаденіе настолько велико, что пользоваться терминомъ «имущество» для обозначенія матеріальнаго элемента хозяйства было бы крайне неудобно.

---

[1]) Grundlegung, 309.

Мы будемъ понимать имущество *только въ юридическомъ смыслѣ*. Юридическое понятіе имущества основано на положительномъ и отрицательномъ признакахъ. Съ одной стороны, оно распространяется на всѣ находящіяся въ собственности лица хозяйственныя блага, включая въ это понятіе и вещныя права на хозяйственныя блага, принадлежащія третьимъ лицамъ, и вообще права, служащія источниками полученія хозяйственныхъ благъ или цѣнностей. Такимъ образомъ въ составъ имущества входятъ сервитуты, право на изобрѣтеніе и пр. Если собственникъ земельнаго участка имѣетъ право пасти скотъ на поляхъ сосѣдняго владѣльца, то это право, представляющее сервитутъ, оцѣнивается по своему хозяйственному значенію и входитъ въ составъ имущества собственника того участка, съ которымъ оно связано. Съ той же точки зрѣнія и право изобрѣтателя на исключительное пользованіе изобрѣтеніемъ составляетъ имущество изобрѣтателя. Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ фактическія отношенія экономическаго характера, которыя, не будучи основаны на правѣ, тѣмъ не менѣе имѣютъ экономическое значеніе. Таковы, напр., отношенія, сложившіяся у торговца съ его покупателями на почвѣ многолѣтней дѣятельности. Значеніе, придаваемое такимъ отношеніямъ въ торговомъ мірѣ, получаетъ свое выраженіе въ томъ, что при покупкѣ торговаго дѣла цѣнятъ также «фирму», т.-е. наименованіе, подъ которымъ оно существовало и съ которымъ связана его репутація. Цѣна фирмы составляетъ также имущество. Кромѣ того, имущество обнимаетъ и принадлежащія субъекту права на требованіе хозяйственныхъ благъ отъ третьихъ лицъ, т.-е. претензіи, которыя владѣлецъ имущества можетъ предъявить на предметы, находящіеся въ чужомъ обладаніи. Долговая расписка или вексель входятъ въ составъ имущества векселедержателя.

Отрицательный признакъ имущества состоитъ въ томъ, что изъ его состава вычитаются долговыя обязательства лица, т.-е. претензіи или требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ нему.

Такимъ образомъ, понятіе имущества въ юридическомъ смыслѣ включаетъ въ себя всѣ хозяйственныя блага, или цѣнности, принадлежащія субъекту на правѣ собственности, или въ отношеніи которыхъ онъ имѣетъ основанное на законѣ право пользованія,

включая принадлежащія ему претензіи и за вычетомъ падающихъ на него долговъ [1]).

§ 18. Капиталъ. Подъ капиталомъ разумѣютъ извѣстную совокупность, или сумму хозяйственныхъ благъ. Это совершенно безспорно. Спорнымъ является только вопросъ о томъ, какими признаками опредѣляются совокушности благъ, называемыя капиталами, или самыя блага, составляющія ихъ.

Точкой опоры при рѣшеніи этого вопроса должно служить значеніе, придаваемое понятію капитала въ практической жизни. Хотя практика и не даетъ этому понятію точной формулировки, тѣмъ не менѣе она вкладываетъ въ него опредѣленное содержаніе, и поэтому изслѣдователю, желающему держаться реальной почвы, необходимо прежде всего ознакомиться съ тѣмъ, какъ сложилось понятіе капитала въ представленіи людей, имѣющихъ дѣло съ капиталомъ, какъ явленіемъ эмпирической дѣйствительности.

1) Въ этомъ представленіи капиталъ не отождествляется съ деньгами, хотя онъ нерѣдко и состоитъ изъ денегъ и еще чаще его величина опредѣляется въ денежной формѣ. Существуютъ «денежные капиталы», но существуютъ также капиталы, состоящіе изъ другихъ предметовъ. Часто говорятъ, что капиталъ опредѣленнаго лица заключается въ домахъ, земляхъ, товарахъ и т. п. Но если требуется выразить капиталъ, состоящій изъ различныхъ предметовъ, въ одной суммѣ, то для этого пользуются денежной формой и называютъ сумму денегъ, въ которую могутъ быть оцѣнены всѣ предметы, входящіе въ составъ даннаго капитала. Такимъ образомъ, въ обыденномъ представленіи капиталъ можетъ состоять не только изъ денегъ, но и изъ другихъ предметовъ; конечно, такихъ, которые обладаютъ хозяйственной цѣнностью и поэтому являются хозяйственными благами.

---

[1]) Knies. Geld und Credit. I; также S. Lehr. Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirthschaft, 1893, стр. 185. См. также ст. Лексиса HWB. (2 изд.) Vertheilung, стр. 470. Лексисъ опредѣляетъ имущество какъ совокупность находящихся въ собственности физическаго или юридическаго лица хозяйственныхъ благъ и принадлежащихъ ему другихъ правъ, представляющихъ хозяйственную цѣнность. Въ этомъ опредѣленіи не приняты во вниманіе обязательства, лежащія на имуществѣ; поэтому Лексисъ вводитъ понятіе „чистаго имущества“, представляющее балансъ между активомъ и пассивомъ. Lexis. Vermögen въ Словарѣ Эльстера, (Elster's Wörterbuch der Volkwirthschaft. 1911).

2) Но всякій ли предметъ, являющійся хозяйственнымъ благомъ, можетъ входить въ составъ капитала? Теорія, въ лицѣ многихъ выдающихся экономистовъ, какъ это будетъ показано ниже, пыталась опредѣлить естественные или техническіе признаки предметовъ, являющихся капиталами. Согласно этому мнѣнію, въ составъ капиталовъ входятъ предметы, произведенные человѣческимъ трудомъ, и предназначенные по своимъ свойствамъ *для дальнѣйшаго производства*; напр., сырые матеріалы, требующіе обработки, рабочіе инструменты, машины и т. п.

Эта теорія вызываетъ возраженія прежде всего съ той точки зрѣнія, что капиталъ понятіе экономическое и поэтому долженъ быть опредѣленъ съ помощью *экономическихъ* признаковъ, а въ данномъ случаѣ его хотятъ опредѣлить съ помощью естественныхъ и техническихъ признаковъ вещей, служащихъ капиталомъ въ хозяйствѣ.

То, что дѣлаетъ опредѣленный предметъ машиной, заключается въ свойствахъ, приданныхъ опредѣленному матеріалу человѣкомъ съ помощью соотвѣтствующей технической работы. Обладая необходимыми свойствами, машина извѣстнаго типа можетъ выполнять тѣ или другія функціи: развивать двигательную энергію, сверлить металлъ, разрѣзать дерево и т. п. Но машина должна быть годна не только для техническихъ, но и для хозяйственныхъ цѣлей для того, чтобы о ней можно было говорить, какъ о капиталѣ. Машина, эксплоатація которой не окупается при данныхъ цѣнахъ на производимый ею товаръ, не получитъ хозяйственнаго примѣненія и поэтому, какъ орудіе производства, не будетъ имѣть хозяйственнаго значенія. Она можетъ быть куплена на сломъ или для музея, но не для фабрики. Такая машина, поскольку ее разсматриваютъ, какъ машину, а не какъ сырой матеріалъ или поучительный образецъ, не можетъ составлять капитала или входить въ его составъ.

Но и машина, получающая хозяйственное назначеніе, не всегда бываетъ капиталомъ. Мы серьезно не назовемъ капиталомъ швейной машины, которой пользуется хозяйка для домашнихъ надобностей или швея для заработка; точно такъ же никто не назоветъ капиталомъ машинки для набивки папиросъ. Если такіе предметы и называютъ иногда капиталами, то только по аналогіи съ настоящими капиталами или въ ироническомъ смыслѣ.

Затѣмъ вызываетъ недоумѣніе вопросъ: куда отнести деньги? Никто не станетъ спорить противъ того, что деньги могутъ входить въ составъ капитала: денежные капиталы—фактъ, существованіе котораго нельзя отрицать. Между тѣмъ денежныя суммы вообще не предназначаются въ буквальномъ смыслѣ для производства, потому что производить съ помощью денегъ нельзя. Кромѣ того, любая денежная сумма можетъ получить различное назначеніе: она можетъ быть употреблена и на оборудованіе и веденіе фабрики (значитъ—косвенно на производство), и на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія (пищи, одежды и т. п.), и на оплату услугъ (прислуга, уроки и пр.); и, наконецъ, она можетъ быть сохранена какъ сбереженіе на будущее время безъ всякаго употребленія въ настоящемъ. Практика во всѣхъ такихъ случаяхъ назоветъ денежную сумму извѣстной величины, хотя бы и не предназначенную для цѣлей производства, капиталомъ. И этотъ взглядъ опредѣленнѣе того, который проводитъ вышеупомянутая теорія. Онъ не вызываетъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ недоумѣній, которыя порождаетъ послѣдняя. Съ точки зрѣнія изложенной теоріи, опредѣленная денежная сумма въ одномъ случаѣ будетъ капиталомъ, въ другомъ не будетъ имъ, а въ третьемъ вообще нельзя будетъ сказать, капиталъ она или нѣтъ.

Съ точки зрѣнія обыденнаго понятія капитала въ его составъ могутъ входить какія угодно хозяйственныя блага. Ихъ свойства, какъ вещей внѣшняго міра, не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ, считать ли ихъ капиталомъ или нѣтъ. Деньги, машины, инструменты, пища, одежда могутъ быть капиталомъ, но могутъ и не быть имъ. Это не зависитъ отъ ихъ физическихъ и техническихъ свойствъ. Когда мы относимъ названные предметы въ разрядъ капиталовъ, мы разсматриваемъ ихъ исключительно какъ хозяйственныя цѣнности, независимо отъ свойствъ ихъ матеріальной оболочки, и говоримъ о капиталѣ, когда передъ нами имѣется извѣстная совокупность хозяйственныхъ цѣнностей. Однородны ли или разнородны эти совокупности и изъ какихъ именно предметовъ они состоятъ это безразлично въ данномъ случаѣ.

3) Практика не связываетъ понятія капитала съ характеромъ намѣреній капиталовладѣльца. И въ этомъ отношеніи обыденное понятіе капитала расходится съ научными опредѣленія-

ми, считающими признакомъ капитала намѣреніе владѣльца опредѣленныхъ хозяйственныхъ благъ извлекать изъ нихъ доходъ. Мы называемъ капиталомъ не только совокупность производственныхъ благъ, составляющихъ фабрику, но и домашнюю обстановку, представляющую въ цѣломъ извѣстную цѣнность, и коллекцію картинъ или предметовъ рѣдкости, хотя бы владѣлецъ ея и не извлекалъ изъ нея никакого дохода. Развѣ Третьяковская галлерея или Музей изящныхъ искусствъ не представляютъ капитала, несмотря на то, что ни то, ни другое учрежденіе не приноситъ никакого дохода?

Сводя вмѣстѣ признаки капитала, выработавшіеся въ практической жизни, мы можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Выработавшееся этимъ путемъ понятіе капитала не связано ни съ матеріальной формой благъ, изъ которыхъ состоитъ капиталъ, ни съ намѣреніями его обладателя. Состоитъ ли капиталъ изъ предметовъ потребленія, одежды, пищи и т. п., или изъ орудій производства, какъ то: инструментовъ, машинъ, сырыхъ матеріаловъ, или, наконецъ, изъ денегъ—это совершенно безразлично съ точки зрѣнія понятія капитала. Совершенно безразлично также и то, какое примѣненіе капиталу даетъ или намѣренъ дать его владѣлецъ и даетъ ли онъ ему вообще какое-нибудь примѣненіе или же хранитъ его безъ употребленія.

Всякая совокупность хозяйственныхъ благъ, или цѣнностей, для чего бы она ни предназначалась и какое бы примѣненіе она ни получала, будетъ капиталомъ, если она достигаетъ нѣкоторой болѣе или менѣе значительной величины и разсматривается какъ цѣлое.

Въ практической жизни слову «капиталъ» обычно дается именно такое значеніе.

Капиталомъ называется и запасъ предметовъ продовольствія, и машины, составляющія оборудованіе фабрики, и сумма денегъ, для которой ищутъ выгоднаго помѣщенія, и такая, которая хранится безъ употребленія, какъ потенціальная сила, или въ качествѣ запаса на будущее время.

Такое же значеніе капитала имѣется въ виду и тогда, когда говорятъ о его распаденіи и возникновеніи. Говоря, что наслѣдникъ растрачиваетъ капиталъ, перешедшій къ нему отъ роди-

телей, мы хотимъ сказать, что сумма цѣнностей, которая можетъ быть разсматриваема какъ цѣлое, расходуется по мелочамъ и поэтому перестаетъ быть капиталомъ. Единицы цѣнностей, изъ которыхъ она состояла, продолжаютъ существовать, переходя къ другимъ лицамъ, но цѣлое, составлявшее капиталъ, распадается.

Съ другой стороны, заявляя, что въ сберегательныхъ кассахъ изъ мелкихъ сбереженій образуются капиталы, мы указываемъ на обратный процессъ—соединеніе мелкихъ цѣнностей въ болѣе или менѣе крупныя совокупности.

Въ какихъ же случаяхъ совокупности хозяйственныхъ цѣнностей разсматриваются какъ цѣлое? Основаніемъ для этого служатъ хозяйственныя задачи, выдвигаемыя жизнью.

Существуютъ такія хозяйственныя цѣли, которыя могутъ быть достигнуты только съ помощью опредѣленной, болѣе или менѣе значительной совокупности хозяйственныхъ благъ, собранныхъ въ одно цѣлое. Чтобы построить домъ или устроить фабрику, необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстное количество опредѣленныхъ предметовъ, пригодныхъ для постройки и оборудованія фабрики, или соотвѣтствующую сумму денегъ. Нужна, такимъ образомъ, извѣстная совокупность хозяйственныхъ цѣнностей, которая съ точки зрѣнія опредѣленной цѣли и разсматривается какъ нѣчто единое, какъ одно цѣлое, и поэтому называется капиталомъ.

Когда не имѣется въ виду опредѣленной цѣли, то подъ капиталомъ разумѣется сумма цѣнностей, которая *вообще* можетъ быть использована какъ цѣлое.

Въ нашемъ опредѣленіи капиталъ выступаетъ какъ накопленная хозяйственная энергія, могущая служить для достиженія хозяйственныхъ цѣлей. Подобно запасу механической энергіи, капиталъ имѣетъ значеніе запаса экономической силы, которая можетъ быть обращена въ «полезную работу». Подобные запасы возникаютъ съ помощью накопленія и разрушаются черезъ расходованіе ихъ.

Когда терминъ «капиталъ» употребляетъ для обозначенія предметовъ, служащихъ по своимъ естественнымъ и техническимъ свойствамъ производству, понятіе капитала получаетъ техническое значеніе. Въ такихъ случаяхъ капиталъ означаетъ сырье, предназначенное для переработки, машины, инструменты, фабричныя зданія и т. п. Если слово капиталъ употребляется въ такомъ

смыслѣ, то это должно быть каждый разъ оговорено. Это «капиталъ въ техническомъ смыслѣ» или «технической капиталъ».

Капиталъ, какъ техническое понятіе, можетъ имѣть для экономики такое же значеніе, какое имѣютъ для нея вообще техническія явленія и связанныя съ ними понятія. Они принимаются ею въ соображеніе, поскольку изъ нихъ вытекаютъ послѣдствія экономическаго значенія. Экономистъ интересуется техникой машиннаго производства въ той мѣрѣ, въ какой она вліяетъ на цѣны продуктовъ и вообще на производство, какъ хозяйственный процессъ образованія новыхъ цѣнностей. Въ такихъ предѣлахъ, для него интересенъ и капиталъ, какъ техническое понятіе, но при условіи строгаго отграниченія его отъ экономическаго понятія капитала.

§ 19. Опредѣленіе капитала въ экономической литературѣ. Вопросъ о томъ, что такое капиталъ,—одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ политической экономіи. Взгляды, высказавшіеся по этому предмету въ экономической литературѣ, чрезвычайно разнообразны и часто противорѣчивы. Въ этомъ отношеніи съ капиталомъ можетъ соперничать развѣ только цѣнность, вызвавшая еще больше споровъ между экономистами [1]).

Слово «капиталъ» происходитъ отъ средневѣковаго capitale, которое имѣло своимъ первоисточникомъ римское caput—голова. Этимъ названіемъ обозначалось такое отношеніе между предметами, при которомъ одинъ изъ нихъ имѣетъ основное, главное значеніе, а другой разсматривается какъ производное отъ него. Таково именно отношеніе между денежной суммой, данной въ ссуду, и получаемыми съ нея процентами. И дѣйствительно, въ средніе вѣка и въ дальнѣйшемъ, въ періодъ господства меркантилизма, подъ капиталомъ разумѣлась денежная сумма, отданная въ ссуду, по отношенію къ получаемымъ отъ нея процентамъ.

Физіократы значительно расширили понятіе капитала, распространивъ его и на другіе предметы кромѣ денегъ; но болѣе глубокое вліяніе на ученіе о капиталѣ оказалъ А. Смитъ.

---

[1]) Исторія понятія капитала изложена была Книсомъ въ соч. Geld und Credit, I Abt.; а въ новѣйшее время сводку мнѣній по этому предмету далъ A. Spiethoff. „Die Lehre vom Kapital въ сборникѣ Die Entwicklung der deutschen Volkswirtshaftslehre im XIX Jahrh. 1908.

Ад. Смитъ называетъ капиталомъ ту часть запасовъ хозяйственныхъ благъ человѣка, отъ которой ожидается полученіе дохода. При этомъ Смитъ различаетъ понятіе капитала въ частнохозяйственномъ и народнохозяйственномъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія частнаго лица, всякій предметъ, предназначенный для полученія дохода, является капиталомъ, независимо отъ естественныхъ и техническихъ свойствъ этого предмета. Будетъ ли это орудіе производства или сырой матеріалъ, требующій еще обработки, или же готовое благо, могущее непосредственно удовлетворять человѣческія потребности, напр., пища, все равно—разъ это предметъ, изъ употребленія котораго его обладатель хочетъ извлечь доходъ, этотъ предметъ является, съ точки зрѣнія Смита, капиталомъ. По ученію Смита, одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть или не быть капиталомъ въ зависимости отъ того, предназначается ли онъ для полученія дохода или для непосредственнаго употребленія. Напр., жилой домъ, сдаваемый внаймы,—капиталъ; но если тотъ же домъ находится въ пользованіи самого собственника, какъ его квартира, онъ не капиталъ.

Съ народнохозяйственной точки зрѣнія дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь критеріемъ для рѣшенія вопроса, составляетъ ли предметъ капиталъ или нѣтъ, служатъ, по мнѣнію Смита, естественныя и техническія свойства предмета, а не намѣренія его собственника. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, капиталомъ являются, по Смиту, *исключительно орудія производства.* Машина будетъ всегда капиталомъ въ народнохозяйственномъ смыслѣ, а жилой домъ—ни въ какомъ случаѣ въ этомъ смыслѣ капиталомъ не будетъ.

Разграниченіе понятій капитала въ частнохозяйственномъ и народнохозяйственномъ смыслѣ, введенное Смитомъ, было затѣмъ усвоено многими позднѣйшими экономистами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство экономистовъ слѣдовавшихъ за Смитомъ, основываютъ опредѣленіе капитала на указанныхъ имъ признакахъ, или на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей теоріи капитала послѣ Ад. Смита, также многимъ обязанный его ученію, былъ Родбертусъ.

Слѣдуя своему обычному пріему изученія экономическихъ явленій, Родбертусъ разсматриваетъ понятіе капитала сначала въ условіяхъ изолированнаго хозяйства, затѣмъ въ условіяхъ народнаго хозяйства, безъ частной собственности на землю и капиталъ,

и, наконецъ, въ условіяхъ народнаго хозяйства, съ частной собственностью на землю и капиталъ. Въ изолированномъ хозяйствѣ вполнѣ ясно выступаетъ понятіе капитала, какъ противоположеніе доходу. Доходъ, это—предметы потребленія, которыми трудъ снабжаетъ изолированнаго хозяина; капиталъ—орудія и матеріалы, изъ которыхъ и съ помощью которыхъ трудъ изготовляетъ продукты, составляющіе доходъ.

Развивая свою мысль, Родбертусъ говоритъ, что капиталъ (матеріалы и орудія) продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства, доходъ—продуктъ, служащій для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей; капиталъ — исполненный ранѣе трудъ, за которымъ долженъ еще слѣдовать трудъ; доходъ—законченный трудъ, за которымъ слѣдуетъ потребленіе; доходъ—цѣль пути, который совершаетъ трудъ, капиталъ—лишь пройденная часть этого пути.

Изложенное понятіе капитала Родбертусъ считаетъ «капиталомъ по существу» (an sich), отвѣчающимъ «естественнымъ» условіямъ производства. Оно остается въ силѣ въ народномъ хозяйствѣ безъ частной собственности какъ понятіе «національнаго капитала» и по существу сохраняется безъ измѣненій и въ народномъ хозяйствѣ съ частной собственностью на землю и капиталъ.

Говоря о народномъ хозяйствѣ перваго вида, Родбертусъ спрашиваетъ: что же при такихъ условіяхъ можно назвать національнымъ капиталомъ и что—національнымъ доходомъ? и отвѣчаетъ: здѣсь, какъ и въ изолированномъ хозяйствѣ, надо отнести всѣ матеріалы и орудія къ первому, а всѣ продукты, служащіе для удовлетворенія потребностей,—ко второму. Затѣмъ, перейдя къ общественному строю съ частной собственностью на землю и капиталъ, Родбертусъ разсматриваетъ капиталъ по существу съ точки зрѣнія націи, какъ единаго цѣлаго, и задается вопросомъ: можно ли прійти по отношенію къ капиталу, разсматриваемому въ этомъ смыслѣ, къ инымъ заключеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя были получены въ примѣненіи къ изолированному хозяйству и народному хозяйству безъ частной собственности? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно. «Капиталы—это доли (парцеллы) національнаго продукта, поскольку онѣ еще дальше служатъ производству» [1]).

[1]) Rodbertus-Jagetzow. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2 Aufl. 1893, стр. 81.

Совершенно иное содержаніе имѣетъ понятіе «частнаго» капитала, «капитала-имущества», «капитала-собственности». Капиталъ въ этомъ смыслѣ связанъ съ современными *соціальными* условіями производства: имѣетъ иной составъ, иначе возникаетъ и воспроизводится. Съ этой, частнохозяйственной точки зрѣнія, всякое хозяйственное благо, находящееся въ обладаніи частнаго лица и приносящее или могущее приносить ему доходъ, составляетъ частный капиталъ.

Вагнеръ, примыкая къ ученію Родбертуса, развилъ его мысли о различіяхъ между національнымъ (или соціальнымъ) и частнымъ капиталомъ.

Въ томъ же направленіи разработалъ понятіе капитала Бемъ-Баверкъ, [1]). Такъ же, какъ Смитъ и Родбертусъ, онъ опредѣляетъ капиталъ по матеріальнымъ признакамъ предметовъ, входящихъ въ его составъ, и по цѣли, преслѣдуемой съ помощью этихъ предметовъ. Человѣкъ можетъ производить непосредственно блага, необходимыя ему для удовлетворенія его потребностей, или же онъ можетъ идти къ этой цѣли окольнымъ путемъ: сначала произвести предметы, предназначенные для того, чтобы облегчить ему его работу и сдѣлать ее успѣшной, и затѣмъ уже съ помощью этихъ предметовъ произвести или производить необходимыя ему потребительныя блага.

Поселянину нужна вода, которую онъ можетъ доставать изъ источника, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ его жилища. Онъ можетъ достигнуть этой цѣли разными путями: ходить къ источнику каждый разъ, когда ему захочется напиться или сдѣлать ведра и наносить себѣ разъ въ день столько воды, сколько ему необходимо, или же, наконецъ, просверлить стволы срубленныхъ деревьевъ и скрѣпивъ ихъ надлежащимъ образомъ провести воду изъ источника къ своему дому. Первый изъ этихъ путей—прямой, второй и третій—окольные. Послѣдніе требуютъ больше времени и труда, но зато и результатъ ихъ значительнѣе и, въ концѣ-концовъ, они выгоднѣе. Второй или третій пути состоятъ въ томъ, что производятся предметы, предназначенные служить для дальнѣйшаго производства, а не для непосредственнаго

[1]) Kapital und Kapitalzins. Zweite Abteilung: Positive Theorie des Kapitales. 3-te Aufl. (Первая, историческая часть труда Бемъ-Баверка переведена на русскій яз.)

удовлетворенія потребностей. Эти предметы являются «промежуточными продуктами».

Капиталъ, по мнѣнію Бемъ-Баверка, и есть понятіе промежуточныхъ продуктовъ, появляющихся на отдѣльныхъ этапахъ окольнаго пути производства.

Въ дальнѣйшемъ Бемъ-Баверкъ отступаетъ отъ матеріальнаго признака, котораго онъ держится въ только что приведенномъ опредѣленіи, и говоритъ уже не о производствѣ, а о пріобрѣтеніи благъ, какъ о цѣли, преслѣдуемой съ помощью капитала. «Капиталомъ вообще» онъ называетъ «понятіе продуктовъ, служащихъ средствами для пріобрѣтенія благъ». Это широкое понятіе капитала онъ отождествляетъ съ понятіемъ «пріобрѣтательскаго», или частнаго капитала (Erwerbskapital, Privatkapital), а узкое, въ смыслѣ промежуточныхъ продуктовъ, онъ называетъ «соціальнымъ» капиталомъ.

Бемъ-Баверкъ перечисляетъ предметы, входящіе въ составъ того и другого вида капиталовъ. Соціальный капиталъ, какъ понятіе продуктовъ, предназначенныхъ для дальнѣйшаго производства, включаетъ въ себя строенія, служащія производству, разнаго рода сооруженія, машины, инструменты, рабочихъ животныхъ, сырье и вспомогательные матеріалы, товары, лежащіе на складѣ у производителя или торговца, и деньги. Въ составъ частнаго капитала входятъ, кромѣ перечисленныхъ предметовъ, также предметы потребленія, которыми ихъ собственникъ пользуется не для непосредственнаго удовлетворенія своихъ потребностей, а для пріобрѣтенія съ ихъ помощью (черезъ продажу, отдачу внаймы или въ ссуду) другихъ предметовъ: таковы, напр., дома, отдающіеся внаймы, библіотеки, ссужающія книги, средства продовольствія, выдаваемыя предпринимателемъ рабочимъ и т. п.

Взгляды Бемъ-Баверка по существу представляютъ собою развитіе основныхъ идей А. Смита: существеннымъ признакомъ капитала служитъ полученіе съ него дохода, причемъ для частнаго капитала рѣшающее значеніе имѣютъ намѣренія владѣльца хозяйственныхъ благъ и способъ употребленія послѣднихъ, а для соціальнаго, за отсутствіемъ субъекта хозяйства,—естественные признаки благъ, какъ продуктовъ, могущихъ служить только средствами производства.

Изложенныя выше ученія о капиталѣ, къ которымъ примы-

каетъ рядъ теченій различныхъ оттѣнковъ, въ большей или меньшей степени держатся на основѣ смитовскихъ началъ. Рѣшительное отступленіе отъ нихъ впервые было допущено теоріей К. Маркса, построенной всецѣло на соціально-юридическомъ принципѣ. Марксъ рѣшительно отвергаетъ матеріальный моментъ, какъ основаніе для опредѣленія капитала. Этотъ моментъ, выражающій естественныя свойства предмета, относится къ области естествознанія и техники, но не политической экономіи. Всякое экономическое понятіе отражаетъ не естественно-историческій фактъ, а соціальныя отношенія между людьми. Это относится и къ понятію капитала. Какими бы естественными свойствами ни обладалъ предметъ, онъ самъ по себѣ капиталомъ не можетъ быть. Машина есть машина, и только. Но она становится капиталомъ, если ею пользуются какъ орудіемъ для эксплоатаціи труда. «Средства производства и существованія, говоритъ Марксъ, будучи собственностью непосредственнаго производителя,—не капиталъ. Они становятся капиталомъ только тогда, когда вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и орудіемъ эксплоатаціи рабочаго и господства надъ нимъ» [1]).

Капиталъ понятіе хозяйственныхъ благъ, служащихъ средствомъ для присвоенія ихъ владѣльцемъ части продуктовъ, произведенныхъ рабочимъ, т.-е. для эксплоатаціи наемной рабочей силы Марксъ внесъ въ ученіе о капиталѣ существенную поправку, отвергнувъ матеріальный, техническій, моментъ; но онъ пріурочилъ понятіе капитала къ опредѣленному виду соціальныхъ отношеній и этимъ сузилъ его. Если принять марксовское опредѣленіе капитала, то пришлось бы ввести какой-нибудь другой, болѣе общій терминъ для обозначенія того разряда хозяйственныхъ благъ, которыя вообще принято называть капиталомъ.

Новѣйшее теченіе въ вопросѣ о понятіи капитала имѣетъ своихъ представителей главнымъ образомъ среди современныхъ американскихъ экономистовъ, къ которымъ примыкаютъ и нѣкоторые европейскіе изслѣдователи. Впрочемъ, начало этому теченію дано Менгеромъ въ его статьѣ о капиталѣ, появившейся въ журналѣ проф. Конрада въ 1888 г. [2]). Главная мысль его состоитъ въ призывѣ вернуться въ поискахъ опредѣленія капитала къ жизни и обычному словоупотребленію. Наука должна очищать и точнѣе фор-

[1]) Kapital, I, стр. 731 (4 изд.).

[2]) C. Menger. Zur Theorie des Kapitales. Jahrb. für Nat. Oek. u. Stat. 1888.

мулировать общеупотребительные термины, а не замѣнять ихъ новыми, искусственно сочиненными, если только въ этомъ нѣтъ крайней необходимости. Разговорная рѣчь придаетъ понятію капитала значеніе отъ котораго нѣтъ никакого основанія отказываться. Напротивъ, оно вполнѣ пригодно для научныхъ цѣлей по своей ясности и простотѣ. Отправляясь отъ обыденной терминологіи, Менгеръ и стремится установить «реальное» понятіе капитала.

Разговорная рѣчь связываетъ понятіе капитала съ понятіемъ денегъ, но не отождествляетъ ихъ. Она называетъ капиталомъ только денежныя суммы, предназначенныя служить для полученія дохода. Выражая эту мысль, Менгеръ опредѣляетъ капиталъ какъ «денежныя суммы, ищущія помѣщенія» (werbende Geldbeträge).

Американскіе экономисты также стремятся, по словамъ проф. Тёттля, вернуть экономическую науку къ понятію капитала въ практической жизни [1]).

Обращаясь къ старой литературѣ, американцы опираются, главнымъ образомъ, на Тюрго, который опредѣлялъ капиталъ какъ «накопленныя цѣнности» [2]).

Характерныя черты американской школы въ этомъ вопросѣ сводятся прежде всего къ отрицательнымъ положеніямъ: она отказывается связывать понятіе капитала съ естественными свойствами предметовъ и устраняетъ моментъ цѣли, въ смыслѣ полученія дохода.

Основную идею американскихъ экономистовъ формулируетъ Кларкъ, считающійся піонеромъ этого движенія.

Вотъ какъ онъ опредѣляетъ природу капитала. «На языкѣ дѣлового міра,—говоритъ онъ,—слово капиталъ имѣетъ одно ясное значеніе; на языкѣ экономической науки онъ имѣетъ два разныхъ значенія, и безсознательно употребляется теперь то въ одномъ, то въ другомъ... Спросите фабриканта: «Каковъ вашъ

---

[1]) Ch. A. Tuttle: The real capital concept въ жур. The Quarterly Journal of Economics, Nov, 1903, стр. 87.

[2]) Тюрго говоритъ: „Тотъ, кто... получаетъ ежегодно больше цѣнностей, чѣмъ ему нужно истратить, можетъ отложить излишекъ и накопить его: эти накопленныя цѣнности и составляютъ то, что называется капиталомъ... Совершенно безразлично, состоятъ ли эти цѣнности или этотъ капиталъ въ извѣстномъ количествѣ металла или въ какомъ-нибудь другомъ предметѣ, потому что деньги являются представителями всякаго рода цѣнностей такъ же, какъ всякая цѣнность является представительницей денегъ“.

капиталъ?» и онъ, вѣроятно, выразитъ свой отвѣтъ въ долларахъ. Спросите его: «*Во что* вложенъ вашъ капиталъ?» и онъ перечислитъ строенія, машины, земли, матеріалы и пр., въ которыхъ его производительный фондъ помѣщенъ въ данное время. Эти конкретные предметы будутъ фигурировать въ его мысли какъ вмѣстилище его капитала, между тѣмъ какъ самое содержаніе капитала будетъ представляться ему какъ цѣнность, абстрактное количество богатства. Онъ будетъ мыслить это содержаніе какъ фондъ, который постоянно остается его собственностью, хотя онъ можетъ не сохранять даже на одинъ день одной и той же внѣшней формы. Матеріалы становятся готовыми продуктами и исчезаютъ на рынкѣ, и новые матеріалы занимаютъ ихъ мѣсто. Машины изнашиваются и пріобрѣтаются новыя. Даже постройки возобновляются черезъ постепенное разрушеніе и возстановленіе. Но при всѣхъ перемѣнахъ своей внѣшней формы самый фондъ капитала остается какъ постоянный фактъ. Если полмилліона долларовъ вложены въ дѣло сегодня, та же или бо̀льшая сумма, если не произойдутъ какія-нибудь бѣдствія, будетъ налицо и черезъ 20 лѣтъ, но изъ предметовъ, въ которыхъ воплощена эта цѣнность, останутся только немногіе. Съ этой точки зрѣнія капиталъ представляетъ абстрактный фондъ, назначеніе котораго переселяться въ безконечный рядъ внѣшнихъ формъ» [1]).

Капиталъ есть сумма цѣнностей, ихъ совокупность—такова мысль Кларка, принятая цѣлымъ рядомъ другихъ экономистовъ, какъ единственно правильное основаніе для опредѣленія капитала. Но какая сумма цѣнностей—всякая, или только обладающая опредѣленными признаками? На этотъ вопросъ даются различные отвѣты.

Вышеупомянутый экономистъ Тёттль называетъ богатствомъ человѣка всю совокупность цѣнностей, которыя принадлежатъ ему; а его капиталъ составляетъ то, что остается послѣ того, какъ вычтена сумма, необходимая для текущаго потребленія. Избытокъ богатства есть капиталъ: онъ становится имъ не только тогда, когда собственникъ рѣшаетъ употребить его для цѣлей пріобрѣтенія [2]). Другой американскій экономистъ Феттеръ опредѣляетъ капиталъ

---

[1]) Capital and its Earnings, by I. B. Clark. Publications of the Ameriean Economic Association. Vol. III. № 2. 1888.

[2]) Цит. статья, стр. 60.

какъ экономическое богатство (блага), количество котораго выражено въ общей единицѣ цѣнности [1]).

Ирвингъ Фишеръ называетъ капиталомъ запасъ (stock) богатства, существующій въ опредѣленный моментъ времени. Капиталъ, это—источникъ, а доходъ—потокъ, и именно потокъ услугъ въ опредѣленный періодъ времени. Такъ, напр., жилой домъ, существующій въ данное время,—капиталъ, а услуга, которую онъ оказываетъ тѣмъ, что служитъ кровомъ, или наемная плата, получаемая за него,—доходъ. Фишеръ говоритъ, что полную картину капитала далъ бы «моментальный снимокъ богатства». Въ эту картину вошли бы всѣ хозяйственныя блага, существующія въ странѣ въ данный моментъ времени, начиная отъ самыхъ прочныхъ и крупныхъ вещей и кончая такими предметами, какъ недокуренный табакъ въ трубкѣ курильщика [2]).

Безъ сомнѣнія капиталъ предполагаетъ понятіе хозяйственныхъ благъ, какъ экономическихъ, или хозяйственныхъ цѣнностей. Но если называть капиталомъ всѣ экономическія цѣнности, хотя бы и пріурочивая ихъ къ опредѣленному моменту времени, какъ это дѣлаетъ Фишеръ, то такое понятіе капитала не будетъ отвѣчать обще-употребительной терминологіи и, пожалуй, окажется излишнимъ. Понятіе богатства, за отсутствіемъ на русскомъ языкѣ слова, отвѣчающаго англійскому stock, болѣе подходитъ для обозначенія всей совокупности хозяйственныхъ благъ, принадлежащихъ данному лицу или обществу въ опредѣленный моментъ времени. Капиталъ—понятіе болѣе узкое, чѣмъ англійское stock или русское «богатство». Во всякомъ случаѣ, трудно признать капиталомъ табакъ въ трубкѣ курильщика, не впадая въ противорѣчіе съ разговорной рѣчью и дѣловымъ языкомъ.

Слишкомъ широко и приведенное выше опредѣленіе Феттера, видящаго признакъ капитала въ томъ, что извѣстная совокупность благъ измѣрена однимъ масштабомъ цѣнности и выражена, какъ сумма единицъ послѣдней. И доходъ, котораго никто не смѣшиваетъ съ капиталомъ, также можетъ подвергнуться такому измѣренію и быть представленнымъ въ видѣ опредѣленной суммы цѣнностей.

Несомнѣнно, ограничительнымъ признакомъ служитъ вводимое

---

[1]) Quar. J. of E. XV, стр. 40.

[2]) Irving. Fisher. The nature of capital and income; также Precedents for defining capital. Q. J. of E., May 1904.

многими въ опредѣленіе капитала указаніе на цѣль, преслѣдуемую владѣльцемъ благъ, составляющихъ капиталъ, въ смыслѣ полученія дохода. Но это указаніе слишкомъ суживаетъ понятіе капитала и безъ крайней необходимости отдаляетъ его отъ обще-употребительнаго значенія этого термина. Мы сплошь и рядомъ называемъ капиталомъ и такую совокупность хозяйственныхъ благъ, или цѣнностей, которая не служитъ средствомъ для полученія дохода. Таковы, напр., понятія «мертваго капитала», капитала, «лежащаго втуне», и т. п. Золото, запертое въ сундукѣ скупого рыцаря, было капиталомъ, хотя и мертвымъ.

Наконецъ, опредѣленіе Тёттля, считающаго капиталъ избыткомъ богатства, основано на шаткомъ признакѣ. Избытокъ надъ текущими потребностями очень неопредѣленное понятіе; и кромѣ того, возможно ли признать, что всякій избытокъ есть капиталъ. Въ такомъ случаѣ и гривенникъ, оставшійся у поденщика отъ дневного заработка за покрытіемъ расходовъ, будетъ капиталомъ.

§ 20. Виды капитала. Виды капиталовъ прежде всего опредѣляются видами хозяйственныхъ благъ, изъ которыхъ состоятъ капиталы. Денежный капиталъ состоитъ изъ денегъ; производственный—изъ предметовъ, предназначенныхъ служить цѣлямъ производства—производственныхъ благъ; товарный—изъ предметовъ, предназначенныхъ для продажи—товаровъ.

Въ экономической литературѣ много спорили о томъ, является ли капиталомъ земля? Если опредѣлять капиталъ какъ продукты предшествовавшаго труда, предназначенные для дальнѣйшаго производства, то, разумѣется, земля, какъ предметъ, не произведенный трудомъ, не можетъ быть подведена подъ понятіе капитала. Но съ нашей точки зрѣнія земля можетъ разсматриваться и какъ капиталъ, обладающій, правда, существенными особенностями. То, что она не произведена трудомъ, имѣетъ только техническое значеніе. Съ экономической же точки зрѣнія важно то, что земля обладаетъ хозяйственной цѣнностью, и поэтому извѣстная сумма цѣнности, выраженная въ формѣ земли, является капиталомъ такъ же, какъ и извѣстная сумма цѣнности, выраженная въ деньгахъ [1]).

[1]) Земля въ качествѣ фактора производства, отличается существенными особенностями, вслѣдствіе чего въ ученіи о производствѣ о ней говорятъ особо. Это обстоятельство служитъ основаніемъ и для того, чтобы употреблять тер-

Имущество является капиталомъ, если оно разсматривается съ экономической стороны какъ совокупность цѣнностей или какъ цѣлое. Но не всякое имущество допускаетъ такую точку зрѣнія. Напр., нѣсколько копеекъ, собранныхъ нищимъ, составляютъ его имущество; но никто не назоветъ ихъ капиталомъ, потому что онѣ не имѣютъ хозяйственнаго значенія какъ цѣлое. Имущество же милліонера можетъ быть разсматриваемо какъ капиталъ.

Понятіе капитала можетъ быть пріурочиваемо къ лицу или къ хозяйству, какъ хозяйственной единицѣ. Въ первомъ случаѣ говорятъ о капиталѣ того или другого индивидуума или юридическаго лица, государства, земства, города, церкви, ученаго или просвѣтительнаго общества, и т. п. Во второмъ—о капиталѣ того или другого хозяйства, какъ о матеріальной основѣ опредѣленной хозяйственной организаціи. Въ этомъ смыслѣ употребляются выраженія капиталъ такого-то предпріятія: торговаго дома, акціонерной компаніи и т. п.

§ 21. Доходъ. Подъ доходомъ обычно разумѣютъ хозяйственныя блага, или цѣнности, поступающія въ хозяйство. Но является вопросъ: всякія ли поступленія этого рода должны быть причисляемы къ доходу?

1) Нѣкоторые считаютъ признакомъ дохода *правильность*, или *періодичность* его поступленія (Вагнеръ и др.) или *устойчивость самыхъ источниковъ дохода* (Нейманъ). Едва ли однако можно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Существуетъ множество доходовъ, отличающихся крайней нерегулярностью (Шанцъ) [1]. Купецъ получаетъ въ одинъ годъ 20,000 руб. прибыли, въ другой онъ терпитъ убытокъ въ 3000 руб., въ третій снова получаетъ прибыль 5000 руб.; несмотря однако на такую неправильность поступленія прибыль, которую онъ получилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, мы признаемъ его доходомъ. Доходы лицъ, состоящихъ на службѣ, также нерѣдко представляютъ колеблющіяся вели-

---

минъ „земля“ наряду съ терминомъ „капиталъ“ (напр., „владѣлецъ земли и капитала“). Но въ сущности въ этихъ случаяхъ говорится только о различныхъ видахъ общаго понятія капитала, и въ этомъ только смыслѣ и слѣдуетъ понимать ихъ сопоставленіе, когда оно будетъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[1]) G. Schanz. Der Einkommenbegriff und die Einkommensteuer. Finanz Archiv, XIII. 1896.

чины. Напр., добавочное жалованье профессора за исполненіе обязанностей декана, если бы даже оно получалось только въ теченіе одного года и даже еще болѣе короткаго времени, все же причислялось бы къ его доходу.

Такимъ образомъ регулярность поступленія не составляетъ необходимаго признака дохода.

2) Часто доходъ опредѣляется какъ сумма хозяйственныхъ цѣнностей, которыя *могутъ быть израсходованы безъ ущерба для имущества или капитала* (Германъ, Шмоллеръ [1]), Шанцъ и др.). Но этотъ признакъ не опредѣляетъ понятія дохода, а вытекаетъ изъ него. Не потому опредѣленныя цѣнности составляютъ доходъ, что ими можно располагать, не уменьшая имущества, а потому и можно располагать ими, не сокращая имущества, что они составляютъ доходъ, т.-е. являются поступленіемъ извнѣ, приращеніемъ.

3) Въ особую группу могутъ быть выдѣлены мнѣнія, видящія существенный признакъ дохода въ его отношеніи къ потребленію. При этомъ одни полагаютъ, что доходъ, какъ выражается Роб. Мейеръ, есть «поступающее въ опредѣленный періодъ времени количество потребительныхъ благъ» [1]), т.-е. состоитъ изъ предметовъ, предназначенныхъ для потребленія, а другіе, выражаясь общѣе, просто называютъ доходъ потребительнымъ фондомъ (въ числѣ другихъ проф. Петражицкій [2]), опредѣленіе котораго впрочемъ основано на своеобразныхъ соображеніяхъ).

Что касается перваго мнѣнія, что доходъ состоитъ изъ потребительныхъ благъ, то оно предполагаетъ, что предметы, не могу-

---

[1]) Опредѣленіе Германа въ передѣлкѣ Шмоллера таково: „Доходъ есть сумма средствъ, которыя отдѣльное лицо можетъ, не нанося ущерба своему имуществу, употребить въ теченіе опредѣленнаго хозяйственнаго періода для себя и своего семейства, на свои духовныя и матеріальныя потребности, на свои наслажденія и цѣли, словомъ для подъема своей личности". Въ своемъ руководствѣ (Grundriss) Шмоллеръ нѣсколько распространилъ это опредѣленіе, но по существу оно осталось безъ измѣненія.

Шанцъ: доходъ составляетъ то (т.-е. тѣ хозяйственныя блага или цѣнности), что поступило къ данному лицу въ извѣстный періодъ времени и чѣмъ оно можетъ располагать, не уменьшая своего имущества.

[2]) Rob. Meyer. Das Wesen des Einkommens. 1887.

[3]) Die Lehre vom Einkommen. Von Leo v. Petrazycki.

щіе быть непосредственно употребленными для удовлетворенія потребностей, по существу не могутъ составлять дохода.

На дѣлѣ это не такъ. Возьмемъ для примѣра упрощенный случай: замкнутое, самодовлѣющее хозяйство. Производя собственнымъ трудомъ все необходимое, оно должно производить не только потребительныя блага, но и сырые матеріалы, а также орудія труда: машины и пр. Предположимъ, что такое хозяйство въ теченіе года произвело большее количество машинъ, чѣмъ у него было раньше. Это значитъ, что возросла сумма хозяйственныхъ цѣнностей, которыми оно располагало, потому что произведены цѣнности, которыхъ раньше не существовало. Новыя цѣнности составляютъ приростъ цѣнностей и поэтому должны быть признаны доходомъ. Между тѣмъ онѣ состоятъ не изъ предметовъ потребленія, а изъ орудій производства.

Результаты производства вообще получаются непосредственно въ видѣ произведенныхъ продуктовъ; поэтому и доходъ, который составляетъ часть результатовъ производства, тоже появляется прежде всего въ видѣ продуктовъ, въ данномъ случаѣ машинъ. Но съ экономической точки зрѣнія не это важно, а то, что въ результатѣ производства явился приростъ цѣнности, который непосредственно получился въ видѣ машинъ, но съ помощью обмѣна можетъ быть обращенъ въ другіе предметы: деньги, пищу, одежду и т. п. Словомъ, для политической экономіи доходъ, какъ экономическое понятіе, есть хозяйственная цѣнность, матеріальная оболочка которой не играетъ роли какъ признакъ этого понятія.

Л. І. Петражицкій находитъ, что понятіе дохода можетъ быть правильно опредѣлено только какъ выраженіе извѣстнаго правила поведенія. Тогда признаки дохода превращаются въ постулаты, которые, какъ всякое правило человѣческаго поведенія (напр., правила приличія, морали и т. п.), имѣютъ относительный характеръ.

Общепринятыя опредѣленія дохода отправляются отъ извѣстныхъ объективныхъ признаковъ и говорятъ: 1) доходомъ называются поступленія, получаемыя безъ уменьшенія основного имущества; 2) доходъ состоитъ изъ повторныхъ поступленій («правильность») и 3) доходъ представляетъ потребительный фондъ.

---

[1]) Rob. Meyer. Das Wesen des Einkommens. 1887.

Всѣ эти признаки, если ихъ разсматривать объективно, по мнѣнію Петражицкаго, оказываются несостоятельными. Можно указать случаи, когда доходъ извлекался изъ имущества путемъ его уменьшенія (напр., вырубка лѣса или разработка угольныхъ копей); или когда доходъ, какъ было уже отмѣчено выше, не обладаетъ свойствомъ повторнаго появленія или правильности; наконецъ, наименѣе удачнымъ является послѣдній признакъ, потому что люди, хотя и живутъ обычно на доходъ, а не на капиталъ, тѣмъ не менѣе, иногда или проживаютъ часть своего дохода, или же живутъ отчасти и на капиталъ.

Совершенно иначе представится дѣло, если стать на ту точку зрѣнія, что понятіе дохода вытекаетъ изъ правила, которому должны слѣдовать люди, разъ они хотятъ разумно хозяйствовать. Понятіе дохода, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, вытекаетъ изъ главной цѣли, управляющей хозяйственной дѣятельностью людей и состоящей въ обезпеченіи въ будущемъ правильнаго удовлетворенія ихъ потребностей. *Стремленіе къ достиженію этой цѣли и образуетъ понятіе дохода, какъ хозяйственно дозволеннаго потребительнаго фонда, какъ нормальной границы потребленія.* Эта граница опредѣляется повторностью поступленій, обезпеченіе же ихъ повторности требуетъ сохраненія основнаго имущества, или средствъ пріобрѣтенія [1]).

Если человѣкъ хочетъ обезпечить правильное удовлетвореніе своихъ потребностей, онъ *долженъ* расходовать не болѣе того, что можетъ быть истрачено безъ пониженія основнаго имущества.

Вопросъ здѣсь переносится въ иную плоскость, но по существу опредѣленіе Петражицкаго сводится къ тому, что доходъ есть потребительный фондъ. Причемъ къ этому признаку присоединяется еще и тотъ, на которомъ основаны мнѣнія второй группы, что доходы составляютъ цѣнности, которыя могутъ быть истрачены безъ ущерба для имущества.

То, что Петражицкій вводитъ телеологическій моментъ, ничего не разъясняетъ, потому что остается въ силѣ вопросъ: потому ли извѣстная сумма цѣнностей составляетъ доходъ, что она является «хозяйственно дозволеннымъ потребительнымъ фон-

---

[1]) Die Lehre vom Einkommen. Von Leo v. Petrazycki. I Bd., стр. 35.

домъ» или, наоборотъ, она потому и составляетъ такой фондъ, что является доходомъ?

4) Наконецъ, совершенно особнякомъ стоитъ понятіе дохода, вводимое американскимъ экономистомъ Ирвингомъ Фишеромъ. По его мнѣнію, доходомъ не можетъ быть хозяйственное благо. Доходъ всегда представляетъ «услугу» (service), которая получается отъ блага въ видѣ пользованія имъ. Напр., доходъ отъ дома—это пользованіе имъ, какъ кровомъ или же наемная плата за него; доходъ отъ піанино—музыка, доходъ отъ пищи—питаніе и т. д. [1]).

Такое опредѣленіе, во всякомъ случаѣ, не отвѣчаетъ требованію, которое самъ Фишеръ предъявляетъ научной терминологіи, чтобы она гармонировала съ общепринятымъ и «инстинктивнымъ» словоупотребленіемъ. Никто не назоветъ музыку доходомъ отъ піанино или питаніе доходомъ отъ пищи.

Подводя итогъ вышеизложенному, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Доходъ составляютъ хозяйственныя цѣнности, матеріальная форма которыхъ можетъ быть различна, такъ что доходъ можетъ состоять какъ изъ предметовъ потребленія, такъ и изъ предметовъ, предназначенныхъ для производства. Словомъ, признаки дохода не связаны съ естественными и техническими свойствами вещей, что̀ правильно и съ логической точки зрѣнія, какъ это уже было выяснено выше по поводу капитала.

II. Все же не всякую сумму цѣнностей мы называемъ доходомъ. Это названіе присвоивается нами только тѣмъ цѣнностямъ, которыя мы разсматриваемъ въ ихъ отношеніи къ другимъ цѣнностямъ, признавая ихъ приращеніемъ послѣднихъ. Если мы, имѣя передъ собою какую-нибудь сумму цѣнностей, не ставимъ ея въ такое отношеніе къ другой суммѣ цѣнностей,—понятія дохода не будетъ. Сто рублей сами по себѣ представляютъ только опредѣленную денежную сумму; она выступитъ въ видѣ дохода только тогда, когда мы отнесемъ ее къ опредѣленному имуществу или капиталу и будемъ ее разсматривать какъ ихъ приращеніе.

III. Всѣ другіе признаки, присвоиваемые понятію дохода и

---

[1]) J. Fisher. Capital and Income.

разсмотрѣнные выше, не имѣютъ существеннаго значенія по изложеннымъ соображеніямъ.

Итакъ, *доходъ — извѣстное количество хозяйственныхъ цѣнностей, разсматриваемое какъ приращеніе къ имуществу или къ капиталу.*

§ 22. Доходъ въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. Доходъ понимается въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. Подъ первымъ разумѣютъ доходъ, относимый къ объекту (хозяйству); подъ вторымъ—доходъ, относимый къ субъекту—физическому или юридическому лицу. Конечно по существу доходъ всегда относится къ субъекту: употребляя выраженіе «доходъ въ объективномъ смыслѣ», мы въ конечномъ счетѣ все же относимъ доходъ къ субъекту опредѣленнаго хозяйства, т.-е. говоримъ о доходѣ, получаемомъ отъ даннаго хозяйства физическимъ или юридическимъ лицомъ, стоящимъ во главѣ его. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о доходности того или другого предпріятія.

Доходъ въ субъективномъ смыслѣ относится къ лицу, какъ субъекту имущества. Это—доходъ, поступающій въ имущество опредѣленнаго лица, физическаго или юридическаго. Здѣсь имѣетъ значеніе не источникъ дохода, а фактъ поступленія его въ имущественное обладаніе опредѣленнаго субъекта. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о доходѣ X или Z, о доходѣ монастыря, университета и т. п.

Доходы въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ [1]) могутъ совпадать, но могутъ и не совпадать. Доходъ лица можетъ слагаться изъ доходовъ, получаемыхъ изъ разныхъ источниковъ, въ томъ числѣ отъ разныхъ предпріятій, и въ такомъ случаѣ доходы отъ отдѣльныхъ предпріятій, разсматриваемые въ объективномъ смыслѣ, какъ доходы отъ такой-то фабрики или такого-то магазина и т. п., будутъ составлять только отдѣльныя слагаемыя общаго дохода одного лица, т.-е. дохода въ субъективномъ смыслѣ. Если же весь доходъ лица получается отъ одного предпріятія, то доходъ въ субъективномъ смыслѣ будетъ совпадать съ доходомъ въ объективномъ смыслѣ, напр.— доходъ фабриканта, не имѣющаго никакихъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ своей фабрики, въ субъективномъ и

---

[1]) Мы сохраняемъ эту терминологію за неимѣніемъ лучшей.

въ объективномъ смыслѣ, будетъ представлять одну и ту же величину.

Разграниченія разсмотрѣнныхъ понятій дохода имѣютъ очень важное значеніе въ политической экономіи и въ другихъ соприкасающихся съ нею наукахъ. Понятіемъ дохода въ объективномъ смыслѣ пользуются для опредѣленія доходности («рентабельности») предпріятій въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется для научныхъ и практическихъ цѣлей. Если, напр., желаютъ выяснить жизнеспособность какой-нибудь отрасли производства, то прежде всего выясняютъ доходность предпріятій данной отрасли при существующихъ условіяхъ. Въ зависимости отъ того, приносятъ ли вообще интересующія изслѣдователя предпріятія доходъ или убытокъ, выясняется, можетъ ли данная отрасль производства существовать при опредѣленныхъ условіяхъ или она обречена на упадокъ и гибель.

Для того, чтобы выяснить, насколько обосновано требованіе новой таможенной пошлины или повышенія существующей, необходимо изслѣдовать, какова доходность предпріятій въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыхъ коснется проектируемая пошлина. Такія требованія обыкновенно основаны на утвержденіи, что при данныхъ условіяхъ предпріятія такой-то отрасли промышленности не приносятъ дохода (не рентабельны) или приносятъ недостаточный доходъ. Поэтому вопросъ о доходности долженъ быть изслѣдованъ въ первую очередь.

Въ подобныхъ случаяхъ важно опредѣлить доходность предпріятія, а не доходъ лица, стоящаго во главѣ дѣла. Это не одно и то же: капиталистъ можетъ получать въ общемъ большой доходъ отъ всѣхъ принадлежащихъ ему предпріятій, но это не значитъ, что каждое изъ нихъ приноситъ значительный доходъ. Если рѣчь идетъ, напр., объ условіяхъ сахарной промышленности, то важно опредѣлить доходность сахарныхъ заводовъ, т.-е. выяснить доходъ, приносимый опредѣленными предпріятіями, а не общій доходъ лицъ, которымъ принадлежатъ предпріятія. Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ значеніе доходъ въ объективномъ смыслѣ.

Понятіе дохода въ субъективномъ смыслѣ составляетъ основу проблемы распредѣленія, заключающейся въ выясненіи законовъ, по которымъ хозяйственныя блага распредѣляются между клас-

сами, группами и индивидуумами, составляющими общество. Въ этомъ случаѣ важно выяснить не доходность того или другого предпріятія или той или другой отрасли промышленности или торговли, а доходы, получаемые людьми разныхъ профессій и соціальныхъ положеній: рабочими, капиталистами и т. д. Общая картина распредѣленія представляетъ картину доходовъ въ субъективномъ смыслѣ.

Строгое разграниченіе понятій дохода въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ имѣетъ очень важное значеніе въ финансовой наукѣ, именно въ ученіи объ обложеніи, гдѣ приходится устанавливать признаки объектовъ обложенія. Въ однихъ случаяхъ налоги направлены на обложеніе доходовъ въ объективномъ смыслѣ (напр., промысловый налогъ), въ другихъ они взимаются съ доходовъ въ субъективномъ смыслѣ (напр., подоходный налогъ). Чтобы правильно опредѣлить размѣры обложенія, необходимо имѣть возможно полныя свѣдѣнія о доходности отдѣльныхъ предпріятій и о распредѣленіи доходовъ въ странѣ.

Соотвѣтственно субъектамъ различаются доходы: *государственные, общественные* и *частные*. Эти виды доходовъ соотвѣтствуютъ субъектамъ имуществъ—государственнаго, общественнаго и частнаго.

§ 23. Понятія имущества, капитала и дохода съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Понятія имущества, капитала и дохода разсмотрѣны выше примѣнительно къ единичному хозяйству. Но ихъ нерѣдко относятъ и къ народному хозяйству, говоря объ имуществѣ, капиталѣ и доходѣ въ народнохозяйственномъ значеніи и противополагая послѣднее частнохозяйственному. При этомъ проводится или, по крайней мѣрѣ, подразумѣвается мысль, что политическая экономія, какъ соціальная наука, только и можетъ интересоваться народнохозяйственными явленіями, слѣдов. и перечисленныя понятія должны разсматриваться ею съ народнохозяйственной точки зрѣнія.

По поводу этого мнѣнія слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что политическая экономія, будучи соціальной наукой, не можетъ не останавливать своего вниманія и на единичномъ хозяйствѣ, поскольку происходящія въ немъ или связанныя съ нимъ явленія представляются типическими и имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ явленіямъ народнаго хозяйства.

Въ народномъ хозяйствѣ индивидуалистическаго типа единичныя хозяйства, и не только государственныя и общественныя, но и частныя, составляютъ ячейки, изъ которыхъ складывается цѣлое и въ которыхъ совершаются процессы, опредѣляющіе его жизнь. Въ единичныхъ хозяйствахъ производятся хозяйственныя блага, при ихъ посредствѣ они передвигаются въ мѣновомъ оборотѣ и перевозятся, и наконецъ, въ единичныхъ же хозяйствахъ происходитъ и потребленіе благъ. Такимъ образомъ главные процессы народнаго хозяйства, выражающіе его жизнедѣятельность, происходятъ въ рамкахъ единичныхъ хозяйствъ. Естественно, что политическая экономія не можетъ не имѣть ихъ въ виду въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Разсмотрѣнныя выше понятія имущества, капитала и дохода относятся къ единичнымъ хозяйствамъ. Понятіе имущества въ этомъ значеніи предполагаетъ субъекта имущественныхъ правъ. Капиталъ опредѣляется какъ дѣйствительно существующая совокупность хозяйственныхъ цѣнностей. А понятіе дохода пріурочивается къ имуществу, или капиталу, понимаемымъ въ изъясненномъ смыслѣ.

Когда понятіе имущества, капитала и дохода пріурочиваютъ къ народному хозяйству, и притомъ существующему въ эмпирической дѣйствительности, т.-е. индивидуалистическаго типа, то обыкновенно сближаютъ народное хозяйство съ единичнымъ, явно извращая природу перваго. Предполагается, что народное хозяйство современнаго типа имѣетъ своего субъекта въ народѣ, понимаемомъ какъ соціальное единство, и что къ этому субъекту и относятся понятія имущества, капитала и дохода. Но мы уже знаемъ, что народное хозяйство въ его современной формѣ не имѣетъ субъекта; и поэтому нельзя пріурочивать къ нему и понятій, предполагающихъ существованіе субъекта. Отъ такого способа выраженія, какъ имущество, капиталъ или доходъ въ народнохозяйственномъ смыслѣ, не поясненныхъ оговорками, получается ложное представленіе, будто на-ряду съ имуществами государства, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ существуетъ еще имущество, принадлежащее народу, какъ таковому и не пріуроченное ни къ одному изъ существующихъ единичныхъ хозяйствъ. Точно также предполагается, будто народъ владѣетъ какимъ-то ему принадлежащимъ капиталомъ, отличнымъ

отъ капиталовъ, принадлежащихъ государству и другимъ общественнымъ или частнымъ организаціямъ и физическимъ лицамъ. Такое же представленіе создается и относительно дохода. Въ дѣйствительности народъ какъ коллективная единица владѣетъ только тѣми имуществами и капиталами, которыя принадлежатъ государству, и о народномъ доходѣ можно говорить, какъ о реальной величинѣ, только въ смыслѣ государственнаго дохода. Но когда употребляютъ выраженіе имущество, капиталъ или доходъ въ народнохозяйственномъ смыслѣ, то имѣютъ въ виду не государство какъ субъекта права или хозяйства, а народное хозяйство, какъ цѣлое, обнимающее собой всю совокупность хозяйственныхъ явленій и процессовъ, совершающихся въ жизни народа. Но въ этомъ смыслѣ понятія имущества, капитала и дохода должны имѣть совершенно иное значеніе, чѣмъ въ примѣненіи къ единичному хозяйству. И отличіе этого значенія должно быть точно оговорено.

Подъ имуществомъ въ народнохозяйственномъ смыслѣ въ сущности понимаютъ сумму хозяйственныхъ цѣнностей, полученныхъ путемъ сложенія имуществъ, принадлежащихъ единичнымъ хозяйствамъ страны, въ томъ числѣ государству, общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Но при этомъ подсчетѣ отпадутъ элементы, имѣющіе значеніе только для единичныхъ хозяйствъ. Таковы права пользованія вещами, принадлежащими третьимъ лицамъ, и претензіи вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ долгами. Въ самомъ дѣлѣ то, что земледѣльцу А принадлежитъ право проѣзда черезъ землю землевладѣльца Б, имѣетъ значеніе для того и другого. Но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства это обстоятельство не представляетъ интереса: оно увеличиваетъ цѣнность одного имущества, но зато уменьшаетъ цѣнность другого. Также и относительно долговыхъ обязательствъ: претензіямъ однихъ соотвѣтствуютъ долги другихъ. Поэтому проф. А. И. Чупровъ и указываетъ, что «съ точки зрѣнія общенародной всѣ такія требованія одного хозяйства отъ другого не составляютъ имущества... Если бы векселя и процентныя бумаги, замѣчаетъ онъ, представляли увеличеніе народнаго имущества, то мы должны были бы притти къ абсурдному заключенію, что народное богатство вырастаетъ черезъ прибавку долговъ» [1]).

[1]) Курсъ, стр. 69.

Если же вычесть изъ суммы имуществъ единичныхъ хозяйствъ всѣ взаимнопогашающіеся элементы, то останутся только матеріальные предметы, имѣющіе хозяйственную цѣнность. Но совокупность такихъ предметовъ, существующихъ въ странѣ, лучше называть *народнымъ богатствомъ*, а не народнымъ имуществомъ, въ виду опредѣленнаго юридическаго значенія послѣдняго термина.

По отношеніи къ понятію капитала въ народнохозяйственномъ смыслѣ необходимо замѣтить слѣдующее.

Капиталъ единичнаго хозяйства есть реальная, т.-е. существующая въ эмпирической дѣйствительности, какъ одно цѣлое, совокупность цѣнностей, а не только ариѳметическая величина, выражающая ихъ сумму. Для того, чтобы быть капиталомъ, цѣнности должны быть дѣйствительно соединены въ одно цѣлое, а не только подсчитаны. Милліонъ рублей въ рукахъ одного человѣка или въ кассѣ учрежденія (банка, предпріятія и пр.) составляетъ капиталъ; но милліонъ рублей, какъ сумма рублей, находящихся по одному рублю въ карманахъ милліона людей, не составляетъ капитала. Первое представляетъ концентрированную хозяйственную энергію; послѣднее—распыленную.

Реальной величиной являются капиталы частныхъ лицъ и учрежденій, государства, органовъ самоуправленія.

Но съ народно-хозяйственной точки зрѣнія капитала, какъ реальной величины, не существуетъ, потому что капиталы, имѣющіеся въ странѣ, не составляютъ единой совокупности.

Признавая одну страну богатой, а другую бѣдной капиталами, мы утверждаемъ только то, что въ одной странѣ число частныхъ, общественныхъ и государственныхъ капиталовъ велико, а въ другой мало; что одна страна располагаетъ значительными, а другая незначительными суммами хозяйственныхъ цѣнностей, существующихъ въ видѣ накопленныхъ совокупностей.

Въ сущности подъ капиталомъ въ народнохозяйственномъ смыслѣ разумѣютъ обыкновенно сумму находящихся въ странѣ хозяйственныхъ благъ, могущихъ служить средствами производства: сырье, машины, фабричныя строенія и т. п. Это техническое понятіе, которымъ пользуются для опредѣленія размѣровъ имѣющихся въ странѣ техническихъ средствъ производства.

Наконецъ, понятіе народнаго дохода имѣетъ переносное значеніе. Если построить понятіе народнаго имущества (или богат-

ства) и народнаго капитала и связать ихъ съ понятіемъ народнаго хозяйства, какъ хозяйственнаго цѣлаго, то можно образовать и понятіе народнаго дохода. Подъ этимъ именемъ придется разумѣть сумму всѣхъ цѣнностей въ странѣ, разсматриваемую какъ приращеніе къ опредѣленной суммѣ имущества или капитала.

Но сумма цѣнностей, разсматриваемая какъ народный доходъ, можетъ состоять только изъ цѣнностей, находящихся въ обладаніи субъектовъ единичныхъ хозяйствъ. Она представляетъ собою величину, полученную съ помощью расчета. Такой расчетъ нерѣдко и производится, въ особенности въ цѣляхъ сравненія разныхъ странъ въ отношеніи ихъ матеріальнаго состоянія. Но при производствѣ подобныхъ расчетовъ необходимо принимать предосторожности противъ того, чтобы однѣ и тѣ же цѣнности не попадали въ счетъ по нѣскольку разъ. Напр., если сложить доходы частныхъ лицъ, не вычтя изъ нихъ платимыхъ ими налоговъ, а потомъ прибавить къ полученной суммѣ весь доходъ государства, въ который вошли налоги, то однѣ и тѣ же цѣнности (налоги) будутъ сосчитаны два раза. Для того, чтобы избѣжать подобныхъ ошибокъ, предлагаются разные способы опредѣленія народнаго дохода, разсмотрѣніе и оцѣнка которыхъ входятъ въ область статистики [1]).

ГЛАВА V.

Предпріятіе.

§ 24. Предпріятіе и предприниматель. Предпріятіе—особый видъ хозяйства. Его отличительнымъ признакомъ является то, что оно имѣетъ цѣлью *пріобрѣтеніе хозяйственныхъ цѣнностей посредствомъ дѣятельности, расчитанной на удовлетвореніе потребностей сторонникъ лицъ.*

Мы не назовемъ предпріятіемъ домашняго хозяйства, организующаго потребленіе поступающихъ къ нему извнѣ хозяйственныхъ благъ. Съ другой стороны и замкнутое хозяйство, непо-

[1]) Краткое изложеніе методовъ (реальнаго и личнаго) опредѣленій народнаго дохода см. въ ст. Мейера Einkommen (Statistik etc) въ HWB.

средственно удовлетворяющее потребности участвующихъ въ немъ лицъ, тоже не является предпріятіемъ. Такое хозяйство будетъ *потребительскимъ*, а не предпринимательскимъ. Полумѣновыя хозяйства, работающія частью для удовлетворенія потребностей своихъ участниковъ, частью для сторонніхъ потребителей, представляютъ промежуточный типъ между предпріятіемъ и замкнутой формой хозяйства.

Въ дѣйствительности существуетъ много оттѣнковъ, въ зависимости отъ того, какой признакъ преобладаетъ: удовлетвореніе собственныхъ потребностей или работа на сторонніхъ потребителей. Въ первомъ случаѣ, хозяйство относится скорѣе къ потребительскому типу, во второмъ—къ предпринимательскому.

Когда крестьянское хозяйство въ Россіи называютъ потребительскимъ, то этимъ хотятъ сказать, что крестьяне производятъ главнымъ образомъ для себя. Мнѣніе, что хозяйство нашихъ крестьянъ становится все болѣе и болѣе предпринимательскимъ, опирается на утвержденіе, что производство для сбыта, пріобрѣтаетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ возрастающее значеніе [1]).

---

[1]) Въ литературѣ опредѣленіе предпріятія не вызываетъ глубокихъ разногласій. Обычно указываются слѣдующіе признаки предпріятія: 1) производство для обмѣна, 2) производство за свой рискъ и страхъ и 3) съ цѣлью полученія прибыли. При этомъ часто выдвигается на первый планъ какой-нибудь одинъ изъ этихъ признаковъ, напр., рискъ (Мангольдтъ, Клейнвехтеръ, Рошеръ) или стремленіе къ прибыли (Шредеръ). Обычно указываютъ, какъ признакъ предпріятія, что оно сопряжено съ рискомъ и ведется за страхъ того, кто стоитъ во главѣ его. Несомнѣнно, что рискъ связанъ съ предпріятіемъ, но, съ другой стороны, всякое хозяйство можетъ окончиться неудачей. Натуральное хозяйство также можетъ не привести къ желательной цѣли: продукты могутъ оказаться ненужными вслѣдствіе измѣненія потребности или неправильнаго опредѣленія ея, или качество продуктовъ можетъ быть неудовлетворительно. Но въ такомъ хозяйствѣ неудача ложится своими послѣдствіями на всѣхъ его участниковъ, являющихся не только производителями, но и потребителями. Между тѣмъ въ хозяйствѣ, производящемъ для сбыта, послѣдствія неудачи падаютъ только на производителя. На это различіе между натуральнымъ и рыночнымъ хозяйствомъ указалъ еще Мангольтъ, первый изслѣдователь природы предпринимательскаго дохода. На этомъ основаніи онъ опредѣлялъ предпріятіе какъ хозяйство, въ которомъ рискъ падаетъ на производителя. (Die Lehre vom Unternehmergewinn, von D-r H. v. Mangoldt. 1855.) Признакъ риска особенно выдвигаютъ Клейвехтеръ (см. его ст. въ руководствѣ Шенберга (Schönberg's Handbuch) Рошеръ (Grundlagen) и Лифманъ (Die Unternehmungsformen, Von Prof. Liefmann, 1912. Проф. В. Э. Денъ (ст. О формахъ предпрі-

Во главѣ предпріятія стоитъ физическое или юридическое лицо, *которое руководитъ имъ*. При этомъ *руководитель предпріятія всегда имущественно заинтересованъ въ немъ*. Лицо, руководящее предпріятіемъ, не будучи имущественно заинтересовано въ немъ, является наемнымъ директоромъ-распорядителемъ, и какъ бы ни были широки его полномочія, надъ нимъ все же стоитъ еще высшая инстанція. Это — лицо или лица, которымъ, при ихъ имущественномъ участіи въ дѣлѣ, принадлежитъ рѣшающій голосъ во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ. Какъ бы ни былъ широко снабженъ полномочіями наемный директоръ-распорядитель, все же въ его полномочія не входятъ прекращеніе предпріятія, коренное измѣненіе общаго характера его дѣятельности или его организаціи и т. п. Здѣсь рѣшающій голосъ имѣетъ только предприниматель, какъ заинтересованный имущественно и потому имущественно отвѣтственный руководитель.

Кромѣ предпринимателя имущественно заинтересованными въ предпріятіи могутъ быть и другія лица, напр., вкладчики, вложившіе въ дѣло капиталы, но не участвующіе въ его веденіи. Вкладчики несутъ имущественную отвѣтственность въ размѣрѣ своихъ вкладовъ, обычно пользуются совѣщательнымъ голосомъ въ собраніяхъ пайщиковъ товарищества, но рѣшающаго голоса не имѣютъ. Поэтому называть ихъ предпринимателями было бы неправильно.

§ 25. Виды предпріятій. Предпріятія различаются по цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ. *Промышленныя* предпріятія занимаются производствомъ хозяйственныхъ благъ: добываютъ сырье и обработываютъ его. Къ первому виду относятся предпріятія сельско-хозяйственныя, горнозаводскія, лѣсныя и т. п. Ко второму—металлургическія, прядильноткацкія, машиностроительныя и многія другія того же рода.

Къ промышленнымъ предпріятіямъ близко примыкаютъ *транспортныя*, занимающіяся перевозкой предметовъ и людей (желѣзнодорожное дѣло, мореходство и т. п.) и *коммуникаціонныя*, вѣдающія средствами сношеній (почта, телеграфъ, телефонъ).

ятія въ Изв. С.-П.-Б. Полит. Инст., Эк. Отд.) называетъ предпріятіемъ „всякое единичное хозяйство, ставящее себѣ цѣлью производство“. Но подъ это опредѣленіе подойдетъ и замкнутое хозяйство, занимающееся производствомъ, что едва ли можно признать правильнымъ.

Въ народномъ хозяйствѣ современнаго типа хозяйственныя блага поступаютъ къ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается, черезъ посредство обмѣна. Когда производство закончено, нужно еще продать продукты для того, чтобы производственный процессъ достигъ своей цѣли—служить удовлетворенію человѣческихъ потребностей. При этомъ производитель далеко не всегда имѣетъ дѣло непосредственно съ потребителемъ. Между тѣмъ и другимъ большею частью находится посредникъ, покупающій продукты у производителя для перепродажи ихъ потребителямъ. Часто производитель бываетъ отдѣленъ отъ потребителя длиннымъ рядомъ посредниковъ: оптовые торговцы покупаютъ продукты непосредственно у производителей, обычно въ большихъ количествахъ, но перепродаютъ ихъ не потребителямъ, а другимъ посредникамъ. Пока продуктъ достигнетъ потребителя, онъ часто проходитъ длинный путь.

Посредническая дѣятельность между производителемъ и потребителемъ, состоящая въ покупкѣ товаровъ для ихъ перепродажи, называется *торговлей*, а хозяйства, занимающіяся ею, составляютъ разрядъ *торговыхъ* предпріятій.

Близко къ торговымъ стоятъ *коммерческія* предпріятія, главная задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы облегчать движеніе цѣнностей въ мѣновомъ оборотѣ. Это—банки, банкирскія конторы и пр.

Наконецъ, особыя предпріятія имѣютъ цѣлью обезпеченіе владѣльцевъ капитала и предпріятій отъ риска, связаннаго съ несчастными случаями (пожары, градобитія и пр.). Это предпріятія *страховыя*.

§ 26. Капиталистическое предпріятіе. Предпріятія, независимо отъ хозяйственныхъ задачъ, которыя они ставятъ себѣ, бываютъ *капиталистическими* и *некапиталистическими* [1]).

---

[1]) Бемъ-Баверкъ называетъ капиталистическимъ всякое производство, ведущееся съ помощью капитала, подъ которымъ, какъ было сказано выше, онъ понимаетъ „промежуточные продукты“; но онъ придаетъ понятію капиталистическаго предпріятія и другое значеніе, именно, что въ такомъ предпріятіи руководящая роль принадлежитъ владѣльцамъ капитала — капиталистамъ. (См. ст. о капитализмѣ въ HWB.) Максъ Веберъ кладетъ центръ тяжести въ опредѣленіи понятія капиталистическаго предпріятія на два момента: связь предпріятія съ мѣновымъ оборотомъ и пользованіе чужимъ трудомъ. При этомъ онъ настаиваетъ на томъ, что для понятія капиталистическаго предпріятія безразлично, является ли чужой трудъ наемнымъ трудомъ свободнаго рабочаго

Признакомъ капиталистическаго предпріятія служитъ прежде всего то, что это *крупное предпріятіе*, въ которомъ высшее руководство дѣломъ отдѣлено отъ другихъ функцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предприниматель, которому принадлежитъ высшее руководство, является собственникомъ всего или части капитала, или же имущественно заинтересованъ въ дѣлѣ тѣмъ, что пользуется полностью или отчасти чужимъ капиталомъ, за который онъ несетъ имущественную отвѣтственность. Такимъ образомъ высшій руководитель капиталистическаго предпріятія является вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталистомъ, и поэтому интересы капитала опредѣляютъ направленіе и характеръ его дѣятельности. Его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы капиталъ приносилъ возможно болѣе высокій доходъ. Ее можно опредѣлить какъ *рентированіе капитала*.

Интересы предпринимателя какъ потребителя не оказываютъ вліянія на капиталистическое предпріятіе, потому что при болѣе

или трудомъ раба. Опредѣленіе капиталистическаго предпріятія исключительно какъ такого, которое основано на наемномъ трудѣ, привело, по мнѣнію Вебера, къ отрицанію существованія капиталистическихъ предпріятій въ античномъ мірѣ, что по существу совершенно не вѣрно. На наемномъ трудѣ свободнаго рабочаго основаны капиталистическія предпріятія *нашего времени*; въ античномъ же мірѣ предпріятія этого типа пользовались рабочей силой рабовъ. (Ст. Agrargeschichte въ HWB). Зомбартъ строитъ опредѣленіе капиталистическаго предпріятія на моментѣ полученія прибыли на капиталъ, какъ цѣли, пріобрѣтающей для предпринимателя объективное значеніе. Направленіе такого предпріятія въ качественномъ и количественномъ отношеніи не опредѣляется потребностями одного лица или извѣстнаго круга лицъ. Капиталистическое предпріятіе должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія рентированія капитала. Въ этомъ и заключается его объективная (не личная) цѣль. (Der moderne Kapitalismus, I и Der kapitalistische Unternehmer, Arch. f. Soc. W., Bd. XXIX (1909). Признакъ, указанный Зомбартомъ, дѣйствительно является очень существеннымъ для характеристики капиталистическаго предпріятія. Но онъ вытекаетъ изъ размѣровъ предпріятія, увеличеніе котораго приводитъ къ объективированію его цѣли и измѣненію его структуры. Туганъ-Барановскій считаетъ отличительнымъ признакомъ капиталистическаго предпріятія то, что „доходъ капиталистическаго предпріятія всегда имѣетъ характеръ дохода, не основаннаго на затратѣ труда лица, получающаго этотъ доходъ; именно этотъ нетрудовой характеръ и дѣлаетъ доходъ капиталистическаго предпріятія прибылью, къ полученію которой въ наибольшемъ размѣрѣ стремится капиталистъ“. (Статья „Соціально-экономическая природа кооперации“ въ сборн. „Курсы по кооперации“, т. I, 1913 г., стр. 8). Если понимать подъ трудомъ вообще затрату физической или умственной, или той и другой энергіи, то нельзя сказать, что предприниматель не трудится.

или менѣе крупныхъ размѣрахъ послѣдняго, потребленіе отходитъ на задній планъ передъ главной цѣлью полученія возможно большей прибыли на капиталъ.

Рабочія и служебныя функціи въ капиталистическомъ предпріятіи исполняются лицами, привлекаемыми со стороны за плату. Пользованіе чужимъ трудомъ (рабскимъ, какъ въ древнемъ мірѣ, или наемнымъ, какъ въ новѣйшую эпоху) также составляетъ отличительную черту капиталистическаго предпріятія.

Соединяя перечисленные выше признаки въ одно цѣлое, можно опредѣлить капиталистическое предпріятіе какъ такое, которое характеризуется слѣдующими признаками: 1) Это предпріятіе болѣе или менѣе крупное. 2) Его основная задача заключается въ рентированіи капитала, внѣ зависимости отъ личныхъ потребностей его участниковъ. 3) Высшее руководство дѣломъ принадлежитъ предпринимателю, состоящему въ тоже время собственникомъ всего капитала или его части или пользующемуся за свой рискъ и страхъ чужимъ капиталомъ взятымъ въ займы. 4) Рабочія и служебныя функціи выполняются съ помощью труда, привлекаемаго со стороны (наемнаго или рабскаго).

Перечисленные признаки тѣсно связаны съ размѣрами предпріятія. Пока предпріятіе невелико, предприниматель смотритъ на доходъ отъ него, какъ на источникъ своего существованія и связываетъ полученіе прибыли со своими потребностями. При этихъ условіяхъ рентированіе капитала не можетъ стать главною цѣлью: личныя потребности предпринимателя имѣютъ опредѣляющее значеніе.

Съ другой стороны, и внутри мелкаго предпріятія не можетъ произойти полной дифференціаціи функцій. Предприниматель часто является не только руководителемъ предпріятія, но и принимаетъ въ немъ участіе своимъ трудомъ. Если онъ и принанимаетъ рабочихъ со стороны, то или случайно, или въ небольшомъ числѣ, и обычно работаетъ вмѣстѣ и на ряду съ ними. Примѣрами такихъ предпріятій служатъ мелкія ремесленныя мастерскія, кустарные промыслы и т. п. Хозяйство нашего крестьянина въ массѣ относится къ тому же типу.

Иное дѣло—въ крупномъ предпріятіи. Здѣсь силы предпринимателя цѣликомъ поглощаются функціей высшаго руководителя. Онъ не можетъ быть въ то же время и рабочимъ. Поэтому тру-

довыя и служебныя функціи выполняются лицами, привлекаемыми со стороны, обычно въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ. Такія предпріятія характеризуются опредѣленнымъ *соціальнымъ* признакомъ, выражающимся въ извѣстномъ соотношеніи между участниками дѣла. Предприниматель занимаетъ руководящее положеніе, а представители рабочей силы—подчиненное.

Появленіе капиталистическихъ предпріятій и обособленіе предпринимательскихъ функцій всегда связывалось въ исторіи съ переходомъ къ крупнымъ размѣрамъ производства [1]). Такъ было въ античномъ мірѣ, и то же самое повторилось въ позднѣйшую эпоху. Возникновеніе современнаго предпринимательства капиталистическаго типа относится къ эпохѣ возрожденія, когда на ряду съ мелкими предпріятіями средневѣковья стали появляться сначала въ Италіи, а затѣмъ во Франціи и Голландіи предпріятія новаго типа, пользовавшіяся большими капиталами и значительнымъ числомъ рабочихъ.

Въ 18 ст. въ культурныхъ государствахъ Европы встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, и преимущественно въ отрасляхъ промышленности, свободныхъ отъ цеховъ, предпріятія по 10, 50 и даже 100 рабочихъ. Ихъ поддерживаютъ концессіями и привилегіями; отчасти они находятся въ рукахъ государства. Они появляются какъ новая форма хозяйственной жизни. Но только въ теченіе 19 в., и особенно во второй половинѣ его, крупное производство получило широкое распространеніе въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ. И въ настоящее время капиталистическія предпріятія наиболѣе ярко проявляютъ свою природу въ крупномъ производствѣ: въ банковскомъ, транспортномъ и страховомъ дѣлѣ, въ металлургической промышленности, также въ текстильной, машиностроительной, химической, бумажной, сахарной и въ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли и сельскаго хозяйства.

§ 27. Формы предпріятій. Частныя предпріятія различаются по способу образованія ихъ капиталовъ и организаціи въ нихъ предпринимательныхъ функцій. Они распадаются прежде всего на двѣ группы: *единоличныхъ* и *коллективныхъ*.

Единоличнымъ называется предпріятіе, въ которомъ предпри-

---

[1]) См. Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre Шмоллера, главу Die Unternehmung.

нимательскія функціи несетъ одно лицо. На это лицо падаетъ нераздѣльно рискъ предпріятія; ему же принадлежитъ и высшее веденіе дѣла. Единоличныя предпріятія больше всего подходятъ для веденія дѣлъ, успѣхъ которыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ личныхъ качествъ руководителя: его способностей, энергіи и смѣлости. Тамъ, гдѣ успѣхъ можетъ быть наиболѣе обезпеченъ свободой дѣйствій руководителя и наличностью всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя обусловлены личнымъ интересомъ, единоличная форма предпріятія всего болѣе у мѣста. Она гарантируетъ въ наивысшей мѣрѣ бережливое отношеніе къ имуществу, тщательное использованіе даже небольшихъ выгодъ и т. д.

Невыгодныя стороны единоличныхъ предпріятій заключаются въ томъ, что ихъ судьба тѣсно связана съ судьбой одного человѣка: дѣло зависитъ отъ теченія личной жизни предпринимателя. Съ его смертью нерѣдко кончается и его дѣло. Кромѣ того, единоличныя предпріятія большею частью располагаютъ ограниченными капиталомъ и кредитомъ. Такія предпріятія ведутся обыкновенно на собственный капиталъ предпринимателя.

Формы коллективныхъ предпріятій очень разнообразны [1]).

I. *Товарищества полныя, на вѣрѣ, негласныя и простыя.* Самой простой формой коллективнаго предпріятія является *полное или открытое товарищество* (Offene Handelsgesellschaft, Société en nom collectif). Признаки такого товарищества заключаются въ томъ, что всѣ участники его (товарищи) занимаются торговлею или промысломъ подъ общею фирмою (т.-е. общимъ наименованіемъ) и по обязательствамъ товарищества отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ, какъ совокупные должники. Отношенія товарищей между собою опредѣляются товарищескимъ договоромъ, а за отсутствіемъ такового примѣняются соотвѣтствующія статьи закона. Работа распредѣляется обыкновенно между товарищами по принципу раздѣленія труда, при чемъ одни вѣдаютъ техническую часть, а другіе коммерческую.

---

[1]) Подробное разсмотрѣніе вопроса см. въ Курсѣ Торговаго права, проф. Г. Ф. Шершеневича. Также Проектъ Гражданскаго уложенія (1905 г.). Въ ст. „О формахъ предпріятія“, (Изв. СПБ. Полит. Инст., Эк. Отд.) проф. В. Э. Денъ излагаетъ ученіе о формахъ организаціи производства въ экономическомъ и техническомъ отношеніяхъ. Также въ книгѣ Лифмана „Die Unternehmungsformen.

Полное товарищество примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда во главѣ предпріятія желаетъ стать группа лицъ, объединенныхъ близкимъ знакомствомъ другъ съ другомъ и взаимнымъ довѣріемъ. Иначе трудно ожидать единодушія въ дѣйствіяхъ предпринимателей, составляющихъ одно цѣлое; а при отсутствіи взаимнаго довѣрія трудно разсчитывать на согласіе товарищей нести другъ за друга отвѣтственность, и притомъ неограниченную. Наличность такихъ условій встрѣчается большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищество состоитъ изъ близкихъ родственниковъ, на что и указываютъ часто встрѣчающіяся названія товариществъ: «такой-то и сынъ или сыновья», «наслѣдники такого-то», «братья такіе-то» и т. п., хотя слѣдуетъ замѣтить, что такими названіями нерѣдко обозначаются у насъ не только полныя товарищества, но и акціонерныя общества.

Если участники полнаго товарищества обладаютъ большими капиталами и удовлетворяютъ указаннымъ выше требованіямъ, предпріятіе, основанное на такихъ началахъ, можетъ быть очень солиднымъ и пользоваться широкимъ кредитомъ. Многія фирмы этого рода существуютъ десятки и сотни лѣтъ и ведутъ крупныя торгово-промышленныя и коммерческія дѣла. Тѣмъ не менѣе, для предпріятій, требующихъ очень большихъ капиталовъ, особенно если это вновь возникающія предпріятія, форма полнаго товарищества является мало подходящей. Трудно собрать очень крупный капиталъ при условіи, чтобы послѣдній былъ внесенъ лицами, которыя будутъ нести другъ за друга неограниченную отвѣтственность и должны будутъ, какъ товарищи, сообща вести дѣло. Лица, обладающія необходимыми средствами, могутъ быть лишены требуемыхъ личныхъ качествъ, или капиталистъ можетъ интересоваться какимъ-нибудь дѣломъ и охотно принялъ бы въ немъ участіе, но онъ не склоненъ рисковать всѣмъ своимъ имуществомъ.

По тѣмъ же причинамъ уже существующимъ полнымъ товариществамъ не легко бываетъ расширить свой капиталъ. На этомъ пути они встрѣчаются съ тѣми же трудностями, которыя приходится преодолѣвать вновь образующимся товариществамъ.

Увеличеніе капитала значительно облегчается при *товариществахъ на вѣрѣ*, или *коммандитныхъ* (Kommanditgesellschaft, Société en commandite).

Товарищество на вѣрѣ отличается отъ полнаго тѣмъ, что оно состоитъ изъ участниковъ двухъ категорій: одни товарищи отвѣчаютъ передъ вѣрителями товарищества всѣмъ своимъ имуществомъ (неограниченно отвѣтственные товарищи), а другіе—только своими вкладами въ товарищество (вкладчики).

Понятно, что гораздо легче найти вкладчиковъ, чѣмъ неограниченно отвѣтственныхъ товарищей. Поэтому полное товарищество, встрѣчающее затрудненія для увеличенія своего капитала, легче достигнетъ цѣли, предоставивъ приглашаемымъ лицамъ участвовать въ дѣлѣ только вкладами и нести ограниченную отвѣтственность.

Положеніе вкладчиковъ иное, чѣмъ неограниченно отвѣтственныхъ товарищей. Предпринимательскія функціи несутъ послѣдніе; вкладчики же являются только имущественно заинтересованными участниками. Вкладчики не входятъ въ распоряженіе дѣлами товарищества, т.-е не несутъ предпринимательскихъ функцій.

Товарищество на вѣрѣ гласно существуетъ, какъ таковое. Объ учрежденіи его дѣлается заявленіе соотвѣтствующимъ органамъ управленія и опубликовывается во всеобщее свѣдѣніе, послѣ чего товарищество признается юридическимъ лицомъ.

Существуетъ, однако, форма *негласнаго товарищества на вѣрѣ* (Stille Gesellschaft), которая отличается тѣмъ, что участіе вкладчика въ дѣлѣ само по себѣ не создаетъ товарищества. Поэтому предпріятіе, ведущееся однимъ лицомъ, несущимъ неограниченную отвѣтственность, остается единоличнымъ и послѣ того, какъ привлеченъ къ дѣлу негласный вкладчикъ. Учрежденіе негласнаго товарищества не оглашается во всеобщее свѣдѣніе, и самое товарищество не признается юридическимъ лицомъ. Негласный вкладчикъ не принимаетъ личнаго участія въ дѣлѣ и является въ сущности только вѣрителемъ предпринимателя, съ той особенностью, что онъ не получаетъ на свой вкладъ опредѣленнаго процента, но участвуетъ въ прибыляхъ и убыткахъ предпріятія.

II. *Акціонерныя товарищества.* Наиболѣе важной и самой распространенной формой коллективныхъ предпріятій является *акціонерное товарищество* (или *общество*), *или товарищество на паяхъ*, по терминологіи нашего закона.

Первыя предпріятія, основанныя на началахъ, приближающихся къ устройству современныхъ акціонерныхъ обществъ, относятся къ 15 и 16 вѣку, когда возникли банки св. Георгія въ Генуѣ и св. Амвросія въ Миланѣ, представлявшіе по своей организаціи акціонерныя товарищества. Въ 17 вѣкѣ возникли крупныя торговыя компаніи, являющіяся прототипомъ современныхъ акціонерныхъ обществъ. Образцомъ для организаціи предпріятій этого типа послужила Нидерландо-Остъиндская компанія, возникшая въ 1602 г. Въ уставѣ этой компаніи встрѣчается впервые столь извѣстное въ настоящее время слово «акція». Участники компаніи называются въ уставѣ «акціонистами». Современный терминъ «акціонеръ» встрѣчается въ первый разъ въ уставѣ одного страхового общества, которое, впрочемъ, по своей организаціи не подходитъ подъ понятіе современнаго акціонернаго товарищества. На подобіе Нидерландо-Остъиндской компаніи въ 17 вѣкѣ образовались французскія, португальскія, датскія, шведскія и др. компаніи. Самостоятельное положеніе по своему устройству занимаютъ англійскія компаніи, изъ которыхъ первая Англо-Остъиндская возникла въ 1600 г.

Въ теченіе 17 и 18 вѣковъ вырабатывается современный типъ акціонерныхъ обществъ, но законодательная нормировка этой новой формы предпріятія еще отсутствуетъ. Первымъ законодательнымъ кодексомъ, регулировавшимъ акціонерное дѣло, былъ французскій Code de Commerce, оказавшій затѣмъ вліяніе на законодательства всѣхъ европейскихъ странъ.

Въ Россіи первымъ акціонернымъ обществомъ явилась учрежденная въ 1799 г. Россійско-Американская компанія; затѣмъ въ 1822 г. было учреждено Общество транспортовъ, въ 1827—Россійское страховое отъ огня общество.

Для акціонернаго общества необходимы слѣдующіе четыре признака:

1) Образованіе подъ особою фирмою товарищества для опредѣленной цѣли (акціонеры).

2) Предназначенный для достиженія цѣли товарищества имущественный фондъ, составленный акціонерами (основной, или складочный капиталъ).

3) Раздѣленіе основнаго капитала на извѣстное число долей (акціи).

4) Ограниченіе отвѣтственности каждаго акціонера его вкладомъ (принципъ ограниченной отвѣтственности).

Акціонерное товарищество въ цѣломъ представляетъ союзъ съ корпоративнымъ устройствомъ. Какъ союзъ, оно состоитъ изъ членовъ (акціонеровъ); въ качествѣ же корпораціи акціонерное товарищество обладаетъ органами, ведущими его дѣла. Права членовъ товарищества и компетенція его органовъ опредѣляются уставомъ.

Своимъ корпоративнымъ устройствомъ акціонерное товарищество существенно отличается отъ товариществъ иного типа. Это различіе выражается въ способѣ управленія дѣлами товарищества. Въ товариществахъ полномъ или на вѣрѣ отношенія между товарищами неограниченно отвѣтственными, на которыхъ лежитъ веденіе дѣла, таковы, что каждое дѣйствіе или обусловлено согласіемъ всѣхъ ихъ, или можетъ быть опротестовано каждымъ изъ нихъ, если по договору отдѣльные товарищи могутъ дѣйствовать единолично. Иное дѣло въ акціонерномъ товариществѣ. Здѣсь дѣйствуютъ органы путемъ постановленій, для дѣйствительности которыхъ не требуется согласія всѣхъ членовъ товарищества. Каждый органъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленной ему компетенціи на основаніи установленныхъ для него правилъ, не сливаясь съ товариществомъ въ цѣломъ и не завися отъ отдѣльныхъ его членовъ.

Высшимъ органомъ акціонернаго товарищества является *общее собраніе акціонеровъ*. Его компетенціи подлежатъ всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся дѣятельности и существованія товарищества, какъ-то: избраніе членовъ другихъ органовъ управленія товарищества, разсмотрѣніе и утвержденіе годовыхъ и иныхъ отчетовъ, распредѣленіе дивиденда, измѣненіе устава, уменьшеніе или увеличеніе основнаго капитала, отчисленіе изъ прибыли въ запасный капиталъ, закрытіе товарищества и т. д. Такимъ образомъ общему собранію акціонеровъ принадлежитъ высшее руководство дѣломъ, т.-е. исполненіе предпринимательскихъ функцій.

Исполненіе постановленій общаго собранія акціонеровъ и управленіе дѣлами товарищества составляетъ компетенцію особаго органа—*Правленія*, которое вмѣстѣ съ тѣмъ является и представителемъ товарищества на судѣ и внѣ суда. Правленіе ведетъ

всѣ текущія дѣла товарищества и заключаетъ всѣ сдѣлки, входящія въ кругъ операцій товарищества.

Контролирующимъ органомъ общаго собранія акціонеровъ по отношенію правленія является *ревизіонная комиссія*, избираемая общимъ собраніемъ изъ своей среды или изъ постороннихъ лицъ. Ревизіонная комиссія повѣряетъ отчетъ правленія и затѣмъ вноситъ его съ своимъ заключеніемъ въ общее собраніе. Вмѣсто ревизіонной комиссіи могутъ быть учреждаемы постоянные органы контроля въ видѣ наблюдательныхъ комитетовъ, или совѣтовъ.

Акціонерныя товарищества получили широкое распространеніе во всѣхъ странахъ культурнаго міра. Особенно сильно увеличилось число предпріятій акціонернаго типа съ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія.

Широкое распространеніе акціонерныхъ обществъ указываетъ на то, что эта форма предпріятій обладаетъ крупными преимуществами, побуждающими пользоваться ею. Выгоды акціонернаго начала дѣйствительно очень велики. Оно даетъ возможность собирать громадные капиталы путемъ привлеченія сравнительно мелкихъ суммъ. При ограниченности риска для участниковъ акціонернаго предпріятія и легкости, съ которой акціи пріобрѣтаются и переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, дѣло, основанное на акціонерныхъ началахъ, доступно для широкихъ слоевъ населенія: люди съ небольшими средствами имѣютъ возможность принять въ немъ участіе. Предпріятіе пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, въ отношеніи капитала наивысшую гибкость: увеличеніе его, являющееся условіемъ расширенія самаго дѣла, совершается легче и проще, чѣмъ при какихъ бы то ни было другихъ условіяхъ.

Принципъ ограниченной отвѣтственности, на которомъ основаны акціонерныя предпріятія, дѣлаетъ возможнымъ привлеченіе капиталовъ для осуществленія самыхъ смѣлыхъ проектовъ. Многіе ни за что не рискнули бы всѣмъ своимъ имуществомъ для такого дѣла, будущее котораго загадочно, но они готовы рискнуть опредѣленной суммой, зная, что только эту сумму они и могутъ потерять въ случаѣ неудачи. Едва ли удалось бы осуществить иначе, какъ на акціонерныхъ началахъ, такія предпріятія, какъ прорытіе Суэцкаго канала, устройство первыхъ большихъ туннелей черезъ Альпы, проложеніе подводнаго кабеля между Европой и Америкой, если бы не существовало акціонерной

формы предпріятія. Замыслы смѣлыхъ новаторовъ, задумавшихъ эти предпріятія, оспаривались въ свое время выдающимися знатоками инженернаго искусства и электротехники; и можно быть увѣреннымъ, что нашлось бы не много людей, которые рѣшились бы для такихъ экспериментовъ поставить на карту все состояніе; но благодаря акціонерному началу, ограничивающему рискъ каждаго его вкладомъ, удалось собрать крупные капиталы для осуществленія идей, которыя по своему значенію должны быть поставлены на ряду съ величайшими открытіями 19 вѣка.

Наконецъ, акціонерное начало даетъ возможность способнымъ и энергичнымъ людямъ, не обладающимъ большими капиталами, становиться во главѣ крупныхъ предпріятій въ качествѣ директоровъ правленій акціонерныхъ обществъ.

Однако тѣ самыя стороны акціонернаго устройства, которыя составляютъ его преимущества, приводятъ и къ послѣдствіямъ отрицательнаго свойства.

Самая доступность участія въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, дающая возможность легко и быстро собирать огромные капиталы, втягиваетъ въ торговыя и промышленныя дѣла, нерѣдко весьма рискованныя и даже сомнительныя, множество людей, не имѣющихъ и приблизительнаго представленія о дѣлѣ, участниками котораго они становятся. Соблазняясь перспективой крупныхъ барышей, которые сулятъ имъ учредители акціонернаго предпріятія, отуманенные искусной рекламой, они нарасхватъ покупаютъ акціи, употребляя на это иногда цѣликомъ свои скромныя сбереженія. Исторія знаетъ не мало такихъ примѣровъ. Еще въ началѣ 18 столѣтія во Франціи ловкій спекулянтъ и въ то же время финансовый геній шотландецъ Джонъ Ло, основавъ на акціонерныхъ началахъ компанію для эксплоатаціи земель на рѣкѣ Миссисипи, заставилъ всю Францію нести деньги на это предпріятіе, хотя огромное большинство вкладчиковъ имѣло въ лучшемъ случаѣ только смутное понятіе о задачахъ и устройствѣ компаніи. Люди по суткамъ простаивали въ очереди, чтобы подписаться на акціи общества Ло, слѣпо вѣря, что участіе въ этомъ дѣлѣ принесетъ имъ обогащеніе. Другой уже недавній примѣръ такого же легковѣрія публики представляетъ исторія знаменитой «Панамы» во Франціи. Во главѣ этого дѣла стоялъ геній инженернаго искусства Лессепсъ, которому міръ обязанъ прорытіемъ Суэцкаго канала; и этого доста-

точно было для того, чтобы французскіе крестьяне, при всей ихъ расчетливости, раскрыли свои кошельки и доставили Лессепсу милліоны франковъ.

Легко представить себѣ, чѣмъ можетъ оказаться собраніе акціонеровъ при такихъ условіяхъ. Состоя изъ людей большею частью совершенно не компетентныхъ, оно часто служитъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ заправилъ, ведущихъ дѣло по своему усмотрѣнію. Если при такомъ положеніи руководители предпріятія оказываются недобросовѣстными дѣльцами или легкомысленными прожектерами, то черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени наступаетъ крахъ, нерѣдко ведущій къ полному разоренію слишкомъ довѣрчивыхъ акціонеровъ. Такъ именно и случилось въ тѣхъ историческихъ примѣрахъ, которые были приведены выше.

Спекулянты, стремящіеся сорвать крупный кушъ, иногда основываютъ акціонерныя общества съ единственной цѣлью получить вознагражденіе за учредительскія услуги, спустить обществу землю или дома по чрезмѣрной оцѣнкѣ и, во-время сбывъ свои акціи по высокой цѣнѣ, бросить предпріятіе на произволъ судьбы. Подобныя аферы носятъ названіе *грюндерства*.

Въ періоды оживленія торгово-промышленной дѣятельности грюндерство получаетъ исключительное развитіе, особенно если оно находитъ поощреніе со стороны правительства, какъ во Франціи въ серединѣ прошлаго столѣтія при Наполеонѣ III. Основанный въ 1852 г. въ Парижѣ братьями Перейра банкирскій домъ Crédit mobilier содѣйствовалъ возникновенію множества дутыхъ предпріятій акціонернаго типа, имѣвшихъ большею частью кратковременное существованіе. Въ первой половинѣ 70-хъ гг. XIX вѣка вся Европа пережила періодъ оживленнѣйшаго грюндерства, акціонерныя общества выростали, какъ грибы, и такъ же скоро погибали.

Превосходное изображеніе грюндерства даетъ Эмиль Зола въ извѣстномъ романѣ «Деньги».

Какъ ни серьезны, однако, отрицательныя послѣдствія акціонернаго начала, обойтись безъ него при современномъ экономическомъ строѣ невозможно. Изложенныя выше преимущества акціонерныхъ предпріятій достаточно выясняютъ причины, приведшія къ широкому развитію ихъ, несмотря на отрицательныя по-

слѣдствія, связанныя съ этой формой хозяйственной дѣятельности. Пока существованіе многихъ предпріятій, полезныхъ и необходимыхъ человѣчеству, возможно лишь при содѣйствіи крупныхъ капиталовъ, до тѣхъ поръ не можетъ исчезнуть и акціонерная форма предпріятій.

Акціонерная форма не подходитъ для всѣхъ видовъ предпріятій. Основанная на сложной и поэтому по необходимости болѣе или менѣе тяжеловѣсной организаціи, она приближается въ этомъ отношеніи къ типу государственныхъ и общественныхъ предпріятій; поэтому и область ея примѣненія очерчивается приблизительно тѣми же условіями. Акціонерная форма не подходитъ для предпріятій, требующихъ быстраго приспособленія къ измѣняющимся условіямъ и смѣлаго почина за личной отвѣтственностью. Она предполагаетъ извѣстное постоянство условій дѣятельности, допускающей, хотя бы до нѣкоторой степени, веденіе дѣла въ формахъ, устанавливаемыхъ на сравнительно продолжительное время.

Стремленіе воспользоваться выгодами акціонернаго начала, устранивъ его отрицательныя стороны, вызвало къ жизни нѣкоторыя разновидности акціонерныхъ товариществъ.

Подобной разновидностью является *коммандитное товарищество на акціяхъ*. Отъ обыкновеннаго коммандитнаго товарищества или товарищества на вѣрѣ оно отличается тѣмъ, что командисты, или ограниченно-отвѣтственные товарищи, являются акціонерами, органами которыхъ служатъ общее собраніе и выбираемый послѣднимъ наблюдательный комитетъ. Отличіе отъ акціонернаго товарищества заключается въ томъ, что часть членовъ коммандитнаго товарищества на акціяхъ несетъ неограниченную отвѣтственность. Послѣднее обстоятельство представляетъ то преимущество передъ акціонерными обществами, что руководители дѣла заинтересованы въ немъ всѣмъ своимъ состояніемъ, хотя бы только часть ихъ имущества была вложена въ дѣло. Съ другой стороны, раздѣленіе коммандитнаго капитала на акціи чрезвычайно облегчаетъ привлеченіе къ дѣлу участниковъ.

Очень важное значеніе пріобрѣла сравнительно новая форма предпріятія, именно—*товарищества съ ограниченной отвѣтственностью*. Это тѣ же акціонерныя общества съ той лишь разницей, что участіе въ нихъ ограничено сравнительно тѣснымъ

кругомъ состоятельныхъ лицъ. Съ этой цѣлью устанавливаются довольно высокіе размѣры основного капитала (напримѣръ, 20 тыс. марокъ по германскому закону 20 апрѣля 1892 г.) и акцій (не менѣе 500 мар. по тому же закону). Кромѣ того, переходъ акцій отъ одного владѣльца къ другому обставленъ нѣкоторыми формальностями: акціи могутъ переходить только нотаріальнымъ порядкомъ или по судебному приговору. Этимъ путемъ предпріятіе до нѣкоторой степени ограждается отъ участія въ немъ лицъ совершенно случайныхъ и некомпетентныхъ.

III. *Кооперативы.* Къ разряду коллективныхъ предпріятій принадлежатъ и кооперативы. Въ отношеніи личнаго состава и капитала они отличаются отъ товариществъ другихъ типовъ нѣкоторыми особенностями. Это товарищества съ перемѣннымъ составомъ и капиталомъ: и тотъ и другой могутъ измѣняться безъ какихъ-либо измѣненій въ уставѣ кооператива. Напр., число членовъ потребительнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ его капиталъ подвергаются большею частью измѣненіямъ и нерѣдко очень значительнымъ, то увеличиваясь, то сокращаясь въ зависимости отъ выхода или вступленія новыхъ членовъ. Такія перемѣны составляютъ нормальныя явленія въ жизни потребительныхъ обществъ и не требуютъ никакихъ измѣненій въ ихъ уставахъ. Изъ товариществъ другихъ типовъ наибольшей подвижностью отличается составъ акціонерныхъ обществъ, измѣняющійся съ переходомъ акцій изъ однѣхъ рукъ въ другія, увеличиваясь или уменьшаясь въ зависимости отъ того, сосредоточиваются ли акціи у большаго или меньшаго числа лицъ. Но уставомъ акціонернаго товарищества во всякомъ случаѣ опредѣляется максимальное число его членовъ, потому что акціи не могутъ дробиться; и кромѣ того основной капиталъ представляетъ опредѣленную величину, для измѣненія которой требуется пересмотръ устава.

Товарищества, дѣйствующія въ составѣ непостояннаго числа членовъ и съ перемѣннымъ капиталомъ, признаются большинствомъ западно-европейскихъ законодательствъ самостоятельной формой коллективныхъ предпріятій. Въ Россіи только въ 1902 г. былъ изданъ законъ «о трудовыхъ артеляхъ», установившій общія нормы для одного изъ видовъ товариществъ этого типа. Общій законъ о кооперативахъ изданъ послѣ революціи Временнымъ Правительствомъ.

Форма товариществъ съ перемѣннымъ составомъ примѣнима къ такимъ предпріятіямъ, которыя въ интересахъ дѣла должны быть расширяемы и сокращаемы въ зависимости отъ числа участниковъ и находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ. Напр., потребительныя общества расширяютъ свои операціи безъ всякаго ограниченія, если число членовъ увеличивается, и наоборотъ, они ведутъ дѣло въ скромныхъ размѣрахъ, когда число участниковъ невелико. Такой же эластичностью обладаютъ товарищества, имѣющія цѣлью содѣйствовать подъему матеріальнаго положенія своихъ членовъ черезъ оптовую покупку предметовъ, необходимыхъ имъ для жизни и хозяйственной дѣятельности, черезъ доставленіе своимъ членамъ денегъ, орудій и средствъ производства, черезъ совмѣстную продажу продуктовъ, изготовленныхъ членами въ своихъ хозяйствахъ, черезъ обезпеченіе своихъ членовъ квартирами или черезъ совмѣстное производство.

По характеру и направленію своей дѣятельности кооперативныя товарищества, или кооперативы, отличаются отъ капиталистическихъ предпріятій тѣмъ, что руководящимъ началомъ ихъ дѣятельности служатъ интересы труда или потребленія, или того и другого, но не капитала. Въ то время какъ капиталистическое предпріятіе—организація капиталистовъ, кооперативъ-организація рабочихъ и служащихъ, мелкихъ производителей или потребителей.

Кооперативное товарищество какъ всякое разумное хозяйство слѣдуетъ экономическому принципу и стремится къ полученію наибольшей выгоды при данныхъ пожертвованіяхъ. Поэтому полученіе наибольшаго дохода или, другими словами, полученіе наибольшей прибыли на капиталъ не противорѣчитъ принципу кооператива. Но это не составляетъ *конечной цѣли кооперативнаго* предпріятія. Она заключается въ томъ, чтобы съ помощью полученнаго дохода содѣйствовать улучшенію жизни трудящихся или потребителей. Эта цѣль можетъ быть достигаема разными путями: кооперативъ можетъ собственными средствами производить предметы, необходимые его членамъ, или онъ можетъ произведенные предметы продавать и вырученныя деньги обращать на нужды своихъ членовъ, или, наконецъ, задачей кооператива можетъ быть улучшеніе матеріальныхъ условій жизни его членовъ, организаціей снабженія ихъ необходимыми предметами потребленія или производства, или же денежными средствами.

Ставя себѣ подобныя задачи, кооперативъ опредѣляетъ успѣшность своей дѣятельности въ зависимости отъ того, насколько ему удается удачное разрѣшеніе ихъ. Отличіе кооператива отъ капиталистическаго предпріятія заключается въ томъ, что для послѣдняго полученіе наибольшей прибыли на капиталъ составляетъ *конечную цѣль*, и успѣшность его дѣятельности оцѣнивается въ зависимости отъ того, какъ велика прибыль. Дальнѣйшее употребленіе ея здѣсь не играетъ роли: будетъ ли прибыль накоплена и присоединена къ капиталу или израсходована на потребленіе— это съ точки зрѣнія капиталистическаго предпріятія безразлично. Кооперативъ ставитъ конечной цѣлью своей хозяйственной дѣятельности улучшеніе матеріальнаго положенія своихъ членовъ [1]).

Въ зависимости отъ преслѣдуемыхъ цѣлей различаются виды кооперативныхъ предпріятій. Послѣднія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы съ точки зрѣнія задачъ, которыя они ставятъ себѣ: *товарищества взаимопомощи* и *трудовыя*.

Къ первымъ относятся: кредитныя товарищества, имѣющія цѣлью оказаніе товарищами другъ другу денежной помощи путемъ выдачи ссудъ; товарищества, стремящіяся облегчить своимъ членамъ веденіе принадлежащихъ имъ предпріятій путемъ совмѣстныхъ закупокъ сырыхъ матеріаловъ, сѣмянъ, машинъ и т. п. (закупочныя товарищества); товарищества, организующія на кооперативныхъ началахъ сбытъ продуктовъ хозяйственной дѣятельности (магазинныя товарищества); наконецъ, потребительныя общества, ставящія своею цѣлью доставленіе своимъ членамъ по возможно умѣреннымъ цѣнамъ доброкачественныхъ предметовъ потребленія; къ этому же типу относятся товарищества, задача которыхъ заключается въ обезпеченіи своихъ членовъ квартирами съ помощью постройки кооперативныхъ домовъ.

Вторую группу товариществъ кооперативнаго типа образуютъ,

---

[1]) Туганъ-Барановскій считаетъ характернымъ для кооперативовъ то, что они не ставятъ цѣлью полученія наибольшаго барыша на затраченный капиталъ. Вѣрно, что кооперативы не видятъ въ этомъ *конечной* своей цѣли, но это не значитъ, будто они не стремятся получить наибольшую прибыль на свой капиталъ. См. статью Т. Барановскаго въ „Курсахъ кооперацiи“, изд. Унив. Шанявскаго и его книгу „Соціальныя Основы Кооперацiи“, 1916.

какъ было сказано выше, трудовыя товарищества. Въ основу ихъ положено начало сотрудничества и совмѣстной работы, но этотъ признакъ самъ по себѣ еще не опредѣляетъ трудового товарищества. Въ сущности всякая фабрика основана на началѣ сотрудничества и совмѣстной работы: рабочіе и служащіе являются сотрудниками предпринимателя и принимаютъ участіе въ общей работѣ. Нѣкоторые считаютъ существеннымъ признакомъ трудового товарищества принадлежность капитала предпріятія рабочимъ и поэтому не признаютъ трудовыми такихъ товариществъ, которыя пользуются для своей дѣятельности непринадлежащимъ имъ имуществомъ (Юберъ-Валдеру). Опредѣленіе, основанное на этомъ признакѣ, было бы слишкомъ узко: пришлось бы признать, что товарищество, работающее, напр., на арендованной землѣ, не является трудовымъ, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ оно ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ предпріятій того же типа. Правда, могутъ сказать, что товарищество, арендуя чужое имущество, является его владѣльцемъ: рѣчь же идетъ о такихъ случаяхъ, когда собственникомъ имущества состоитъ лицо, участвующее въ дѣлѣ, но не принадлежащее къ составу рабочихъ предпріятія. Но и при этой оговоркѣ указанный признакъ долженъ быть отвергнутъ, какъ несущественный: кооперативное товарищество возможно и при участіи лицъ, вложившихъ въ дѣло капиталъ, но не исполняющихъ въ немъ никакой работы. Такія товарищества существуютъ, и было бы неправильно не считать ихъ трудовыми въ то время, какъ по общему своему характеру, положенію рабочихъ и другимъ существеннымъ условіямъ они несомнѣнно принадлежатъ къ типу трудовыхъ товариществъ. Вполнѣ возможно представить себѣ и такое трудовое товарищество, въ которомъ весь капиталъ принадлежалъ бы неработающимъ членамъ; напр., капиталистъ отдаетъ своимъ рабочимъ въ пользованіе принадлежащую ему фабрику, сохраняя за собой право собственности на нее, но предоставляя веденіе дѣла товариществу рабочихъ съ тѣмъ, что онъ будетъ однимъ изъ членовъ товарищества и что на его долю будетъ отчисляться извѣстный $^0/_0$ дохода. Товарищество, основанное на такихъ началахъ, едва ли возможно было бы не признать трудовымъ.

Существеннымъ признакомъ трудового товарищества служитъ исполненіе предпринимательскихъ функцій группою лицъ, участвую-

щихъ въ предпріятіи трудомъ. Трудовое товарищество, если оно не является натуральнымъ хозяйствомъ, непремѣнно предполагаетъ рабочихъ-предпринимателей. Тамъ, гдѣ этотъ признакъ налицо, есть трудовое товарищество, хотя бы капиталъ и не принадлежалъ рабочимъ и въ товариществѣ принимали участіе лица, не исполняющія никакихъ трудовыхъ функцій; напротивъ, трудовое товарищество отсутствуетъ, если представители труда не являются предпринимателями. Напр., фабрика, принадлежащая группѣ рабочихъ, сдается ими внаймы одному изъ членовъ группы съ тѣмъ, чтобы остальные работали на этой фабрикѣ за опредѣленное вознагражденіе. Въ этомъ случаѣ, конечно, мало вѣроятномъ на практикѣ, нѣтъ трудового товарищества, хотя капиталъ предпріятія и принадлежитъ рабочимъ: они не несутъ предпринимательскихъ функцій. Или: рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ предпріятія, но не принимаютъ участія въ веденіи дѣла и не несутъ риска: опять-таки нѣтъ трудового товарищества, потому что нѣтъ рабочихъ-предпринимателей.

Товарищества трудовыя близко подходятъ къ товариществамъ взаимопомощи въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлью послѣднихъ служитъ содѣйствіе хозяйственной дѣятельности своихъ членовъ. Тѣмъ не менѣе между тѣми и другими остается существенная разница: товарищества взаимопомощи стремятся поддержать тѣмъ или другимъ способомъ личныя предпріятія своихъ членовъ, существующія независимо отъ товарищества. Между тѣмъ трудовое товарищество представляетъ коллективное предпріятіе лицъ, входящихъ въ составъ товарищества.

Трудовыя товарищества могутъ ставить себѣ различныя задачи: изготовленіе продуктовъ въ земледѣліи или промышленности, перевозку продуктовъ и торговлю. Наибольшее развитіе получили товарищества по изготовленію продуктовъ, вслѣдствіе чего трудовыя товарищества обыкновенно называются «производительными»; самая же форма организаціи производства на такихъ началахъ носитъ названіе «производительной кооперації».

IV. *Общинное землевладѣніе.* Среди формъ коллективныхъ предпріятій особое мѣсто занимаетъ *общинное землевладѣніе*. Какъ показываетъ самое названіе, оно находитъ свое примѣненіе въ земледѣліи и пользуется наибольшимъ распространеніемъ въ Россіи, хотя встрѣчается и въ другихъ странахъ.

Отличительной чертой общиннаго (по русской терминологіи так-

же *мірского*) землевладѣнія служитъ то, что земля принадлежитъ «обществу» («міру») какъ юридическому лицу и находится, частью въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ общества («домохозяевъ»), частью въ общемъ пользованіи общества. Обычно въ личномъ пользованіи находятся усадьбы, пахотныя земли, сѣнокосы и лѣсныя угодья, при чемъ усадьба предоставляется въ безсрочное пользованіе, а остальныя перечисленныя угодья въ срочное.

Пастбища, выгоны, прогоны и вообще всѣ угодья, не поименованныя выше, остаются обыкновенно въ общемъ пользованіи.

Сроки и условія пользованія угодьями устанавливаются обществомъ; при чемъ земли, находящіяся въ личномъ и срочномъ пользованіи черезъ извѣстные періоды времени, опредѣляемые обществомъ согласно дѣйствующимъ на этотъ счетъ законамъ, заново распредѣляются между домохозяевами на принятыхъ обществомъ основаніяхъ. Такое періодическое перераспредѣленіе называется *передѣлами*.

Общинное землевладѣніе предполагаетъ существованіе земельнаго союза, *поземельной, или сельской, общины*. Этимъ названіемъ обозначается общество, пользующееся землею на общинныхъ началахъ.

Существуетъ много видовъ общиннаго землевладѣнія, различающихся въ отношеніи сроковъ и условій пользованія землею и организаціи передѣловъ. Но всѣ они основаны на изложенныхъ началахъ, поскольку дѣйствительно существуетъ общинное землевладѣніе. Тамъ, гдѣ эти начала отсутствуютъ, нѣтъ и общиннаго землевладѣнія, хотя бы и существовали внѣшнія формы, напоминающія его. Въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются смѣшанные виды общиннаго владѣнія землей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одни угодья (напр., пахотныя земли) принадлежатъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и находятся въ ихъ личномъ распоряженіи, а другія (сѣнокосы, пастбища и пр.) составляютъ общественныя земли, состоящія въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ или общества. Въ другихъ случаяхъ положеніе бываетъ еще сложнѣе: часть домохозяевъ владѣетъ землей на правѣ личной собственности, а другіе коллективно на общинномъ правѣ, при чемъ однако участіе личныхъ собственниковъ въ нѣкоторыхъ угодьяхъ, какъ-то сѣнокосахъ, пастбищахъ и т. п. опредѣляется идеальными долями,

и эти угодья находятся въ общемъ пользованіи, какъ при общинномъ землевладѣніи.

У насъ въ Россіи такія смѣшанныя формы общиннаго землевладѣнія, и особенно послѣдній видъ, когда общинное землевладѣніе соединяется съ личнымъ, распространились въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ закона 14 іюня 1910 г., направленнаго къ разрушенію поземельной общины [1]).

Изъ разсмотрѣнныхъ выше формъ коллективныхъ предпріятій, нѣкоторыя служатъ преимущественно для предпріятій капиталистическаго типа. Это товарищества разныхъ видовъ и акціонерныя общества. Формами некапиталистическаго типа являются кооперативы и общинное землевладѣніе.

Что же касается личныхъ предпріятій, то они могутъ быть капиталистическими и некапиталистическими въ зависимости отъ ихъ размѣровъ и другихъ особенностей, отличающихъ тѣ и другія.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что товарищества и акціонерныя общества распространены главнымъ образомъ въ промышленности, торговлѣ, коммерціи и транспортѣ, и меньше въ сельскомъ хозяйствѣ. Общинное землевладѣніе, какъ уже было указано, существуетъ только въ земледѣліи. Что же касается кооперація, то она распространяется въ настоящее время во всѣхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности.

§ 28. Соединеніе и сліяніе предпріятій. Однимъ изъ важнѣйшихъ явленій настоящаго времени служитъ объединеніе предпріятій однѣхъ и тѣхъ же или родственныхъ отраслей промышленности въ болѣе или менѣе сплоченныя группы. Главная цѣль такихъ соединеній заключается въ томъ, чтобы вліять на рыночныя цѣны товаровъ при помощи ограниченія размѣровъ произ-

---

[1]) Оцѣнка значенія закона 14 іюня 1910 года и вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ поземельной общины и ея судьбѣ относятся къ области экономической политики и прикладной экономики. Здѣсь нельзя не отмѣтить, однако, что названный законъ, составляющій главный актъ аграрнаго законодательства Столыпина, вызвалъ противъ себя очень рѣшительную критику со стороны всѣхъ тѣхъ, которые придаютъ важное значеніе коллективнымъ формамъ владѣнія землей и во всякомъ случаѣ находятъ нецѣлесообразнымъ принимать мѣры къ разрушенію общиннаго землевладѣнія, отъ котораго населеніе имѣетъ возможность отказаться, пользуясь узаконеніями 1861 г., если бы эта форма владѣнія землей перестала удовлетворять его.

водства, посредствомъ вывоза излишковъ произведенныхъ товаровъ за границу и пр. Къ этой главной цѣли присоединяются и другія, напр., устройство общихъ для всѣхъ объединенныхъ предпріятій приспособленій (нефтепроводовъ, рельсовыхъ путей и т. п.).

Соединенія предпріятій бываютъ различныхъ типовъ. Если предпріятія, входящія въ составъ подобныхъ соединеній, сохраняютъ при этомъ свою самостоятельность и первоначальную форму, возникающая такимъ путемъ организація представляетъ *синдикатъ или картель*. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда происходитъ сліяніе предпріятій съ утратой самостоятельности каждаго изъ нихъ, возникаетъ соединеніе предпріятій въ новое единство, носящее названіе *треста*.

Тресты—явленіе американскаго происхожденія. Главный признакъ ихъ заключается въ томъ, что объединившіяся предпріятія становятся членами одного цѣлаго, руководимаго центральнымъ органомъ управленія. Капиталы отдѣльныхъ предпріятій, входящихъ въ составъ треста, сливаются въ одну имущественную массу, отдѣльные предприниматели получаютъ акціи на суммы, соотвѣтствующія капиталамъ, которые каждый изъ нихъ вложилъ въ дѣло; высшее же руководство послѣднимъ переходитъ къ правленію, составъ котораго, какъ и въ акціонерныхъ обществахъ, избирается предпринимателями-акціонерами, входящими въ составъ треста. Правленіе пользуется почти дискреціонной властью: оно не только устанавливаетъ общія условія дѣятельности отдѣльныхъ предпріятій, но въ случаѣ надобности даже закрываетъ тѣ предпріятія, которыя, по его мнѣнію, являются ненужными.

ГЛАВА VI.

Капитализмъ.

§ 29. Признаки и типы капитализма. Современное народное хозяйство часто характеризуется какъ *капиталистическое*, а наша эпоха называется эпохой *капитализма*. Этими терминами обозначаютъ такой строй народнаго хозяйства, въ которомъ общее направленіе хозяйственной жизни и характеръ экономическихъ и соціальныхъ отношеній опредѣляется, главнымъ образомъ, господствующей ролью капиталистическихъ предпріятій.

Капитализмъ явленіе свойственное не только нашей эпохѣ. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, древній міръ также пережилъ періодъ капиталистическаго строя народнаго хозяйства. Но античный капитализмъ былъ основанъ на рабскомъ трудѣ, а современный основывается на наемномъ. Структура капиталистическаго предпріятія предполагаетъ и опредѣленную, соотвѣтствующую ей структуру общества. Античный капитализмъ былъ связанъ съ институтомъ *рабства*. Современный предполагаетъ, напротивъ, существованіе класса *свободныхъ* рабочихъ, живущихъ наемнымъ трудомъ («пролетаріатъ»).

Въ томъ и другомъ случаѣ предпосылкой капитализма является болѣе или менѣе значительная дифференціація общества— раздѣленіе его на классы и болѣе мелкія профессіональныя группы.

Лица разныхъ разрядовъ образуютъ особые общественные классы: капиталистовъ, землевладѣльцевъ и рабочихъ. Положеніе первыхъ двухъ классовъ основано на принадлежности имъ имущества, которымъ они пользуются въ качествѣ капитала, для полученія дохода. Рабочій же классъ получаетъ доходъ исключительно съ помощью найма на работу, или продажи своей рабочей силы.

Классы землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ не всегда являются въ дѣйствительности такъ рѣзко очерченными, какъ это представляется въ теоріи. Нерѣдко въ одномъ лицѣ соединяются землевладѣлецъ и капиталистъ; съ другой стороны, и рабочіе являются иногда владѣльцами земли и, конечно, не бываютъ обязательно лишены всякихъ источниковъ существованія, кромѣ своей рабочей силы. Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, рабочіе вербуются преимущественно изъ крестьянъ, владѣніе небольшимъ участкомъ земли рабочими не составляетъ рѣдкаго явленія. Но въ странахъ, гдѣ капиталистическое устройство народнаго хозяйства успѣло достигнуть широкаго развитія и пустило глубокіе корни, соціальные классы рѣзче раздѣляются.

Внутренній составъ отдѣльныхъ классовъ не однороденъ. Въ средѣ капиталистовъ существуютъ представители мелкаго и крупнаго капитала (мелкая и крупная буржуазія). Среди землевладѣльцевъ—мелкіе и крупные владѣльцы земли (крестьянство, тоже со своими внутренними разслоеніями, и «аграріи»), и между ними

средніе землевладѣльцы, примыкающіе къ той или другой группѣ, смотря по размѣрамъ землевладѣнія и другимъ интересамъ. Рабочій классъ также состоитъ изъ разныхъ слоевъ, представляющихъ немаловажныя отличія экономическаго и соціальнаго характера.

На ряду съ рабочимъ классомъ въ точномъ смыслѣ слова, обнимающимъ представителей, главнымъ образомъ, физическаго труда, существуютъ группы населенія, также живущія наемнымъ трудомъ, но иного рода, чѣмъ то, что разумѣютъ подъ трудомъ рабочаго. Это прежде всего обширный разрядъ лицъ, работающихъ по найму въ промышленныхъ предпріятіяхъ, но занимающихъ должности по надзору или техническому руководству: техники, управляющіе и т. п. Эти лица, смотря по своему положенію, примыкаютъ къ капиталистамъ или рабочимъ, но по вопросамъ, касающимся ихъ профессіи, выступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ качествѣ самостоятельныхъ профессіональныхъ группъ. Соотвѣтствующіе разряды лицъ существуютъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ также образуются и особыя профессіональныя группы.

Очень важное и все возрастающее значеніе въ современномъ народномъ хозяйствѣ пріобрѣтаетъ многочисленная группа лицъ, занимающихся наемнымъ трудомъ въ торговыхъ, коммерческихъ и страховыхъ предпріятіяхъ. Это т. н. торговые служащіе: приказчики, конторщики и т. п. Въ большихъ центрахъ, съ развитой торговой и коммерческой дѣятельностью, этотъ разрядъ лицъ настолько многочисленъ, что образуетъ особый классъ, не уступающій по численности и значенію другимъ классамъ. Онъ занимаетъ среднее мѣсто между мелкой буржуазіей и рабочимъ классомъ и входитъ въ составъ той части населенія, которую англичане называютъ «ниже-среднимъ классомъ» (low-midlle class).

Неизбѣжнымъ спутникомъ капиталистически устроеннаго народнаго хозяйства служитъ борьба классовъ въ формѣ борьбы труда и капитала, принимающая разныя формы въ различныхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности. Это—борьба рабочихъ и капиталистовъ-предпринимателей въ промышленности, сельскихъ рабочихъ и землевладѣльцевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, торговыхъ служащихъ и хозяевъ въ торговлѣ и коммерціи. Вообще борьба классовъ не составляетъ принадлежности только капиталистическаго

строя, но для послѣдняго особенно характерна борьба труда и капитала.

Не всякое народное хозяйство, основанное на обмѣнѣ, является капиталистическимъ. Совокупность мѣновыхъ хозяйствъ трудового типа, гдѣ владѣніе капиталомъ соединялось бы съ работой самого владѣльца, но не связывалось бы съ наемнымъ трудомъ, не представляла бы системы капитализма. Такой системой не была бы и совокупность хозяйствъ кооперативнаго типа, соединенныхъ между собою обмѣномъ. Въ томъ и другомъ случаѣ производились бы товары, и стремленіемъ руководителей хозяйствъ было бы полученіе возможно большей прибыли, но соціальная структура единичныхъ хозяйствъ не была бы капиталистической, и это придавало бы иной характеръ и ихъ совокупности. Такъ какъ въ такомъ случаѣ внутри хозяйствъ владѣніе капиталомъ и руководство дѣломъ не были бы отдѣлены отъ исполненія рабочихъ функцій, то интересъ капитала въ полученіи возможно большей прибыли не имѣлъ бы господствующаго значенія, какъ при капиталистической организаціи. Онъ былъ бы подчиненъ интересамъ труда или потребленія. Въ рабочей ассоціаціи на первомъ мѣстѣ стояли бы интересы труда, въ кооперативномъ обществѣ, устроенномъ для удешевленія стоимости жизни его членовъ,— интересы потребленія.

Такое народное хозяйство было бы *товарнымъ*, но не было бы капиталистическимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Междухозяйственный оборотъ.

ГЛАВА I.

Деньги.

§ 1. Понятіе денегъ и ихъ функціи. Въ обмѣнѣ деньги появляются какъ промежуточный членъ мѣновыхъ сдѣлокъ, получающихъ вслѣдствіе участія въ нихъ денегъ форму купли-продажу (Гл. I § 11). Что же вызываетъ появленіе этого посредствующаго звена между обмѣниваемыми товарами?

Исторія возникновенія денегъ показываетъ, что прибѣгать къ такому обходному пути приходится потому, что прямой путь бываетъ связанъ на практикѣ съ немаловажными затрудненіями. Мѣновой актъ можетъ состояться только при условіи, чтобы желанія лицъ, вступающихъ между собою въ обмѣнъ, находились въ извѣстномъ соотношеніи между собою. Лицо, желающее обмѣнять сапоги на платье, должно найти другое лицо, которое согласилось бы обмѣнять платье на сапоги. Иначе сдѣлка не состоится. Задержки въ совершеніи мѣновыхъ сдѣлокъ при непосредственномъ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ вслѣдствіе несоотвѣтствія между желаніями сторонъ и служили побужденіемъ къ обмѣну черезъ посредство третьяго предмета, и именно такого, который въ данной общественной средѣ является для всѣхъ наиболѣе желаннымъ. Если тотъ, кто хотѣлъ получить въ обмѣнъ на сукно платье, встрѣчалъ затрудненія въ выполненіи своего желанія въ томъ, что обладатель платья не нуждался въ суконѣ, то приходилось обмѣнять сукно на такой предметъ, который принадлежалъ къ числу легко сбываемыхъ, и предложить его обладателю пла-

тья. При такомъ способѣ дѣйствій шансы на осуществленіе сдѣлки значительно возрастали. Обладатель платья обычно соглашался на сдѣланное ему предложеніе, даже если онъ и не предполагалъ воспользоваться предложеннымъ ему предметомъ, какъ хозяйственнымъ благомъ. Зная, что этотъ предметъ легко сбывается съ рукъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на средство для пріобрѣтенія того, что ему понадобится взамѣнъ платья, т.-е. какъ на мѣновое благо или орудіе обмѣна.

Частое повтореніе такихъ обходныхъ сдѣлокъ вело къ тому, что нѣкоторые предметы сдѣлались общепризнанными посредниками въ мѣновыхъ актахъ. На нихъ стали смотрѣть какъ на предметы, удовлетворяющіе потребности мѣнового оборота въ удобныхъ орудіяхъ обмѣна. Такими орудіями часто становились «ходовые» товары, удовлетворявшіе указаннымъ выше условіямъ.

Тѣ же предметы, которые служили орудіями обмѣна, являлись удобными средствами и для расплаты по обязательствамъ, не вытекавшимъ изъ мѣновыхъ сдѣлокъ: для уплаты за оказанную услугу или за произведенную работу, для выплаты доли имущества сонаслѣдникамъ и пр. Полученіе платежа предметомъ, могущимъ служить средствомъ пріобрѣтенія любого блага, представляетъ очевидныя преимущества передъ полученіемъ въ платежъ предмета, хотя и способнаго непосредственно служить удовлетворенію потребности, но могущаго получить только ограниченное примѣненіе. Поэтому одни и тѣ же предметы стали исполнять функціи орудій обмѣна и платежа.

Платежъ и обмѣнъ сопровождаются передвиженіемъ хозяйственныхъ благъ изъ одного хозяйства въ другое. Поэтому предметы, исполняющіе *функціи орудій обмѣна и платежа*, тѣмъ самымъ исполняютъ одну общую функцію междухозяйственнаго передвиженія благъ или *орудія ихъ обращенія*.

Деньгами и называются предметы, являющіеся не случайными, а обычными и общепризнанными орудіями передвиженія, или обращенія хозяйственныхъ цѣнностей.

Но такъ какъ всѣ товары обмѣниваются на деньги, то деньги становятся и *мѣриломъ цѣнности* товаровъ. Количество денегъ, уплачиваемое за товаръ, бываетъ больше или меньше въ зависимости отъ того, выше или ниже оцѣнивается предметъ, служащій объектомъ купли-продажи. Поэтому по суммамъ денегъ, на

которыя обмѣниваются предметы, можно судить объ относительной высотѣ ихъ оцѣнокъ. Оцѣнка товара, выраженная въ денежной формѣ, называется его *цѣной*.

Такимъ образомъ функціи денегъ сводятся къ тому, что онѣ служатъ: *орудіями обмѣна, средствами платежа и мѣриломъ хозяйственныхъ цѣнностей*.

Деньги называютъ также *всеобщимъ эквивалентомъ*. Дѣло въ томъ, что движеніе хозяйственныхъ благъ при помощи мѣновыхъ сдѣлокъ обусловливаетъ собою движеніе равноцѣнностей этихъ благъ въ обратномъ направленіи. Мѣсто каждаго товара, передвинувшагося изъ одного хозяйства въ другое, занимаетъ его эквивалентъ, поступившій въ обмѣнъ на него. Роль эквивалентовъ, движущихся въ мѣновомъ оборотѣ въ направленіи, обратномъ движенію товаровъ, и исполняютъ деньги, и такъ какъ онѣ служатъ эквивалентами для всѣхъ товаровъ, то ихъ и называютъ всеобщимъ эквивалентомъ. Предметы, исполняющіе функціи денегъ, не обладаютъ отъ природы никакими специфическими свойствами, которыя предназначали бы ихъ исключительно для исполненія денежныхъ функцій. По своимъ естественнымъ свойствамъ онѣ могутъ исполнять и другія назначенія: золото, серебро, мѣдь и другіе металлы, обращающіеся какъ деньги, употребляются и для промышленныхъ цѣлей. То же самое относится и къ другимъ предметамъ, являющимся теперь или бывшимъ раньше деньгами. Опредѣленные предметы становятся деньгами не потому, чтобы природа создала ихъ деньгами, а только потому, что люди избираютъ ихъ для выполненія въ хозяйственной жизни опредѣленныхъ функцій. Въ мірѣ внѣшней природы нѣтъ денегъ, а есть только предметы, которые могутъ служить деньгами или изъ которыхъ могутъ быть сдѣланы деньги. Но въ мірѣ хозяйственныхъ благъ деньги занимаютъ особое мѣсто.

Деньги—блага особаго рода. Въ то время какъ другіе предметы пріобрѣтаются для потребленія или пользованія, деньги предназначены по своей экономической природѣ для отчужденія.

Потребленіе хозяйственныхъ благъ представляетъ использованіе ихъ естественныхъ свойствъ для удовлетворенія потребностей человѣка: напротивъ, естественныя свойства предмета, служащаго деньгами, безразличны съ точки зрѣнія потребленія, потому что деньги служатъ не для потребительныхъ цѣлей. Пріі-

брѣтая золото въ видѣ денегъ, мы не интересуемся тѣмъ, какія изъ нашихъ потребностей могли бы быть удовлетворены этимъ металломъ.

Онъ имѣетъ значеніе въ нашихъ глазахъ съ иной точки зрѣнія. Намъ важно, что́ мы можемъ пріобрѣсти за него, т.-е. что́ мы получимъ, отдавъ его другимъ. Стремясь къ обладанію деньгами, мы соединяемъ это стремленіе съ мыслью объ ихъ отчужденіи. Правда, для скупыхъ людей накопленіе сокровищъ становится само по себѣ цѣлью. Они пріобрѣтаютъ деньги не для того, чтобы расходовать ихъ, а для того, чтобы собирать и не выпускать ихъ изъ своихъ рукъ; но и для нихъ деньги только символъ могущества. Ихъ тѣшитъ сознаніе, что при помощи своихъ богатствъ они могли бы удовлетворить всѣмъ своимъ желаніямъ, *если бы только пожелали этого*.

Пушкинъ устами скупого рыцаря художественно изображаетъ значеніе денегъ какъ орудія власти:

Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу...
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ:
Я знаю мощь мою; съ меня довольно
Сего сознанія...

§ 2. Деньги, какъ соціальное явленіе. Исторія показываетъ, что денежныя функціи исполнялись въ разное время и у разныхъ народовъ множествомъ предметовъ, существенно различавшихся между собою по своимъ физическимъ свойствамъ и культурному значенію. Въ ряду этихъ предметовъ встрѣчаются металлы, мѣха, раковины, перья и зубы животныхъ и даже человѣческіе черепа. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ категоріи предметовъ первой необходимости, другіе удовлетворяютъ потребностямъ эстетическимъ и духовнымъ, но встрѣчаются и такіе, которыхъ нельзя признать ни полезными, ни пріятными съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей. Единственное назначеніе такихъ исполнителей денежныхъ функцій заключалось въ томъ, что они служили средствомъ для передвиженія хозяйственныхъ благъ въ мѣновомъ оборотѣ. Общая черта, характеризующая всѣ предметы, исполняющіе или исполнявшіе раньше денежныя функціи, заключается въ томъ, что независимо отъ своихъ свойствъ, какъ

предметовъ потребленія, они имѣютъ особое назначеніе—удовлетворять потребность въ средствахъ мѣны и платежа. Это назначеніе сообщается предметамъ не присущими имъ свойствами и не ихъ полезностью или красотою, а прежде всего общественнымъ признаніемъ. Только тѣ предметы, которые являются общественно признанными исполнителями денежныхъ функцій, могутъ разсматриваться и оцѣниваться, какъ орудія передвиженія хозяйственныхъ благъ въ мѣновомъ оборотѣ, совершенно независимо отъ свойствъ, присущихъ имъ, какъ хозяйственнымъ благамъ или товарамъ. Предметъ, санкціонированный общественнымъ признаніемъ въ роли исполнителя денежныхъ функцій, охотно принимается всякимъ въ обмѣнъ на товаръ, потому что общественно признанное орудіе мѣны и платежа является вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщимъ эквивалентомъ, т.-е. универсальнымъ средствомъ покупки.

Историческій путь, которымъ извѣстные предметы получаютъ общественное признаніе въ качествѣ исполнителей денежныхъ функцій, не всегда и не вездѣ былъ одинаковъ: иногда общественная санкція пріурочивалась къ особенно полезнымъ предметамъ, составляющимъ объекты общаго спроса, могущимъ по своему объему и другимъ свойствамъ удобно и легко переходить изъ рукъ въ руки и сохраняться (плитки соли); въ другихъ случаяхъ нѣкоторые предметы получали общественное признаніе въ качествѣ исполнителей денежныхъ функцій только потому, что они были рѣдки и добываніе ихъ сопряжено было съ большими трудностями или опасностями, и т. д. Но каковы бы ни были основанія для общественнаго признанія того или другого предмета исполнителемъ денежныхъ функцій, предметъ, сдѣлавшійся таковымъ, пріобрѣтаетъ способность удовлетворять потребность въ орудіяхъ мѣны и платежа, независимо отъ своихъ матеріальныхъ свойствъ. Его матеріальная сущность дѣлается только тѣлесной оболочкой, въ которой живетъ душа, являющаяся психологическимъ продуктомъ соціальнаго общенія людей между собою. И какъ только эта душа покидаетъ тѣло, послѣднее теряетъ свойство общепризнаннаго исполнителя денежныхъ функцій, хотя бы физическія качества и культурное значеніе предмета, исполнявшаго эти функціи, остались безъ измѣненія. Денежные знаки, собранные въ

нумизматической коллекціи, представляютъ только тѣлесныя оболочки, въ которыхъ нѣкогда жила денежная душа.

Общественно-признанные исполнители денежныхъ функцій являются въ соціальномъ смыслѣ деньгами.

Такимъ образомъ деньги составляютъ соціальный продуктъ общенія, происходящаго между людьми на почвѣ отношеній, которыя, какъ было показано выше, обусловливаются общественнымъ раздѣленіемъ труда и обмѣномъ.

Деньги—явленіе, органически возникающее, какъ слѣдствіе извѣстной совокупности условій. Мѣновыя отношенія, объединяющія людей въ соціальныя единства, необходимо обусловливаютъ пользованіе предметами не только какъ потребительными благами, но и какъ орудіями мѣны и платежа; но подъ вліяніемъ разныхъ условій, указанныхъ выше, нѣкоторые предметы становятся излюбленными исполнителями этихъ функцій. Такіе предметы, помимо своего назначенія, какъ хозяйственныхъ благъ, получаютъ еще и спеціальное назначеніе—удовлетворять потребности общества, спаяннаго въ одно цѣлое обмѣномъ, въ орудіяхъ мѣны и платежа. Они становятся деньгами и въ отличіе отъ другихъ хозяйственныхъ благъ пріобрѣтаются не для потребленія, а для удовлетворенія упомянутой потребности; но эта потребность удовлетворяется ихъ отчужденіемъ, поэтому и движеніе денегъ въ мѣновомъ оборотѣ иное, чѣмъ хозяйственныхъ благъ—товаровъ. Движеніе товаровъ—только средство, при помощи котораго они достигаютъ своего назначенія—быть использованными или потребленными; между тѣмъ движеніе денегъ составляетъ самое ихъ назначеніе.

§ 3. Денежные знаки. Деньги служатъ объектомъ регулятивной дѣятельности государства, стремящагося сдѣлать пользованіе ими возможно болѣе удобнымъ и отвѣчающимъ требованіямъ мѣноваго оборота. Дѣятельность государства въ этомъ направленіи выражается въ установленіи соотвѣтствующихъ правовыхъ нормъ, которыя въ совокупности и образуютъ законодательство о деньгахъ. Оно возникло не сразу и въ своемъ историческомъ развитіи, постепенно совершенствуясь и расширяясь, привело во всѣхъ культурныхъ странахъ къ образованію сложнаго механизма, при помощи котораго и совершается въ настоящее время передвиженіе хозяйственныхъ благъ въ мѣновомъ оборотѣ. Составные элемен-

ты этого механизма таковы. Денежныя функціи выполняютъ предметы, объявленные государствомъ исполнителями этихъ функцій и спеціально приспособленные для этого въ техническомъ отношеніи особыми органами государственной власти. Для роли офиціальныхъ исполнителей денежныхъ функцій отчасти избираются предметы, уже исполнявшіе эту роль и раньше въ качествѣ ходовыхъ товаровъ, при чемъ государство въ такомъ случаѣ подвергаетъ ихъ необходимой обработкѣ. Таковы золото, серебро, мѣдь, функціонировавшія въ качествѣ орудій обмѣна и платежа и измѣрителей цѣнности, раньше чѣмъ государство остановило на нихъ свой выборъ при организаціи денежнаго механизма.

Но государство, при выборѣ предметовъ, предназначенныхъ для функціонированія въ качествѣ денегъ, не связываетъ себя кругомъ вещей, исторически выдвинувшихся въ этой роли. Оно пользуется для этого и предметами, не исполнявшими раньше денежныхъ функцій, но по его мнѣнію пригодными для этого по своимъ свойствамъ. Такимъ путемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ появились деньги изъ никеля, бронзы, платины. Къ этому же роду денегъ относятся и бумажныя деньги, составляющія полностью продуктъ государственнаго творчества. Предметы, спеціально предназначенные для исполненія денежныхъ функцій, называются *денежными знаками*, а если они изготовлены изъ металла, то *монетами*. Раньше денежные знаки изготовлялись по порученію государственной власти частными лицами, но теперь это дѣло составляетъ монополію государства, называемую *монетной регаліей*.

Образцы денежныхъ знаковъ (размѣры, форма, рисунокъ и пр.) устанавливаются закономъ, и отдѣльные знаки должны представлять собою точное воспроизведеніе ихъ. При этомъ условіи денежные знаки опредѣленнаго сорта (кредитные билеты въ 3 р., 5 р. и т. д. или золотыя монеты въ 5 р., 10 р. и т. д.) не отличаются между собою никакими индивидуальными особенностями, и каждый изъ нихъ можетъ замѣнить собою другой. Поэтому денежные знаки въ предѣлахъ каждаго сорта являются «вещами замѣнимыми» (лат. res fungibiles). Это обстоятельство представляетъ важное практическое удобство, въ особенности въ отношеніи монетъ, потому что дѣлаетъ возможнымъ при платежахъ и полученіяхъ принимать деньги по счету штукъ, или, какъ говорятъ,

«кружковъ» каждаго сорта, не взвѣшивая каждую монету и не испытывая ея на пробу. Если бы отдѣльныя монеты въ предѣлахъ отдѣльныхъ сортовъ отличались между собою въ отношеніи вѣса или пробы, то простымъ подсчетомъ кружковъ нельзя было бы опредѣлять денежныхъ суммъ. Замѣнимость денежныхъ знаковъ обусловливается техникой ихъ изготовленія, въ отношеніи монетъ—ихъ *чеканки*.

§ 4. Монета. Сколько извѣстно, изготовленіе денежныхъ знаковъ въ видѣ монетъ появилось сначала въ тѣхъ частяхъ Малой Азіи, которыя лежали на рубежѣ греческой и восточной культуръ. Наиболѣе древнія монеты относятся къ VII вѣку до Р. Х. Геродотъ утверждалъ, что лидійцы были первыми людьми, чеканившими золотыя и серебряныя монеты. Новѣйшія изслѣдованія, по словамъ Гельферіха, вполнѣ подтвердили мнѣніе Геродота. Изъ Лидіи чеканка монетъ распространилась въ западныхъ частяхъ Малой Азіи и въ Греціи и затѣмъ въ другихъ странахъ. Древнѣйшія лидійскія монеты, извѣстныя намъ, очень простого образца: это овальныя металлическія пластинки, на одной сторонѣ которыхъ проведено нѣсколько параллельныхъ линій, а на другой сдѣланы углубленія неправильной формы. Нѣсколько болѣе поздняго происхожденія тѣ монеты, на которыхъ оттиснуты на одной сторонѣ какое-нибудь изображеніе, напр., львиная голова, а на другой—вмѣсто неправильнаго углубленія—квадратъ. Впослѣдствіи на монетахъ стали появляться самыя разнообразныя изображенія.

Первыя лидійскія и греческія монеты чеканились изъ «электрона», представлявшаго естественную смѣсь золота и серебра. Затѣмъ стали чеканить монеты изъ искусственной смѣси благородныхъ металловъ, при чемъ съ теченіемъ времени количество серебра въ сплавѣ повышалось. Позднѣе появились серебряныя и затѣмъ золотыя монеты и, наконецъ, мѣдныя. Въ Аѳинахъ стали чеканить монеты только въ эпоху Перикла.

Въ Римѣ нечеканенная мѣдь исполняла денежныя функціи еще въ ту эпоху, когда тѣ же функціи исполнялись преимущественно скотомъ. Постепенно мѣдь вытѣснила скотъ и до эпохи децемвировъ продолжала обращаться въ качествѣ денегъ въ нечеканенномъ видѣ. При платежахъ мѣдь взвѣшивалась, при чемъ однако куски мѣди снабжались особыми штемпелями (aes signatum). Се-

ребряныя и золотыя монеты введены были въ Римѣ повидимому въ III вѣкѣ до Р. Х.

Хотя монета является изобрѣтеніемъ очень древнимъ, тѣмъ не менѣе прошло не мало времени, прежде чѣмъ техника чеканки сдѣлала такіе успѣхи, что монеты съ внѣшней стороны стали отвѣчать необходимымъ требованіямъ. Представляя денежный знакъ, изготовленный по установленному образцу, монета можетъ быть признана удовлетворительной только при томъ условіи, что отдѣльные экземпляры опредѣленнаго сорта дѣйствительно будутъ представлять видовые, или замѣнимые предметы, лишенные индивидуальныхъ особенностей и обладающіе только особенностями вида, къ которому они принадлежатъ. Такое тождество между собою экземпляровъ одного вида математически недостижимо, но приближеніе къ нему съ минимальнымъ уклоненіемъ возможно при очень точномъ воспроизведеніи образца, что въ свою очередь предполагаетъ высокое совершенство чекана. При современныхъ условіяхъ техники разница въ вѣсѣ и пробѣ между отдѣльными экземплярами монетъ одного образца сведена къ столь незначительной величинѣ, что практически монеты одного достоинства могутъ считаться тождественными другъ другу. Современные законы о монетѣ, принимая во вниманіе техническія условія чеканки, устанавливаютъ предѣлъ для уклоненія въ вѣсѣ и пробѣ отдѣльныхъ монетъ отъ указныхъ, т.-е. нормальныхъ, признавая, что разница, не превышающая установленнаго предѣла, можетъ быть отброшена, какъ не имѣющая практическаго значенія. Такой предѣлъ на техническомъ языкѣ называется *терпимостью*, или *ремедіумомъ* (на вѣсѣ и на пробѣ). Напримѣръ, нашъ монетный уставъ опредѣляетъ указный вѣсъ золотой 10-рублевой монеты въ 2 золотника $1^{6}/_{10}$ доли, а предѣльный вѣсъ, при которомъ монета 10-рублеваго достоинства признается полноцѣнною, въ 2 золотн. $^{6}/_{10}$ доли. Одна доля составляетъ такимъ образомъ максимальную разницу въ вѣсѣ между отдѣльными монетами, допускаемую закономъ во вниманіе къ несовершенству техники.

Сведеніе «терпимости» монетъ при существующихъ техническихъ пріемахъ чеканки къ ничтожной величинѣ дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе перваго признака монеты—ея видового характера. Законъ устанавливаетъ также предѣлъ, до котораго монета сохраняетъ свою полноцѣнность при потерѣ въ вѣсѣ вслѣдствіе

изнашиванія. Правила о пріемѣ государственными кассами истертой монеты существенно различаются между собою въ разныхъ государствахъ: въ однихъ, напримѣръ въ Германіи, истертая монета принимается обратно по нарицательной цѣнѣ, въ другихъ, напримѣръ въ Россіи и Англіи, пріемъ истертой монеты производится по вѣсу. Въ прежнія времена прибѣгали иногда къ такъ называемому «откликанію» монеты, то-есть къ переливу ея. Эта операція производилась по различнымъ соображеніямъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ цѣлью извлечь потертую и испорченную монету, а въ другихъ, чтобы уничтожить всякую память о предшественникѣ новаго правителя.

Значеніе развитой техники въ монетномъ дѣлѣ обнаруживается и въ другомъ отношеніи, именно въ такой выдѣлкѣ монеты, которая дѣлаетъ ее законченнымъ предметомъ, объединяющимъ въ одно цѣлое минимальныя частицы матеріи, изъ которой она состоитъ. Это достигается чеканкой, налагающей штемпель на всю поверхность монеты, т.-е. на обѣ ея стороны и по ребру. Металлъ, охваченный такимъ штемпелемъ, какъ бы заключенъ въ него и не можетъ быть удаленъ изъ монеты, даже въ самой незначительной своей части, иначе какъ съ нарушеніемъ неприкосновенности штемпеля, т.-е. съ порчей самой монеты. При такомъ способѣ чеканки устанавливаются внѣшніе, вполнѣ наглядные признаки цѣлости монеты.

Прогрессъ техники монетнаго дѣла со времени изобрѣтенія чеканки бросается въ глаза при сравненіи древнихъ лидійскихъ монетъ, представляющихъ неправильные комочки металла съ вытиснутыми на нихъ изображеніями, съ современными монетами, съ ихъ отчетливой чеканкой и почти математически точнымъ воспроизведеніемъ образца. Древнія монеты одного достоинства настолько отличаются одна отъ другой, что нетрудно бываетъ съ перваго же взгляда замѣтить разницу между ними; кромѣ того, штемпель покрываетъ лишь часть поверхности, такъ что вполнѣ возможно отрѣзать или соскоблить довольно значительную часть монеты, не затронувъ оттиснутаго на ней изображенія. Въ томъ и въ другомъ отношеніи современныя монеты сильно отличаются отъ своихъ прототиповъ.

Въ еще большей степени, чѣмъ къ монетѣ, все изложенное относится къ бумажно-денежнымъ знакамъ. Усовершенствованіе

печатнаго станка довело ихъ «обезличеніе» до высшаго предѣла, какой вообще достижимъ.

§ 5. Денежныя системы. Денежные знаки изготовляются изъ различныхъ матеріаловъ (разныхъ металловъ и бумаги) и разныхъ «достоинствъ», т.-е. на различныя суммы (1 к., 3 к., 5 к., 1 р., 3 р. и т. д.). Это разнообразіе сортовъ не является, однако, дѣломъ произвола. Оно обусловливается необходимостью сообразоваться съ разнообразіемъ мѣновыхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ въ мѣновомъ оборотѣ. Дѣло въ томъ, что сдѣлки заключаются на различныя суммы, начиная отъ самыхъ мелкихъ и кончая самыми крупными. Поэтому необходимо, чтобы не затрудняться при платежахъ, имѣть въ своемъ распоряженіи различные сорта денежныхъ знаковъ, изъ которыхъ можно было бы безъ затрудненія составлять любыя суммы, отъ самыхъ незначительныхъ до очень большихъ. Отсюда прежде всего необходимость изготовлять денежные знаки на разныя суммы, или *различныхъ достоинствъ*. Но почему же для этого не употреблять одного матеріала, напр., золота, или мѣди, или бумаги?

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о бумажныхъ деньгахъ, остановимся на монетахъ.

Металлы имѣютъ различную цѣну: одни дороги, какъ, напр., золото, другіе—сравнительно дешевы, какъ мѣдь или никкель. Понятно, что чѣмъ дороже металлъ, тѣмъ меньше идетъ его на чеканку монеты опредѣленнаго достоинства, и наоборотъ—чѣмъ дешевле металлъ, тѣмъ его идетъ больше. Поэтому монеты на мелкія суммы изъ дорогого металла или выходили бы очень маленькими, или ихъ вообще нельзя было бы чеканить, такъ мало шло бы на нихъ металла. И наоборотъ: монеты на большія суммы изъ дешеваго металла выходили бы слишкомъ большими и поэтому были бы неудобны по своей громоздкости для употребленія. Золотой рубль, при современной цѣнѣ золота, представлялъ бы крошечный кружокъ, а золотой копейки нельзя было и отчеканить: это была бы крупинка золота. Напротивъ, мѣдный рубль оказался бы очень тяжеловѣсной монетой, а 5 или 10 руб. совершенно неудобными для употребленія.

Въ виду изложеннаго приходится чеканить монеты не только разныхъ достоинствъ, но также и изъ разныхъ металловъ: мелкихъ достоинствъ изъ дешевыхъ металловъ, а крупныхъ изъ доро-

гихъ. Мелкія монеты чеканятся изъ мѣди, никкеля, неполноцѣннаго серебра (съ большой примѣсью мѣди), а крупныя—изъ полноцѣннаго серебра и главнымъ образомъ золота.

Такимъ образомъ въ обращеніи неизбѣжно должны находиться монеты различныхъ сортовъ какъ по достоинству, такъ и по матеріалу, изъ котораго онѣ изготовлены. Но было бы крайне неудобно, если бы монеты разныхъ сортовъ не были объединены между собою. При этомъ условіи трудно было бы сравнивать ихъ между собою, что между тѣмъ на каждомъ шагу приходится дѣлать: при размѣнѣ монетъ одного сорта на монеты другихъ сортовъ, при уплатѣ сдачи, при составленіи денежныхъ суммъ изъ разныхъ сортовъ и т. п.

Объединеніе денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ, достигается установленіемъ *денежной системы*. Извѣстное вѣсовое количество опредѣленнаго металла точно установленной пробы объявляется закономъ *денежной единицей* и ей присвоивается то или другое названіе. Напр., русская денежная единица имѣетъ $17^{424}/_{1000}$ доли чистаго золота и называется «рублемъ». Законы нѣкоторыхъ государствъ опредѣляютъ денежную единицу, указывая, какое число монетъ («кружковъ»), носящихъ названіе, установленное для денежной единицы, чеканится изъ опредѣленнаго вѣсового количества опредѣленнаго металла установленной пробы. Такъ, по французскому закону изъ килограмма золота $^{9}/_{10}$ пробы чеканится 3100 франковъ, такъ что денежной единицей является «франкъ», составляющій $^{1}/_{3100}$ килограмма золота указанной пробы. Денежная единица подраздѣляется на части, обозначаемыя другимъ названіемъ, а иногда послѣднія подраздѣляются еще на болѣе мелкія части, которымъ также присвоивается особое названіе. Такъ, русскій рубль раздѣляется на 100 копеекъ, а копейка на полушки и денежки; франкъ—на 100 сантимовъ; англійскій фунтъ стерлингъ—на 20 шиллинговъ, шиллингъ—на 12 пенсовъ и т. п.

Примѣнительно къ денежной единицѣ и ея подраздѣленіямъ устанавливаются сорта монетъ, подлежащихъ чеканкѣ. При этомъ монеты отдѣльныхъ сортовъ приравниваются по названіямъ и предполагаются равными по цѣнѣ содержащагося въ нихъ металла денежной единицѣ или ея подраздѣленіямъ и ихъ кратнымъ числамъ. Поэтому, если для монетъ опредѣленнаго сорта назначает-

ся металлъ болѣе дешевый, чѣмъ тотъ, въ которомъ выражена денежная единица, то монеты чеканятся изъ соотвѣтственно большаго количества металла и обратно.

Такимъ образомъ, денежная единица въ цѣломъ, въ дробныхъ и въ кратныхъ числахъ воплощается въ монетахъ, чеканенныхъ изъ разныхъ металловъ. Монеты всѣхъ сортовъ приведены такимъ образомъ въ опредѣленное количественное отношеніе къ одному мѣрилу, или маштабу, и поставлены въ опредѣленныя соотношенія между собою. *Денежные знаки, объединенные денежной единицей, и составляютъ денежную систему.*

Русская денежная система, основанная, какъ было сказано выше, на денежной единицѣ въ видѣ золотого рубля, объединяетъ монеты, золотыя, серебряныя (изъ серебра высшей и низшей пробы) и мѣдныя. Изъ золота чеканятся монеты въ 5 руб., 10 руб. и 15 руб., изъ серебра полноцѣннаго въ 1 руб., 50 коп., 25 коп., изъ неполноцѣннаго—въ 20 коп., 15 коп., 10 коп. и 5 коп., а изъ мѣди—въ 5 коп., 3 коп., 1 коп. и ниже. Такъ какъ монеты различныхъ сортовъ приведены къ одной денежной единицѣ, то всѣ обращающіяся монеты, несмотря на различіе металловъ, изъ которыхъ онѣ чеканены, служатъ выраженіемъ рубля и копейки, такъ что сравненіе ихъ между собою не представляетъ никакихъ затрудненій. Поэтому очень легко составлять изъ нихъ любыя денежныя суммы, размѣнивать крупныя монеты на мелкія; словомъ, производить всѣ необходимые въ практической жизни расчеты.

Денежная единица, какъ было указано выше, выражается въ опредѣленномъ вѣсовомъ количествѣ металла. Но нѣтъ надобности, чтобы денежной единицѣ соотвѣтствовала монета, заключающая въ себѣ такое же количество металла. Не далѣе какъ въ нашей русской денежной системѣ отсутствуетъ золотая монета въ 1 рубль. Ея не чеканятъ потому, что она была бы неудобна для пользованія, но это нисколько не мѣшаетъ признавать денежной единицей опредѣленное вѣсовое количество золота.

Въ древности существовали денежныя системы, которыя вообще не имѣли денежныхъ знаковъ, пользуясь вмѣсто нихъ металлическими слитками. Но основой ихъ все же служили денежныя единицы, какъ вѣсовыя количества металла.

Такъ, въ Вавилоніи, гдѣ благородные металлы (золото, серебро

и электронъ, или бѣлое золото) повидимому, впервые получили господство въ качествѣ денегъ, существовала денежная система, основанная на вѣсовыхъ отношеніяхъ. Опредѣленное вѣсовое количество металла признано было денежной единицей подъ именемъ «таланта», который раздѣлялся на 60 «минъ», а мина дѣлилась на 60 «шекелей». Эта система, съ извѣстными модификаціями, распространилась затѣмъ въ Средней Азіи и была принята въ Египтѣ и Греціи. Хотя съ помощью вавилонской денежной системы совершался развитой мѣновой оборотъ, тѣмъ не менѣе денежныхъ знаковъ эта система не знала. Металлы, исполнявшіе денежныя функціи, обращались въ слиткахъ и взвѣшивались при совершеніи сдѣлокъ [1]).

Въ древней Руси также образовалась денежная система, не знавшая денежныхъ знаковъ и тѣмъ не менѣе исполнявшая свое назначеніе—объединять существовавшіе виды денегъ. Долгое время у насъ на Руси одновременно функціонировали въ качествѣ орудій обмѣна мѣха и серебро, и ихъ объединяла въ качествѣ денежной единицы «гривна», бывшая не чѣмъ инымъ, какъ единицей вѣса—фунтомъ. Гривна подраздѣлялась на ногаты, куны, рѣзаны, векши, мордки—названія, повидимому, связанныя съ мѣховыми орудіями обращенія.

Поскольку денежная система осуществляется въ металлическихъ денежныхъ знакахъ, она является вмѣстѣ съ тѣмъ монетной системой, или схемой, по которой чеканятся монеты. На этомъ основаніи терминъ «*монетная система*» часто употребляется какъ синонимъ денежной системы. Совокупность денежныхъ знаковъ всѣхъ сортовъ, какъ металлическихъ, такъ и неметаллическихъ, объединенныхъ въ одно цѣлое денежной системой, составляетъ *денежное обращеніе*.

Денежная система опредѣляетъ устройство денежнаго обращенія. Она относится къ послѣднему такъ, какъ конструкція машины къ самой машинѣ. Механизмомъ мѣнового оборота служитъ денежное обращеніе.

§ 6. Законное мѣрило цѣнности и законное платежное средство. Государство регулируетъ функціонированіе денегъ особыми нормами, съ цѣлью сдѣлать его возможно болѣе точнымъ и

---

[1]) K. Helfferich. Das Geld. 1903.

устранить въ этой области, столь важной для имущественныхъ и личныхъ отношеній гражданъ, поводы для недоразумѣній.

Съ этой цѣлью прежде всего устанавливается правило, что во всѣхъ случаяхъ, когда производится офиціальная оцѣнка имуществъ или доходовъ или происходитъ офиціальное объявленіе цѣны какого-нибудь предмета, мѣриломъ цѣнности должна служить принятая государствомъ денежная единица: въ Россіи рубль, во Франціи франкъ и т. д.

Кромѣ того, государство само обязывается принимать отъ гражданъ слѣдуемые съ нихъ платежи всѣми закономъ установленными денежными знаками и къ тому же обязываетъ и гражданъ въ ихъ частныхъ платежахъ другъ другу. Но послѣднее обязательство можетъ распространяться не на всѣ денежные знаки и не въ одинаковой мѣрѣ на каждый сортъ ихъ.

Деньги тѣхъ сортовъ, пріемъ которыхъ обязателенъ въ частныхъ платежахъ, являются *законнымъ платежнымъ средствомъ*. Деньгамъ нѣкоторыхъ сортовъ присвоивается законноплатежная сила безъ ограниченій, что значитъ, что пріемъ ихъ обязателенъ для частныхъ лицъ, безъ ограниченія суммы для отдѣльныхъ платежей. Въ такихъ условіяхъ находится въ нашей денежной системѣ золотая монета. Другіе же сорта обязательны къ пріему въ каждомъ платежѣ только до опредѣленной суммы. Деньги такихъ сортовъ обладаютъ ограниченной законноплатежной силой. Въ нашей денежной системѣ монеты изъ полноцѣннаго серебра обязательны къ пріему до 25 р. въ одномъ платежѣ, а серебряныя низкопробныя и мѣдныя монеты до 3 р.

Государствомъ могутъ быть допускаемы къ обращенію денежные знаки, въ то же время не признаваемые имъ законнымъ платежнымъ средствомъ. Такова, напр., такъ наз. «банковая», или «торговая» монета, которая чеканилась въ нѣкоторыхъ странахъ для нуждъ торговли, но не была обязательна къ пріему. Иногда на такихъ же условіяхъ обращались иностранныя монеты.

Значеніе правила о законномъ платежномъ средствѣ заключается въ томъ, что оно устраняетъ недоразумѣнія относительно того, какими денежными знаками должны погашаться обязательства, выраженныя въ денежной формѣ. Кредиторъ обязанъ принять въ уплату долга денежные знаки, объявленные законнымъ платежнымъ средствомъ, въ предѣлахъ, установленныхъ зако-

номъ. Если наравнѣ съ звонкой монетой законнымъ платежнымъ средствомъ признаны бумажные знаки, то кредиторъ не можетъ отказаться отъ пріема ихъ въ уплату долга, хотя бы ссуда была выдана имъ золотомъ или серебромъ. Въ нѣкоторыхъ денежныхъ системахъ, какъ будетъ указано ниже, золотыя и серебряныя монеты одинаково являются законнымъ платежнымъ средствомъ безъ ограниченія. Въ такомъ случаѣ никто не можетъ отказаться отъ пріема тѣхъ и другихъ монетъ, на какую бы сумму ни простирался платежъ.

Наконецъ, деньги въ качествѣ законнаго платежнаго средства служатъ орудіемъ принудительнаго и окончательнаго погашенія обязательствъ не денежнаго характера, если они по какой-либо причинѣ оказываются невыполненными способомъ, предусмотрѣннымъ въ договорѣ. Если, напр., договоръ о поставкѣ товара оказывается невыполненнымъ, потому что нельзя достать товара или онъ погибъ, то обязательство погашается деньгами.

§ 7. Номинальная и рыночная цѣна монетъ. Цѣна монеты опредѣляется государственной властью и выражается въ денежной единицѣ или ея подраздѣленіяхъ. Это—*номинальная, или нарицательная цѣна* монетъ, обыкновенно изображаемая на нихъ при чеканкѣ. Когда деньги выступаютъ въ качествѣ законнаго платежнаго средства, стороны обязаны считать монеты по ихъ номинальной цѣнѣ. Кредиторъ, которому должникъ возвращаетъ долгъ монетами, обладающими законноплатежной силой, не можетъ отказаться принять ихъ по номинальной цѣнѣ; напр., заявить, что онъ приметъ серебряные рубли, считая ихъ равными только $^2/_3$ золотого рубля.

Номинальная цѣна металлическихъ денегъ имѣетъ обязательный характеръ, въ виду чего ее называютъ *принудительнымъ курсомъ* денегъ. Пользуясь этимъ терминомъ, можно сказать, что деньги въ качествѣ законнаго платежнаго средства принимаются въ платежахъ по принудительному курсу.

Отъ номинальной цѣны металлическихъ денегъ необходимо отличать ихъ *внутреннюю* цѣну, которую точнѣе было бы назвать ихъ товарной или металлической цѣной. Это—цѣна металла, заключающагося въ монетѣ.

Номинальная цѣна монетъ можетъ не совпадать съ ихъ внутренней цѣной: быть выше или ниже ея. Это случается тогда,

когда *рыночная цѣна* монетнаго металла уклоняется отъ расцѣнки его, принятой при чеканкѣ, или его *монетной цѣны*. Если изъ 1 килограмма золота $^{9}/_{10}$ пробы во Франціи чеканится 3100 франковъ, то это значитъ, что такое количество золота оцѣнивается въ эту сумму. Но можетъ случиться, что на рынкѣ 1 килограммъ золота въ слиткахъ будетъ продаваться за 3200 фр. или же за 3000 фр. Въ такомъ случаѣ оцѣнка золота, принятая при чеканкѣ, разойдется съ рыночной цѣной металла: окажется выше или ниже его. То же самое относится къ серебру и другимъ металламъ.

§ 8. **Свободная чеканка.** Поскольку цѣны монетныхъ металловъ на рынкѣ колеблются въ зависимости отъ количествъ каждаго металла, поступающихъ въ продажу, расхожденію между номинальной и внутренней цѣною можетъ противодѣйствовать такъ наз. *свободная чеканка*.

Принципъ такой чеканки заключается въ томъ, что частнымъ лицамъ предоставляется право передавать монетному двору для перечеканки въ монету любое количество металла, къ которому примѣняется это правило, съ платой только за работу чеканки или безплатно. Въ нашемъ законѣ (Монетный уставъ 1899 г.) свободная чеканка установлена относительно золота. Золотая монета чеканится у насъ какъ изъ золота, принадлежащаго казнѣ, такъ и изъ золота, представляемаго для этого частными лицами. Приносителямъ золота,—говорится въ законѣ,—не можетъ быть отказано въ пріемѣ его для передѣлки въ монету, если количество представленнаго ими чистаго металла не менѣе $^{1}/_{4}$ фунта. За передѣлку въ монету взимается съ пуда чистаго золота по 42 руб. $31^{1}/_{2}$ коп.

Если цѣна золота на рынкѣ падаетъ сравнительно съ его монетной цѣной, то держателямъ золота въ слиткахъ выгодно перечеканивать его въ монету. Поэтому при такомъ отношеніи между номинальной и внутренней цѣною монетъ золото должно притекать въ монетный дворъ для перечеканки до тѣхъ поръ, пока количество золота на рынкѣ не уменьшится на столько, что цѣна его повысится.

Наоборотъ, если рыночная цѣна золота поднимется сравнительно съ его монетной цѣною, то станетъ выгодно или переплавлять золотую монету въ слитки или вывозить ее за границу

въ страны, гдѣ оно выше оцѣнено въ монетѣ. Этимъ путемъ также будетъ возстановлено равновѣсіе, но въ обратномъ направленіи: количество золота на рынкѣ будетъ возрастать за счетъ золота въ монетѣ до тѣхъ поръ, пока рыночная цѣна его понизится до уровня монетной цѣны.

При свободной чеканкѣ не можетъ устанавливаться на долгое время сколько-нибудь значительная разница между номинальной и внутренней цѣною монеты: первая держится на уровнѣ послѣдней, такъ что монета, при всякихъ колебаніяхъ рыночной цѣны металловъ, сохраняетъ свою полноцѣнность. Свободная чеканка всегда примѣняется къ металлу, въ которомъ выражена денежная единица. Поэтому монеты изъ этого металла являются *полноцѣнными деньгами*. Что касается денежныхъ знаковъ, чеканенныхъ изъ другихъ металловъ (при золотой денежной единицѣ— серебро, мѣдь, никкель, бронза), то они имѣютъ значеніе подсобныхъ знаковъ, употребляемыхъ только по техническимъ причинамъ и въ виду большаго удобства взамѣнъ полноцѣнной монеты. Серебряный рубль употребляется вмѣсто золотого только потому, что рубль изъ золота былъ бы слишкомъ малъ и неудобенъ. Но денежной единицей является *золотой* рубль; серебряный только замѣняетъ его.

Къ подсобной монетѣ не примѣняется свободная чеканка. Такая монета чеканится въ ограниченномъ количествѣ, обыкновенно по расчету на голову населенія, и изъ металла, пріобрѣтаемаго казной въ потребномъ размѣрѣ.

У насъ въ такомъ положеніи находится серебряная и мѣдная монета, которая, какъ сказано въ Монетномъ уставѣ, чеканится единственно изъ металла, принадлежащаго казнѣ, и служитъ монетою вспомогательною въ обращеніи и въ платежахъ.

Вспомогательная монета завѣдомо неполноцѣнна, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, въ зависимости отъ ея сорта. Она заключаетъ въ себѣ меньшее количество металла, чѣмъ требовалось бы по ея номинальной цѣнѣ, и самый металлъ, употребляемый для ея чеканки, низкопробный. Поэтому внутренняя цѣна подсобной монеты ниже ее номинальной цѣны.

Благодаря этому удешевляется изготовленіе подсобной монеты, требующейся въ большомъ количествѣ для мелкихъ расчетовъ и при этомъ легко стирающейся отъ частаго перехода изъ рукъ въ руки.

Кромѣ того неполноцѣнность подсобной монеты препятствуетъ ея переливкѣ или вывозу при вздорожаніи металла, если, конечно, цѣна послѣдняго не поднимется выше номинальной цѣны монеты. Въ то же время неполноцѣнность подсобной монеты не вредитъ ничьимъ интересамъ, потому что она принимается государствомъ во всѣхъ платежахъ казнѣ безъ ограниченія суммы и безпрепятственно размѣнивается на полноцѣнную монету. Подсобная монета мелкихъ достоинствъ называется *размѣнной* или *билонной*.

§ 9. Виды денежныхъ системъ. Денежныя системы различаются въ зависимости отъ того, выражена ли денежная единица въ одномъ или двухъ металлахъ. Первыя называются *металлистическими*, вторыя—*двойными*. При монометаллизмѣ денежная единица можетъ быть выражена въ золотѣ или въ серебрѣ, въ зависимости отъ чего монометаллизмъ бываетъ *золотымъ* и *серебрянымъ*.

Русская денежная система основана на золотомъ монометаллизмѣ, потому что денежная единица этой системы выражена въ золотѣ ($=17^{424}/_{1000}$ доли чист. зол.). До 1898 г. у насъ существовала установленная въ 1810 г. денежная система, въ основаніе которой была положена серебряная денежная единица (сер. рубль=4 зол. 21 доля чист. сер.). Примѣромъ двойной денежной системы можетъ служить система, введенная во Франціи закономъ 1803 г. Денежная единица «франкъ» была выражена въ золотѣ и серебрѣ; законъ установилъ, что изъ 1 килогр. золота ($^9/_{10}$ пробы) должно чеканиться 3100 франковъ, а изъ 1 килогр. серебра—200 фр., такъ что въ монетѣ золото цѣнилось въ $15^1/_2$ разъ дороже серебра. При этомъ какъ золотой, такъ и серебряный франкъ былъ объявленъ законнымъ платежнымъ средствомъ безъ ограниченія, и къ обоимъ металламъ примѣнялась свободная чеканка.

Признаки двойной системы, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, таковы: 1) денежная единица выражена въ золотѣ и серебрѣ; 2) отношеніе между цѣнами этихъ металловъ, принятое какъ основаніе чеканки, устанавливается закономъ; 3) какъ золото, такъ и серебро въ монетѣ служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ безъ ограниченія и 4) къ обоимъ металламъ примѣняется свободная чеканка.

Въ теченіе XIX в. неоднократно дѣлались попытки ввести двойныя системы въ главныхъ странахъ культурнаго міра на основаніи международныхъ соглашеній. Система двойной денежной единицы, связанная съ началомъ международнаго объединенія государствъ, называется *биметаллизмомъ*.

Наконецъ, промежуточное положеніе занимаютъ такія денежныя системы, въ которыхъ при золотой денежной единицѣ и свободной чеканкѣ золотой монеты обращается серебряная монета, имѣющая, наравнѣ съ золотой, силу законнаго платежнаго средства безъ ограниченія; *при чемъ, однако, отсутствуетъ свободная чеканка серебра*. Такія системы называются *хромающими*.

Не слѣдуетъ смѣшивать такихъ системъ съ тѣми, въ которыхъ при золотой денежной единицѣ серебряная (полноцѣнная) монета, исполняя роль подсобнаго денежнаго знака, принимается въ отдѣльныхъ платежахъ *только на ограниченную сумму*, не подлежа при этомъ свободной чеканкѣ. При такихъ условіяхъ роль серебра, хотя бы и полноцѣннаго, такая же, какъ мѣди или никкеля: оно только замѣняетъ собою золото изъ-за практическихъ удобствъ. Денежная система, организованная на такихъ началахъ, построена на принципѣ золотого монометаллизма. Такое положеніе въ русской денежной системѣ занимаетъ полноцѣнное серебро, обладающее законной платежной силой только до 25 р. въ одномъ платежѣ и не подлежащее свободной чеканкѣ. Несмотря на существованіе въ нашей денежной системѣ серебряной монеты этого рода, мы имѣемъ золотой монометаллизмъ. Нашей денежной системы нельзя назвать ни двойной, ни хромающей.

§ 10. Золото и серебро въ современныхъ денежныхъ системахъ. Въ настоящее время въ культурномъ мірѣ преобладаютъ денежныя системы, основанныя на золотѣ. Между тѣмъ какъ въ первой половинѣ XIX ст. и въ болѣе раннее время преобладаніе было на сторонѣ системъ, основанныхъ на серебрѣ.

Переходъ къ золотому монометаллизму государствъ, придерживавшихся раньше серебрянаго монометаллизма, совершился въ теченіе послѣдняго полустолѣтія подъ вліяніемъ ряда причинъ.

1) Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что съ развитіемъ мѣнового оборота и въ частности съ увеличеніемъ числа сдѣлокъ на сравнительно крупныя суммы деньги изъ дорогого металла, какъ было уже указано выше, являются болѣе удобными, чѣмъ

изъ дешеваго: онѣ заключаютъ въ небольшомъ объемѣ большую цѣнность, что особенно важно при крупныхъ платежахъ и перевозкѣ большихъ денежныхъ суммъ. Поэтому страны, пользующіяся болѣе высокимъ благосостояніемъ, развитой промышленностью и торговлей, естественно стремятся ввести у себя деньги изъ дорогого металла. Этимъ объясняется, почему одной изъ первыхъ странъ, перешедшихъ къ золотому обращенію, была Англія, опередившая по своему промышленно-торговому развитію другія страны Европы.

2) Но переходъ къ золотому монометаллизму не могъ бы осуществиться во второй половинѣ XIX стол., если бы въ добычѣ золота не произошло крупнѣйшихъ перемѣнъ, сдѣлавшихъ возможной чеканку золотой монеты въ такомъ количествѣ, какое требовалось съ переходомъ большинства культурныхъ странъ къ золотому монометаллизму.

Добыча золота, составлявшая еще въ серединѣ прошлаго столѣтія около 200 тыс. килогр. [1]) ежегодно, стало быстро возрастать съ начала 90-хъ гг. и особенно въ XX вѣкѣ, подъ вліяніемъ сильнаго подъема южно-африканской золотопромышленности. Въ 1901 г. было добыто въ мірѣ около 400 тыс. килогр золота, а въ послѣдніе годы добыча достигла приблизительно 700 тыс. килогр. ежегодно.

Небывалый подъемъ добычи золота въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ осуществимымъ переходъ культурныхъ государствъ къ золотому монометаллизму, который отвѣчалъ и условіямъ экономическаго развитія.

3) Наконецъ, отказу отъ серебра, какъ основы денежныхъ системъ, содѣйствовало начавшееся съ середины XIX ст. и весьма усилившееся въ послѣдней четверти паденіе цѣны серебра сравнительно съ золотомъ.

Въ то время какъ въ первой половинѣ XIX в. 1 килогр. золота стоилъ на рынкѣ столько же, сколько приблизительно $15^1/_2$ килогр. серебра, уже къ концу прошлаго столѣтія золото стало въ 33 раза дороже серебра, а въ первые годы текущаго вѣка отношеніе между цѣнами благородныхъ металловъ сдѣлалось еще болѣе невыгоднымъ для серебра (къ 1908—1911 гг. золото относилось къ серебру какъ 1 къ 38).

[1]) Килогр. = 2,441 русс. фунта = 2 ф. 42 зол. 40,8 дол.,

Такое стремительное обезцѣненіе серебра вызывалось громаднымъ ростомъ его добычи, не только не сопровождавшимся соотвѣтственнымъ увеличеніемъ спроса на него, но совпавшимъ даже съ обратнымъ движеніемъ. Когда началось, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, стремленіе къ золотому монометаллизму, требованіе на серебро, какъ монетный металлъ, сильно сократилось. Параллельно съ паденіемъ спроса на серебро его добыча увеличилась съ середины прошлаго столѣтія съ 886 тыс. килогр. въ годъ до $6^1/_2$ милл. килогр. въ 1909 г. [1]).

Обезцѣненіе серебра и обнаружившаяся неустойчивость его цѣны, падавшей изъ года въ годъ и даже по мѣсяцамъ, сдѣлали его крайне неудобнымъ въ качествѣ металла для денежной единицы. Если удешевленіе серебра должно было вести къ тому, что полноцѣнныя серебряныя деньги становились неудобными вслѣдствіе своей громоздкости, то неустойчивость цѣны на серебро

[1]) Добыча благородныхъ металловъ (въ килогр.), по свѣдѣніямъ американскаго монетнаго двора, для періода послѣ 1905 г. (Annual Reports of the Director of the Mint):

	Время.	Золото.		Серебро.	
		За весь періодъ.	Годовая добыча.	За весь періодъ.	Годовая добыча.
I.	Отъ открытія Америки до середины XIX в. (1493—1850) 358 лѣтъ	4.752.000	13.200	149.827.000	419.800
II.	Отъ открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи до 1905 г. 55 лѣтъ	12.846.000	233.600	159.506.000	2.736.000
III.	1905 г.	—	568.232	—	5.275.800
	1906 „	—	602.380	—	5.155.672
	1907 „	—	621.375	—	5.729.611
	1908 „	—	666.318	—	6.318.237
	1909 „	—	683.331	—	6.545.981
	1910 „	—	684.176	—	6.932.478

дѣлала его непріемлемымъ въ качествѣ офиціальнаго мѣрила цѣнности, которое, какъ и всякій масштабъ, должно быть прежде всего устойчивымъ.

4) Однимъ изъ важныхъ послѣдствій обезцѣненія серебра было крушеніе двойныхъ системъ и неудача агитаціи биметаллистовъ. Правильное функціонированіе двойной системы обусловлено тѣмъ, чтобы отношеніе между золотомъ и серебромъ, принятое при оцѣнкѣ ихъ для чеканки, соотвѣтствовало отношенію, дѣйствительно существующему между ними на рынкѣ. Въ такомъ случаѣ какими бы деньгами ни произведенъ былъ платежъ, золотомъ или серебромъ, ни одна изъ сторонъ,—ни получатель, ни плательщикъ,—не потерпѣли бы убытка отъ того, что платежъ произведенъ серебряными монетами, а не золотыми, или наоборотъ. Кредиторъ, получившій въ уплату долга 3100 фр. серебряной монетой, получилъ бы въ видѣ монеты $15^1/_2$ килогр. серебра; если же платежъ былъ бы произведенъ золотомъ, то золотая монета на сумму 3100 фр. составила бы 1 килогр. золота. При существованіи на рынкѣ такого же отношенія между золотомъ и серебромъ, цѣна металла, который былъ бы уплаченъ въ видѣ денегъ въ томъ и другомъ случаѣ, оказалась бы одинаковой. Но предположимъ, что при томъ же отношеніи между золотомъ и серебромъ въ монетѣ отношеніе между ними на рынкѣ было бы иное, напр., 1: 31, такъ что 1 килогр. золота стоилъ бы въ 31 разъ (а не въ $15^1/_2$ разъ, какъ въ монетѣ) дороже 1 килог. серебра. Въ такомъ случаѣ кредиторъ, получивъ въ уплату долга 3100 фр. серебряной монетой, получилъ бы сумму денегъ, внутренняя цѣна которыхъ была бы въ 2 раза меньше, чѣмъ если бы долгъ былъ уплаченъ золотой монетой. При отношеніи между золотомъ и серебромъ на рынкѣ 1: 31, 3100 фр. въ серебряной монетѣ, или $15^1/_2$ килогр. серебра, равнялись бы только $^1/_2$ килогр. золота, между тѣмъ какъ 3100 фр. въ золотой монетѣ составили бы 1 килогр. золота, потому что монета, по нашему предположенію, чеканилась бы попрежнему по такому расчету, что изъ 1 кил. серебра выходило бы 200 фр., а изъ 1 килогр. золота—3100 фр.

Подобное положеніе и создалось вслѣдствіе паденія серебра. Золото въ монетѣ цѣнилось на серебро ниже чѣмъ на рынкѣ, а серебро на золото, наоборотъ, цѣнилось выше въ монетѣ. Отличіе

дѣйствительности отъ приведеннаго выше примѣра сводилось только къ отличію числовыхъ отношеній. При такихъ условіяхъ стало выгодно переплавлять золотую монету и продавать ее въ видѣ золотыхъ слитковъ, потому что золото въ монетномъ видѣ было дешевле, чѣмъ въ нечеканномъ. При отношеніи 1: 31 одинъ килогр. золота (3100 фр.) въ монетѣ приравнивался бы $15^1/_2$ килогр. серебра, а въ слиткахъ за 1 килогр. золота давали бы на рынкѣ 31 килогр. серебра. Было бы выгодно обмѣнивать серебряную монету на золото, получая за каждые $15^1/_2$ килогр. серебра 1 килогр. золота съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, купивъ на рынкѣ за это золото уже 31 килогр. серебра и воспользовавшись правомъ свободной чеканки, перечеканить его въ монету, что̀ дало бы 6200 фр. серебряной монеты, которую можно было бы снова обмѣнять на 2 килогр. золота въ монетѣ и т. д. Повтореніе этой операціи каждый разъ удваивало бы выручаемую сумму, позволяя выкачивать золотую монету до тѣхъ поръ, пока въ обращеніи оставалось бы какое-нибудь количество ея. Подобныя операціи въ томъ или другомъ размѣрѣ стали возможными, какъ только отношеніе золота къ серебру измѣнилось подъ вліяніемъ обезцѣненія серебра.

Когда создавалось такое положеніе, спекулянты въ странахъ съ двойной денежной системой, пользуясь случаемъ получить выгоду, собирали золотую монету, вымѣнивали на нее серебро, чтобы съ его помощью выкачивать золото, а если это не удавалось, то удерживали золотую монету въ своихъ рукахъ, разъ она попадала къ нимъ. Золотая монета уходила изъ обращенія и скоро совершенно изчезала: она частью переплавлялась, частью вывозилась за границу, гдѣ ее продавали по внутренней цѣнѣ ея, т.-е. по рыночной цѣнѣ золота.

Если въ странѣ и оставалось нѣкоторое количество золотой монеты, то оно во всякомъ случаѣ не было употребляемо въ такихъ платежахъ, гдѣ приходилось отдавать ее по номинальной цѣнѣ. Спекуляція очень скоро открывала и широкой публикѣ глаза на несоотвѣтствіе между номинальной и внутренней цѣною золотой монеты, и всѣ придерживали ее у себя или соглашались вымѣнивать ее на серебряную монету или товары только при условіи болѣе высокой оцѣнки, т.-е. съ такой надбавкой къ номинальной цѣнѣ, которая соотвѣтствовала разницѣ между номинальной и внутренней цѣною золотой монеты.

Такая надбавка носитъ названіе лажа. Такимъ образомъ, золотая монета, при описанныхъ условіяхъ, ходила съ лажемъ. Но большая часть ея исчезала изъ обращенія.

Послѣдствіемъ такого положенія было то, что при формальномъ существованіи двойной системы фактически устанавливался серебряный монометаллизмъ, неудобства котораго при неустойчивости серебра уже были выяснены выше. Въ обращеніи оставались только обезцѣненныя серебряныя монеты. Полноцѣнныхъ денегъ не было вовсе. Попытки остановить обезцѣненіе серебра не приводили къ желательному результату. Достигнуть той же цѣли съ помощью международнаго объединенія крупныхъ государствъ на принципѣ двойной денежной единицы, въ пользу чего агитировали биметаллисты, также не удалось: объединеніе оказалось недостижимымъ вслѣдствіе разногласія интересовъ различныхъ странъ и сомнительности выгодъ биметаллизма.

Все это привело къ тому, что двойныя системы, давно уже переставшіе существовать въ чистомъ видѣ, были офиціально (Сѣв. Америк. Соед. Штаты) или фактически (Франція) преобразованы на почвѣ золотого монометаллизма.

§ 11. Бумажныя деньги. Въ составъ денежныхъ системъ наряду съ металлическими денежными знаками, или монетами, могутъ входить и бумажные знаки. Ихъ номинальная цѣна выражена въ денежной единицѣ, принятой въ данной денежной системѣ, или ея подраздѣленіяхъ. *Если такіе бумажные знаки объявлены законнымъ платежнымъ средствомъ безъ ограниченія или въ ограниченныхъ предѣлахъ и снабжены принудительнымъ курсомъ, то они являются бумажными деньгами.*

Бумажныя деньги являются деньгами, потому что онѣ выполняютъ всѣ денежныя функціи и служатъ окончательнымъ орудіемъ погашенія обязательствъ. Государство принимаетъ бумажныя деньги въ платежахъ казнѣ наравнѣ съ монетой, но не беретъ на себя обязанности и не обязываетъ никого другого размѣнивать бумажныя деньги на монету, *по ихъ номинальной цѣнѣ* (*рубль за рубль*). Бумажныя деньги являются *неразмѣнными* въ томъ смыслѣ, что никто не обязанъ обмѣнять бумажный знакъ на равную ему сумму металлическихъ денегъ; напр., размѣнять сторублевую бумажку на 100 рублей золотомъ.

Такимъ образомъ, признаки бумажныхъ денегъ слѣдующіе:

1) ихъ номинальная цѣна обозначается въ денежной единицѣ, на которой основана денежная система, 2) онѣ служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ, 3) принимаются въ платежахъ по принудительному курсу и 4) онѣ неразмѣнны.

Бумажныя деньги не имѣютъ внутренней цѣны. Онѣ держатся въ обращеніи и принимаются въ платежахъ исключительно потому, что государство само принимаетъ ихъ по ихъ номинальной цѣнѣ въ уплату налоговъ и вообще въ платежахъ казнѣ и обязываетъ и частныхъ лицъ принимать ихъ въ качествѣ законнаго платежнаго средства по принудительному курсу.

Основаніе, на которомъ держится обращеніе бумажныхъ денегъ, обозначается иногда не особенно удачнымъ терминомъ «податнаго покрытія». Это даетъ поводъ предполагать, будто бумажныя деньги обращаются только потому, что государство принимаетъ ихъ въ уплату податей. Между тѣмъ кромѣ пріема бумажныхъ денегъ государствомъ въ уплату всякихъ взносовъ, слѣдуемыхъ казнѣ, имѣетъ не менѣе важное значеніе и то, что бумажныя деньги служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ, и поэтому пріемъ ихъ обязателенъ и для частныхъ лицъ.

Бумажныя деньги, какъ и монеты, различаются по ихъ номинальной цѣнѣ. Виды бумажныхъ денегъ, различаемыя по этому признаку, называются *купюрами*. Бумажныя деньги бываютъ различныхъ купюръ: крупныхъ и мелкихъ. При обычныхъ условіяхъ избѣгаютъ слишкомъ мелкихъ купюръ, потому что въ мелкомъ оборотѣ бумага быстро изнашивается и пріобрѣтаетъ грязный видъ. Опытъ съ марками, обращающимися у насъ въ настоящее время взамѣнъ мелкой размѣнной монеты, наглядно показываетъ неудобства бумажныхъ знаковъ мелкихъ купюръ.

§ 12. Отношеніе бумажныхъ денегъ къ металлическимъ. Выше уже было указано, что бумажныя деньги не имѣютъ внутренней цѣны, что очевидно само собою, потому что клочекъ бумаги, изъ которой они состоятъ, не имѣетъ никакой цѣны на рынкѣ. Въ виду этого и понятія полноцѣнности и неполноцѣнности непримѣнимы къ бумажнымъ деньгамъ въ томъ смыслѣ, какъ они примѣняются къ металлическимъ деньгамъ.

О полноцѣнности или неполноцѣнности бумажныхъ денегъ можно говорить только въ смыслѣ ихъ отношенія къ полноцѣнной монетѣ одинаковой съ ними номинальной цѣны. Если бумажный

знакъ принимается въ платежахъ наравнѣ съ полноцѣнными металлическими деньгами равной съ нимъ номинальной цѣны, то онъ является полноцѣннымъ. Если же бумажный знакъ расцѣнивается ниже равныхъ ему по номинальной цѣнѣ полноцѣнныхъ металлическихъ денегъ, то онъ является неполноцѣннымъ. Такія бумажныя деньги признаются *обезцѣненными*.

Напр., въ серединѣ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія рубль въ кредитныхъ билетахъ приравнивался только $^2/_3$ рубля въ золотой монетѣ, такъ что за золотой полуимперіалъ (5 руб.) приходилось платить 7 р. 50 к. бумажными деньгами.

Исторія бумажныхъ денегъ показываетъ, что всюду, гдѣ онѣ выпускались, болѣе или менѣе скоро происходило ихъ обезцѣненіе.

Ассигнаты, выпущенные въ эпоху французской революціи національнымъ собраніемъ, упали къ концу XVIII стол., когда ихъ оказалось въ обращеніи на сумму $45^1/_2$ милліардовъ ливровъ, такъ сильно, что составляли только $^1/_3$ % металлическихъ денегъ одинаковой съ ними номинальной цѣны. Къ выпуску бумажныхъ денегъ прибѣгала также Сѣв. Америка во время войны за независимость, и къ 80-мъ гг. XVIII стол. покупательная сила ея бумажныхъ денегъ составляла уже только $^1/_{20}$ покупательной силы металлическихъ денегъ одинаковой съ ними номинальной цѣны. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ повторилось въ Соед. Штатахъ и въ 60-хъ гг. XIX в., когда во время междоусобной войны правительству вновь пришлось прибѣгнуть къ этому средству для покрытія государственныхъ расходовъ.

Въ исторіи почти всѣхъ странъ Европы бывали періоды, когда существовали бумажныя деньги, и вездѣ неизмѣнно происходило ихъ обезцѣненіе [1]).

---

[1]) Въ Россіи при существованіи бумажныхъ денегъ въ видѣ „ассигнацій“ за 100 серебряныхъ рублей платили бумажными деньгами:

Въ 1790 г. — 115 р.	въ 1806 г. — 137 р.	въ 1811 г. — 394 р.
„ 1795 „ — 146 „	„ 1807 „ — 148 „	„ 1813 „ — 397 „
„ 1797 „ — 126 „	„ 1808 „ — 186 „	„ 1815 „ — 426 „
„ 1801 „ — 151 „	„ 1809 „ — 224 „	„ 1823 „ — 379 „
„ 1803 „ — 125 „	„ 1810 „ — 300 „	„ 1839 „ — 360 „

То же самое, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, повторилось съ „кредитными билетами“, замѣнившими собою ассигнаціи послѣ 1843 г. Къ 1 янв. 1879 г. 1 кред. рубль приравнивался уже только къ 61,$_7$ коп. на золото. И въ настоящее время, когда кредитныя деньги снова стали неразмѣнными бумажными деньгами, кредитный рубль обезцѣнился, и притомъ чрезвычайно сильно.

Наконецъ, въ настоящее время подъ давленіемъ обстоятельствъ войны всѣ воюющіе государства, за исключеніемъ Англіи, оказались вынужденными прибѣгнуть въ широкихъ размѣрахъ къ выпуску неразмѣнныхъ бумажныхъ знаковъ, являющихся бумажными деньгами, и всюду произошло ихъ обезцѣненіе.

§ 13. Условія правильнаго дѣйствія денежнаго механизма. Назначеніе денежной системы заключается въ томъ, чтобы служить въ видѣ денежнаго обращенія механизмомъ передвиженія цѣнностей въ гражданскомъ оборотѣ. Она должна быть устроена такъ, чтобы цѣнности, которыя по условіямъ жизни народнаго хозяйства должны перейти изъ одного хозяйства или имущества въ другое, не встрѣчали на своемъ пути препятствій и задержекъ въ неустройствѣ денежнаго механизма: въ недостаткѣ денежныхъ знаковъ, въ неудобствахъ ихъ формы и внѣшняго вида, въ неправильномъ соотношеніи ихъ номинальной и внутренней цѣны, наконецъ, въ неудачныхъ нормахъ права, относящихся къ денежной системѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ денежная система не должна оказывать вліянія на существо экономическихъ отношеній и интересовъ: никто не долженъ ни обогащаться, ни терпѣть матеріальнаго ущерба въ связи съ дѣйствіемъ денежнаго механизма. Это было бы такъ же ненормально, какъ если бы перевозка грузовъ по желѣзной дорогѣ вліяла на ихъ качество или количество.

Денежная система должна дѣйствовать какъ система передаточныхъ колесъ, двигающихъ матерію, но не измѣняющихъ ни физическихъ, ни химическихъ ея свойствъ.

Для того, чтобы правильно выполнять свое назначеніе, денежная система должна отвѣчать нѣкоторымъ требованіямъ.

1) Она должна удовлетворять требованію *единства* своего строенія. Это значитъ, что денежная единица, положенная въ основу денежной системы, въ какомъ бы металлѣ или иномъ матеріалѣ она ни воплощалась, при условіи одинаковой законо-платежной силы монетъ, всегда представляла бы собою одинъ и тотъ же масштабъ, или мѣрило цѣнностей. Исключеніе, какъ будто допускаемое въ этомъ отношеніи для подсобной монеты, не нарушаетъ правила, потому что, какъ было указано, эта монета обладаетъ ограниченной законо-платежной силой и служитъ только для замѣны полноцѣнныхъ денегъ во внутреннемъ оборотѣ.

Въ силу принципа единства денежной системы нельзя признать правильно дѣйствующей двойную денежную систему, когда денежная единица, выраженная въ золотѣ, имѣетъ одну внутреннюю цѣну, а та же единица, выраженная въ серебрѣ,—другую, при чемъ золотыя и серебряныя монеты одинаково служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ. При такомъ положеніи экономическіе интересы и отношенія подвергались бы глубокому вліянію денежной системы, что, какъ было уже замѣчено выше, недопустимо.

Въ самомъ дѣлѣ, ссуда, выданная золотомъ, могла бы быть возвращена серебромъ, и если внутренняя цѣна серебряныхъ монетъ ниже золотыхъ, то ясно, что кредиторъ получилъ бы въ возвратъ меньшую цѣнность, чѣмъ какую онъ далъ взаймы, а должникъ обогатился бы на всю сумму этой разницы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ выгодно производить платежи менѣе цѣнной монетой, а болѣе цѣнную приберегать, чтобы продать ее по ея внутренней цѣнѣ или переплавить. Это именно то, что и наблюдается при двойныхъ системахъ, когда отношеніе между металлами на рынкѣ расходится съ отношеніемъ между ними въ монетѣ; или когда бумажныя деньги обезцѣниваются. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ было показано выше, происходитъ вытѣсненіе полноцѣнныхъ денегъ неполноцѣнными или обезцѣненными.

Это явленіе повторяется при соотвѣтствующихъ условіяхъ съ закономѣрной правильностью и въ качествѣ экономическаго закона получило названіе по имени англійскаго государственнаго дѣятеля при королевѣ Елизаветѣ—Грешама, хотя оно было подмѣчено гораздо раньше, еще въ эпоху классической древности.

Законъ Грешама заключается въ томъ, что полноцѣнныя (хорошія, доброкачественныя) деньги вытѣсняются неполноцѣнными или обезцѣненными (плохими, недоброкачественными).

Дѣйствія этого закона обнаруживается при слѣдующихъ условіяхъ:

а) если деньги полноцѣнныя и неполноцѣнныя въ равной мѣрѣ являются законнымъ платежнымъ средствомъ безъ ограниченія,—иначе платежъ неполноцѣнными деньгами вмѣсто полноцѣнныхъ будетъ, конечно, отвергнутъ получателемъ; б) если деньги того и другого рода подлежатъ свободной чеканкѣ. При отсутствіи этого условія, напр., когда, какъ во Франціи, ограничена чеканка се-

ребра, хотя оно и служитъ законнымъ платежнымъ средствомъ наравнѣ съ золотомъ, вытѣсненіе полноцѣнной монеты встрѣчаетъ препятствіе въ ограниченномъ количествѣ неполноцѣнныхъ денегъ.

Въ силу закона Грешама при отсутствіи единства денежной системы происходитъ автоматическое выталкиваніе изъ обращенія денегъ, стоящихъ выше по своей внутренней цѣнѣ. Въ конечномъ итогѣ этотъ процессъ водворяетъ единство денежной системы, но цѣною вытѣсненія полноцѣнныхъ денегъ неполноцѣнными и послѣ тяжелаго переходнаго времени.

2) Дальнѣйшее требованіе, предъявляемое правильно устроенной денежной системѣ, заключается въ томъ, что металлъ, въ которомъ выражена денежная единица, долженъ обладать устойчивой цѣною по отношенію къ другимъ хозяйственнымъ благамъ. Въ противномъ случаѣ мѣрило цѣнности, какимъ является денежная единица, будетъ своей измѣнчивостью колебать экономическіе интересы и отношенія къ незаслуженной выгодѣ однихъ и ничѣмъ неоправдываемому ущербу другихъ.

При серебрѣ въ качествѣ денежной единицы величина имуществъ и доходовъ и значеніе денежныхъ обязательствъ колебались бы, при неизмѣнной номинальной цѣнѣ денегъ, въ зависимости отъ колебаній цѣны серебра. На протяженіи 20—30 лѣтъ конца XIX в. имущества, заключавшіяся въ деньгахъ, потеряли бы свыше 50% своей цѣны въ отношеніи къ золоту и другимъ товарамъ; и то же самое произошло бы съ доходами, денежная величина которыхъ была бы установлена договоромъ или закономъ въ началѣ этого періода. Напр., арендная плата за землю, выраженная въ деньгахъ по договору, заключенному въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, къ концу послѣдняго понизилась бы по внутренней цѣнѣ денегъ болѣе чѣмъ въ два раза. Также и денежная ссуда, выданная, когда серебро относилось къ золоту какъ $1:15^1/_2$, и возвращенная, когда это отношеніе измѣнилось въ 1:31, по своей внутренней цѣнѣ упала бы за это время вдвое.

Такое положеніе водворяется, когда бумажныя деньги, вытѣснивъ полноцѣнную монету, становятся мѣриломъ цѣнности. Крайняя неустойчивость этого мѣрила приводитъ въ колебаніе всѣ экономическія отношенія. Такъ, въ эпоху существованія у насъ ассигнацій, колебанія ихъ цѣны въ отношеніи серебрянаго рубля доходили до 5% и 7% въ теченіе одной недѣли, а въ

болѣе продолжительные періоды времени были значительно сильнѣе. Кто въ концѣ XVIII ст. имѣлъ состояніе въ 100 тыс. руб. въ документахъ съ уплатою на ассигнаціи, у того въ 1808 г. оставалось въ счетѣ на серебро только 50 тыс., въ іюлѣ 1810 г.— только 33 тыс., а въ декабрѣ 1810 г.—уже только 25 тыс. [1]).

Денежная система, приводившая къ такому колебанію имущественнаго положенія гражданъ, пагубно вліяла на всѣ стороны народнаго хозяйства. Въ офиціальной исторіи Министерства Финансовъ (1802—1902) послѣдствія колебаній ассигнаціонныхъ бумажныхъ денегъ въ началѣ XIX в. изображаются въ слѣдующихъ словахъ: «Цѣны товаровъ сильно повысились, имущественныя отношенія утратили прочность, кредитныя сдѣлки крайне затруднились, производительная дѣятельность приняла характеръ спекулятивный; все народное хозяйство потряслось въ своихъ основахъ. Огромные убытки несло въ то время и государственное казначейство, получавшее свои доходы въ обезцѣненныхъ ассигнаціяхъ».

3) Денежная система должна быть основана *на полноцѣнныхъ* деньгахъ.

Матеріаломъ для такихъ денегъ долженъ служить металлъ, наименѣе подвергающійся колебаніямъ въ своей цѣнѣ и легко перевозимый на далекія разстоянія (портативность). Первое условіе обезпечиваетъ его устойчивость, какъ мѣрила цѣнностей, а второе содѣйствуетъ тому, что цѣна такого металла держится во всѣхъ странахъ на одинаковомъ уровнѣ: если гдѣ-нибудь цѣна его поднимается надъ общимъ уровнемъ, металлъ быстро притекаетъ туда и цѣна выравнивается. Въ настоящее время такимъ металломъ является золото. Оно до сихъ поръ отличалось устойчивостью и, благодаря своей высокой цѣнѣ, легко выдерживало пересылку на далекія разстоянія, потому что расходы по пересылкѣ золота составляютъ незначительный $^0/_0$ къ его цѣнѣ. Вслѣдствіе этого цѣна золота держится при обычныхъ условіяхъ на одинаковомъ уровнѣ во всѣхъ странахъ.

Деньги изъ такого металла, какимъ является золото въ настоящее время, имѣютъ одинаковую внутреннюю цѣну во всемъ культурномъ мірѣ. Поэтому если деньги полноцѣнны, т.-е. если ихъ номинальная цѣна равна ихъ внутренней цѣнѣ, денежная единица,

---

[1]) Гольдманъ. „Русскія бумажныя деньги“. 1866 г.

воплощенная въ нихъ, всюду представляетъ опредѣленную хозяйственную цѣнность, и основанныя на ней деньги могутъ служить прочнымъ основаніемъ для платежей иностраннымъ кредиторамъ государства и частныхъ лицъ.

Обладаніе полноцѣнными деньгами необходимо для каждой страны, не живущей въ экономическомъ отношеніи замкнутой жизнью, для правильной постановки ея экономическихъ отношеній съ другими странами. А это въ свою очередь имѣетъ важное значеніе и для внутренней жизни народнаго хозяйства. Если страна не имѣетъ полноцѣнныхъ денегъ для расплаты за границей, то всѣ лица, имѣющія экономическія отношенія съ нею, подвергаются риску потерпѣть убытки вслѣдствіе колебаній внутренней цѣны денегъ. Кредиторы государства, которымъ проценты выдавались бы колеблющимися деньгами, не были бы увѣрены въ дѣйствительномъ значеніи своего дохода. Фабрикантъ, отправившій въ такую страну товаръ, не зналъ бы, сколько онъ на самомъ дѣлѣ выручитъ за него, потому что деньги, которыя онъ получитъ въ видѣ платы за товаръ, представляютъ колеблющуюся величину.

Разумѣется, никто не пожелаетъ подвергать себя такой неизвѣстности и постарается обезпечить себя отъ потерь. Кредиторъ выговоритъ себѣ право получать проценты золотомъ, а фабрикантъ повыситъ цѣну товара, чтобы въ случаѣ пониженія покупательной силы денегъ не потерпѣть убытка. При такихъ условіяхъ заемъ обойдется государству дорого, потому что ему придется самому покупать золото для уплаты процентовъ; и товары, привозимые изъ-за границы, также будутъ продаваться по высокимъ цѣнамъ. Вздорожаніе привозимыхъ товаровъ отразится и на цѣнахъ товаровъ отечественнаго производства, потому что изъ-за границы привозятся не только издѣлія, но и предметы, употребляемые для производства внутри страны: сырые матеріалы, машины, инструменты и т. д. Повышеніе же цѣнъ на такіе предметы непосредственно отразится на расходахъ производства многихъ отечественныхъ товаровъ и подниметъ ихъ цѣны. И независимо отъ этого дороговизна привозныхъ товаровъ вызываетъ общую тенденцію цѣнъ къ повышенію.

Такимъ образомъ, въ интересахъ государства и народнаго хозяйства страна должна производить свои платежи за границей полноцѣнными деньгами.

Но и внутри страны, независимо отъ внѣшнихъ отношеній, полноцѣнныя деньги представляютъ существенныя преимущества передъ неполноцѣнными.

Обращеніе неполноцѣнныхъ денегъ открываетъ просторъ для произвольнаго уменьшенія внутренней цѣны денегъ сравнительно съ ихъ номинальной цѣною въ виду выгоды, которая можетъ быть извлечена изъ этой операціи. Уменьшеніе металлическаго содержанія монетъ или пониженіе пробы металла удешевляетъ ихъ изготовленіе, что при сохраненіи номинальной цѣны повышаетъ прибыль отъ чеканки. Этимъ объясняется происходившая въ прежнія времена порча монетъ самими правителями или частными лицами, которымъ поручалось дѣло чеканки. Это явленіе пережили всѣ страны, въ томъ числѣ и Россія.

Порча монеты въ Новгородѣ вызвала въ XV в. народный бунтъ, послѣ котораго была реорганизована денежная система и чеканка взята государствомъ въ свои руки. Позднѣе у насъ происходила порча мѣдной монеты съ цѣлью увеличить этимъ путемъ доходы государства.

Еще большій просторъ для извлеченія доходовъ путемъ выпуска денежныхъ знаковъ открываютъ бумажныя деньги. Печатаніе ихъ обходится относительно очень дешево, а размѣры, въ которыхъ можно напечатать ихъ, ограничены только техническими средствами производства (бумага, краска, машины и т. п.).

Допущеніе неполноцѣнныхъ денегъ къ обращенію дѣлаетъ возможнымъ произвольное уменьшеніе ихъ неполноцѣнности въ видѣ пониженія внутренней цѣны металлическихъ знаковъ и обезцѣненія бумажныхъ денегъ при увеличеніи ихъ числа. Денежный механизмъ ставится на покатую плоскость, приводящую къ полной неопредѣленности относительно дѣйствительной (внутренней) цѣны денегъ.

Только прочное установленіе принципа полноцѣнности денегъ, обезпеченнаго соотвѣтствующими законодательными правилами, устраняетъ эту опасность.

§ 14. Государственная теорія денегъ. Соціальный процессъ приводитъ къ образованію идеи денегъ, которую онъ облекаетъ въ матеріальную оболочку предметовъ, оказывающихся по историческимъ условіямъ наиболѣе подходящими для этого. Но государственная власть не только санкціонируетъ и упорядочиваетъ то,

что создалось помимо нея; она проявляетъ при этомъ и творческую дѣятельность, создавая для денежной идеи новыя матеріальныя формы и такимъ образомъ вырабатывая новые виды денегъ; она вводитъ ихъ въ жизнь, опираясь на свой авторитетъ и часто нисколько не считаясь съ продуктами соціальнаго процесса. Объявляя извѣстный предметъ законнымъ платежнымъ средствомъ и устанавливая для него податное «покрытіе», государство силою своей власти дѣлаетъ его исполнителемъ денежныхъ функцій, сообщая ему свойства, которыя пріобрѣтались другими предметами въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго историческаго процесса. Постановивъ, что данный предметъ будетъ приниматься въ платежи и употребляться для платежей самимъ государствомъ и что всякій платежъ, произведенный этимъ предметомъ, будетъ считаться окончательнымъ, государство какъ бы прививаетъ избранному предмету общественное признаніе. Каждый членъ общества считается съ установленнымъ положеніемъ, потому что предметъ, объявленный законнымъ платежнымъ средствомъ, становится въ силу закона орудіемъ обмѣна и платежа. Исторія денежныхъ системъ показываетъ, какъ широко государство пользовалось силою своего авторитета въ этой области.

Отступая отъ почвы, подготовленной историческимъ процессомъ, государство не только произвольно избирало металлы для изготовленія изъ нихъ денегъ, но оно совершенно отдѣлило идею денегъ отъ оболочки хозяйственныхъ благъ, въ которую деньги большею частью облекались въ исторіи, и создало предметы, являющіеся и по видимости, и по существу *только* деньгами и ничѣмъ инымъ. Эти предметы предназначены служить исключительно орудіями обмѣна и платежа и не способны удовлетворить никакой иной потребности, кромѣ той, которую удовлетворяютъ деньги.

Чистымъ воплощеніемъ денежной идеи, безъ всякой посторонней примѣси, являются *бумажныя деньги*. Бумага, изъ которой онѣ сдѣланы, не имѣетъ сама по себѣ никакой цѣнности, какъ хозяйственное благо, тѣмъ не менѣе бумажный лоскутокъ, на которомъ напечатано, сколько денежныхъ единицъ онъ представляетъ,— деньги. Являясь законнымъ платежнымъ средствомъ, бумажныя деньги выполняютъ всѣ денежныя функціи въ силу государственнаго авторитета.

Итакъ, хотя деньги *исторически* и образовались изъ хозяйственныхъ благъ, представляющихъ цѣнности независимо отъ денежныхъ функцій, которыя онѣ призваны исполнять, тѣмъ не менѣе государство не только регулируетъ явленіе денегъ, организуя и упорядочивая пользованіе ими, но и вводитъ въ употребленіе такіе виды денегъ, которые составляютъ цѣликомъ продуктъ государственнаго творчества.

Имѣя это въ виду, проф. Кнаппъ считаетъ деньги созданіемъ правового порядка. Его основная мысль, подчеркнутая въ самомъ названіи его сочиненія, «Государственная теорія денегъ» [1]), заключается въ признаніи, что сущность денегъ вовсе не въ матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы, а въ томъ, что извѣстный предметъ объявляется государствомъ платежнымъ средствомъ, при чемъ само государство пользуется имъ для производства своихъ платежей и принимаетъ его въ уплату по слѣдуемымъ ему платежамъ. Деньги—только платежный знакъ, такой же, какъ, напр., условная платежная «марка», употребляемая въ игрѣ. Для обозначенія этой черты денегъ Кнаппъ пользуется латинскимъ словомъ charta, отъ котораго онъ производитъ прилагательное «картальный» и существительное «картальность». Деньги, по опредѣленію Кнаппа, «картальное платежное средство». Оно можетъ состоять изъ предметовъ, которые исторически стали носителями денежныхъ функцій (золото, серебро, мѣдь и т. д.); это «гилогепическія» деньги (отъ греч. слова ὕλη—матерія). Но деньги могутъ быть и «автогепическими», т.-е. созданными государственной властью путемъ «провозглашенія», безъ всякаго отношенія къ цѣнности или хозяйственному значенію матеріала, изъ котораго изготовленъ платежный знакъ.

Кнаппъ очень энергично выступаетъ противъ денежныхъ теорій, связывающихъ самое понятіе денегъ съ тѣми или другими металлами или, вѣрнѣе, съ той или другой матеріей, какъ носительницей хозяйственной цѣнности. Онъ утверждаетъ, что, съ точки зрѣнія этихъ теорій, бумажныя деньги представляютъ явленіе необъяснимое, а между тѣмъ онѣ—историческій фактъ.

«Понятіе денегъ, какъ продукта государственной власти», вы-

---

[1]) „Staatliche Theorie des Geldes“. Von Fr. Knapp. 1905. На русскомъ языкѣ см. „Новыя идеи въ экономикѣ“. Сборникъ № 6. „Теорія денегъ Кнаппа“. 1914.

двигаетъ вопросъ: можетъ ли государство по своему желанію объявлять платежнымъ средствомъ какой угодно предметъ? Въ принципѣ всякій платежный знакъ, провозглашенный государствомъ въ качествѣ такового, является деньгами. Но деньги могутъ быть плохими и хорошими исполнителями своихъ функцій.

Вводя въ жизнь то или другое платежное средство, государство не можетъ не считаться съ практическими требованіями. Платежное средство должно быть удобно въ житейскомъ смыслѣ; оно должно согласоваться съ привычками народа и общими условіями страны. Иначе попытки государства ввести его въ жизнь не увѣнчаются успѣхомъ.

Если бы государство вздумало ввести въ качествѣ платежнаго средства, напр., каменныя глыбы, то вслѣдствіе неудобствъ, которыя представляли бы подобныя деньги по своей громоздкости, жизнь отвергла бы ихъ и создала бы наряду съ государственными деньгами свои «общественныя» деньги. Золото и серебро взвѣнивались бы и штемпелевались бы частными лицами при совершеніи сдѣлокъ, какъ это дѣлается, напр. теперь въ Китаѣ, а государственное платежное средство не вошло бы въ употребленіе. Невозможно было бы ввести въ жизнь въ качествѣ платежнаго средства и такой предметъ, который могъ бы быть легко произведенъ каждымъ желающимъ; подобное платежное средство внесло бы въ хозяйственныя отношенія невѣроятную путаницу и явилось бы совершенно непригоднымъ для производства платежей.

Государство вынуждено принимать въ соображеніе практическія условія при введеніи того или другого платежнаго средства. И поэтому его выборъ, не считая бумажныхъ денегъ, ограниченъ довольно узкими предѣлами, именно металлами, и притомъ тѣми, которые исторически были выдвинуты, какъ исполнители денежныхъ функцій (главнымъ образомъ, золото и серебро). Можно назвать очень немного металловъ, введенныхъ въ жизнь, какъ платежныя средства, по иниціативѣ государства, подобно никкелю или бронзѣ.

Бумажныя же деньги, хотя онѣ и «картальное» платежное средство, по терминологіи Кнапша, тѣмъ не менѣе вызываютъ противъ себя существенныя возраженія въ виду отрицательныхъ послѣдствій, къ которымъ, какъ показываетъ историческій опытъ, онѣ неизмѣнно приводятъ.

Наконецъ, очень важной причиной, поддерживающей металлическія деньги, служитъ то, что для внѣшнихъ отношеній государству во всякомъ случаѣ необходимо имѣть металлическія деньги, и притомъ полноцѣнныя, какъ это было показано выше.

Указанныя обстоятельства объясняютъ причины, по которымъ денежныя системы сохраняютъ свой металлическій характеръ, несмотря на то, что деньги могутъ быть создаваемы государствомъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ и создаются имъ.

ГЛАВА II.

Кредитъ.

§ 15. Опредѣленіе кредита. Выше (стр. 163) были объяснены понятія кредитной сдѣлки и кредитнаго обмѣна. Понятіе кредита шире. Оно относится къ междухозяйственному обороту и касается не одного только движенія хозяйственныхъ благъ въ обмѣнѣ, но вообще движенія хозяйственныхъ цѣнностей въ народномъ хозяйствѣ.

Кредитъ состоитъ въ передачѣ хозяйственныхъ благъ ихъ обладателями стороннимъ лицамъ въ ихъ распоряженіе, на правѣ собственности съ условіемъ, что черезъ нѣкоторый промежутокъ времени будутъ возвращены блага того же рода въ опредѣленномъ количествѣ. Лицо, отдающее блага въ кредитъ, является кредиторомъ, а лицо, получающее ихъ, должникомъ. Самыя же блага, отданныя въ кредитъ, составляютъ долгъ лица, воспользовавшагося кредитомъ, передъ лицомъ, оказавшимъ послѣдній.

Если кредитъ заключается въ передачѣ хозяйственныхъ благъ съ условіемъ возврата благъ *того же рода*, то изъ этого слѣдуетъ, что предметомъ кредитной сдѣлки могутъ быть только блага *замѣнимыя*, т.-е. такія, которыя по своимъ свойствамъ допускаютъ раздѣленіе на сорта, классы или разряды и въ предѣлахъ отдѣльнаго сорта, класса или разряда допускаютъ замѣну каждаго экземпляра другимъ. Индивидуальныя же блага, не принадлежащія къ замѣнимымъ, не могутъ быть предметомъ кредитныхъ сдѣлокъ.

Только при условіи замѣнимости блага долгъ можетъ быть возвращенъ благами *того же рода*. Денежный долгъ уплачивается деньгами на соотвѣтствующую сумму, но кредиторъ получаетъ обратно не тѣ самыя монеты, которыя онъ далъ взаймы. Если въ долгъ данъ пудъ ржи, то возвращается рожь, но не тѣ самыя зерна, которыя были получены въ свое время должникомъ.

Только замѣнимые предметы могутъ быть отдаваемы въ чужое распоряженіе на правѣ собственности. Пользуясь этимъ правомъ, должникъ можетъ сдѣлать изъ предмета такое же употребленіе, какое могъ бы сдѣлать собственникъ; и въ предоставленіи кредиторомъ должнику этого права заключается смыслъ кредита, потому что безъ такого права обладаніе предметами, служащими объектомъ кредита, вообще не имѣло бы смысла. Полученіе денегъ безъ права израсходовать ихъ или ржи безъ права употребить ее въ пищу лишено было бы всякаго значенія. Но право израсходованія полученныхъ въ кредитъ денегъ или употребленія полученной въ кредитъ ржи возможно лишь въ томъ случаѣ, если должникъ не обязанъ возвратить кредитору тѣ самыя монеты или тѣ самыя зерна ржи, которыя онъ получилъ отъ него, и можетъ расплатиться съ нимъ предметами того же рода.

Незамѣнимыя или индивидуальныя блага могутъ быть или продаваемы, или отдаваемы въ пользованіе стороннихъ лицъ, но не могутъ предоставляться въ чужое распоряженіе на правѣ собственности. Такіе предметы служатъ объектами купли-продажи или найма, но не кредита. Квартиру, домъ, землю отдаютъ внаймы, но не въ ссуду.

§ 16. Виды кредита. а) Кредитъ бываетъ *публичнымъ* и *частнымъ*, въ зависимости отъ того, служитъ ли онъ общественному или частному интересу. Кредитъ, съ помощью котораго государство привлекаетъ къ себѣ средства для удовлетворенія своихъ нуждъ, называется *государственнымъ*. Кредитъ, которымъ пользуются органы общественнаго самоуправленія, является по характеру цѣлей, которымъ онъ служитъ, *муниципальнымъ*.

Государственный и муниципальный кредитъ являются видами публичнаго кредита.

б) По своему назначенію кредитъ бываетъ *потребительнымъ* и *производительнымъ*. Первый служитъ непосредственно цѣлямъ потребленія (напр., заемъ, заключенный для покупки пищи). Вто-

рой имѣетъ назначеніемъ содѣйствовать производству (напр., заемъ, заключенный для пріобрѣтенія машины).

в) Въ зависимости отъ времени, на который заключается кредитная сдѣлка, кредитъ можетъ быть *срочнымъ*, если при заключеніи сдѣлки устанавливается какой-нибудь срокъ, и *безсрочнымъ*, если никакого срока не устанавливается. Въ свою очередь срочный кредитъ, въ зависимости отъ продолжительности срока, бываетъ *долгосрочнымъ* и *краткосрочнымъ*.

г) Наконецъ, кредитъ различается по способу, которымъ обезпечивается возвратъ долга. Если кредиторъ основывается на довѣріи къ личности должника или довольствуется полученнымъ отъ него письменнымъ обязательствомъ, обезпеченнымъ правомъ иска, то кредитъ такого рода называется *личнымъ*. Если же возвратъ долга обезпечивается залогомъ, то кредитъ носитъ названіе *реальнаго*, различающагося въ зависимости отъ рода залога. Когда залогомъ служитъ движимость, реальный кредитъ называется *ломбардным*ъ, а при залогѣ въ видѣ недвижимости—*ипотечнымъ* (или *ипотечнымъ*).

§ 17. Понятіе кредита въ историческомъ развитіи. Слово кредитъ происходитъ отъ credo—по-латыни «вѣрю». Это давало основаніе нѣкоторымъ экономистамъ, особенно стараго времени (конца XVIII и начала XIX в.), опредѣлить понятіе кредита съ помощью понятія довѣрія. Кредитъ, по ихъ мнѣнію, есть довѣріе, оказываемое кредиторомъ должнику и выражающееся въ передачѣ первымъ послѣднему своего имущества. Если бы такое опредѣленіе кредита и было правильнымъ, то во всякомъ случаѣ оно было бы слишкомъ узкимъ. Реальный кредитъ основывается не на довѣріи, разъ возвратъ долга обезпечивается залогомъ. Да и личный кредитъ, когда обезпеченіемъ его служитъ письменное обязательство должника, дающее кредитору право иска, не можетъ быть разсматриваемъ исключительно какъ актъ довѣрія. Но и по существу опредѣленіе кредита, основанное на моментѣ довѣрія, не выдерживаетъ критики, потому что, какъ указалъ въ свое время Книсъ, политическую экономію интересуетъ въ кредитѣ не этическій моментъ довѣрія, а совершающееся въ хозяйственной жизни реальное явленіе, переходъ цѣнностей изъ одного имущества въ другое на извѣстныхъ условіяхъ. Кромѣ того, Книсъ утверждаетъ, что, поскольку довѣріе присуще кредиту, оно не составляетъ его отли-

чительнаго признака. Довѣріе играетъ роль и въ другихъ экономическихъ отношеніяхъ: фабрикантъ, вручающій рабочимъ сырой матеріалъ для переработки, ввѣряетъ имъ часть своего имущества, земельный собственникъ ввѣряетъ свое имѣніе управляющему и т. д. Даже когда мы покупаемъ товаръ на наличныя деньги, мы сплошь и рядомъ не подвергаемъ купленной вещи подробному осмотру, довѣряя продавцу, что товаръ дѣйствительно обладаетъ обѣщанными качествами.

Другая группа экономистовъ, главнымъ представителемъ которыхъ является Книсъ, основываетъ опредѣленіе кредита на моментѣ времени (Zeitmoment). По ихъ мнѣнію, отличительной чертой кредита является то, что передача хозяйственнаго блага кредиторомъ должнику отдѣляется отъ возврата долга нѣкоторымъ промежуткомъ времени. Въ этомъ, какъ полагали Книсъ и его единомышленники, и заключается характерный признакъ кредитныхъ сдѣлокъ.

Въ настоящее время и опредѣленія этого рода признаются неудовлетворительными. Моментъ времени характеризуетъ только внѣшнюю форму кредитной сдѣлки, но ничего не говоритъ о томъ, что за ней скрывается. Если сумма, отданная въ ссуду, обычно возвращается къ кредитору съ нѣкоторымъ приращеніемъ, то это указываетъ на то, что въ промежутокъ времени между переходомъ хозяйственнаго блага къ должнику и возвращеніемъ его къ кредитору произошелъ нѣкоторый хозяйственный процессъ, приведшій къ увеличенію цѣнности отданнаго въ ссуду имущества. Опредѣленія, основанныя на моментѣ времени, не даютъ никакого намека на этотъ процессъ.

Вопросъ о такомъ опредѣленіи кредита, которое заключало бы въ себѣ указаніе на существо дѣла, не ограничиваясь его формальной стороной, былъ поставленъ, но только отчасти разрѣшенъ покойнымъ профессоромъ Петроградскаго университета И. И. Кауфманомъ, а послѣ него подробно разработанъ проф. В. А. Косинскимъ въ его книгѣ «Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи» (1901 г.). Онъ формулируетъ матеріальную сущность отношеній, имѣющихъ мѣсто между кредиторомъ и должникомъ, слѣдующимъ образомъ: «производительный кредитъ есть передача цѣнности, какъ капитала, владѣльцемъ этого послѣдняго (кредиторомъ) другому лицу (должнику) для круговращенія въ пред-

пріятіи этого послѣдняго». На этомъ основаніи проф. Косинскій признаетъ характерной чертой кредита «круговращеніе капитала въ чужомъ предпріятіи» [1]).

Приведенное опредѣленіе, какъ видно изъ словъ самого автора его, относится только къ производительному кредиту, но подъ него трудно было бы подвести потребительный кредитъ. Когда берется взаймы сумма денегъ, употребляемая затѣмъ для поддержанія жизни, никакого круговращенія занятой суммы въ хозяйствѣ должника не происходитъ. Кромѣ того, не всегда объектомъ кредитной сдѣлки служитъ капиталъ; ссуда можетъ заключаться и въ небольшой суммѣ денегъ или другихъ хозяйственныхъ благъ, не составляющихъ капитала. Мысль проф. Косинскаго, связывающая кредитъ съ хозяйственнымъ значеніемъ охватываемыхъ имъ явленій, не была облечена имъ въ общее опредѣленіе кредита. Но все же она выдвинула важнѣйшую сторону кредита.

Авторъ одного изъ новѣйшихъ трудовъ о кредитѣ проф. Вѣнскаго университета Коможинскій, къ сожалѣнію, совершенно не упоминаетъ о русскихъ изслѣдователяхъ, хотя подробно излагаетъ исторію ученія о кредитѣ. Между тѣмъ его опредѣленіе кредита по мысли очень близко подходитъ къ опредѣленію проф. Косинскаго. Разница только въ томъ, что оно облечено въ болѣе общую форму и редактировано въ другихъ выраженіяхъ.

По опредѣленію Коможинскаго, кредитъ—такое установленіе частнохозяйственнаго оборота, съ помощью котораго имущество отдается въ чужое хозяйственное распоряженіе для пользованія [2]). По существу, въ связи съ общимъ изложеніемъ вопроса въ книгѣ Коможинскаго, приведенное опредѣленіе не вызываетъ возраженія, но редакція недостаточно точна. Подъ такое опредѣленіе подойдетъ и отдача имущества внаемъ, хотя самъ авторъ не признаетъ отдачу внаемъ кредитной сдѣлкой.

§ 18. Кредитные документы. Кредитная сдѣлка можетъ быть заключена безъ подтвержденія ея какимъ-либо документомъ, на-слово. Въ этомъ случаѣ кредиторъ довольствуется словеснымъ обѣщаніемъ должника возвратить принятое имъ въ свое распоряженіе чужое имущество черезъ условленный промежутокъ времени или когда потребуетъ кредиторъ. Но кредитъ, оказываемый

1) Стр. CLXVI.

2) J. Komorzynski. „Die nationalökonomische Lehre vom Credit". 1903. Стр. 25.

въ связи съ дѣловыми отношеніями между сторонами, большею частью, хотя не всегда, оформливается съ помощью документа, обезпечивающаго возвратъ отданнаго въ чужое распоряженіе имущества формальными гарантіями.

Кредитные документы, возникающіе при этомъ, раздѣляются на нѣсколько разрядовъ по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ (юридическимъ и экономическимъ) признакамъ, въ зависимости отъ личности кредитора и должника и характера кредитной сдѣлки.

Когда сторонами кредитной сдѣлки являются физическія лица, то сдѣлка, если она заключена на денежную сумму, оформливается документомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *векселя*. Вексель— обязательство объ уплатѣ опредѣленной *денежной* суммы. Но кромѣ того, что вексель всегда пишется на денежную сумму, онъ отличается еще и нѣкоторыми другими особенностями. Обязательство объ уплатѣ, заключающееся въ векселѣ, должно быть выражено въ предписанной закономъ формѣ и не можетъ заключать въ себѣ объясненія причины, изъ которой оно возникло, т.-е. оно является *абстрактнымъ*, или обязательствомъ со *скрытой* причиной. Кромѣ того, вексель представляетъ обязательство, способное переходить изъ рукъ въ руки по передаточной надписи на оборотной сторонѣ (indosso по-итальянски), или по *индоссаменту*, и устанавливающее коллективную отвѣтственность всѣхъ сдѣлавшихъ надписи или подписи на документѣ.

Векселя бываютъ двухъ видовъ:

1) *Простой вексель* представляетъ обѣщаніе заплатить опредѣленному лицу или кому оно прикажетъ опредѣленную сумму денегъ въ опредѣленный срокъ или по первому требованію векселедержателя.

2) *Переводный вексель*, или *тратта* (отъ итал. слова tratta), представляетъ приказъ опредѣленному лицу заплатить предъявителю переводнаго векселя извѣстную сумму денегъ. Тотъ, кто выдаетъ переводный вексель, т.-е. векселедатель, называется *трассантомъ*; тотъ, кто обязанъ произвести уплату,—*трассатомъ*, а лицо, которому производится уплата, *ремитентомъ*. Разумѣется, выдача переводнаго векселя, являясь приказомъ заплатить, предполагаетъ между трассантомъ и трассатомъ извѣстныя имущественныя отношенія, изъ которыхъ вытекаетъ возможность такого приказа.

Напр., двѣ банкирскихъ конторы, находящіяся въ разныхъ странахъ, положимъ, въ Россіи и Франціи, вошли между собою въ соглашеніе, что каждая изъ нихъ будетъ оплачивать переводные векселя другой, а черезъ опредѣленные сроки онѣ будутъ производить другъ съ другомъ расчетъ. При существованіи такого соглашенія русскій купецъ, которому приходится произвести платежъ во Франціи, вмѣсто того, чтобы посылать туда золото, что́ было бы и дорого, и сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, внесъ бы деньги въ русскую контору и получилъ бы отъ нея переводный вексель на французскую контору. Этотъ вексель онъ переслалъ бы своему кредитору во Франціи, а тотъ получилъ бы по немъ слѣдуемую ему сумму денегъ во французской конторѣ. Въ этомъ случаѣ вексель былъ бы переводнымъ векселемъ, или траттой, т.-е. приказомъ произвести платежъ, а не обязательствомъ должника объ уплатѣ, какимъ является простой вексель.

Приказъ объ уплатѣ называется также *чекомъ*. Но это названіе употребляется иногда и въ болѣе узкомъ значеніи, о чемъ будетъ сказано ниже.

Когда въ роли должника выступаютъ государственныя и общественныя учрежденія или частныя юридическія лица, то ихъ обязательства носятъ форму *облигацій*.

Виды облигацій различаются многими особенностями, но всѣ облигаціи, къ какому бы типу или виду онѣ ни принадлежали, имѣютъ и нѣкоторые отличительные, всѣмъ имъ присущіе признаки.

Облигація есть долговое обязательство на денежную сумму.

Цѣна облигаціи бываетъ выражена въ круглой и обычно болѣе или менѣе крупной суммѣ. Цѣна, изображенная на облигаціи, называется ея *нарицательной* цѣной, а та, по которой она дѣйствительно продается и покупается,—*ея курсомъ*. Курсъ облигаціи можетъ не совпадать съ ея нарицательной цѣной,—быть выше и ниже ея.

Облигація, какъ общее правило, приноситъ держателю ея опредѣленный доходъ, выраженный въ процентахъ къ нарицательной цѣнѣ. Такъ, напр., $5^0/_0$-ная облигація приноситъ 5 руб. съ каждой сотни нарицательной цѣны. Доходъ, приносимый облигаціей, опредѣляется при ея выпускѣ и не подверженъ никакимъ колебаніямъ въ зависимости отъ измѣненій въ имущественномъ положеніи предпріятія или учрежденія, выпустившаго ее. Облигація—бумага съ «твердымъ» доходомъ.

Проценты по облигаціямъ выплачиваются въ опредѣленные сроки, тоже устанавливаемые при выпускѣ, при чемъ оплата процентовъ производится по предъявленіи *купоновъ*, отрѣзаемыхъ отъ особаго листа, приложеннаго къ облигаціи.

Облигаціи всегда имѣютъ видъ печатнаго документа и бываютъ именными или на предъявителя.

Итакъ, *облигаціей называется долговое обязательство отъ имени юридическаго лица, выпущенное въ видѣ печатнаго документа на круглую и болѣе или менѣе крупную сумму и приносящее твердый доходъ.*

Облигаціи служатъ средствомъ удовлетворенія потребности въ кредитѣ. Когда какое-либо учрежденіе или предпріятіе нуждается въ деньгахъ и желаетъ получить ихъ съ помощью кредита, оно можетъ на основаніяхъ, указанныхъ закономъ, заключить *облигаціонный заемъ*. Съ этой цѣлью оно выпускаетъ на требуемую сумму облигаціи, которыя и предлагается пріобрѣтать желающимъ кредитовать учрежденіе или предпріятіе. Пріобрѣтатель облигаціи становится его кредиторомъ и получаетъ всѣ права, присвоенныя держателямъ облигаціи по закону и условіямъ даннаго выпуска.

Юридическими лицами, выпускающими облигаціи, являются государство, общественныя управленія и частныя предпріятія, которымъ предоставлено право производить облигаціонныя займы.

I. Облигаціи, выпускаемыя государствомъ, называются вообще *государственными фондами*. Сюда относятся различнаго рода займы, отличающіеся другъ отъ друга условіями, на которыхъ они выпускаются, сроками, цѣлями и мѣстомъ, гдѣ они размѣщаются. Въ послѣднемъ отношеніи различаются займы *внутренніе* и *внѣшніе*; въ зависимости отъ сроковъ они бываютъ *долгосрочными* и *краткосрочными*; займы часто опредѣляются также обозначеніемъ въ ихъ названіи приносимаго облигаціями процента (напр., $5^1/_2$ %-ный заемъ или 4%-ный и т. п.) или какого-либо другого важнаго условія ихъ выпуска, напр., «золотой заемъ», что указываетъ, что %% гашеніе производится золотомъ, или «выигрышный» и т. п.; наконецъ, нерѣдко въ названіи займа указывается и его цѣль (напр., «военный» заемъ, «восточный»—заключенный для веденія восточной войны, и т. д.).

Обширный разрядъ государственныхъ облигацій составляютъ *ренты*. По идеѣ рентой является облигація, дающая держателю

право на полученіе опредѣленнаго дохода на вѣчныя времена (*вѣчныя ренты*) или по крайней мѣрѣ въ теченіе продолжительнаго срока (*срочныя ренты*). Противоположность рентамъ составляютъ разныя «боны» и «серіи», являющіеся краткосрочными облигаціями, выпускаемыми для удовлетворенія преходящихъ потребностей: въ возмѣщеніе невыплаченныхъ въ срокъ процентовъ или для удовлетворенія потерпѣвшихъ отъ военныхъ дѣйствій и пр.

Облигаціи, выпускаемыя общественными управленіями, носятъ тѣ же общія черты, какія свойственны государственнымъ облигаціямъ.

II. Облигаціи частныхъ предпріятій также различаются по условіямъ, на которыхъ онѣ выпускаются, по срокамъ и цѣлямъ, для которыхъ предназначены средства, полученныя отъ ихъ продажи.

Выпускъ облигацій составляетъ главное средство для увеличенія капитала акціонерныхъ обществъ. Заключая облигаціонный заемъ, такое общество пріобрѣтаетъ новыя средства для веденія предпріятія, не расширяя числа акціонеровъ и не увеличивая складочнаго капитала. Это даетъ возможность влить въ дѣло новыя средства, не измѣняя устава, что обычно бываетъ сопряжено съ болѣе или менѣе значительными формальностями. Кромѣ того, пріобрѣтатели облигацій, въ качествѣ «облигаціонеровъ», не входятъ въ дѣло его хозяевами, такъ что привлеченіе добавочнаго капитала путемъ облигаціоннаго займа не бываетъ сопряжено съ измѣненіемъ личнаго состава руководителей предпріятія. Права облигаціонеровъ ограничиваются правомъ знакомиться съ ходомъ дѣла и въ соотвѣтствующихъ случаяхъ (напр., при ликвидаціи) защищать свои интересы.

III. Особый видъ облигацій, выпускаемыхъ какъ государствомъ, такъ и частными предпріятіями, составляютъ *закладные листы*, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано ниже въ связи съ учрежденіями ипотечнаго кредита. Это—долговыя обязательства типа облигацій, обезпеченныя недвижимымъ имуществомъ.

IV. Наконецъ, къ числу кредитныхъ документовъ относятъ обычно и *акціи*.

Мнѣнія о томъ, является ли акція долговымъ обязательствомъ, расходятся. Акціонеръ является участникомъ предпріятія, а не кредиторомъ его, подобно облигаціонеру. Онъ получаетъ прибыль

въ видѣ *дивиденда* только въ томъ случаѣ, если предпріятіе вообще приноситъ прибыль, и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ему придется получить по разверсткѣ. При отсутствіи прибыли отсутствуетъ и дивидендъ, а въ случаѣ убытка соотвѣтствующая доля его падаетъ на акціонера.

Совершенно въ другомъ положеніи находится облигаціонеръ, который имѣетъ право на твердый доходъ, не участвуя ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія. Онъ ввѣрилъ свои деньги предпріятію, но не вошелъ въ составъ его руководителей.

Съ другой стороны, держатель акціи передалъ товариществу опредѣленное имущество и пріобрѣлъ право на участіе въ имущественныхъ результатахъ предпріятія, а при ликвидаціи его на соотвѣтствующую долю имущества, принадлежащаго товариществу. Между отношеніемъ акціонера къ обществу, въ которомъ онъ состоитъ членомъ, и отношеніемъ вообще кредитора къ имуществу должника есть извѣстная аналогія. Кредиторъ передаетъ должнику нѣкоторое имущество и получаетъ право на участіе въ имущественныхъ результатахъ предпріятія должника въ видѣ права на причитающійся ему процентъ. Если же имущество должника становится выморочнымъ или подвергается ликвидаціи, то за кредиторомъ сохраняется право на обратное полученіе переданнаго имъ должнику имущества или соотвѣтствующей доли имущественной массы. Поэтому, несмотря на существенныя различія въ положеніи акціонера сравнительно съ облигаціонеромъ, аналогія между ними все же остается. Она и служитъ основаніемъ для отнесенія акціи къ кредитнымъ документамъ.

Кредитъ, оказываемый акціонеромъ, въ отличіе отъ другихъ видовъ кредита называютъ (Коможинскій и др.) *товарищескимъ* (Societätscredit) [1]. Его отличительной чертой является то, что предпріятіе, которое пользуется имъ, благодаря ему и возникаетъ. Акціонерное общество образуется путемъ размѣщенія акцій, т.-е. именно вслѣдствіе того, что лица, желающія участвовать въ предпріятіи, передаютъ ему опредѣленное имущество. Облигаціоннымъ кредитомъ, напротивъ, пользуется предпріятіе, уже образовавшееся раньше, независимо отъ облигаціоннаго займа.

Кредитные документы типа акціи называются, въ отличіе отъ

---

1) Komorzynski, стр. 409.

облигацій, *дивидендными бумагами*, что указываетъ на ихъ главнѣйшую особенность,—связанное съ обладаніемъ ими права на дивидендъ, а не на твердый доходъ, который приносятъ облигаціи.

Особымъ видомъ кредитныхъ документовъ является *банковый билетъ*, или *банкнота*. Это—обязательство кредитнаго учрежденія (банка) на опредѣленную сумму, отличающееся отъ облигацій нѣкоторыми очень существенными чертами.

1) Банкнота не приноситъ никакого дохода. Это—бездоходное обязательство.

2) Она подлежитъ во всякое время по требованію ея держателя оплатѣ по нарицательной цѣнѣ выпустившимъ ее кредитнымъ учрежденіемъ; банкнота размѣнна.

3) Она выполняетъ въ обращеніи всѣ функціи денегъ, при чемъ ей можетъ быть придано закономъ значеніе законнаго платежнаго средства (напр., въ Англіи).

4) Банкнота имѣетъ форму печатнаго документа на круглую сумму, обычно болѣе или менѣе крупную. Банкнота, имѣя съ облигаціей общаго то, что она является обязательствомъ, въ то же время отличается отъ облигаціи настолько важными признаками (бездоходность, исполненіе денежныхъ функцій и размѣнность), что должна быть выдѣлена въ особый разрядъ кредитныхъ документовъ.

Къ числу кредитныхъ документовъ относятся разнаго рода документы, удостовѣряющіе передачу на время опредѣленной цѣнности ея собственникомъ третьему лицу. Таковы расписки, квитанціи, закладныя свидѣтельства и т. п., выдаваемыя въ удостовѣреніе того, что опредѣленнымъ физическимъ лицомъ или учрежденіемъ получены указанные въ документѣ предметы на храненіе или въ качествѣ залога. Подобные документы возникаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ связи съ состоявшейся кредитной сдѣлкой (при закладѣ движимости), но, съ другой стороны, они сами могутъ служить объектами купли-продажи и кредитныхъ операцій. Закладныя и другіе документы этого рода часто переходятъ изъ рукъ въ руки посредствомъ покупки и продажи ихъ, а подъ квитанціи о храненіи выдаются ссуды.

Одинъ видъ документовъ разсматриваемаго типа имѣетъ особенно важное значеніе въ торговомъ оборотѣ. Это—свидѣтельства,

удостовѣряющія о передачѣ товаровъ на храненіе въ особые спеціально устраиваемые для этого склады, находящіеся иногда при кредитныхъ учрежденіяхъ. Такія свидѣтельства называются *варрантами*. Они не только могутъ переходить изъ рукъ въ руки посредствомъ купли-продажи, но и являются очень часто объектами кредитныхъ операцій: закладываются для полученія ссудъ.

§ 19. Органы кредита. Нуждающіеся въ кредитѣ и владѣльцы свободныхъ средствъ, готовые временно передать ихъ въ чужое распоряженіе, вступаютъ между собою въ непосредственныя сношенія или пользуются при этомъ посредничествомъ третьихъ лицъ и учрежденій, являющихся въ такомъ случаѣ органами кредита: *личными* или *коллективными*.

Личными органами кредита служатъ прежде всего профессіональные посредники, собирающіе свѣдѣнія о лицахъ, нуждающихся въ кредитѣ и такихъ, которыя располагаютъ свободными средствами, и содѣйствующіе устройству между ними кредитныхъ сдѣлокъ. Это самый простой видъ посредничества. На болѣе высокой ступени стоятъ посредники, которые не разыскиваютъ нуждающихся въ кредитѣ и готовыхъ оказать его, а являются центрами, къ которымъ, съ одной стороны, стекаются свободныя средства, ищущія помѣщенія, а съ другой—обращаются требованія объ оказаніи кредита. Они какъ бы притягиваютъ къ себѣ спросъ и предложеніе кредита и, пользуясь предоставленными въ ихъ распоряженіе средствами, удовлетворяютъ нуждающихся въ кредитѣ. Эту роль исполняютъ въ настоящее время частные *банкиры* или *банкирскія конторы*, часто являющіяся единоличными предпріятіями. Предшественниками современныхъ банкировъ въ Англіи были золотыхъ дѣлъ мастера. Первоначально деньги и другія драгоцѣнности сдавались имъ только на храненіе, а затѣмъ они стали, съ согласія своихъ кліентовъ, а иногда и по собственному произволу, распоряжаться сосредоточивавшимися у нихъ чужими капиталами для оказанія кредита за извѣстное вознагражденіе. Этимъ путемъ они становились банкирами.

Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ банкирскихъ домовъ въ Англіи ведутъ свое происхожденіе отъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 16—17 вв.

Во Франціи личными органами кредита до недавняго времени были главные сборщики налоговъ (trésoriers généraux) и но-

таріусы, отчасти сохраняющіе эту роль и до настоящаго времени. Коллективными органами кредита являются кредитныя учрежденія, носящія названіе *банковъ*.

§ 20. Банки. Учрежденія, подобныя современнымъ банкамъ, существовали, повидимому, въ глубокой древности [1]). Они погибли вмѣстѣ съ гибелью древнихъ культуръ и вновь возродились уже на рубежѣ новаго времени, когда съ развитіемъ обмѣна явилась потребность въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Слово банкъ происходитъ отъ итальянскаго слова banca—столъ, на которомъ производили свои операціи мѣняла.

Главное содержаніе дѣятельности послѣднихъ составляла мѣна денегъ, что имѣло особенное значеніе въ средніе вѣка при разнообразіи монетныхъ системъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ древности мѣнялы занимались кредитными сдѣлками, ссужая деньгами лицъ, нуждавшихся въ деньгахъ (ростовщичество). Въ средніе вѣка этимъ занимались преимущественно евреи и итальянцы (отсюда названіе *ломбардный* кредитъ). Въ Генуѣ уже въ 12—13 вв. мѣнялы носили названіе банкировъ.

Банки возникли изъ учрежденій, предназначенныхъ сначала только для храненія денегъ, а затѣмъ и для посредничества въ области кредита. Одно изъ первыхъ учрежденій этого рода было основано въ Генуѣ въ 1407 г. подъ названіемъ Casa di St. Giorgio; затѣмъ подобное же учрежденіе возникло въ Миланѣ въ 1593 и въ Венеціи въ 1619 г. Почти одновременно были учреждены Амстердамскій (1609 г.) и Гамбургскій банки (1619 г.), а въ концѣ того же столѣтія Англійскій (1694 г.).

Первоначально банки только принимали деньги и другія цѣнности на храненіе. Это дѣло имѣло очень важное значеніе въ эпоху, когда въ Европѣ стали возникать банки, въ виду существовавшей тогда необезпеченности порядка и общественной безопасности; но храненіемъ цѣнностей дѣятельность банковъ первоначальнаго типа не ограничивалась; они исполняли вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя функціи по управленію ввѣренными ихъ попеченію имуществами. Суммы, передававшіяся банку для храненія, записывались въ особую книгу, гдѣ каждый участникъ имѣлъ свой счетъ. Новые вклады

---

[1]) См. статью А. А. Гольденвейзера „Зачатки банковаго дѣла“, въ „Банковой Энциклопедіи“ I, 1914.

приписывались къ имуществу вкладчика, а тѣ суммы, которыя онъ бралъ изъ принадлежащаго ему имущества, списывались съ его счета. Если же сдѣлки производились между вкладчиками, то переходъ денегъ изъ имущества одного въ имущество другого совершался безъ передачи ихъ въ натурѣ—при помощи простого списыванія соотвѣтственной суммы со счета плательщика и приписки ея къ счету получателя. Такимъ образомъ деньги, послѣдовательно переходя отъ одного вкладчика къ другому, совершали круговоротъ, откуда и названіе банковъ этого типа—жиро-банки (отъ итальянскаго слова giro—кругъ). Операція «жиро» производится и современными банками. Изъ «банковъ-жиро» образовывались часто депозитные банки, которые принимали вклады на храненіе и отъ постороннихъ лицъ, не являвшихся участниками или сохозяевами самого учрежденія. Съ развитіемъ денежнаго хозяйства банки стали все чаще стремиться къ пріобрѣтенію права распоряжаться ввѣренными имъ вкладами, подъ условіемъ ручательства за ихъ сохранность и уплаты извѣстнаго вознагражденія вкладчикамъ въ видѣ $^0/_0$ на вклады. Сами же банки стали пользоваться денежными суммами, собиравшимися у нихъ такимъ путемъ, для выдачи ссудъ; при этомъ они въ свою очередь взимали съ лицъ, прибѣгавшихъ къ ихъ услугамъ, извѣстное вознагражденіе или $^0/_0$, превышавшій, конечно, тотъ, который сами они платили вкладчикамъ. Такимъ образомъ изъ учрежденій для храненія денегъ и облегченія платежей банки становились посредниками между представителями спроса на кредитъ и его предложенія.

§ 21. Банковскія операціи. Операціи, съ помощью которыхъ банкъ привлекаетъ къ себѣ денежныя средства, называются *пассивными*; а тѣ, черезъ которыя онъ оказываетъ кредитъ,—*активными*. Суммы, въ которыхъ выражаются пассивныя операціи банка, составляютъ его *пассивъ*, а тѣ, въ которыхъ выражаются его активныя операціи,—*активъ*. Сопоставленіе пассива и актива банка даетъ полную картину его дѣятельности въ видѣ *баланса*. Между активомъ и пассивомъ банка должно существовать количественное и качественное соотношеніе.

1) Банкъ не можетъ оказать кредита на большую сумму, чѣмъ это допускаютъ имѣющіяся у него средства. Поэтому активъ банка во всякомъ случаѣ не можетъ количественно превышать пассива.

2) Кромѣ того, банкъ, получающій для оказанія кредита средства отъ лицъ, передающихъ въ его распоряженіе свое имущество, можетъ, не рискуя подорвать свое положеніе, выдавать эти средства ищущимъ у него кредита только на такіе сроки, чтобы его платежеспособность передъ его собственными кредиторами была вполнѣ обезпечена. Если банкъ, получая свои средства въ видѣ вкладовъ на короткіе сроки, будетъ оказывать долгосрочный кредитъ, то можетъ случиться, что онъ не въ состояніи будетъ за отсутствіемъ свободныхъ средствъ удовлетворить своихъ вкладчиковъ, когда они потребуютъ обратно свои вклады. Поэтому какъ общее правило при краткосрочномъ характерѣ пассивныхъ операцій и активныя операціи должны носить тоже краткосрочный характеръ. Для оказанія долгосрочнаго кредита необходимо, чтобы и пассивъ банка составлялся съ помощью операцій долгосрочнаго характера.

Впрочемъ, отъ этого правила въ настоящее время допускаются на практикѣ довольно серьезныя отступленія. Банки, кромѣ чужихъ средствъ, владѣютъ еще своими капиталами, которыми они могутъ располагать свободнѣе, чѣмъ переданнымъ въ ихъ распоряженіе чужимъ имуществомъ. Кромѣ того, средства крупныхъ современныхъ банковъ, привлекаемыя ими со стороны, такъ велики, что банкъ не рискуетъ остаться безъ необходимыхъ рессурсовъ для удовлетворенія своихъ кліентовъ, употребивъ на оказаніе долгосрочнаго кредита часть средствъ, передаваемыхъ ему на короткіе сроки. Наконецъ, крупные банки въ случаѣ надобности всегда могутъ найти для себя необходимый кредитъ, если бы часть потребовавшихся имъ средствъ оказалась связанной вслѣдствіе долгосрочности произведенныхъ операцій. Все это ведетъ къ тому, что современные банки допускаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ отступленія отъ правила, требующаго, чтобы активныя операціи соотвѣтствовали по своему характеру пассивнымъ.

Операціи, вытекающія изъ посреднической роли банковъ, являются *банковскими* въ точномъ смыслѣ. Но, помимо операцій этого рода, банки выполняютъ и другія:

а) Покупаютъ и продаютъ денежные знаки разныхъ государствъ, векселя и другіе кредитные документы.

б) Исполняютъ порученія по храненію и управленію имуществомъ и др. того же рода.

в) Берутъ на себя размѣщеніе цѣнныхъ бумагъ, выпускаемыхъ государствомъ, общественными учрежденіями и частными предпріятіями.

г) Помѣщаютъ свои капиталы и довѣренныя имъ средства въ промышленныя и торговыя предпріятія, принимая за свой рискъ непосредственное участіе въ промышленной и торговой дѣятельности.

§ 22. Типы банковъ. Соотвѣтственно преслѣдуемымъ задачамъ и роду оказываемаго кредита банки раздѣляются на типы или разряды.

Въ то время какъ одни банки стремятся удовлетворить потребность въ потребительномъ кредитѣ, другіе развиваютъ свою дѣятельность исключительно въ области производительнаго кредита. При этомъ банки послѣдняго типа раздѣляются въ свою очередь на два разряда: обслуживающихъ капиталистическія предпріятія, нуждающіяся въ крупномъ кредитѣ, и такихъ, которые предназначены удовлетворять потребности некапиталистическихъ предпріятій, нуждающихся въ мелкомъ кредитѣ. Съ своей стороны банки крупнаго кредита бываютъ учрежденіями кредитнаго характера, дѣятельность которыхъ сосредоточивается на регулярныхъ *банковскихъ* операціяхъ, и учрежденіями, занимающимися преимущественно размѣщеніемъ цѣнныхъ бумагъ и устройствомъ въ финансовомъ отношеніи (финансированіемъ) промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и даже промышленно-торговой дѣятельностью за собственный рискъ: первые являются *кредитными* банками, а вторые—*финансовыми*.

Наконецъ, банки различаются по роду оказываемаго ими кредита, какъ учрежденія *краткосрочнаго* и *долгосрочнаго* кредита.

Строгое разграниченіе банковъ по типамъ возможно только въ теоріи; на дѣлѣ же признаки, служащіе основаніемъ для такой классификаціи, рѣдко встрѣчаются въ чистомъ видѣ. Учрежденія крупнаго кредита занимаются иногда и мелкимъ кредитомъ; кредитные банки не отказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ финансировать предпріятія, а финансовые банки почти всегда занимаются и кредитными операціями; наконецъ, немало банковъ, соединяющихъ краткосрочныя и долгосрочныя операціи. Типы банковъ различаются по *преобладанію* въ ихъ дѣятельности операцій опредѣленнаго рода. На этомъ основаніи могутъ быть установлены слѣдующіе типы банковъ:

I. Кредитные банки крупнаго (капиталистическаго) кредита:

1) Краткосрочнаго кредита:

а) Депозитные (коммерческіе) банки.
б) Эмиссіонные банки.

2) Долгосрочнаго кредита:

а) Ипотечные банки.
б) Мелiоративные банки.
в) Промышленные банки.

II. Финансовые банки.

III. Банки мелкаго (некапиталистическаго) кредита.

§ 23. Депозитные (коммерческіе) банки. [1]) Основой депозитныхъ банковъ, называемыхъ также коммерческими или кредитными, служатъ *вклады*, преимущественно краткосрочные. Отъ латинскаго слова depositum—вкладъ—образовалось и самое названіе банковъ этого типа. Они оперируютъ главнымъ образомъ *чужими* деньгами, переданными въ ихъ распоряженіе. Депозитные банки обладаютъ и собственными капиталами, но эти капиталы составляютъ лишь небольшую долю тѣхъ средствъ которыми оперируетъ банкъ, и отчасти помѣщаются въ процентныя бумаги. При нормальныхъ условіяхъ *пассивъ* депозитнаго, или кредитнаго банка составляется главнымъ образомъ изъ вкладовъ.

Въ 1912 г. собственные капиталы русскихъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ составляли 741 милл. руб., а вклады и текущіе счета, т.-е. чужія деньги—2.293 милл. руб. Для Германіи соотвѣтствующія цифры были: 3730 и 9413 милл. руб.

Вкладами называются хозяйственныя цѣнности, передаваемыя третьимъ лицамъ: 1) на храненіе, 2) на храненіе и для управленія, 3) съ правомъ пользованія. Вклады на храненіе могутъ состоять изъ денегъ, бумагъ и драгоцѣнныхъ вещей. Обязанность банка по отношенію къ такимъ вкладамъ сводится къ сохраненію ихъ въ цѣлости. Крупные банки устраиваютъ для этой цѣли осо-

---

[1]) См. Банковая Энциклопедія подъ общей редакціей проф. Л. Н. Яснопольскаго. Томъ I. Коммерческіе банки. 1914 г.; И. П. Левинъ. Акціонерные Коммерческіе банки въ Россіи. Томъ I. 1917 г.; Е. М. Эпштейнъ. Банковое дѣло. (Литограф. курсъ); его же. Эмиссіонные и кредитные банки въ новѣйшей эволюціи народнаго хозяйства. 1913 г.

бныя помѣщенія, такъ называемыя стальныя комнаты, или камеры съ ящиками, сдаваемыми въ пользованіе желающимъ хранить свое имущество въ банкѣ. Вклады для храненія и управленія состоятъ изъ цѣнныхъ бумагъ. Банкъ не только хранитъ ихъ, но слѣдитъ за выходомъ ихъ въ тиражъ, страхуетъ ихъ, отрѣзаетъ отъ нихъ купоны и т. д.; словомъ, производитъ по отношенію къ нимъ въ интересахъ вкладчика рядъ дѣйствій, связанныхъ съ владѣніемъ бумагами. Вклады съ правомъ пользованія состоятъ изъ денегъ, которыми банкъ имѣетъ право располагать, неся отвѣтственность передъ вкладчикомъ за ввѣренное ему имущество. Вклады этой категоріи бываютъ *срочные*, если вкладчикъ обязуется не требовать возврата своего вклада раньше опредѣленнаго срока, и *безсрочные*, если за вкладчикомъ сохраняется право требовать свой вкладъ обратно, когда онъ признаетъ это нужнымъ. По вкладамъ на храненіе съ обязанностью управленія банкъ взимаетъ плату съ вкладчиковъ, такъ какъ они пользуются его услугами. Что же касается вкладовъ съ правомъ пользованія, то банкъ самъ платитъ по нимъ извѣстный $^0/_0$ вкладчикамъ за право пользованія ихъ имуществомъ. При этомъ, конечно, за срочные вклады платится болѣе высокій $^0/_0$, чѣмъ за безсрочные, потому что первыми банкъ можетъ располагать въ теченіе опредѣленнаго срока совершенно свободно, между тѣмъ какъ по отношенію къ вкладамъ второй категоріи онъ всегда долженъ быть готовъ къ ихъ возврату по первому требованію вкладчиковъ, для чего ему приходится держать извѣстный запасъ денежныхъ средствъ.

Вклады съ правомъ пользованія составляютъ главный источникъ средствъ коммерческихъ банковъ для веденія активныхъ операцій, а разница между $^0/_0$, платимымъ по вкладамъ, и тѣмъ, который взимаетъ самъ банкъ по учету векселей, за ссуды и по всякаго рода счетамъ, составляетъ главный источникъ его доходовъ.

Важное значеніе въ ряду пассивныхъ операцій коммерческихъ банковъ имѣютъ *простые текущіе счета*. Операція эта заключается въ томъ, что лицо, которому открытъ въ банкѣ такой счетъ, имѣетъ право въ любое время вносить въ банкъ любыя суммы, которыя записываются на его счетъ. По этимъ суммамъ банкъ обязуется платить вкладчику на опредѣленныхъ условіяхъ извѣстный $^0/_0$ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ предѣлахъ внесенныхъ суммъ производить въ любое время по его приказу платежи за его счетъ. Для

этой послѣдней цѣли вкладчикъ получаетъ книжку съ бланками приказовъ объ уплатѣ; и каждый разъ, когда онъ желаетъ произвести уплату изъ вклада, переданнаго банку на текущій счетъ, онъ проставляетъ въ бланкѣ соотвѣтствующую сумму и подписываетъ его. Такой приказъ, написанный на бланкѣ указаннаго вида, называется *чекомъ*. Банкъ обязанъ выплачивать указанную въ чекѣ сумму, при чемъ чекъ можетъ быть предъявленъ, какъ лицомъ которое имѣетъ соотвѣтствующій счетъ, такъ и третьимъ лицомъ, которому чекъ могъ быть переданъ обладателемъ денегъ на текущемъ счету.

Разсчетныя палаты. Въ странахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Англіи, чековая система получила широкое развитіе, множество сдѣлокъ какъ на крупныя, такъ и на мелкія суммы совершается при помощи чековъ. Въ Англіи почти у каждаго домохозяина, не говоря о торговыхъ людяхъ и капиталистахъ, имѣется текущій счетъ въ какомъ-нибудь банкѣ. Поэтому платежи, даже при сдѣлкахъ на мелкія суммы, очень часто производятся посредствомъ выдачи чековъ. Этимъ устраняется рискъ, сопряженный съ храненіемъ при себѣ денежныхъ суммъ, а монета предохраняется отъ стиранія и порчи.

Если лица, производящія другъ другу уплаты при помощи чековъ, имѣютъ вклады въ одномъ и томъ же банкѣ, то они могутъ совершать другъ съ другомъ сдѣлки на крупныя суммы безъ всякаго участія денегъ въ натурѣ. Для этого имъ необходимо только имѣть текущій счетъ въ томъ банкѣ, кліентами котораго они состоятъ. Въ такомъ случаѣ по чекамъ, предъявляемымъ въ банкъ такими лицами, выдача денегъ можетъ и не производиться: достаточно списать сумму, на которую написанъ чекъ, съ текущаго счета того лица, которое выдало чекъ (чекодателя), и приписать ее къ счету того, кто предъявилъ чекъ къ уплатѣ (чекодержателя).

Способъ расплаты, основанный на соединеніи чековой операціи съ операціей текущаго счета, имѣлъ бы, несмотря на свою важность, все-таки ограниченное значеніе, если бы имъ могли пользоваться только кліенты каждаго отдѣльнаго банка въ своемъ кругу. Въ такомъ случаѣ по чекамъ, предъявляемымъ лицами, не имѣющими въ данномъ банкѣ текущаго счета, выдача денегъ была бы неизбѣжна. Громадное расширеніе получаетъ чековая операція при устройствѣ *разсчетныхъ палатъ*, цѣль которыхъ заключается

въ томъ, чтобы объединить опредѣленное число банковъ для производства взаимныхъ расчетовъ безъ посредства денегъ.

Въ составъ разсчетныхъ палатъ входятъ, въ качествѣ ихъ участниковъ, банки, желающіе производить взаимные разсчеты на опредѣленныхъ основаніяхъ. Всѣ участники палаты обязуются принимать чеки, векселя и другіе денежные документы, написанные на любого изъ нихъ. Кліентъ банка, въ которомъ у него имѣется текущій счетъ, получивъ чекъ на другой банкъ, предъявляетъ этотъ чекъ къ уплатѣ въ *своемъ* банкѣ, который затѣмъ уже черезъ посредство разсчетной палаты разсчитывается съ банкомъ, чекъ котораго онъ оплатилъ. Каждый день представители банковъ, участвующихъ въ разсчетной палатѣ, собираются въ помѣщеніи послѣдней и предъявляютъ другъ другу чеки, оплаченные ими за счетъ другихъ банковъ. Для каждаго банка составляется балансъ тѣхъ платежей, которыя онъ произвелъ за день за счетъ другихъ банковъ, и тѣхъ, которыя произведены были другими банками за собственный счетъ. Эти балансы и служатъ основаніемъ для взаимныхъ разсчетовъ.

Самые же разсчеты между банками производятся съ помощью системы текущихъ счетовъ. Въ какомъ-нибудь одномъ крупномъ банкѣ разсчетная палата, какъ юридическое лицо, и всѣ банки, участвующіе въ ней, имѣютъ свои текущіе счета. Текущій счетъ самой палаты называется центральнымъ, потому что разсчеты банковъ между собою производятся черезъ него. Значительная часть требованій банковъ другъ къ другу взаимно погашается, а остатки уплачиваются чеками на центральный текущій счетъ. Предположимъ, что банкъ А уплатилъ по чекамъ банка Б 40 тыс. руб., а банкъ Б—по чекамъ А только 25 тыс. руб. Въ такомъ случаѣ взаимныя требованія этихъ банковъ погасятся на 25 тыс. руб. зачетомъ встрѣчныхъ требованій, а на 15 тыс. руб. палата выдастъ чекъ на свой текущій счетъ банку А и на такую же сумму напишетъ въ свою пользу чекъ на банкъ Б.

Первая разсчетная палата подъ названіемъ *Clearing House* возникла въ Лондонѣ въ 1775 году. Въ настоящее время подобныя учрежденія существуютъ во всѣхъ странахъ. Въ Россіи съ 1899 года при конторахъ Государственнаго банка въ большихъ городахъ существуютъ разсчетные отдѣлы, устроенные по образцу иностранныхъ разсчетныхъ палатъ.

Обороты разсчетныхъ палатъ достигаютъ громадныхъ суммъ. Такъ напр., годовой оборотъ Лондонской разсчетной палаты составляетъ теперь 15—16 милліардовъ фунт. стер. (по нормальному курсу около 150 милліардовъ рублей). Наивысшая сумма оборотовъ одного дня достигала 131 милліона фунтовъ. (20 окт. 1912 г.).

Обороты нашихъ разсчетныхъ отдѣловъ составили въ 1912 г. около 40 милліардовъ рублей, причемъ свыше 72% предъявленныхъ требованій были покрыты посредствомъ зачета.

Активныя операціи. Первую и самую важную группу активныхъ операцій составляютъ *вексельныя операціи.*

Наиболѣе важной изъ операцій вексельнаго кредита является *учетъ векселей*, или *дисконтъ*. Этой операціей занимаются какъ частныя лица, такъ и банковыя учрежденія. Содержаніе ея заключается въ томъ, что частное лицо или кредитное учрежденіе по желанію векселедержателя производятъ уплату по векселю, написанному на третье лицо, раньше срока, съ вычетомъ за это извѣстнаго процента (учетный процентъ). Благодаря этой операціи векселедержатель можетъ за извѣстную плату получить деньги, слѣдуемыя ему по векселю, именно въ тотъ моментъ, когда онѣ нужны ему, не ожидая истеченія срока. Такая досрочная реализація векселя имѣетъ очень важное значеніе для движенія товаровъ въ мѣновомъ оборотѣ, какъ это будетъ показано ниже.

Дальнѣйшей активной операціей коммерческихъ банковъ является *выдача ссудъ* (ломбардная операція) подъ обезпеченіе разныхъ цѣнностей въ видѣ движимости или документовъ, представляющихъ таковыя. Сюда относятся ссуды подъ цѣнныя бумаги разнаго рода, подъ драгоцѣнности, подъ товары и, наконецъ, подъ документы на товары, какъ то *варранты* (удостовѣреніе въ томъ, что товаръ сданъ на храненіе въ особые склады), желѣзнодорожные дубликаты и т. п.

Отъ простого текущаго счета слѣдуетъ различать *спеціальный текущій счетъ*, который въ отличіе отъ перваго относится къ активнымъ операціямъ банка. Эта операція заключается въ томъ, что банкъ открываетъ своему кліенту кредитъ подъ залогъ векселей и процентныхъ или другихъ цѣнныхъ бумагъ, при чемъ кліентъ имѣетъ право использовать открытый ему кредитъ ча-

стями и обязанъ погасить числящійся за нимъ долгъ въ опредѣленной части или полностью по требованію банка (по-англ. on call—«онколь», откуда названіе «онкольный счетъ»).

Отличіе спеціальнаго счета отъ простого заключается въ томъ, что въ обезпеченіе перваго вносятся цѣнныя бумаги, а не деньги. Отсюда вытекаетъ и другое важное различіе: банкъ не можетъ пользоваться для своихъ операцій активнаго характера, напр., для учета векселей или выдачи ссудъ, цѣнностями, переданными ему въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета. Съ другой стороны, за деньги, которыми онъ кредитуетъ кліента въ формѣ спеціальнаго счета, онъ въ правѣ взимать проценты. Такимъ образомъ, спеціальный текущій счетъ является активной операціей, приближающейся къ ссудѣ, съ тою разницей, что кредитуемая сумма берется кліентомъ не сразу.

При открытіи спеціальнаго счета заемщикъ получаетъ чековую книжку, которая, какъ и при простомъ счетѣ, служитъ для полученія со счета денегъ.

Кромѣ перечисленныхъ кредитныхъ операцій, депозитные банки занимаются также покупкой и продажей цѣнныхъ бумагъ и кредитныхъ документовъ (векселей, облигацій и акцій). Роль депозитныхъ банковъ въ операціяхъ этого рода также имѣетъ посредническій характеръ. Покупая кредитные документы, банки снабжаютъ наличными деньгами тѣхъ, которые нуждаются въ средствахъ. Съ другой стороны, продавая кредитные документы, они привлекаютъ къ себѣ денежныя средства, ищущія помѣщенія.

Торговля кредитными документами сохраняетъ значеніе банковской операціи только до тѣхъ поръ, пока банкъ не дѣлаетъ ея главнымъ предметомъ своей дѣятельности. Если же банкъ употребляетъ довѣренныя ему средства и собственные капиталы главнымъ образомъ на покупку цѣнныхъ бумагъ съ цѣлью перепродать ихъ съ наибольшей выгодой, онъ становится *спекулятивнымъ* предпріятіемъ, пользующимся чужими средствами для производства торговли цѣнными бумагами въ цѣляхъ наживы на колебаніяхъ ихъ курса. Эта торговля, какъ это будетъ показано ниже, сопряжена съ болѣе или менѣе значительнымъ рискомъ и часто носитъ характеръ азартной игры, печально кончающейся для кліентовъ банка и нерѣдко для него самого.

Кромѣ кредитныхъ операцій въ точномъ смыслѣ коммерческіе

банки исполняютъ также различныя коммерческія услуги, большею частью связанныя съ вексельнымъ кредитомъ.

Если ремитентъ (см. выше) желаетъ до наступленія срока переводнаго векселя удостовѣриться въ томъ, что трассатъ не откажется произвести уплату, онъ долженъ заранѣе обратиться къ нему съ запросомъ и заручиться его обѣщаніемъ принять векселъ къ уплатѣ, когда наступитъ срокъ послѣдней. Заявленіе трассата о своей готовности уплатить по векселю въ назначенный срокъ называется *акцептомъ*. Коммерческіе банки и берутъ на себя полученіе акцептовъ по векселямъ.

Затѣмъ банки сами открываютъ *акцептный кредитъ*, т.-е. берутъ на себя обязательство производить платежи по приказу опредѣленнаго лица. Такой кредитъ можетъ быть открытъ подъ обезпеченіе деньгами или другими цѣнностями (покрытый кредитъ) или безъ такого обезпеченія (непокрытый, или бланковый кредитъ). Этотъ видъ кредита имѣетъ очень важное значеніе въ коммерческомъ оборотѣ. Напр., московскій купецъ, занимающійся ввозомъ товаровъ изъ Англіи, вмѣсто того, чтобы посылать за каждую свою покупку наличныя деньги англійскому продавцу, открываетъ себѣ акцептный кредитъ у какого-нибудь лондонскаго банка и затѣмъ производитъ свои платежи при помощи переводныхъ векселей, которые онъ пересылаетъ англійскимъ торговцамъ, продающимъ ему товары. Продавцы же предъявляютъ векселя банкиру, на котораго они написаны, и получаютъ отъ него слѣдуемыя имъ деньги. Или англійскій купецъ, ввозящій хлѣбъ изъ Нью-Іорка, открываетъ себѣ акцептный кредитъ у нью-іоркскаго банка и уполномочиваетъ послѣдній производить за его счетъ уплату за хлѣбъ, погруженный на его имя, по предъявленіи документовъ, удостовѣряющихъ погрузку, вмѣстѣ съ количествомъ и качествомъ товара.

Наконецъ, банки аккредитуютъ другъ у друга третьихъ лицъ за своей отвѣтственностью. Лицо, желающее воспользоваться такимъ кредитомъ, вноситъ въ банкъ извѣстное обезпеченіе въ видѣ денегъ или другихъ цѣнностей и получаетъ отъ банка рекомендательное письмо (аккредитивъ) къ одному или къ ряду другихъ банковъ съ предложеніемъ кредитовать владѣльца аккредитива до опредѣленной суммы. Вмѣстѣ съ аккредитивнымъ письмомъ владѣльцу его выдается списокъ банковъ и банкировъ, къ которымъ онъ можетъ

обратиться за кредитомъ. Подобные списки обыкновенно заключаютъ въ себѣ длинный рядъ кредитныхъ учрежденій во всѣхъ странахъ міра, такъ что лицо, получившее аккредитивъ, имѣетъ возможность воспользоваться кредитомъ, въ разрѣшенныхъ ему размѣрахъ, во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ пунктахъ земного шара. Удобства такого кредита очевидны. Лицо, отправляющееся въ путешествіе съ коммерческими или иными цѣлями, вмѣсто того, чтобы везти съ собою болѣе или менѣе крупную сумму денегъ беретъ аккредитивное письмо отъ мѣстнаго банкирскаго дома и этимъ путемъ обезпечиваетъ себѣ кредитъ въ мѣстахъ, гдѣ ему придется быть. Аккредитивное письмо представляетъ одинъ изъ видовъ переводнаго векселя, отличающагося отъ обыкновенной тратты своей формой и тѣмъ, что оно является циркулярнымъ.

§ 24. Эмиссіонные банки. По характеру своихъ операцій эмиссіонные банки принадлежатъ къ типу депозитныхъ, или коммерческихъ банковъ. Ихъ особенность состоитъ въ томъ, что имъ предоставлено право пользоваться для производства своихъ активныхъ операцій не только имѣющимися у нихъ денежными средствами, но также и банкнотами, или банковыми билетами, которые ими же выпускаются. Право выпускать банковые билеты, или банкноты, называется *эмиссіоннымъ правомъ*. Пассивъ эмиссіоннаго банка, средства, которыми онъ располагаетъ для оказанія кредита, состоятъ не только изъ суммъ, поступившихъ въ банкъ въ видѣ вкладовъ, но также и изъ выпущенныхъ имъ банковыхъ билетовъ. Право выпускать билеты для производства активныхъ операцій расширяетъ средства банка на всю сумму производимыхъ имъ выпусковъ. Это право даетъ банку возможность развивать свои активныя операціи, соотвѣтственно предъявляемымъ ему требованіямъ на кредитъ, не ограничивая своей дѣятельности размѣрами имѣющихся у него денежныхъ средствъ и не тратя силъ и времени на привлеченіе вкладовъ для расширенія своего пассива. Пользуясь эмиссіоннымъ правомъ, банкъ имѣетъ возможность *своевременно* удовлетворять усиленный спросъ на кредитъ, что́ бываетъ важно и въ періоды подъема хозяйственной дѣятельности, когда требуются средства для ея развитія, и въ періоды хозяйственнаго застоя, когда товары залеживаются на складахъ и производителямъ приходится восполнять свои оборотныя средства съ помощью кредита, пока не минуетъ заминка въ сбытѣ.

Такимъ образомъ, эмиссіонное право не только расширяетъ предѣлы дѣятельности коммерческихъ банковъ, но и сообщаетъ ей необходимую приспособляемость къ колеблющимся требованіямъ междухозяйственнаго оборота.

Банкноты выполняютъ всѣ функціи денегъ и даже могутъ быть признаны законнымъ платежнымъ средствомъ, что приравниваетъ ихъ къ деньгамъ и съ формальной стороны. Банкъ, пользующійся эмиссіоннымъ правомъ, обладаетъ, такимъ образомъ, возможностью вводить въ обращеніе кредитные документы, функціонирующіе въ качествѣ денежныхъ знаковъ, и этимъ путемъ можетъ увеличивать и уменьшать количество орудій обращенія и при извѣстныхъ условіяхъ вліять на дѣйствіе всей денежной системы. Значеніе эмиссіонной операціи банковъ для денежнаго обращенія будетъ разъяснено ниже, но и сказаннаго достаточно для того, чтобы признать эмиссіонную операцію дѣломъ чрезвычайной государственной важности. Съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ эмиссіонное дѣло также заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Если кредитному учрежденію предоставляется право производить платежи съ помощью имъ же выпускаемыхъ билетовъ, то не безразлично, какъ это учрежденіе пользуется своимъ правомъ и какое значеніе въ качествѣ платежнаго средства имѣютъ его билеты.

Въ виду этого эмиссіонная дѣятельность банковъ служитъ во всѣхъ странахъ предметомъ законодательнаго регулированія. Цѣль послѣдняго заключается въ томъ, чтобы согласовать эмиссіонную операцію съ требованіями правильно устроеннаго денежнаго обращенія и гарантировать частныхъ лицъ отъ ущерба вслѣдствіе неправильной постановки эмиссіоннаго дѣла или злоупотребленія эмиссіонными банками предоставленнымъ имъ правомъ.

Различныя системы регулированія эмиссіонной операціи банковъ отличаются многими особенностями, подробное разсмотрѣніе которыхъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности относится къ области экономической политики. Здѣсь достаточно указать главныя основанія типическихъ системъ, примѣняемыхъ въ настоящее время.

а) Первый вопросъ регулированія эмиссіоннаго дѣла касается числа и рода тѣхъ кредитныхъ учрежденій, которымъ предоставляется право выпускать банковые билеты.

Теоретически можно представить себѣ режимъ неограниченной

свободы эмиссіоннаго дѣла, когда всякому банку было бы предоставлено право производить выпуски банкнотъ. Въ дѣйствительности такой режимъ въ чистомъ видѣ никогда не примѣнялся, хотя въ теоріи онъ и имѣетъ сторонниковъ среди экономистовъ, особенно во Франціи (Леруа-Болье, Курсель-Сэнель). Его отрицательныя стороны, въ особенности опасности, которыя онъ представлялъ бы для денежнаго обращенія и для публики, настолько очевидны, что подавляющее большинство теоретиковъ и практиковъ банковаго дѣла высказываются рѣшительно противъ него.

Устранивъ принципъ неограниченной свободы, какъ основы эмиссіоннаго дѣла, мы имѣемъ передъ собою двѣ системы ограничительнаго характера: систему множественности банковъ, пользующихся привилегіей выпускать банкноты, и систему единаго эмиссіоннаго банка. Та и другая имѣютъ за собою опытъ практическаго примѣненія.

Въ пользу множественности эмиссіонныхъ банковъ приводятся слѣдующіе доводы: 1) что эта система позволяетъ каждому банку приспособливаться къ мѣстнымъ условіямъ, въ частности устанавливать учетный процентъ соотвѣтственно положенію рынка, гдѣ сосредоточивается дѣятельность банка; 2) что при множественности эмиссіонныхъ банковъ можно избѣжать сосредоточенія вкладовъ и въ особенности металлическаго запаса въ одномъ банкѣ, что въ періоды экономическихъ затрудненій представляетъ серьезныя неудобства.

Приведенныя соображенія неубѣдительны, потому что при современныхъ средствахъ сношеній учетный процентъ подъ вліяніемъ конкуренціи самъ по себѣ имѣетъ тенденцію устанавливаться на одинаковомъ уровнѣ не только въ разныхъ мѣстностяхъ одной страны, но и въ разныхъ странахъ. Что же касается другихъ условій банковской дѣятельности, то мѣстныя кредитныя учрежденія могутъ принимать ихъ въ соображеніе и приспособливаться къ нимъ, и не обладая правомъ выпуска банкнотъ. По отношенію же къ сосредоточенію резервовъ опытъ показываетъ, что въ дѣйствительности при множественности эмиссіонныхъ банковъ господствующее положеніе фактически занимаетъ одинъ банкъ, который въ конечномъ итогѣ поглощаетъ остальные. Это подтверждается историческимъ опытомъ. Такъ, напр., въ Англіи закономъ 1844 г. эмиссіонное право было предоставлено, кромѣ Англійскаго банка, еще 279

кредитнымъ учрежденіямъ разныхъ типовъ; а къ 1911 г. сохранили за собою это право только 18. Правда, съ самаго начала Англійскому банку были даны важныя преимущества, сразу обезпечившія ему главенство. Но главная, хотя и не единственная, причина отмѣченнаго явленія заключается все же не въ этомъ, а въ экономической мощи капитала, которымъ оперируетъ Англійскій банкъ.

Это и понятно. Только крупный банкъ можетъ обладать достаточнымъ авторитетомъ въ широкихъ кругахъ, для того, чтобы обезпечить повсемѣстное обращеніе своихъ банкнотъ.

Небольшіе банки въ лучшемъ случаѣ могутъ обслуживать своими банкнотами ограниченные районы. Публика такихъ районовъ, знакомясь съ положеніемъ мѣстнаго эмиссіоннаго банка, довѣряетъ солидности выпускаемыхъ имъ билетовъ и охотно принимаетъ ихъ въ платежи. Но въ болѣе широкихъ кругахъ банкноты, выпущенныя небольшимъ и мало извѣстнымъ учрежденіемъ, не могутъ разсчитывать на свободное обращеніе.

Практически вопросъ о числѣ банковъ, которымъ можетъ быть дано право выпуска банкнотъ, сводится не къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли предоставлять это право нѣсколькимъ банкамъ или одному, а къ вопросу о типѣ и организаціи того банка, который долженъ быть единственнымъ или по крайней мѣрѣ центральнымъ эмиссіоннымъ банкомъ. Этотъ послѣдній вопросъ разрѣшается различно въ зависимости отъ экономическихъ и политическихъ условій страны.

Въ нѣкоторыхъ странахъ право выпуска банкнотъ принадлежитъ исключительно государственному эмиссіонному банку (Россія, Швеція); въ другихъ—частному банку (Франція) или нѣсколькимъ частнымъ банкамъ, съ преобладаніемъ одного центральнаго (Англія, Германія и др.). Въ странахъ, гдѣ эмиссіонное право предоставлено частнымъ банкамъ, отношеніе къ послѣднимъ государства опредѣляется различно: въ однихъ случаяхъ государство ограничивается установленіемъ общихъ условій дѣятельности банка и высшимъ надзоромъ за соблюденіемъ руководителями банка закона; въ другихъ государство принимаетъ черезъ свои органы участіе въ высшемъ руководствѣ дѣлами банка, въ третьихъ—государство заинтересовано въ банкѣ даже имущественно, какъ одинъ изъ собственниковъ его капитала.

б) Дальнѣйшій вопросъ регулированія эмиссіоннаго права касается способовъ обезпеченія размѣнности банковыхъ билетовъ. Для того, чтобы производить безостановочно размѣнъ выпущенныхъ банкнотъ эмиссіонный банкъ долженъ держать у себя нѣкоторый запасъ металлическихъ денежныхъ знаковъ, которыми онъ во всякое время могъ бы оплачивать банкноты, предъявленныя ему къ размѣну.

Такой запасъ называется *размѣннымъ фондомъ*. Его составъ зависитъ отъ того, на какой металлъ по закону производится размѣнъ билетовъ. Если законъ предоставляетъ держателямъ банкнотъ право размѣнивать ихъ на золото, то и размѣнный фондъ долженъ состоять изъ золотой монеты или по крайней мѣрѣ золотыхъ слитковъ, могущихъ во всякое время быть перечеканенными въ монету. Размѣнный фондъ составляетъ по отношенію къ общей суммѣ банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, или, короче—билетному обращенію, *металлическое покрытіе*.

Изложенное положеніе можетъ быть выражено въ приведенныхъ терминахъ слѣдующимъ образомъ: *металлическое покрытіе билетнаго обращенія должно быть таково, чтобы эмиссіонный банкъ могъ поддерживать безостановочный размѣнъ своихъ банкнотъ*.

Эмиссіонный банкъ заботится не только о томъ, чтобы у него имѣлся достаточный размѣнный фондъ, но также и о томъ, чтобы билеты, выпущенные имъ въ обращеніе при производствѣ активныхъ операцій, возвращались къ нему черезъ короткіе промежутки времени. Если бы банкъ выпускалъ свои билеты на продолжительные сроки, учитывая долгосрочные векселя или выдавая долгосрочныя ссуды, то онъ этимъ или уменьшалъ бы свою способность своевременно удовлетворять въ надлежащихъ размѣрахъ спросъ на кредитъ, или долженъ былъ бы выпускать для этого громадное количество банкнотъ и, слѣдов., держать для ихъ размѣна огромный размѣнный фондъ. Суммы, изъ которыхъ состоялъ бы этотъ фондъ, лежали бы въ видѣ «иммобилизованнаго» (неподвижнаго или мертваго) капитала въ кладовыхъ банка, который долженъ былъ бы возмѣщать потерю процентовъ съ этого капитала удорожаніемъ кредита, т.-е. повышеніемъ $^0/_0$ по учету и ссудамъ.

По указаннымъ причинамъ эмиссіонные банки, при правильной

постановкѣ дѣла, занимаются только краткосрочными операціями, преимущественно учетомъ краткосрочныхъ и вполнѣ солидныхъ векселей. Билеты, выпущенные подъ такой учетъ, возвращаются въ банкъ по истеченіи сроковъ учтенныхъ векселей въ видѣ платы по нимъ, такъ что банкъ, придерживающійся такой системы, обезпечиваетъ себѣ автоматическій возвратъ своихъ банкнотъ. Въ виду этого векселя, удовлетворяющіе условіямъ краткосрочности и коммерческой благонадежности, разсматриваются, какъ покрытіе билетнаго обращенія. Этотъ видъ покрытія въ отличіе отъ металлическаго называется *банковымъ*.

Наконецъ, билетное обращеніе можетъ быть покрываемо легко реализуемыми фондами, если они представляютъ полную гарантію солидности и могутъ безъ затрудненій быть проданы во всякое время для усиленія размѣннаго фонда. Этотъ родъ покрытія можно назвать *фондовымъ*.

Системы покрытія билетнаго обращенія различаются по тому, какой способъ покрытія банкнотъ или какая комбинація возможныхъ способовъ положены въ ихъ основу. При этомъ государство можетъ предоставить эмиссіонному учрежденію самому установить такую систему покрытія, какую оно признаетъ наиболѣе подходящей, или же провести правило покрытія законодательнымъ порядкомъ, идя болѣе или менѣе далеко по пути регламентаціи, или же ограничиваясь только опредѣленіемъ въ законѣ основныхъ положеній.

Принципъ почти полнаго невмѣшательства проводится во Франціи, гдѣ Національному банку предоставлено покрывать свои билеты, какъ ему угодно, съ условіемъ, чтобы онъ безостановочно поддерживалъ размѣнъ и чтобы общая сумма билетнаго обращенія не превышала опредѣленнаго максимума, легко, впрочемъ, повышаемаго.

Во всѣхъ другихъ странахъ правила покрытія билетнаго обращенія болѣе или менѣе подробно установлены закономъ.

Такъ, Англійскій банкъ, по закону 1844 г. (Актъ Роберта Пиля) имѣетъ право выпускать банковые билеты, не покрытые металломъ, на сумму не свыше $18^3/_4$ милл. фун. стер. Всѣ билеты, выпущенные сверхъ этой суммы (*контингента*), должны быть покрыты металломъ полностью, т.-е. на каждый фунтъ стер., выпущенный въ обращеніе въ видѣ банковаго билета, долженъ лежать въ банкѣ фунтъ стерл. золотомъ.

У насъ въ Россіи, по закону 1897 г., Государственный банкъ имѣетъ право держать въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, не покрытыхъ золотомъ, не болѣе чѣмъ на 300 мил. руб. [1]).

Въ Германіи дѣйствуетъ болѣе сложная система покрытія. Одна треть банкнотъ, выпущенныхъ въ обращеніе Имперскимъ банкомъ, должна быть покрыта металломъ или серіями государственнаго казначейства (*правило третного покрытія*). Кромѣ того, билеты, выпущенные сверхъ опредѣленной суммы (контингента), оплачиваются особымъ налогомъ. [2])

§ 25. Ипотечные банки. Такъ называются кредитныя учрежденія, оказывающія кредитъ подъ залогъ недвижимости, сельской и городской, застроенной и незастроенной. Соотвѣтственно своему назначенію ипотечный кредитъ бываетъ разныхъ видовъ.

1) *Поземельный* кредитъ облегчаетъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности посредствомъ выдачи ссудъ на покупку земельныхъ владѣній и выплату долей сонаслѣдникамъ при раздѣлѣ недвижимыхъ имуществъ.

Поземельный кредитъ долженъ быть долгосрочнымъ, потому что ссуды, употребленныя на покупку земли, не могутъ быть выплачиваемы крупными взносами изъ текущихъ доходовъ отъ пріобрѣтенныхъ съ ихъ помощью владѣній. При долгосрочности ссудъ, выдаваемыхъ подъ залогъ недвижимости, и средства, необходимыя для оказанія поземельнаго кредита, не могутъ быть привлекаемы посредствомъ краткосрочныхъ вкладовъ: долгосрочный характеръ актива обусловливаетъ такой же характеръ пассива. Въ виду этого, коммерческіе банки не являются подходящими учрежденіями для долгосрочнаго, въ частности поземельнаго (ипотечнаго) кредита, хотя нѣкоторые изъ нихъ по причинамъ, изложеннымъ выше, и занимаются выдачей ссудъ на продолжительные сроки. Задачу организаціи поземельнаго кредита берутъ на

---

[1]) Кромѣ цит. выше „Банковаго дѣла“ Эпштейна см. „Русскій Государственный Банкъ, какъ учрежденіе эмиссіонное“ М. В. Бернацкаго. О современномъ положеніи — „Отчетъ Государственнаго Банка за 1916 г.“ и „Объяснительная записка министра финансовъ къ госуд. росписи на 1917 г.“ ч. II. По исторіи—„Государственный Банкъ. Краткій очеркъ дѣятельности за 1860—1910 годы“. 1910; „Исторія министерства финансовъ, 1802—1902“.

[2]) Подъ вліяніемъ войны условія выпуска банковыхъ билетовъ существенно измѣнились.

себя кредитныя учрежденія особаго типа: ипотечные или поземельные банки.

Организація ипотечныхъ или поземельныхъ банковъ отличается той особенностью, что долгосрочныя ссуды выдаются заемщикамъ не наличными деньгами, а закладными листами, которые заемщикъ уже продаетъ отъ себя (реализуетъ) на рынкѣ цѣнныхъ бумагъ (биржѣ). При этой системѣ лица, нуждающіяся въ кредитѣ, получаютъ денежныя средства непосредственно отъ покупателей закладныхъ листовъ. Но банкъ можетъ взять и на себя продажу закладныхъ листовъ, конечно, за счетъ получающаго ссуду. Заемщики уплачиваютъ банку ежегодно опредѣленный процентъ на полученную ссуду; нѣкоторая часть его поступаетъ въ фондъ погашенія, а остальное идетъ на покрытіе расходовъ банка по управленію, на уплату дохода, получаемаго держателями закладныхъ листовъ и на выдачу прибыли (дивиденда) акціонерамъ банка. Фондъ погашенія употребляется на выкупъ закладныхъ листовъ, подлежащихъ въ извѣстномъ порядкѣ погашенію. Такимъ образомъ, когда истекаетъ срокъ выданной ссуды, она оказывается погашенной отчисленіями, взимавшимися ежегодно съ заемщика въ суммѣ уплачивавшихся имъ процентовъ, а выданные ему закладные листы выкупаются. Досрочное погашеніе долгосрочныхъ ссудъ можетъ быть произведено посредствомъ возвращенія банку закладныхъ листовъ на соотвѣтствующую сумму, считая листы по ихъ нарицательной цѣнѣ.

Особый видъ учрежденій ипотечнаго кредита составляютъ *Городскія Кредитныя Общества*, выдающія ссуды на пріобрѣтеніе городской недвижимости и для застройки городскихъ земель. Главныя особенности ихъ устройства заключаются въ томъ, что они пользуются поддержкой городскихъ управленій и находятся подъ ихъ контролемъ. Городское кредитное общество составляютъ всѣ владѣльцы имуществъ, заложенныхъ обществу, съ круговой отвѣтственностью. Операціи городскихъ кредитныхъ обществъ носятъ тотъ же характеръ, что и операціи акціонерныхъ ипотечныхъ банковъ.

2) Другимъ видомъ ипотечнаго кредита является *меліоративный кредитъ*. Какъ показываетъ самое названіе, онъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать производству земельныхъ улучшеній, а именно, такихъ, которыя, такъ или иначе связаны съ измѣненіемъ

природныхъ условій. Таковы: осушеніе (дренажъ), орошеніе (ирригація), урегулированіе рѣкъ, укрѣпленіе песковъ и овраговъ и т. п. Это такія работы, которыя требуютъ значительныхъ единовременныхъ затратъ, и, разъ онѣ произведены, дѣйствуютъ сравнительно долговременно при небольшихъ ежегодныхъ расходахъ на поддержаніе сооруженій. Затраты на производство такихъ улучшеній имѣютъ *капитальный* характеръ, вслѣдствіе чего кредитъ для меліоративныхъ цѣлей долженъ быть *долгосрочнымъ съ постепеннымъ погашеніемъ (амортизаціей)*. При правильномъ устройствѣ земельныя улучшенія неизмѣнно ведутъ къ повышенію продуктивности почвы и увеличенію урожайности, а слѣдовательно и доходности. Въ виду этого рискъ, связанный съ выдачей ссудъ для меліоративныхъ цѣлей, невеликъ, но, конечно, при условіи, что ссуды употребляются цѣлесообразно. Этимъ обусловливается то, что называется «предметностью» меліоративныхъ ссудъ. Это значитъ, что онѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленное назначеніе. Послѣдствіемъ предметности меліоративныхъ ссудъ является право меліоративно-кредитнаго учрежденія на предварительную провѣрку плановъ и смѣтъ и послѣдующій контроль за выполненіемъ меліораціи. *Контроль за употребленіемъ ссуды* составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ и характерныхъ особенностей меліоративнаго кредита.

При правильной постановкѣ меліоративнаго кредита онъ долженъ быть ограниченъ одними капитальными улучшеніями.

3) Существуютъ, однако, земельныя улучшенія и другого характера—такія, которыя не связаны съ измѣненіемъ природныхъ условій, но имѣютъ цѣлью улучшеніе инвентаря, матеріаловъ и т. п. Таковы—покупка сельскохозяйственныхъ машинъ, улучшенныхъ сѣмянъ, племенныхъ животныхъ и т. п. Снабженіе сельскихъ хозяевъ средствами для такихъ цѣлей составляетъ цѣль *сельскохозяйственнаго* кредита, который отличается отъ меліоративнаго тѣмъ, что онъ не является непремѣнно долгосрочнымъ и не допускаетъ точнаго контроля надъ использованіемъ ссуды. Въ виду существенныхъ отличій сельскохозяйственнаго кредита отъ меліоративнаго и организація его иная. Резюмируя особенности указанныхъ видовъ кредита З. С. Каценеленбаумъ говоритъ: «Хозяйственныя улучшенія не такъ легко поддаются контролю, нуждаются большею частью въ кредитѣ краткосрочномъ, и по-

этому поддержка ихъ можетъ быть гораздо лучше организована при помощи мелкаго сельскохозяйственнаго кредита. Поощреніе развитія сельскохозяйственныхъ кредитныхъ товариществъ и организація сельскихъ банковъ могли бы очень много сдѣлать въ этомъ направленіи, въ особенности для крестьянскаго населенія, которое очень нуждается въ кредитѣ на сельскохозяйственныя улучшенія. Близко стоящіе къ сельскому населенію банки мелкаго краткосрочнаго кредита гораздо лучше могли бы удовлетворить, напр. потребность въ такомъ улучшеніи, какъ покупка сѣмянъ кормовыхъ травъ и т. п., чѣмъ занимающееся выдачей долгосрочныхъ ссудъ мелиоративное учрежденіе». [1])

§ 26. **Промышленные банки.** Промышленность, такъ же какъ сельское хозяйство и торговля, имѣетъ потребность въ кредитѣ, какъ краткосрочномъ, такъ и долгосрочномъ. Первый долженъ снабжать промышленность оборотными средствами, второй—основнымъ капиталомъ. Обслуживаніе промышленности кредитомъ производится или обычнаго типа банками краткосрочнаго коммерческаго кредита, или спеціально промышленными банками. Необходимость послѣднихъ мотивируется ихъ сторонниками существеннымъ отличіемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ промышленности отъ сельскаго хозяйства и торговли.

Сельское хозяйство обезпечиваетъ кредитъ землею, цѣнность которой существуетъ независимо отъ успѣшности ведущагося на ней хозяйства; въ торговлѣ матеріальнымъ обезпеченіемъ кредита служитъ товаръ, представляющій самостоятельную цѣнность, какъ готовый продуктъ. Между тѣмъ, промышленное предпріятіе цѣнно лишь постольку, поскольку оно находится въ ходу и приноситъ прибыль. Если оно остановилось, то предметы, составляющіе его матеріальное оборудованіе—строенія, машины и пр., теряютъ значительную часть своей цѣнности, а иногда теряютъ ее совершенно. Поэтому обезпеченіемъ промышленнаго кредита можетъ служить только прибыльность предпріятія, а не та или другая совокупность матеріальныхъ предметовъ, въ которыхъ выражается его капиталъ. Конечно, ипотечные банки могутъ кредитовать промышленныя предпріятія подъ залогъ недвижимости, которой они обладаютъ, а

[1]) З. С. Каценеленбаумъ. Мелиораціи, мелиоративныя товарищества и мелиоративный кредитъ въ Россіи. Изд. 2-е. 1914, стр. 321 и слѣд. Изложеніе ученія о мелиоративномъ и с.-хозяйственномъ кредитѣ сдѣлано выше по этой книгѣ.

коммерческіе банки могутъ снабжать ихъ текущими средствами подъ учетъ векселей. Но кредитъ, полученный этими путями, будетъ слишкомъ ограниченъ сравнительно съ потребностью промышленнаго предпріятія и при успѣшности послѣдняго не будетъ соотвѣтствовать его хозяйственному значенію. Земля составляетъ лишь небольшую часть капитала предпріятія, а вексельный кредитъ, которымъ могутъ пользоваться руководители предпріятія, непосредственно зависитъ въ своихъ размѣрахъ отъ ихъ личнаго имущественнаго положенія и только косвенно можетъ зависѣть отъ общаго состоянія предпріятія. Все это приводитъ къ заключенію, что для обслуживанія промышленности кредитомъ должны быть созданы особыя учрежденія въ видѣ промышленныхъ банковъ, которые отвѣчали бы по своему устройству и по характеру своихъ операцій особенностямъ промышленности.

Такая точка зрѣнія находитъ больше всего защитниковъ во Франціи, гдѣ она воплотилась въ жизнь впервые въ серединѣ XIX в. въ видѣ знаменитаго банка Crédit Mobilier братьевъ Перейра, ставившаго себѣ цѣлью, впрочемъ, не только кредитованіе промышленности, но и устройство новыхъ предпріятій (финансированіе, грюндерство). О немъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, въ томъ числѣ Россіи, до сихъ поръ потребность въ промышленномъ кредитѣ удовлетворялась банками краткосрочнаго кредита съ помощью спеціально приноровленныхъ для этого операцій.

§ 27. Финансовые банки. Прототипомъ современныхъ финансовыхъ банковъ служитъ упомянутое выше Общество «движимаго» кредита (Société Générale du Crédit Mobilier) во Франціи, основанное братьями Эмплемъ и Исаакомъ Перейра въ 1852 г. Ученики Сенъ-Симона, они выступили съ широкимъ планомъ экономическаго возрожденія Франціи черезъ посредство организаціи кредита. Этой цѣли должны были служить три кредитныхъ учрежденія: Crédit mobilier, предназначавшійся для нуждъ промышленности, Crédit foncièr—земельный кредитъ—для нуждъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства и Crédit mutuel—взаимный кредитъ, долженствовавшій удовлетворять потребность некапиталистическихъ предпріятій и домашняго хозяйства. Послѣднее изъ этихъ учрежденій не получило осуществленія, а первые два положили во Франціи начало промышленному и ипотечному кредиту.

По мысли своихъ основателей Crédit mobilier долженъ былъ быть банкомъ для выпуска цѣнныхъ бумагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупнымъ учрежденіемъ для патронированія желѣзныхъ дорогъ и вообще всякаго рода большихъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій. Банковскія операціи въ точномъ смыслѣ занимали второстепенное положеніе въ его дѣятельности.

Crédit mobilier просуществовалъ 10 лѣтъ и въ теченіе этого времени главенствовалъ надъ континентальными финансами. По словамъ Е. Кауфмана [1]), онъ оказалъ глубокое вліяніе на современные банки и содѣйствовалъ образованію въ Европѣ подобныхъ же учрежденій. Crédit mobilier былъ первымъ крупнымъ банкомъ, предпринявшимъ торговлю цѣнными бумагами на ряду съ обычными банковскими операціями. До его возникновенія крупные банкиры, какъ Ротшильдъ, пользовались фактической монополіей по выпуску бумагъ. Ихъ крупныя состоянія имѣли своимъ источникомъ оказаніе кредита государствамъ. Эти операціи состояли главнымъ образомъ въ отдачѣ денегъ въ займы, безъ выпуска облигацій и размѣщенія ихъ на рынкѣ. Напротивъ, торговля цѣнными бумагами (въ самомъ широкомъ смыслѣ) составляла смыслъ существованія Crédit mobilier.

Такова положительная сторона историческаго значенія банка, учрежденнаго братьями Перейра. Отрицательная сторона его дѣятельности состояла въ томъ, что бумаги, выпускавшіяся Crédit mobilier, и финансированныя имъ предпріятія далеко не всегда обладали должной солидностью. Въ оборотъ пускались бумаги, цѣна которыхъ была вздута рекламой и спекуляціей и рано или поздно должна была упасть, увлекая за собой и самыя предпріятія, а вмѣстѣ съ ними и имущества тѣхъ, которыя довѣрились Перейрамъ и ихъ учрежденію. Поэтому на Crédit mobilier ложится по крайней мѣрѣ часть отвѣтственности за экономическія потрясенія, испытанныя Франціей въ 50-хъ и 60-хъ гг. прошлаго столѣтія.

Исторія Crédit mobilier поучительна, какъ иллюстрація тѣхъ опасностей, которыя составляютъ обратную сторону медали въ дѣятельности учрежденій того же типа.

[1]) См. его статью въ Банковой Энциклопедіи: „Депозитные и финансовые банки во Франціи". Интересный очеркъ Crédit mobilier и вліянія этого учрежденія на развитіе банковаго дѣла въ Россіи даетъ Левинъ въ цит. сочиненіи.

Современные финансовые банки, основанные на томъ же принципѣ, что́ и Crédit mobilier Перейровъ, работаютъ, какъ общее правило, собственными капиталами или капиталами синдикатовъ капиталистовъ. Они занимаются преимущественно выпускомъ цѣнныхъ бумагъ и финансированіемъ предпріятій. Это крупныя кредитныя учрежденія съ большими собственными средствами. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько спеціализируются на финансированіи, что не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ публикѣ и принимаютъ вклады только отъ ими же основанныхъ и поддерживаемыхъ или близкихъ имъ по какимъ-либо причинамъ предпріятій. Другія, напротивъ, на ряду съ финансовой дѣятельностью производятъ и обычныя банковскія операціи.

§ 28. Учрежденія мелкаго кредита. Въ отличіе отъ крупнаго мелкій кредитъ обслуживаетъ домашнее (потребительное) хозяйство и предпріятія некапиталистическаго типа (см. выше).

Мелкій кредитъ бываетъ *потребительнымъ*, если онъ предназначенъ для удовлетворенія потребностей домашняго хозяйства, и *производительнымъ*, если его цѣлью служитъ воспособленіе производству въ широкомъ смыслѣ, т.-е. не только созданію новыхъ хозяйственныхъ цѣнностей, но и перемѣщенію ихъ въ пространствѣ съ помощью транспорта. Въ томъ и другомъ случаѣ мелкій кредитъ, соотвѣтственно природѣ всякаго кредита, снабжаетъ потребительныя и производительныя хозяйства недостающими имъ средствами, пользуясь для этого имуществами, ищущими приложенія на сторонѣ. По существу задача мелкаго кредита та же, что́ и крупнаго; но она выполняется въ другой области и, соотвѣтственно съ особенностями послѣдней, своеобразными способами.

Мелкій кредитъ, какъ показываетъ его исторія, служилъ, и нерѣдко служитъ и теперь, средствомъ для использованія кредиторомъ нужды должника въ цѣляхъ наживы. Этотъ видъ кредита называется *ростовщичествомъ* и получаетъ примѣненіе главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, въ области потребленія. Ростовщикъ стремится подъ видомъ помощи нуждающемуся въ средствахъ опутать свою жертву непосильными для нея обязательствами, чтобы выжать изъ нея всѣ соки и перевести къ себѣ по возможности все ея имущество. Ростовщическій кредитъ представляетъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ видовъ эксплоатаціи ближняго и въ рѣдкихъ случаяхъ не ведетъ къ полному разоренію заемщика.

Борьба съ ростовщичествомъ привела къ возникновенію учрежденій, стремящихся удовлетворить нужду въ мелкомъ кредитѣ на льготныхъ, благотворительныхъ началахъ. Этотъ видъ мелкаго кредита, являющійся въ противоположность ростовщическому *благотворительнымъ*, обязанъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ церкви, которая въ средніе вѣка предприняла энергичную борьбу съ ростовщичествомъ, составлявшимъ въ то время одну изъ злѣйшихъ язвъ народнаго быта (monti di pietá въ Италіи; monts de piété во Франціи).

Въ настоящее время признано, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ ростовщичествомъ является правильная организація мелкаго кредита на дѣловыхъ, а не благотворительныхъ началахъ. Такая организація требуетъ, чтобы пользованіе мелкимъ кредитомъ нуждающимися въ немъ, не служа источникомъ чьего-либо обогащенія, въ то же время полностью оплачивалась, т.-е. чтобы кредитъ оказывался за плату (%), которая покрывала бы расходы по управленію кредитнымъ учрежденіемъ и, сверхъ того, приносила бы умѣренную прибыль собственникамъ капитала, привлеченнаго для оказанія кредита.

Учрежденія мелкаго кредита бываютъ государственныя, муниципальныя (городскія и земскія), сословныя и кооперативныя.

Наиболѣе важное значеніе имѣютъ въ настоящее время послѣднія.

Учрежденія мелкаго кредита, основанныя на кооперативномъ началѣ, предполагаютъ, какъ непремѣнное условіе, непосредственное участіе въ нихъ заинтересованныхъ лицъ. Они построены на началахъ самопомощи, сотрудничества и самоуправленія. Кооперативное учрежденіе организуется и управляется тѣми, кто нуждается въ его услугахъ и заинтересованъ въ его существованіи.

Кооперативный кредитъ является по преимуществу *производительнымъ*. Ссуды на потребительныя цѣли допускаются только какъ исключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда поддержаніе заемщика этимъ путемъ необходимо въ интересахъ сохраненія его производительныхъ силъ. «Въ противоположность ростовщичеству,—говоритъ проф. Желѣзновъ,—кредитная кооперація приходитъ къ населенію съ совершенно иными цѣлями—не разоренія заемщиковъ, а подъема ихъ хозяйства, и не обогащенія кредиторовъ, а покрытія расходовъ по организаціи дѣла и полученія минимальной

прибыли на вложенные въ него капиталы. Оно вытѣсняетъ поэтому ростовщичество не только низкимъ процентомъ, но и широкимъ, удобнымъ и—что также имѣетъ огромное значеніе—*цѣлесообразнымъ* кредитомъ» [1]).

Отличительной чертой кооперативнаго кредита служитъ и то, что онъ основанъ на оцѣнкѣ производительной дѣятельности заемщика, а не на его имущественномъ положеніи. Въ то время какъ при всѣхъ другихъ видахъ кредита учитывается или общее имущественное положеніе заемщика, или представляемая имъ въ видѣ залога имущественная гарантія, т.-е. то, *что онъ имѣетъ*,—при кооперативномъ кредитѣ принимаются въ соображеніе производительныя силы и средства кредитующагося, т.-е. то, что онъ можетъ *выработать*, воспользовавшись кредитомъ. Кооперативный кредитъ предназначенъ для *трудящихся* и имѣетъ цѣлью поддержаніе трудового хозяйства путемъ снабженія его необходимыми средствами.

Сообразно преслѣдуемой цѣли, учрежденія кооперативнаго кредита оказываютъ кредитъ, принимая въ соображеніе назначеніе испрашиваемой ссуды, и затѣмъ по возможности контролируютъ ея употребленіе. Между тѣмъ учрежденія некооперативнаго типа обращаютъ вниманіе только на степень обезпеченности ссуды представленнымъ для ея полученія залогомъ и, за исключеніемъ мелліоративнаго кредита, относятся совершенно безразлично къ назначенію и дѣйствительному употребленію выданныхъ денегъ. «Основа правильнаго развитія кредитной кооперації въ деревнѣ,—замѣчаетъ проф. Желѣзновъ,—зиждется на добросовѣстномъ веденіи своего хозяйства заемщикомъ и на разумномъ употребленіи ссуды на ту именно цѣль, ради которой она была выдана».

Учрежденія кооперативнаго кредита по роду исполняемыхъ ими функцій раздѣляются: на 1) мѣстныя, или учрежденія 1-й степени, и 2) союзныя и центральныя, или учрежденія 2-й и 3-й степени [2]).

Мѣстныя учрежденія—кредитныя товарищества, непосредственно обслуживающія кредитомъ населеніе. Практика Германіи, гдѣ кредитная кооперація получила наибольшее развитіе, выработала

---

[1]) „Теорія мелкаго (кооперативнаго) кредита“ въ „Курсахъ по кооперації“, т. I. 1913. (Изд. унив. имени Шанявскаго).

[2]) Проф. А. Н. Анцыферовъ. „Современное положеніе кооперативнаго кредита въ странахъ Зап. Европы“ въ „Курсахъ по кооперації“. I.

два основныхъ типа кредитныхъ товариществъ, названныхъ по имени ихъ основателей, Шульце-Делича и Райффейзена. Первоначально товарищества этихъ двухъ типовъ сильно различались между собою, но теперь различія между ними въ значительной мѣрѣ сгладились.

Проф. Анцыферовъ характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

1) Шульце-деличская касса дѣйствуетъ въ средѣ смѣшаннаго по своему профессіональному составу, преимущественно городского населенія, въ то время, какъ райффейзенская обслуживаетъ кредитомъ сельское, по преимуществу сельскохозяйственное населеніе; 2) первая имѣетъ значительно большій районъ дѣйствія, тогда какъ вторая построена на строгомъ принципѣ «локализаціи», т.-е. ограничиваетъ свою дѣятельность предѣлами небольшого мѣстнаго района, главнымъ образомъ сельскаго прихода; 3) касса Шульце-Делича стремится создать собственный основной капиталъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ имѣетъ довольно крупные паевые взносы; касса Райффейзена, по мысли ея основателя, должна работать совсѣмъ безъ паевого капитала; но жизнь привела къ отступленію отъ этого правила, такъ что въ настоящее время всѣ товарищества обладаютъ паевымъ капиталомъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ предлагалъ Шульце-Деличъ, и всѣ оперируютъ преимущественно съ чужими капиталами [1]).

Операціи кредитныхъ товариществъ принадлежатъ къ типу банковскихъ операцій преимущественно, хотя и не исключительно, краткосрочнаго характера. На сторонѣ актива стоятъ ссуды и учетъ, а на сторонѣ пассива—собственный капиталъ, вклады и займы.

Учрежденія 2-й и 3-й степеней имѣютъ цѣлью производить «выравниваніе денежныхъ средствъ» между товариществами 1-й степени.

Накопленіе средствъ и требованіе кредита распредѣляются между мѣстными кассами очень неравномѣрно. Въ одной кассѣ накопляется значительная сумма вкладовъ при сравнительно незначительномъ спросѣ на кредитъ, такъ что часть денежныхъ средствъ остается безъ примѣненія; а въ другихъ происходитъ обратное: при

---

1) Обстоятельное изслѣдованіе исторіи учрежденій мелкаго кредита въ Германіи см. въ цит. выше книгѣ проф. В. А. Косинскаго.

усиленномъ требованіи кредита притокъ средствъ оказывается недостаточнымъ.

Союзныя учрежденія кооперативнаго кредита выравниваютъ положеніе мѣстныхъ союзовъ въ указанномъ отношеніи. Они, съ одной стороны, принимаютъ вклады отъ мѣстныхъ товариществъ, а съ другой—кредитуютъ ихъ. Такимъ образомъ товарищества, обладающія излишкомъ денежныхъ средствъ, не находящихъ помѣщенія на мѣстѣ, передаютъ свои излишки союзнымъ кассамъ въ видѣ вкладовъ, а товарищества, имѣющія нужду въ средствахъ, получаютъ ссуды отъ союзныхъ кассъ.

Въ Россіи учрежденіями мелкаго кредита являются ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества. Существеннымъ признакомъ первыхъ является то, что ихъ основной капиталъ образуется главнымъ образомъ изъ паевъ, принадлежащихъ самимъ участникамъ.

Для основанія кредитнаго товарищества этого не требуется. Оно можетъ получить сумму, необходимую для основного капитала, въ видѣ ссуды со стороны, за круговой отвѣтственностью своихъ членовъ.

Такова роль учрежденій 2 степени. Они не занимаются непосредственно кредитованіемъ населенія, а имѣютъ дѣло только съ товариществами, т.-е. учрежденіями 1-й степени, входящими въ ихъ составъ въ качествѣ членовъ.

Но и союзныя кассы дѣйствуютъ въ предѣлахъ районовъ, хотя и болѣе значительныхъ, чѣмъ районы, обслуживаемые мѣстными товариществами, но все же ограниченныхъ. Поэтому и онѣ испытываютъ тѣ же неудобства отъ неравномѣрнаго накопленія и расходованія средствъ, отъ которыхъ страдаютъ мѣстныя товарищества. Для устраненія этихъ неудобствъ образуются учрежденія 3-й степени—центральныя кассы.

Имѣя дѣло уже не съ отдѣльными товариществами, а съ союзами ихъ, центральныя кассы производятъ выравниваніе денежныхъ средствъ между ними.

Учрежденія 2-й и 3-й степеней исполняютъ еще одно важное назначеніе. Отдѣльнымъ товариществамъ, имѣющимъ только мѣстное значеніе, располагающимъ обыкновенно скромными средствами и состоящимъ изъ людей, извѣстныхъ только въ своей округѣ, совершенно невозможно пользоваться кредитомъ въ крупныхъ бан-

кахъ. Другое дѣло союзныя и въ особенности центральныя учрежденія, представляющія уже крупныя хозяйственныя единицы съ большими оборотами. Имъ охотно открываютъ кредитъ крупныя кредитныя учрежденія страны, и этимъ путемъ кооперація получаетъ возможность черпать средства для кредитованія населенія изъ резервуаровъ, гдѣ сосредоточивается главная масса свободныхъ денежныхъ средствъ. Мелкій кооперативный кредитъ связывается такимъ образомъ съ кредитной системой страны.

Среднее положеніе между кредитными товариществами кооперативнаго типа и коммерческими банками занимаютъ кредитныя учрежденія, обслуживающія населеніе средняго достатка, преимущественно городское.

Таковы у насъ въ Россіи *Общества взаимнаго кредита* и *Городскіе Общественные Банки*. Капиталы первыхъ составляются изъ взносовъ ихъ членовъ, а вторыхъ изъ ассигнованій городскихъ управленій; но главнымъ источникомъ средствъ, которыми оперируютъ банки этого типа, являются вклады. Что касается активныхъ операцій, то тѣ и другіе производятъ обычныя операціи коммерческихъ банковъ, а городскіе банки оказываютъ также и долгосрочный ипотечный кредитъ.

Государство, общественныя управленія (земства и города) и сословія, съ своей стороны, также идутъ навстрѣчу потребности въ мелкомъ кредитѣ. Съ этой цѣлью они устраиваютъ отъ себя соотвѣтствующія учрежденія и оказываютъ поддержку учрежденіямъ кооперативнаго типа. Наконецъ, учрежденія мелкаго кредита устраиваются и по частной иниціативѣ, на акціонерныхъ началахъ или на личныя средства индивидуальныхъ предпринимателей.

Здѣсь слѣдуетъ прежде всего упомянуть объ учрежденіяхъ, именуемыхъ *ломбардами*. Ихъ назначеніе состоитъ въ выдачѣ небольшихъ сравнительно ссудъ подъ залогъ движимости. Исторически они возникли изъ упомянутыхъ уже выше благотворительныхъ учрежденій, образовавшихся въ западной Европѣ по иниціативѣ церкви. Но въ настоящее время ломбарды имѣютъ характеръ правительственныхъ, общественныхъ или частныхъ учрежденій, устроенныхъ на коммерческихъ началахъ.

У насъ въ Россіи правительственные ломбарды возникли въ обѣихъ столицахъ при Екатеринѣ II подъ названіемъ *ссудныхъ*

казенъ. Съ конца 1860 гг. образовались частныя общества для заклада движимыхъ имуществъ, а съ 1880-хъ гг., возникли городскіе ломбарды, которыхъ на 1 января 1914 г. было 105. Ссудныхъ казенъ по прежнему осталось 2, а акціонерныхъ обществъ для заклада движимости было 18.

Кромѣ того, государство оказываетъ денежное содѣйствіе учрежденіямъ мелкаго кредита. У насъ это содѣйствіе выражается: 1) въ видѣ выдачи ссудъ въ основные капиталы учрежденіямъ мелкаго кредита, и 2) въ видѣ снабженія дѣйствующихъ учрежденій краткосрочными кредитами.

Очень важную роль въ развитіи мелкаго кредита играетъ земство. Такъ же какъ государство, оно устраиваетъ свои учрежденія мелкаго кредита, напр., Кустарный Банкъ пермскаго земства, и различными способами (денежными субсидіями и организаціонной помощью) оказываетъ содѣйствіе кредитной кооперації. Въ концѣ 60-хъ гг. наши земства вступили на путь содѣйствія ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, выдавая имъ ссуды и помогая имъ въ дѣлѣ организаціи. Затѣмъ наступаетъ періодъ охлажденія земствъ къ этой формѣ мелкаго кредита и отчасти къ кредитной кооперації вообще. Но послѣ изданія закона 7 іюня 1904 г. земская дѣятельность въ этой области получила новый толчекъ. Въ центрѣ этой дѣятельности обычно стоятъ земскія кассы мелкаго кредита, являющіяся органами содѣйствія земства кооперативному дѣлу и кооперативными банками, объединяющими кооперативы [1]).

Наконецъ, что касается сословныхъ учрежденій мелкаго кредита, то у насъ таковыми являются крестьянскія общественныя учрежденія мелкаго кредита, создавшіеся въ разное время для разныхъ группъ населенія. Таковы—сельскіе банки, ссудныя кассы, сиротскія кассы, мірскіе капиталы, гминныя кассы и возникшія по закону 1904 г. общественныя ссудосберегательныя кассы.

Къ учрежденіямъ мелкаго кредита примыкаютъ также *сберегательныя кассы*. Ихъ прямое назначеніе заключается въ пріемѣ вкладовъ для приращенія изъ процентовъ, въ видахъ доставленія населенію способовъ къ накопленію сбереженій.

Такъ опредѣляетъ задачу сберегательныхъ кассъ нашъ законъ

---

[1]) См. статью В. В. Хижнякова „Кооперація и земство“ въ Новомъ Словарѣ Брокгауза.

согласно съ общепринятымъ взглядомъ на цѣли и назначенія этихъ учрежденій. Сберегательныя кассы бываютъ государственныя, коммунальныя и частныя. Привлекая мелкіе вклады, сберегательныя кассы собираютъ ихъ въ крупныя денежныя массы, или капиталы, на которыя пріобрѣтаются ими въ интересахъ вкладчиковъ процентныя бумаги. Кромѣ того, сберегательныя кассы производятъ въ нѣкоторыхъ странахъ и кредитныя операціи активнаго характера: учитываютъ векселя и выдаютъ ссуды. Наряду съ вкладами сберегательныя кассы открываютъ и текущіе счета и занимаются чековой операціей (Австрія, Японія, Германія, Бельгія).

Наконецъ, необходимо отмѣтить роль *почтовыхъ учрежденій* въ денежно-кредитномъ оборотѣ, особенно въ интересахъ тѣхъ слоевъ населенія, которые обслуживаются учрежденіями мелкаго кредита. Почтовыя учрежденія производятъ денежные переводы. Эта операція состоитъ въ томъ, что лицо, желающее переслать какую-нибудь денежную сумму въ другое мѣсто внутри страны или заграницей, вноситъ деньги въ почтовое учрежденіе въ мѣстѣ своего жительства, а почта за опредѣленное вознагражденіе беретъ на себя выплату соотвѣтствующей суммы адресату черезъ почтовое учрежденіе по мѣсту его жительства. Кромѣ того, почтовыя учрежденія въ нѣкоторыхъ странахъ (Англія, Франція) продаютъ «почтовые боны» на небольшія суммы (приблизительно до 10 руб.), которыя могутъ пересылаться въ простыхъ письмахъ вмѣсто денегъ. Эти боны часто исполняютъ въ мелкомъ оборотѣ функціи платежнаго средства. Почтовыя учрежденія такъ же принимаютъ на себя порученія по полученію уплатъ, слѣдуемыхъ обращающимся къ нимъ лицамъ и даже акцепта векселей (Германія). Наконецъ, почтовыя учрежденія выполняютъ функціи сберегательныхъ кассъ.

§ 28. Значеніе кредита. Въ экономической литературѣ неоднократно высказывались мнѣнія, преувеличенно оцѣнивавшія значеніе кредита въ народномъ хозяйствѣ. Нѣкоторые (напр., англійскій экономистъ Маклёдъ) видѣли въ кредитѣ силу, творящую капиталъ, другіе полагали, что съ помощью кредита используются въ настоящемъ цѣнности, имѣющія еще возникнуть въ будущемъ, такъ что черезъ кредитъ происходитъ «антиципація» цѣнностей (Книсъ).

Такіе взгляды основаны на неправильномъ понятіи кредита, вы-

ступающаго въ подобныхъ представленіяхъ какой-то таинственной силой, творящей цѣнности изъ ничего или осуществляющей въ настоящемъ то, что принадлежитъ будущему и чего, слѣдов., еще не существуетъ [1]).

Въ дѣйствительности въ кредитѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Онъ не создаетъ ничего новаго и относится исключительно къ существующему, а не къ тому, что только должно еще осуществиться. Тѣмъ не менѣе кредитъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ, какъ въ отношеніи производства, такъ и въ отношеніи потребленія. Это значеніе таково.

При существующемъ экономическомъ строѣ частные капиталы составляютъ въ юридическомъ отношеніи имущества отдѣльныхъ субъектовъ права собственности; но обладаніе имуществомъ не всегда совпадаетъ съ условіями, наличность которыхъ требуется для того, чтобы оно было использовано въ цѣляхъ производства. У собственника имущества, являющагося въ экономическомъ отношеніи капиталомъ, нерѣдко нѣтъ ни желанія, ни умѣнія дать ему производительное примѣненіе. Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ передать имущество—капиталъ, не находящее себѣ приложенія въ хозяйствѣ его собственника, въ другое хозяйство, гдѣ оно можетъ встрѣтить условія, необходимыя для производительнаго использованія. Кредитъ является здѣсь коррективомъ къ частнохозяйственной основѣ существующаго экономическаго строя.

При производствѣ для продажи капиталъ производящаго хозяйства получаетъ въ концѣ производственнаго цикла товарную форму и возвращается въ денежную лишь послѣ того, какъ произведенный товаръ проданъ. Лишь тогда, когда товаръ обращенъ въ деньги, заключенная въ этомъ товарѣ цѣнность можетъ быть снова употреблена въ качествѣ капитала въ производствѣ: на покупку сырого матеріала, орудій труда и т. п. При отсутствіи кредита производителю пришлось бы ожидать продажи товара для того, чтобы снова пустить въ оборотъ использованный капиталъ. Кредитъ даетъ возможность сдѣлать это раньше. Необходимые элементы производства, сырье, орудія и пр., могутъ быть куплены *въ кредитъ* раньше, чѣмъ проданъ товаръ; сдѣланный же долгъ по-

[1]) Подробное изложеніе и критику ошибочныхъ ученій о значеніи кредита см. у Косинскаго.

гашается затѣмъ изъ суммы, вырученной отъ продажи товара. Такимъ образомъ, капиталъ, существующій въ товарной формѣ, вновь получаетъ примѣненіе въ производствѣ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ обратиться въ деньги. Благодаря кредиту обезпечивается болѣе полное использованіе капитала, потому что время, въ теченіе котораго капиталъ бездѣйствуетъ въ ожиданіи продажи товара, сокращается до минимума; другими словами, быстрота оборота капитала благодаря кредиту увеличивается.

Потребность предпріятій въ капиталѣ колеблется въ зависимости отъ спроса на продукты производства или другія функціи, выполняемыя предпріятіемъ. Кредитъ служитъ средствомъ своевременнаго удовлетворенія усиленныхъ требованій на капиталъ со стороны предпріятій при расширяющемся спросѣ на продукты. Онъ сообщаетъ капиталу предпріятія эластичность, безъ которой размѣры производства не могли бы своевременно приспособляться къ потребностямъ рынка.

Накопленіе капиталовъ сильно облегчается кредитомъ. Привлекая мелкіе вклады, кредитныя учрежденія собираютъ у себя большія количества цѣнностей, составляющія крупные капиталы. Дѣятельность накопленія имѣетъ въ кредитѣ могущественнаго возбудителя.

Наконецъ, значеніе кредита для потребленія выражается въ томъ, что онъ восполняетъ временный недостатокъ средствъ, требуемыхъ для покрытія потребностей хозяйства, и даетъ возможность удовлетворять не терпящія отлагательства потребности за счетъ будущихъ доходовъ.

ГЛАВА III.

Рынокъ.

§ 29. Понятіе и виды рынковъ. Мѣновыя сдѣлки могутъ совершаться во многихъ пунктахъ, разбросанныхъ на извѣстной территоріи, или же сосредоточиваться въ одномъ или нѣсколькихъ спеціально для этого предназначенныхъ мѣстахъ. Такія мѣста называются *рынками*.

Это названіе переносится и на цѣлую совокупность пунктовъ, гдѣ производится какой-нибудь торгъ. Такой смыслъ придается, на-

примѣръ, выраженію: «Москва — крупный мануфактурный рынокъ». Въ подобныхъ выраженіяхъ подъ рынками разумѣютъ не какой-либо опредѣленный пунктъ, гдѣ производятся всѣ сдѣлки съ мануфактурой или другимъ товаромъ, а всѣ отдѣльныя мѣста продажи этихъ товаровъ, находящіяся въ Москвѣ или на другой какой-либо территоріи, разсматриваемыя какъ одно цѣлое.

Рынки въ первомъ изъ указанныхъ смысловъ раздѣляются въ отношеніи времени, когда они происходятъ, на *постоянные* и *періодическіе*. Къ первой категоріи относятся: ежедневные и еженедѣльные рынки и базары, ко второй—годовые рынки, или ярмарки.

Въ отношеніи объектовъ торга рынки бываютъ *общіе*, на которыхъ торгуютъ разнообразными товарами, и *спеціальные*, гдѣ торгуютъ только товарами опредѣленнаго рода — хлопкомъ, шерстью, хлѣбомъ и т. п.

§ 30. **Биржа.** Спеціальнымъ видомъ рынка являются *биржи* [1]). Биржевой торгъ совершается регулярно въ опредѣленныхъ мѣстахъ и согласно извѣстнымъ правиламъ, установленнымъ обычаями или закономъ; объектами же торга могутъ служить только предметы извѣстныхъ категорій. Это именно такіе предметы, которые могутъ быть разбиты на группы по типамъ или сортамъ, при чемъ въ предѣлахъ послѣднихъ однѣ единицы могутъ быть замѣнены другими. Таковъ, напримѣръ, хлѣбъ въ зернѣ. Онъ допускаетъ классификацію на сорта, и въ предѣлахъ отдѣльнаго сорта одна четверть зерна вполнѣ равнозначаща другой. Покупая четверть пшеницы даннаго сорта, мы покупаемъ не какую-либо опредѣленную, а любую четверть зерна того сорта, на который указано при заключеніи сдѣлки. То же самое относится и къ цѣлому ряду другихъ товаровъ, допускающихъ классификацію по сортамъ; таковы хлопокъ, шерсть, кофе и проч.

Такъ какъ сдѣлки съ такими товарами совершаются не на конкретныя, а на родовыя единицы, то извѣстная степень выработанности классификаціи и точность номенклатуры по отношенію къ подобнымъ товарамъ являются обязательными.

---

[1]) Банковая Энциклопедія. Томъ II. Биржа. 1916; цит. выше курсъ Е. М. Эпштейна; „Русскій биржевой ежегодникъ“ подъ ред. М. И. Боголѣпова: Русскія биржевыя цѣнности 1914—15 гг. (Полезно для общаго ознакомленія съ биржей и денежнымъ рынкомъ).

Практика стремится къ этой цѣли, устанавливая для товаровъ этого рода иногда очень детальную классификацію. Напримѣръ, хлопокъ принято классифицировать по происхожденію, по сортамъ и по качеству.

Особенно подходящими объектами биржевого торга являются цѣнныя бумаги и денежные знаки, такъ какъ каждый экземпляръ этихъ товаровъ въ предѣлахъ извѣстнаго сорта или разряда вполнѣ замѣнимъ другимъ. Каждый листъ 4% государственной ренты можетъ быть замѣненъ другимъ листомъ; отдѣльныя пятирублевыя золотыя монеты, конечно, если онѣ полноцѣнны, лишены индивидуальныхъ качествъ, которыя дѣлали бы одну монету предпочтительнѣе передъ другой. Поэтому, заключая сдѣлку на поставку сотни листовъ 4% государственной ренты, контрагентъ не требуетъ опредѣленныхъ экземпляровъ купленной имъ бумаги, а лишь опредѣленное число ихъ. Тоже относится и къ золотымъ монетамъ.

Биржи, на которыхъ производятся сдѣлки съ товарами, называются *товарными*, а тѣ, на которыхъ производятся сдѣлки съ цѣнными бумагами,—*фондовыми*. Биржи той и другой категоріи различаются по спеціальностямъ. Въ Ливерпулѣ, напримѣръ, существуетъ 3 товарныхъ биржи: хлѣбная (Corn Trade Association), животныхъ продуктовъ (Provision Trade Association) и хлопковая (Cotton Exchange). Въ Лондонѣ до 15 биржевыхъ ассоціацій. Даже торговля фондами раздѣляется въ Лондонѣ на двѣ спеціальности: биржа иностранныхъ фондовъ (Royal Exchange) и биржа для всѣхъ остальныхъ фондовъ (Stock Exchange).

Къ концу 1912 г. въ различныхъ государствахъ міра находилось въ обращеніи цѣнныхъ бумагъ на колоссальную сумму 850 милліардовъ франковъ. На отдѣльныя страны изъ этой суммы приходилось:

на Англію	150	милліардовъ фр.
„ Соед. Штаты	140	„ „
„ Францію	115	„ „
„ Германію	110	„ „
„ Россію	35	„ „

§ 31. Устройство биржи. Биржи представляютъ учрежденія очень давняго происхожденія. Еще въ древнемъ Римѣ происходили регулярныя собранія торговыхъ дѣятелей, напоминавшія наши биржи. Подобныя же собранія имѣли мѣсто и въ средніе вѣка. Самое названіе биржи произошло отъ имени площади въ городѣ Брюгге—

De Burse, на которой регулярно собирались дѣльцы для обсужденія своихъ дѣлъ и совершенія сдѣлокъ. Въ Парижѣ биржа существовала уже въ 14 в.; въ Лондонѣ она основана въ 1556 г., въ Гамбургѣ—въ 1558 г.

Важное значеніе пріобрѣли биржи уже въ 17 и 18 вѣкахъ съ развитіемъ обмѣна; но только въ 19 вѣкѣ, при расцвѣтѣ промышленности и торговли и широкомъ распространеніи кредитныхъ сдѣлокъ, биржи заняли мѣсто одного изъ важнѣйшихъ факторовъ экономической жизни. Въ Россіи биржи возникли въ XVIII вѣкѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

По своему устройству биржи принадлежатъ къ двумъ различнымъ типамъ. Однѣ являются частными учрежденіями и организованы какъ свободныя ассоціаціи. Возникновеніе ихъ не обусловлено разрѣшеніемъ правительственной власти и дѣятельность ихъ не подчинена особому контролю государства; она регулируется правилами, которыя устанавливаются автономно самой ассоціаціей. Къ этому типу принадлежатъ англійскія и американскія биржи. На иныхъ началахъ устроены биржи въ государствахъ континентальной Европы. Биржи этого типа въ большей или меньшей степени подчинены контролю государственной власти на основаніи особыхъ законовъ, которыми устанавливаются главныя основанія ихъ дѣятельности и предѣлы ихъ самоуправленія.

На всѣхъ биржахъ, къ какому бы типу онѣ ни принадлежали, существуютъ выборные органы, управляющіе биржей на основаніи дѣйствующихъ правилъ. Кромѣ того, существуютъ должностныя лица, называемыя маклерами. Они являются посредниками по совершенію сдѣлокъ и въ то же время большею частью исполняютъ обязанности нотаріусовъ, регистрирующихъ и оформливающихъ сдѣлки. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ биржа носитъ характеръ полуоффиціальнаго учрежденія, подчиненнаго контролю государственной власти, институтъ маклеровъ также регламентированъ.

Что касается круга лицъ, могущихъ участвовать въ биржевомъ торгѣ, то и онъ различно опредѣляется законодательствами отдѣльныхъ государствъ и правилами биржъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ странахъ, гдѣ биржи являются совершенно частными самоуправляющимися учрежденіями, доступъ къ участію въ биржевомъ торгѣ, обставленъ гораздо болѣе ограничительными правилами, чѣмъ на биржахъ, подчиненныхъ государственному контролю.

Лица, допущенныя къ участію въ биржевомъ торгѣ, составляютъ *биржевое общество*.

Не всякая цѣнная бумага можетъ служить предметомъ сдѣлки на фондовой биржѣ. Допущеніе бумаги къ обращенію на биржѣ называется *котировкой*, такъ что предметами биржевого торга могутъ служить только цѣнныя бумаги, котирующіяся на биржѣ. Допущеніе бумагъ къ котировкѣ разрѣшается органами управленія биржи или особыми котировочными комиссіями.

Цѣны биржевыхъ бумагъ называются ихъ *курсомъ*. Колебанія курса, происходящія въ короткіе промежутки времени, иногда по нѣсколько разъ въ теченіе одного дня, зависятъ непосредственно отъ измѣняющихся соотношеній между спросомъ и предложеніемъ.

Колебанія курса бумагъ, происходящія въ теченіе биржевого дня, служатъ основаніемъ для свѣдѣній, ежедневно публикуемыхъ въ формѣ *биржевыхъ бюллетеней*. Послѣднія составляются особыми комиссіями на основаніи свѣдѣній о цѣнахъ, по которымъ совершены были сдѣлки въ теченіе дня.

Когда биржевой курсъ совпадаетъ съ нарицательной цѣной бумаги, говорятъ, что бумага стоитъ al pari; въ противномъ случаѣ употребляются выраженія—ниже или выше al pari, или ниже или выше паритета.

На ряду съ офиціальными биржами обыкновенно существуютъ неофиціальныя, руководящіяся собственными правилами и обычаями. Онѣ извѣстны подъ названіемъ «кулиссы» отъ слова «coulisse», обозначающаго на парижской биржѣ частныхъ маклеровъ въ отличіе отъ офиціальныхъ, составляющихъ учрежденную закономъ коллегію подъ именемъ «parquet». Кулисса исполняетъ функціи посредничества и агентуры и ведетъ операціи съ бумагами, не допущенными (не котирующимися) на биржѣ.

§ 32. Биржевыя сдѣлки. Биржевыя сдѣлки раздѣляются на три категоріи. Къ первой принадлежатъ *сдѣлки на наличныя*, отличающіяся отъ обыкновенныхъ торговыхъ сдѣлокъ только тѣмъ, что платежъ по нимъ производится *не на биржѣ, а внѣ ея черезъ 2—3 дня*. Ко второй категоріи относятся сдѣлки, вытекающія изъ различія цѣнъ на одни и тѣ же предметы въ разныхъ мѣстахъ (*арбитражъ*). Наконецъ, третью группу составляютъ сдѣлки, вытекающія изъ разницы въ цѣнахъ на одни и тѣ же предметы въ разное время (*сдѣлки на срокъ*). Лица, вступающія въ

сдѣлки, обусловленныя *предвидѣніемъ* движенія цѣнъ на интересующіе ихъ товары или бумаги, *спекулируютъ*. Поэтому производство такихъ сдѣлокъ называется *спекуляціей*, а участвующіе въ нихъ—*спекулянтами*.

1. Сдѣлки на наличныя. Это такія сдѣлки, заключеніе и выполненіе которыхъ отдѣляются очень краткимъ срокомъ. Сдѣлки этой категоріи обозначаются также особенными терминами: такъ, на нѣмецкихъ биржахъ сдѣлки «per morgen» должны быть выполнены въ ближайшій биржевой день; «per einige Tage Lieferung»—черезъ нѣсколько дней; напр., въ Вѣнѣ и Франкфуртѣ черезъ 5.

2. Арбитражъ. Подъ арбитражемъ (отъ лат. arbitrari) разумѣютъ операціи, основанныя на использованіи наиболѣе выгоднымъ способомъ разницы въ цѣнахъ на опредѣленный товаръ, «бумагу» или денежные знаки («валюту»), существующихъ въ извѣстный моментъ на разныхъ рынкахъ. Лицо, занимающееся арбитражемъ (*арбитражеръ*) покупаетъ товаръ, вексель, биржевую бумагу и т. д. на томъ рынкѣ, гдѣ цѣна или курсъ на эти предметы сравнительно ниже, и *одновременно* продаетъ ихъ тамъ, гдѣ за нихъ платятъ дороже. Арбитражъ имѣетъ особенно важное значеніе въ области международнаго обмѣна, о чемъ подробно будетъ сказано ниже.

3. Сдѣлки на срокъ. Эти сдѣлки, какъ показываетъ ихъ названіе, отличаются тѣмъ, что выполненіе ихъ (*ликвидація*) слѣдуетъ въ опредѣленный срокъ, установленный при заключеніи сдѣлки. Обыкновенно сроками выполненія сдѣлокъ этой категоріи бываютъ одинъ изъ послѣднихъ дней текущаго или одного изъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, или день, совпадающій съ серединой мѣсяца. Сдѣлки, заключаемыя на первый изъ этихъ сроковъ, носятъ названіе сдѣлокъ «per ultimo», а на второй—«per medio». На нѣмецкихъ биржахъ болѣе распространенъ срокъ ultimo, а на французскихъ и англійскихъ—medio.

Участвующіе въ сдѣлкахъ на срокъ всегда исходятъ въ своихъ расчетахъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія: одна сторона разсчитываетъ, что ко времени ликвидаціи сдѣлки цѣна повысится, а другая—что она упадетъ. Одни спекулируютъ на повышеніе, другіе—на пониженіе. Спекулянты обѣихъ категорій носятъ на нѣкоторыхъ биржахъ особыя названія: спекулирующихъ на повы-

шеніе (à la hausse) называютъ во Франціи «mineur», въ Англіи—bull (быкъ); спекулирующихъ на пониженіе (à la baisse)—contre-mineur и bear (медвѣдь).

Сдѣлки на срокъ играютъ очень важную роль въ биржевомъ торгѣ, причемъ объектами спекуляціи служатъ различные предметы на разныхъ биржахъ. Въ этомъ отношеніи наблюдается извѣстная спеціализація биржъ и торговыхъ мѣстъ. Напримѣръ, во Франціи значительное развитіе получили сдѣлки на срокъ съ цѣнными бумагами въ Парижѣ, Бордо, Ліонѣ и Марселѣ; что же касается товаровъ, то въ Гаврѣ ведется торговля на срокъ съ кофе, хлопкомъ и шерстью, въ Лиллѣ—съ сахаромъ и алкоголемъ, въ Рубэ и Туркоэнѣ—съ шерстью, въ Парижѣ съ сахаромъ, спиртомъ, масломъ и хлѣбомъ. То же самое и въ другихъ странахъ.

Сдѣлки на срокъ могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не завершаться переходомъ отъ продавца къ покупщику проданнаго товара или биржевой цѣнности. Независимо отъ того, что такой исходъ можетъ быть выговоренъ заранѣе, при заключеніи сдѣлки, и обставленъ уплатой преміи въ видѣ неустойки, его наступленіе возможно и по соглашенію между контрагентами. Чѣмъ бы однако онъ ни былъ вызванъ, сдѣлка на срокъ, не завершающаяся движеніемъ товара или биржевой цѣнности, пріобрѣтаетъ характеръ *сдѣлки на разницу*. Нерѣдко основаніемъ для возникновенія такихъ сдѣлокъ служитъ реальная сдѣлка купли-продажи, заключенная на срокъ съ добросовѣстнымъ намѣреніемъ ликвидировать ее согласно договору. Но не менѣе часто сдѣлки на разницу вытекаютъ изъ операцій, которыя только съ внѣшней стороны представляютъ собою реальныя сдѣлки, въ дѣйствительности же по мысли контрагентовъ съ самаго начала не носятъ реальнаго характера. Сдѣлки на разницу въ чистомъ видѣ служатъ главнымъ средствомъ для веденія биржевой игры.

§ 33. Биржевая игра (ажіотажъ). Биржа, являясь рынкомъ для совершенія сдѣлокъ, обусловливаемыхъ движеніемъ товаровъ и другихъ цѣнностей, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ поприщемъ для дѣятельности, не имѣющей ничего общаго съ коммерціей. Наряду съ сдѣлками, связанными съ движеніемъ цѣнностей въ мѣновомъ оборотѣ, на биржѣ ведется азартная игра, вызываемая страстью къ легкой наживѣ (*ажіотажъ*). Главнымъ орудіемъ биржевой игры служатъ *сдѣлки на разность*. Контрагенты, за-

ключая подобную сдѣлку, совсѣмъ не имѣютъ въ виду дѣйствительно продать и купить товаръ или цѣнность, служащіе объектами сдѣлки. Очень часто у нихъ даже нѣтъ и средствъ, требуемыхъ для исполненія сдѣлки. Продавецъ и покупатель интересуются исключительно колебаніями цѣны на предметъ сдѣлки, и отъ того, на какомъ уровнѣ установится цѣна къ сроку выполненія договора, зависитъ, кто изъ нихъ потеряетъ или выиграетъ и сколько. Когда наступитъ срокъ, продавецъ не представитъ бумаги, которую онъ продалъ, а покупатель не потребуетъ ея. Если курсъ бумаги окажется выше цѣны, по которой продавецъ обязался доставить бумагу покупателю, то очевидно, что продавецъ долженъ потерпѣть убытокъ, равный разницѣ между курсомъ и выговоренной цѣной; эту разницу онъ и заплатитъ покупателю. При обратномъ положеніи—если курсъ въ день ликвидаціи сдѣлки окажется ниже выговореннаго, убытокъ будетъ на сторонѣ покупателя, и величина убытка также будетъ равна разницѣ между курсомъ дня и выговоренной цѣной. Эту разницу покупатель и уплатитъ продавцу.

При большой игрѣ даже незначительныя колебанія курса могутъ привести къ очень большимъ потерямъ для однихъ и крупному выигрышу для другихъ. Но самое прискорбное не то, что биржевые дѣятели вступаютъ между собою въ сдѣлки азартнаго характера. Если бы биржевая игра ограничивалась кругомъ биржевиковъ и была только слѣдствіемъ колебанія курсовъ, а не являлась бы также одной изъ причинъ этого явленія, съ нею еще можно было бы примириться. Въ дѣйствительности однако это не такъ: спекулянты, ведущіе игру, не ограничиваются извлеченіемъ выгодъ изъ событій, совершающихся на биржѣ независимо отъ нихъ; они стремятся повліять на самый ходъ событій въ благопріятномъ для нихъ направленіи. Спекулирующіе на повышеніе употребляютъ усилія, чтобы вызвать желательный для нихъ подъемъ курсовъ, а играющіе на пониженіе дѣйствуютъ для полученія обратнаго результата. Стремленія спекулянтовъ повліять на движеніе курсовъ связаны съ величайшими злоупотребленіями. Для достиженія своихъ цѣлей они не останавливаются ни передъ чѣмъ: распускаютъ ложные слухи, могущіе повліять на цѣны, вводятъ въ заблужденіе публику, сообщая ей невѣрныя свѣдѣнія о доходности тѣхъ или другихъ бумагъ (акцій), устраиваютъ искусственный спросъ на тѣ

цѣнности, курсъ которыхъ желаютъ поднять, и т. п. Отъ такихъ маневровъ страдаютъ, конечно, не только игроки, но и люди, добросовѣстно вступающіе въ коммерческія сдѣлки, объектомъ которыхъ служатъ цѣнности, избранныя игроками для своихъ операцій; страдаетъ также, и обыкновенно всего сильнѣе, легковѣрная публика, которую спекулянты втягиваютъ въ биржевую игру для того, чтобы выманить у нея деньги. Когда идетъ игра на повышеніе, биржевые дѣльцы соблазняютъ неопытныхъ людей покупать бумаги, курсъ которыхъ повышается, изображая имъ заманчивыя перспективы дальнѣйшаго повышенія и крупные барыши, которыхъ можетъ ожидать счастливый обладатель такой бумаги, если онъ поспѣшитъ купить ее, пока цѣна не достигла высшаго предѣла. Люди, склонные къ легкой наживѣ, легко поддаются соблазну: дѣйствительно, сначала цѣна бумаги быстро идетъ вверхъ, иногда скачками въ нѣсколько десятковъ процентовъ въ день. За сутки можно нажить крупную сумму, не ударивъ палецъ о палецъ; и чѣмъ скорѣе бумага будетъ пріобрѣтена, тѣмъ больше окажется и выигрышъ; напротивъ, каждый день промедленія приноситъ крупный убытокъ. Бумага, воспѣтая спекулянтомъ, пріобрѣтается, и ея обладатель съ каждымъ днемъ быстро богатѣетъ, потому что повышательное движеніе продолжается.

Въ это время спекулянтъ спѣшитъ обдѣлать свои дѣла. Онъ получилъ комиссіонный процентъ на бумаги, которыя ему удалось продать, но кромѣ того онъ и самъ участвуетъ въ игрѣ: въ то время, когда курсы были еще низки, онъ запасся цѣнностями или купилъ ихъ на срокъ по дешевой цѣнѣ, и теперь, когда курсъ достигъ, по его расчетамъ, высшаго предѣла, спѣшитъ во-время сбыть ихъ съ рукъ. Когда продажи спекулянтовъ становятся болѣе или менѣе значительными, повышательное движеніе курсовъ останавливается и начинается движеніе внизъ. Тогда и обладатели бумагъ изъ публики, непосвященной въ биржевые маневры, начинаютъ замѣчать, что положеніе мѣняется: курсъ не только не повышается, но падаетъ. Начинается стремленіе сбыть бумаги, обладаніе которыми сопряжено теперь съ потерями, возрастающими съ каждымъ днемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ это стремленіе усиливается, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче падаетъ курсъ. Въ публикѣ начинается паника: всѣ хотятъ продать, а покупателей нѣтъ. Люди, недавно нажившіе въ нѣсколько дней десятки или сотни тысячъ, не

только теряютъ то, что нажили, но лишаются даже того, что имѣли раньше. Вчерашніе богачи становятся нищими.

Очень важное значеніе въ развитіи биржевой игры имѣютъ спекулятивные банки и банкирскія конторы, вовлекающіе публику въ биржевую спекуляцію путемъ оказанія кредита на покупку цѣнностей. Съ этой цѣлью конторы подобнаго типа продаютъ цѣнныя бумаги съ уплатой покупателемъ лишь небольшой части покупной цѣны съ тѣмъ, что купленная бумага остается заложенной у банка въ остальной суммѣ, и покупатель въ случаѣ пониженія курса обязывается выкупить залогъ или произвести соотвѣтствующую доплату для уменьшенія ссуды.

Держатели биржевыхъ цѣнностей на такихъ условіяхъ первые падаютъ жертвами пониженія курса, когда начинается реакція послѣ искусственнаго подъема: какъ только обнаруживается понижательное движеніе и цѣны на бумаги падаютъ, банкиры требуютъ отъ своихъ кліентовъ доплатъ по залогамъ, и такъ какъ большинство обыкновенно не въ состояніи удовлетворить этого требованія, залоги остаются на рукахъ у банкировъ. Другимъ очень могущественнымъ средствомъ для содѣйствія биржевой спекуляціи служатъ спеціальные текущіе (или онкольные) счета (см. выше § 19). Открывая счета подъ обезпеченіе цѣнныхъ бумагъ, банки даютъ спекулянтамъ денежныя средства для дальнѣйшей покупки биржевыхъ цѣнностей и продолженія биржевой игры.

Въ Россіи главнымъ центромъ биржевой игры служитъ петербургская биржа. Нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ тамъ разыгрывалась настоящая биржевая вакханалія, обходившаяся каждый разъ многимъ тысячамъ русскихъ обывателей въ милліоны рублей. Особенно памятными остались событія, разыгравшіяся на петроградской биржѣ въ 1894—1895 гг. Вотъ какъ изображаетъ эти событія одинъ изъ изслѣдователей биржи.

Къ этому времени, подъ вліяніемъ ряда причинъ, значительная часть нашей публики, державшаяся раньше вдали отъ биржи, стала усиленно интересоваться спекуляціей. Биржевые дѣльцы почуяли крупную добычу. Быстро организовались тѣсные кружки, и работа началась. Изъ какихъ-то таинственныхъ, но «вѣрныхъ» источниковъ стали распространяться упорные слухи о расширеніи чахоточныхъ предпріятій, о громадныхъ правительственныхъ за-

казахъ, о предстоящихъ дивидендахъ и выпускахъ новыхъ акцій, словомъ, пущены были въ ходъ всѣ испытанныя средства и уловки, на которыя такъ легко попадается довѣрчивая публика. И бумаги брались съ боя, цѣны чудовищно росли и новоиспеченные спекулянты радостно потирали руки, считая себя чуть не милліонерами. Откуда ни возьмись выплыли акціи такихъ предпріятій, о которыхъ раньше никто ничего и не слыхалъ и которыя въ предсмертной агоніи влачили печальное существованіе, продавая свои бумаги чуть не пудами на оклейку стѣнъ... Не только столичная публика попала въ заколдованный кругъ ажіотажа, но изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій посыпался золотой дождь въ широкіе карманы ловкихъ биржевиковъ. Биржевая игра разрослась до гигантскихъ, небывалыхъ размѣровъ, представляя собою явленіе чрезвычайное. Бумаги покупали съ закрытыми глазами, не обращая никакого вниманія на ихъ внутреннюю стоимость, съ единственной надеждой продать ихъ дороже черезъ какіе-нибудь два, три часа. Въ короткое время многія акціи поднялись на 200, 300%, и масса публики отдавала свои послѣднія сбереженія за тѣ бумаги, максимумъ доходности которыхъ пять, шесть недѣль назадъ не превышалъ 3% [1]).

Въ достопамятное время биржевой игры, говоритъ другой авторъ о тѣхъ же событіяхъ, около банковъ, банкирскихъ конторъ, у биржи появились совершенно дотолѣ незнакомыя, невѣдомыя лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики и просто люди безъ опредѣленныхъ занятій. Соотвѣтственно соціальному положенію всѣ игравшіе разбились на отдѣльныя группы: повиднѣе, побогаче, почопорнѣе ютились въ банкахъ; помельче, порискованнѣе—у банкирскихъ конторъ, оказывавшихъ болѣе льготныя условія по выдачѣ ссудъ (до 90% биржевой цѣны), еще помельче—у мѣнялъ. Вся эта пестрая толпа бѣгала по банкамъ, банкирскимъ конторамъ и мѣняламъ, начиная съ утра. Всѣ игравшіе съ жадностью прислушивались къ тому, что говорилось банкирами и ихъ мелкими служащими, и довѣрчиво, съ упованіемъ на будущія блага, несли на алтарь биржи свои кровныя крохи, забывая, что ихъ совѣтчики такъ же невѣжественны, какъ они сами, но имѣютъ передъ ними одно лишь огромное преимуще-

[1]) В. И. Монигетти. Современная биржа. 1896.

ство—во́ время сбыть опасный товаръ (хотя это имъ не всегда удается) [1]).

Описанныя событія привели къ разоренію легковѣрныхъ игроковъ и обогащенію ловкихъ дѣльцовъ.

Развитію биржевой игры сильно содѣйствуютъ банки открытіемъ спеціальныхъ (онкольныхъ) счетовъ. Игроки, увлекающіеся биржей, получаютъ въ банкахъ кредитъ подъ обезпеченіе цѣнныхъ бумагъ въ видѣ онкольныхъ счетовъ, которыми они и пользуются для пріобрѣтенія новыхъ бумагъ, расчитывая нажиться на повышеніи ихъ курса. Въ виду этого суммы онкольныхъ счетовъ являются довольно вѣрнымъ показателемъ развитія биржевой игры. Судя по этому признаку можно отмѣтить усиленіе у насъ ажіотажа за послѣдніе годы передъ войной. Остатки онкольныхъ счетовъ въ нашихъ банкахъ на 1 янв. 1909 г. составляли 270 милл. руб., а въ 1913 г. они достигли уже 849 милл. руб.

§ 34. Значеніе биржи для мѣнового оборота страны. Биржа—организованный рынокъ съ очень тонко разработанной техникой коммерческихъ сдѣлокъ. Благодаря этому биржевыя операціи совершаются быстрѣе и легче, чѣмъ на обыкновенномъ рынкѣ. Предложеніе и спросъ сосредоточены въ одномъ пунктѣ, операціи производятся въ опредѣленное время и самыя сдѣлки заключаются согласно строго установленнымъ формамъ, пользованіе которыми облегчаетъ дѣло и сберегаетъ время.

Биржевой торгъ происходитъ обыкновенно во всеуслышаніе по группамъ, объединеннымъ интересомъ къ цѣнностямъ или товарамъ опредѣленной категоріи. Продавецъ громко говоритъ: «продаю то-то по такой-то цѣнѣ на такой-то срокъ» или на наличныя. Желающій купить отвѣчаетъ: «покупаю». Тотъ и другой заносятъ сдѣлку въ свои записныя книжки, и дѣло сдѣлано. Правила биржи настолько строги, что заключенная такимъ способомъ сдѣлка признается безспорной, и ни та, ни другая сторона не можетъ уклониться отъ выполненія принятаго на себя обязательства, не рискуя быть удаленной съ биржи. Поэтому моментомъ заключенія сдѣлки является устное заявленіе о покупкѣ въ отвѣтъ на предложеніе продавца; запись же сдѣлки у маклера только формулируетъ детали и окончательно оформливаетъ ее.

[1]) В. Судейкинъ. Биржевая игра на петербургской биржѣ. Журн. Юрид. Общ. 1897. X. См. также у Левина, цит. соч., стр. 212.

На нѣкоторыхъ биржахъ (напр., въ Америкѣ) цѣны какъ заявляемыя во время торга, такъ и заключительныя провозглашаются особымъ глашатаемъ (по-англ. public call—публичное провозглашеніе).

Независимо отъ техническихъ удобствъ биржа имѣетъ и другія важныя преимущества.

По отношенію къ торговлѣ товарами эти преимущества заключаются въ слѣдующемъ. Биржевой торгъ ведется по образцамъ и пробамъ, вслѣдствіе чего устраняются расходы на перевозку товаровъ. Благодаря сосредоточенію на биржѣ въ большихъ размѣрахъ спроса и предложенія, быстрому полученію биржевымъ собраніемъ свѣдѣній о всѣхъ событіяхъ, могущихъ вліять на теченіе коммерческихъ дѣлъ, а также о настроеніи другихъ рынковъ, и, наконецъ, при наличности на биржѣ значительнаго числа лицъ компетентныхъ въ оцѣнкѣ товаровъ—отдѣльнымъ участникамъ торга облегчается знакомство съ положеніемъ рынка въ цѣломъ, безъ чего правильное веденіе дѣлъ затруднительно. Въ этомъ отношеніи имѣетъ также очень важное значеніе гласность, господствующая на биржѣ: сдѣлки заключаются у всѣхъ на виду, цѣны не составляютъ тайны. Всѣ движенія цѣнъ на крупныхъ биржахъ немедленно отмѣчаются и передаются по телеграфу и телефону въ другія мѣста, такъ что операціи, совершающіяся въ другихъ торговыхъ пунктахъ страны и даже въ другихъ странахъ, подвергаются вліянію того, что происходитъ въ крупныхъ биржевыхъ центрахъ. Въ Россіи для фондовъ такое значеніе принадлежитъ петроградской биржѣ. Биржевые курсы въ Москвѣ устанавливаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петрограда. Наконецъ, заключеніе сдѣлокъ на срокъ обезпечиваетъ своевременное снабженіе рынка товарами, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятныя цѣны.

Что касается фондовой биржи, то значеніе ея связано съ ея ролью, какъ централизованнаго рынка цѣнныхъ бумагъ. Биржевыя цѣнности въ видѣ акцій, облигацій и всякаго рода займовъ ежегодно выбрасываются на рынокъ на милліарды рублей. Покупка и продажа ихъ были бы крайне затруднены, если бы не существовало пунктовъ, гдѣ сосредоточивались бы спросъ и предложеніе цѣнныхъ бумагъ. Выгоды подобнаго сосредоточенія относятся въ равной мѣрѣ къ товарамъ и цѣннымъ бумагамъ.

Изложенныя преимущества биржи необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ ея значенія. Какъ ни серьезны отрицательныя явленія, связанныя съ биржей, нельзя упускать изъ вида, что экономическій строй, основанный на обмѣнѣ, не можетъ обойтись безъ биржи. Биржа составляетъ такой же органическій продуктъ современнаго экономическаго порядка, какъ деньги, кредитъ и рынокъ, одинъ изъ видовъ котораго она составляетъ. При существованіи сколько-нибудь развитого обмѣна не можетъ не существовать рынка, какъ средоточія мѣновыхъ сдѣлокъ. Биржа же—только усовершенствованный рынокъ. Она продуктъ прогресса коммерческой техники при экономическомъ строѣ, основанномъ на обмѣнѣ,—прогресса, который обусловливается присущимъ человѣку стремленіемъ изыскивать пути къ возможно болѣе легкому и скорому достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей.

Поэтому, несмотря на присущія ей отрицательныя стороны, биржа не можетъ быть упразднена до тѣхъ поръ, пока движеніе хозяйственныхъ благъ совершается при посредствѣ обмѣна. При существующемъ экономическомъ строѣ можно говорить только о *реформѣ* биржи, о принятіи мѣръ къ ея оздоровленію. Это одна изъ самыхъ сложныхъ и въ высшей степени важныхъ задачъ экономической политики.

§ 35. Биржа и международный оборотъ. Биржа находится въ тѣсной связи съ явленіями международнаго оборота. Деньги, векселя и цѣнныя бумаги, служащіе объектами торга на фондовыхъ биржахъ, отличаются большой подвижностью. Это въ особенности относится къ векселямъ и цѣннымъ бумагамъ. Легко передвигаясь изъ одной страны въ другую, они въ гораздо большей степени, чѣмъ товары, носятъ характеръ международныхъ цѣнностей, для которыхъ отечествомъ служитъ страна, гдѣ за нихъ дороже платятъ. При ихъ помощи регулируются международные платежи, вытекающіе изъ товарообмѣна, совершающагося между разными странами. Кромѣ того, различная на разныхъ биржахъ высота курсовъ однѣхъ и тѣхъ же цѣнностей является для спекуляціи побужденіемъ къ покупкѣ и перепродажѣ денежныхъ знаковъ, векселей и цѣнныхъ бумагъ ради полученія прибыли. Благодаря тому, что биржевыя операціи обыкновенно совершаются на крупныя суммы, ничтожный, повидимому, барышъ въ $^1/_4$—$^1/_2$% слу-

жить уже достаточнымъ стимуломъ для совершенія сдѣлокъ, ведущихъ къ передвиженію цѣнностей изъ одной страны въ другую. Спекуляція относится съ особеннымъ вниманіемъ къ международному обороту, находя въ немъ широкое поле для дѣятельности, вслѣдствіе чего сдѣлки этого рода играютъ выдающуюся, если не первенствующую роль на современныхъ биржахъ. Въ связи съ международнымъ оборотомъ получилъ широкое развитіе международный арбитражъ, служащій средствомъ урегулированія международныхъ платежей и орудіемъ спекулятивныхъ сдѣлокъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Международные платежи регулируются разными способами: при помощи денегъ, векселей и цѣнныхъ бумагъ.

Если въ уплату долга за границей приходится посылать деньги въ иностранной валютѣ, то требуемые денежные знаки пріобрѣтаются, главнымъ образомъ, на биржѣ. Тамъ торгуютъ деньгами въ буквальномъ смыслѣ слова: покупаютъ и продаютъ денежные знаки иностранныхъ государствъ. При этомъ цѣна денегъ, какъ и всякаго другого товара, колеблется ближайшимъ образомъ въ зависимости отъ спроса и предложенія. При усиленномъ спросѣ на валюту какой-нибудь страны лица, имѣющія на рукахъ денежные знаки этой страны, склонны повышать на нихъ цѣну; и наоборотъ.

Цѣна иностранныхъ денегъ, какъ предмета торговли, называется ихъ *курсомъ*. Такимъ образомъ, курсъ денегъ представляетъ цѣну валюты одной страны, выраженную въ валютѣ другой страны. Напримѣръ, цѣна франковъ въ рубляхъ составляетъ курсъ франковъ. Денежный курсъ, неизбѣжно представляющій собою колеблющуюся величину, принято сравнивать съ величиной постоянной, которая называется денежнымъ *паритетомъ*. Для металлическихъ валютъ, *денежныя единицы которыхъ чеканятся изъ одного металла*, паритетъ представляетъ отношеніе между этими единицами, поскольку оно зависитъ отъ вѣса и пробы содержащагося въ нихъ матеріала.

Русскій полуимперіалъ (новаго чекана) въ 7 руб. 50 к., по содержанію золота и пробѣ, въ точности равенъ 20 франкамъ; слѣдовательно, паритетъ нашей валюты съ французской будетъ 100 франковъ=37 р. 50 к., или 1 фр.=0,3750 р., съ германской

(7 р. 50 к.=20 фр.=16,20 мар.)—100 рублей=216 мар., или 1 рубль=2,16 мар. [1]).

Если опредѣляется паритетъ валютъ, основанныхъ на различныхъ металлахъ, то отношеніе между денежными единицами зависитъ не только отъ вѣса и пробы, но также и отъ относительной цѣны металловъ. Напримѣръ, нашъ русскій серебряный рубль (новаго чекана) чеканится по такому расчету, что изъ 1 килограмма чистаго серебра выходитъ $55{,}55^5/_9$ «кружковъ» 0,900 пробы; такимъ образомъ, 1000 кружковъ вѣсятъ 20 килогр., или 643,014 англ. унц. [1]), а заключающееся въ нихъ чистое серебро—18 килогр., или 578,713 англ. унц. При цѣнѣ серебра въ 45 пенсовъ въ Лондонѣ за штандартъ-унцъ (т.-е. брутто)=48,649 пенсовъ за унцъ чистаго серебра, паритетъ нашего серебрянаго рубля съ германскими марками будетъ 100 сер. рублей=239,6 марокъ. При другой цѣнѣ серебра, конечно, измѣнится и паритетъ [2]).

Если курсъ денегъ совпадаетъ съ паритетомъ, то говорятъ, что курсъ стоитъ *al pari*; въ противномъ случаѣ курсъ называ-

---

[1]) Нижеслѣдующая таблица показываетъ паритеты денежныхъ монетныхъ единицъ главнѣйшихъ государствъ.

	Рубль 17,424 долл.	Фунтъ стерлингъ.	Франкъ.	Марка.	Гульденъ голландскій.	Крона австрійская.	Долларъ.	Кронъ датскій.
Рублей . . .	1	9,4576	0,3750	0,4629	0,7812	0,3938	1,9434	0,5208
Пенсовъ . . .	25,376	240	9,5157	11,7477	19,8230	9,9927	49,316	13,216
Франковъ . .	2,6668	25,2215	1	1,2346	2,0832	1,0501	5,1826	1,3889
Марокъ . . .	2,1601	20,4294	0,8100	1	1,1874	0,8506	4,1679	1,125
Гульд. голл. .	1,2801	12,1071	0,4800	0,5926	1	0,5541	2,4878	18,4415
Кронъ австр. .	2,5395	24,0174	0,9522	1,1756	1,9837	1	4,9352	10,9290
Долларовъ . .	0,5146	4,8666	0,1930	0,2382	0,4020	0,2026	1	0,2680
Датск., шведск. и норв. кронъ.	1,9201	18,1595	0,7200	0,8889	4,4999	0,7561	3,7315	1

[2]) 1 монетная унція $= 7{,}_{291}$ золотн. Штандартное серебро (Standart Silver) $0{,}_{925}$ пробы.

ется высокимъ или низкимъ. Напримѣръ, при усиленномъ спросѣ на франки лица, обладающія ими, могутъ продавать ихъ выше 37,50 рублей за 100 франковъ, т.-е. выше паритета: по 37 р. 60 к. или 37 р. 65 к. и т. д. И, наоборотъ, если спросъ на франки слабъ, то продавцы ихъ будутъ склонны идти на уступки: отдавать 100 франк. за 37 руб. 45 к. или 37 р. 40 к. и т. д.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ международные платежи регулируются не путемъ посылки денегъ, а при помощи векселей и чековъ. Посылка денегъ сопряжена съ хлопотами, потерей времени, рискомъ и расходами. Поэтому предпочитаютъ всегда, когда это возможно, пользоваться иными способами, болѣе дешевыми и удобными. Однимъ изъ такихъ способовъ и служитъ производство платежей при помощи векселей и чековъ.

Представимъ себѣ сначала операцію погашенія международныхъ платежей такъ, какъ если бы индивидуальнымъ кредиторамъ и должникамъ пришлось бы вступать между собою въ непосредственныя отношенія. Тогда представилась бы такая картина.

Уплата долга иностранному кредитору при помощи векселя можетъ быть произведена нѣсколькими способами.

1. Должникъ покупаетъ на мѣстной биржѣ вексель на то мѣсто, гдѣ живетъ кредиторъ, и, конечно, на соотвѣтствующую сумму и посылаетъ его въ уплату своего долга. Напримѣръ, московскій купецъ А, которому нужно уплатить парижскому купцу Б 1,000 франковъ, покупаетъ на московской биржѣ вексель, по которому парижскій купецъ В обязанъ заплатить векселедержателю 1,000 фр., и посылаетъ этотъ вексель своему кредитору Б, который получаетъ съ В слѣдуемую ему сумму. Подобный вексель называется *римессой*.

2. Должникъ проситъ кредитора написать (*трассировать*) на него, должника, переводный вексель (приказъ объ уплатѣ) и, продавъ послѣдній на мѣстной биржѣ, получить вырученную отъ продажи сумму въ уплату долга. Согласно подобной просьбѣ парижскій купецъ Б трассируетъ вексель на московскаго купца А, т.-е. пишетъ ему приказъ уплатить векселедержателю такую-то сумму въ рубляхъ; при чемъ высчитываетъ эту сумму такъ, чтобы отъ продажи векселя на парижской биржѣ получилось 1,000 фр.; если, напримѣръ, въ Парижѣ даютъ 100 фр. за вексель на Москву на 37 руб. 50 коп., то Б напишетъ вексель на 375 руб.

Такой вексель называется *траттой*. Разумѣется, на должникѣ лежитъ обязательство уплатить предъявителю тратты слѣдуемую сумму. Если у Б купилъ тратту на Москву парижскій купецъ Д., который долженъ заплатить 375 руб. московскому купцу Е., то А долженъ будетъ уплатить Е эту сумму, когда тотъ предъявитъ ему вексель (тратту), полученный имъ отъ его парижскаго должника.

3. Наконецъ, можно произвести уплату заграничнаго долга при помощи векселя, написаннаго не на мѣсто жительства кредитора, а на какое-нибудь другое мѣсто. Напримѣръ, московскій купецъ посылаетъ своему парижскому кредитору вексель на Лондонъ; кредиторъ же продаетъ его въ Парижѣ и выручаетъ сумму своего долга.

Нетрудно представить себѣ затрудненія, съ которыми встрѣтилось бы лицо, желающее купить вексель на какой-нибудь заграничный городъ, если бы ему, какъ предполагалось выше, пришлось имѣть дѣло непосредственно съ продавцами векселей. Прежде всего могло бы не оказаться векселей именно на тотъ городъ, гдѣ долженъ быть произведенъ платежъ. Затѣмъ могло бы не оказаться векселей какъ разъ на такую сумму, какая нужна покупателю; а если бы пришлось для составленія требуемой суммы купить у разныхъ лицъ нѣсколько векселей, то эти векселя могли бы оказаться на разные сроки. Подобныя же затрудненія испытывали бы и продавцы векселей.

Указанныя затрудненія легко устраняются благодаря посреднической роли банковъ. Они скупаютъ обращающіеся на рынкѣ иностранные векселя и уже отъ себя продаютъ собственные векселя на любыя суммы и сроки, въ видѣ чековъ, которые они выдаютъ на своихъ заграничныхъ корреспондентовъ. Свои же счета съ ними они покрываютъ путемъ пересылки имъ скупленныхъ на данномъ рынкѣ векселей. Такимъ образомъ лицо, которому нужно произвести платежъ заграницей, вноситъ соотвѣтствующую сумму въ банкъ и получаетъ чекъ, который пересылаетъ своему кредитору. Что же касается покупки векселей и регулированія международныхъ платежей съ ихъ помощью, то эта операція производится банками [1]).

---

1) См. статью „Вексельный курсъ“ З. С. Каценеленбаума въ „Новомъ Словарѣ“ Брокгауза.

Тратты и римессы составляютъ разные виды векселей, написанныхъ въ иностранной валютѣ и подлежащихъ уплатѣ за границей. Такіе векселя называются общимъ именемъ *девизъ*.

Девизы продаются и покупаются. Цѣна девизы, выраженная въ валютѣ, называется *вексельнымъ курсомъ*.

Вексельный курсъ сравнивается съ паритетомъ валюты, въ которой онъ написанъ. Напр., если за векселъ въ 100 фр. на Парижъ даютъ въ Москвѣ 37 р. 50 к., то вексельный курсъ на Парижъ стоитъ въ Москвѣ al pari, т.-е. совпадаетъ съ паритетомъ. Если же за векселъ въ 100 фр. даютъ 37 р. 65 к. или 37 р. 40 к., то въ первомъ случаѣ вексельный курсъ выше «пари», а во второмъ ниже.

Колебанія векселнаго курса ограничены извѣстными предѣлами. Если вексельный курсъ поднимается до такого уровня, что расходы по пересылкѣ денегъ въ монетѣ оказываются ниже разницы между паритетомъ и курсомъ, то выгоднѣе послать въ уплату долга заграничному кредитору деньги, а не векселъ. Поэтому вексельный курсъ можетъ повыситься надъ денежнымъ паритетомъ только до того предѣла, за которымъ пересылка денегъ уже становится выгоднѣе расплаты посредствомъ покупки векселя. При такомъ состояніи векселнаго курса золото будетъ вывозиться изъ страны. Поэтому, когда вексельный курсъ достигъ этого предѣла, говорятъ, что онъ повысился до *золотой точки вывоза золота*. Обратное положеніе устанавливается тогда, когда вексельный курсъ падаетъ такъ низко, что является выгоднымъ скупать векселя и, продавая ихъ заграницей, ввозить золото. Въ такомъ случаѣ говорятъ, что вексельный курсъ упалъ до *золотой точки ввоза золота*.

Такимъ образомъ колебанія курса векселей ограничены золотыми точками. По расчету М. И. Боголѣпова, золотая точка вывоза золота изъ Петрограда въ Парижъ, напр., составляла до войны 37,58 руб. за 100 фр., а золотая точка ввоза 37,40 руб. Имѣя это въ виду можно по вексельному курсу заключать о движеніи золота.

§ 36. Денежный рынокъ, или рынокъ капиталовъ. Деньги въ видѣ денежныхъ суммъ или капиталовъ могутъ служить, какъ товары, предметомъ спроса и предложенія. Поэтому можно говорить и о денежномъ рынкѣ, или рынкѣ капиталовъ въ томъ же смыслѣ, въ

какомъ говорятъ о рынкѣ товарномъ. [1]) Понятіе денежнаго рынка заключаетъ въ себѣ представленіе о совокупности пунктовъ, въ которыхъ совершаются сдѣлки между лицами, ищущими капиталовъ, и тѣми, которыя предлагаютъ ихъ. Деньги не могутъ служить предметомъ купли-продажи, но онѣ могутъ переходить въ собственность отъ одного лица къ другому при помощи кредитныхъ сдѣлокъ, учета векселей, ссудъ подъ залогъ цѣнностей и т. п.

Условіями такого перехода являются: плата за пользованіе деньгами въ видѣ $^0/_0$, уплачиваемаго кредитору кредитуемымъ лицомъ, и обязательство послѣдняго возвратить полученную имъ сумму въ срокъ, указанный въ договорѣ. При этомъ высота $^0/_0$ зависитъ отъ состоянія денежнаго рынка: если онъ находится въ «стѣсненномъ» состояніи, т.-е. предложеніе денегъ относительно невелико, плата за пользованіе ими будетъ высока; при обратномъ условіи она будетъ низка.

Денежный рынокъ удовлетворяетъ потребности въ денежныхъ средствахъ на короткіе и долгіе сроки. Потребности перваго рода удовлетворяются съ помощью учета векселей и краткосрочныхъ ссудъ.

Для удовлетворенія потребности въ деньгахъ въ цѣляхъ болѣе или менѣе прочнаго помѣщенія ихъ существуютъ иные способы, чѣмъ тѣ, которыми пользуются для полученія текущихъ средствъ на краткіе сроки. Устроители новаго предпріятія, ищущіе капитала, необходимаго для того, чтобы пустить дѣло въ ходъ, или участники уже существующаго предпріятія, желающіе увеличить капиталъ, которымъ они оперируютъ, прибѣгаютъ для достиженія своихъ цѣлей къ кредиту: они выпускаютъ акціи или облигаціи, и если находятся покупатели, пріобрѣтающіе предлагаемыя имъ бумаги, образуется требуемый капиталъ. Ипотечные банки, удовлетворяющіе потребности землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ долгосрочномъ кредитѣ на покупку и улучшеніе земли, выдаютъ ссуды своимъ заемщикамъ въ видѣ закладныхъ листовъ, которые продаются затѣмъ на денежномъ рынкѣ.

---

[1]) См. Бэджготъ. „Ломбардстритъ“, перев. подъ редакціей и съ вступительной статьей Эпштейна; Витгерсъ „Денежный рынокъ“ 1914. (Переводъ книги Withers. The meaning of money). Эти двѣ книги описываютъ организацію банковаго механизма въ Англіи. Въ дополненіе см. главу „Русскій денежный рынокъ“ въ „Русскомъ биржевомъ Ежегодникѣ“.

Тѣмъ же путемъ добываются средства общественными учрежденіями и государствомъ, когда они прибѣгаютъ къ кредиту. Желая собрать извѣстную сумму при помощи займа, государство, городъ или земство прибѣгаютъ къ выпуску облигацій; и если послѣднія раскупаются, учрежденіе, прибѣгшее къ выпуску, получаетъ необходимую сумму.

Выпускъ цѣнныхъ бумагъ называется *эмиссіей*, или эмиссіонной операціей, которую слѣдуетъ отличать отъ выпуска банковыхъ билетовъ, обозначаемаго тѣмъ же терминомъ.

Предложеніе денежныхъ капиталовъ, т.-е. количество денежныхъ суммъ, которыя можно получить въ кредитъ въ качествѣ капиталовъ, очень различно въ разныхъ странахъ и въ разное время въ одной и той же странѣ. Чѣмъ страна богаче, тѣмъ обширнѣе въ ней кругъ лицъ, обладающихъ свободными денежными средствами, и тѣмъ быстрѣе въ ней происходитъ и приращеніе этихъ избытковъ путемъ накопленія: страна, въ которой широко развито благосостояніе, богата и капиталами. Существованіе состоятельнаго меньшинства при общей бѣдности населенія не составляетъ условія, благопріятнаго для накопленія денежныхъ капиталовъ. Въ наше время денежные капиталы образуются большею частью изъ мелкихъ вкладовъ, дѣлаемыхъ въ кредитныя учрежденія (банки, сберегательныя кассы и пр.). Эти учрежденія служатъ какъ бы резервуарами, въ которые деньги стекаются небольшими ручьями и откуда онѣ вытекаютъ большими потоками. Источники денежныхъ ручьевъ составляютъ доходы частныхъ лицъ и учрежденій. Если эти источники скудны, то и денежные резервуары страны пусты, и въ такомъ случаѣ и предложеніе капиталовъ не можетъ быть значительно. Россія бѣдна капиталами, потому что она вообще бѣдна. По этой причинѣ правительству и частнымъ предпринимателямъ, желающимъ воспользоваться кредитомъ въ широкихъ размѣрахъ, приходится обращаться за границу.

Рынкомъ для продажи и покупки цѣнныхъ бумагъ, выпускаемыхъ учрежденіями и предпріятіями, нуждающимися въ капиталахъ, служитъ биржа. Здѣсь сосредоточиваются спросъ и предложеніе капиталовъ въ формѣ цѣнностей, ищущихъ покупателей, и денегъ, ищущихъ долгосрочнаго помѣщенія.

Продажа и покупка фондовъ, совершающіяся на биржѣ, являются ни чѣмъ инымъ какъ формой движенія капиталовъ. Когда продаются акціи или облигаціи, капиталъ извлекается продавцами изъ предпріятій, выпустившихъ проданныя бумаги; когда покупаются биржевыя цѣнности, капиталъ помѣщается въ соотвѣтствующія бумаги; а когда продаются однѣ бумаги, и на вырученныя деньги покупаются другія, то происходитъ перемѣщеніе капиталовъ.

Фондовая биржа исполняетъ въ капиталистическомъ строѣ функцію распредѣлителя капиталовъ. Она составляетъ вмѣстѣ съ банками необходимый элементъ денежнаго рынка.

Банки и биржа—части одного и того же сложнаго механизма, органически связаннаго съ денежно-кредитной системой страны и капиталистическими основами народнаго хозяйства.